Академик А. А. Шахматов

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

УЧПЕДГИЗ
1941

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Надо*
9	12 сверху	признаки общности территории экономической жизни.	признак общности экономической жизни.
22	5 „	логический	логический,

Шахматов. Очерк соврем. русск. литерат. языка. Зак. 183.

Академик А. А. Шахматов

9
Ш-314
1955
1955

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1948 г.

Издание четвертое

Н 62311.
БИБЛИОТЕКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО Ф-Т
Л Г У.

С вводной статьей проф. С. И. БЕРНШТЕЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА
1941

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Четвертое издание «Очерка современного русского литературного языка» перепечатано с третьего, выпущенного под ред. акад. С. П. Обнорского в 1936 году.

В настоящее издание внесены следующие изменения:

1) Переработана и расширена вводная статья проф. С. И. Бернштейна.

2) В текст «Очерка» (на стр. 100 и 103) вставлены две таблицы гласных и согласных звуков московского наречия. (Таблицы взяты из литографированного «Курса истории русского языка» акад. А. А. Шахматова, ч. I, изд. 2-е, СПБ 1910—1911.)

3) В конце книги даны три приложения:

а) статья акад. А. А. Шахматова «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка». (Статья перепечатана из «Истории русской литературы до XIX века» под ред. А. Е. Грузинского, т. I, 1916, стр. 39—63.)

б) Введение к I выпуску «Синтаксиса русского языка» акад. А. А. Шахматова (Л. 1925, стр. 1—31).

в) Введение ко II выпуску «Синтаксиса» (Л. 1927, стр. 1—15).

Перечисленные статьи помещены здесь с целью дать в одной книге необходимые для студентов труды акад. А. А. Шахматова по современному русскому литературному языку.

Текст «Очерка» перед сдачей в печать был заново сверен по указаниям проф. С. И. Бернштейна.

А. А. ШАХМАТОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

I. Биографические сведения.

Научная деятельность академика Алексея Александровича Шахматова (1864—1920) представляет собой одну из самых блестящих глав истории русской филологии. Две особенности в первую очередь характеризуют Шахматова как ученого: редкая для его эпохи широта тематики и, в то же время, яркая целеустремленность всей его сорокалетней научной деятельности, в конечном счете направленной к разрешению единой основной проблемы. Он создал ряд основополагающих трудов по истории и диалектологии русского языка, по современному русскому языку, по изучению русских летописей, по сравнительной грамматике славянских языков, по исторической этнографии Восточной Европы. Но тематическое ядро этой многосторонней исследовательской работы на протяжении всей жизни Шахматова остается неизменным: это — проблема возникновения и становления русского народа и его культуры в отражении языка и письменности[1].

[1] Основные труды А. А. Шахматова, в которых содержатся последние результаты и обобщения его исследований:

а) по истории русского языка в связи с диалектологией, сравнительной грамматикой славянских языков и древнейшей историей славянского и русского племени: «Курс истории русского языка» (Литогр.; ч. I, изд. 2-е, СПБ 1910—1911; ч. II, изд. 2-е, СПБ 1911—1912; ч. III, СПБ 1909—1910; Учпедгизом подготовляется новое издание III части, содержащей историю склонения); «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Пг. 1915) составляет вып. 11-й «Энциклопедии славянской филологии», издававшейся Отделением русского языка и словесности Академии наук; «Введение в курс истории русского языка», ч. I (Пг. 1916); «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» (в коллективном труде «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг. 1916); «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» (в коллективном труде «История русской литературы до XIX в.», под редакцией А. Е. Грузинского, т. I, М. 1916; перепечатано, в качестве приложения, в настоящем издании); «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг. 1919);

б) по современному русскому литературному языку: «Очерк современного русского литературного языка» (курс, читанный в СПБ Университете в 1911/12 и 1912/13 уч. годах; литогр. изд. — СПБ 1913; 1-е печатное изд. — Лг. 1925; 2-е — М. 1930; 3-е — М. 1936; настоящее 4-е — М. 1941); «Синтаксис русского языка» (посмертно: вып. I — Л. 1925; вып. II — Л. 1927; Учпедги-

Необычайно рано, уже в десятилетнем возрасте, наметил он с полной определенностью основную тему своих научных изысканий и не изменял ей ни на час в последующие сорок шесть лет своей жизни. Истоком его научного развития послужил зародившийся еще в детстве интерес к древнейшей эпохе русской истории, к проблеме происхождения русского народа и возникновения русской государственности. Очень быстро он усмотрел связь между этими вопросами и сравнительным языкознанием, открывающим путь к использованию языка в качестве исторического источника. Интерес к истории языка становится у него доминирующим. Он приступает к систематическим занятиям по языкознанию под руководством виднейших лингвистов; среди его руководителей — московские профессора В. Ф. Миллер, Ф. Е. Корш и, главным образом, Ф. Ф. Фортунатов — первый в русской науке представитель «младограмматического» направления, крупнейший специалист по сравнительной грамматике и основатель «московской», или «сравнительно-исторической» школы русского языкознания, конкурировавшей с «казанской», «психологической» школой И. А. Бодуэна де-Куртенэ. Шахматов становится ближайшим учеником Фортунатова. Методология Фортунатова наложила яркую печать на труды Шахматова по исторической грамматике русского языка и по сравнительной грамматике славянских языков и была им преодолена только в последних работах, посвященных современному русскому языку.

Первые научные выступления Шахматова относятся еще к гимназической поре его жизни. Гимназистом VI класса, в 1881 году, он вступает в переписку с И. В. Ягичем — авторитетнейшим славистом, петербургским академиком и редактором издававшегося в Берлине журнала «Archiv für slavische Philologie». В том же году он печатает в V томе этого журнала результаты своих наблюдений над языком древнерусских памятников; в VI томе (1882) появляется вторая его работа в этой области, а в VII томе (1883) — его рецензия на магистерскую диссертацию А. И. Соболевского, на защите которой в Московском университете он выступил неофициальным оппонентом.

В 1883 г. Шахматов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Еще студентом он напечатал первый из своих основных трудов — «Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века» (1886) и в 1887 г., по окончании университета, был оставлен при кафедре русского языка и словесности. В 1890 г. он закончил магистерские экзамены и, получив звание приват-доцента, приступил к чтению курса истории русского языка, однако по истечении семестра прекратил преподавательскую деятельность и возобновил ее только через 18 лет в качестве

зом подготовлено 2-е издание; введения к I и ко II выпускам перепечатаны в качестве приложения в настоящем издании);

в) по изучению русских летописей: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПБ 1908); «Повесть временных лет», т. I (Пг. 1916); «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (посмертно: М. 1938); «Повесть временных лет и ее источники» (посмертно: «Труды Отдела древнерусской литературы», Академия наук СССР, т. IV, Лг. 1940).

профессора Петербургского университета (1908—1920). В 1894 г. он защитил в Московском университете диссертацию «Исследования в области русской фонетики» и получил докторскую степень, минуя степень магистра. В том же году избран адъюнктом Академии наук, а в 1897 г. — академиком.

Избрание в Академию расширило круг деятельности Шахматова, включив в него организационные задачи, число которых непрерывно возрастало и которые тем не менее не отвлекали его от интенсивной исследовательской работы. Сюда относится редактирование «Словаря русского языка» (с 1894 г.), «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук» (с 1896 г.), «Материалов для изучения великорусских говоров» (с 1896 г.), ряда томов «Полного собрания русских летописей» и других изданий Археографической Комиссии и Отделения этнографии Русского Географического Общества, заведование I отделением академической библиотеки, председательство в Отделении русского языка и словесности Академии наук (с 1906 г.), организация диалектологических исследований, составление программы для собирания особенностей русских говоров и многое другое. Особо следует упомянуть о роли Шахматова в реформе орфографии: он принимал ближайшее участие в работах Орфографической комиссии и подкомиссии при Академии наук (1904 и 1910—1912) и защищал реформу в печати[1]; 11 мая 1917 г. под его председательством в Академии наук состоялось совещание, окончательно установившее пункты вслед за тем осуществленной реформы. Эта кипучая и неутомимая деятельность, исследовательская, организационная и преподавательская, сделала Шахматова центральной фигурой русской филологии и организатором научной разработки русского языка на протяжении четверти столетия (1895—1920); результаты его исследований частью включились в науку в качестве прочного ее достояния, методологического и вещественного, частью послужили и продолжают служить объектом критики и мощным импульсом для дальнейших научных изысканий[2].

[1] См. его полемическую статью «Audiatur et altera pars» в газете «Русь» от 10 мая 1904 г.; в основной части перепечатана в книжке В. И. Чернышева «Упрощение русского правописания» (по 3-му изд., Тверь 1913, стр. 61—65).

[2] Биографии, характеристике личности и оценке научного наследия Шахматова посвящены следующие книги, статьи и страницы: «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXV, 1920 (Пг. 1922); «А. А. Шахматов» (вып. VIII серии «Очерки по истории знаний», изд. Академии наук СССР, Л. 1930); записка акад. А. Ф. Бычкова «Об ученых трудах доктора русского языка и словесности А. А. Шахматова» («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 63, СПБ 1897, стр. XX—XXIV: Приложение I к «Извлечениям из протоколов заседаний Отделения русского языка и словесности» за 1894 г.); В. В. Виноградов, А. А. Шахматов (Пг. 1922); Б. М. Ляпунов, Памяти акад. А. А. Шахматова (Обзор его лингвистических трудов) («Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXVIII, 1923; т. XXIX, 1924); Е. Ф. Карский, Очерк научной разработки истории русского языка в пределах СССР (Лг. 1926, «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР», т. 101, № 1, стр. 77—87); Е. А. Масальская, Повесть о брате моем А. А. Шахматове, ч. I (М. 1929); В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1-й (М. 1939, стр. 69—96); и мн. др. В первых двух из указанных изданий помещены краткая автобиография и полный перечень трудов Шахматова, а во втором из них — также и библиография о Шахматове.

II. Методология лингвистических исследований.

1. К тому времени, когда Шахматов начинал свою исследовательскую деятельность, в европейском языкознании обозначились два различных направления интересов, в основе которых лежало (правда, не всегда осознанное) различие концепций языка.

Одна часть лингвистов замыкалась в области сравнительной грамматики и либо отрицала, либо игнорировала (если не в принципе, то на деле) проблему связи языка с социальным коллективом (племенем, народом) — носителем языка. Типичными представителями этого направления явились лингвисты «младограмматической школы», выступившие сомкнутым строем незадолго до появления первых работ Шахматова («Morphologische Untersuchungen» Бругмана и Остхофа в 1878 г., «Prinzipien der Sprachgeschichte» Пауля в 1880 г.). Их точка зрения по данному вопросу разделялась и другими исследователями, стоявшими в оппозиции к ним во многих других отношениях. С наибольшей яркостью сформулирован этот взгляд как раз одним из их противников, Ф. де-Соссюром, в заключительной фразе его «Курса общей лингвистики»: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [1].

Такое направление исследования предполагает взгляд на язык как на некую обособленную сферу явлений, допускающую изучение в отрыве от других областей социальной жизни. Этот принцип стоит в прямом противоречии с замечанием Маркса и Энгельса: «Ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства; они суть только проявления действительной жизни» [2].

Противоположное направление представляли Якоб Гримм, Пикте, Ген, Фик, Шрадер, капитальный труд которого «Sprachvergleichung und Urgeschichte» («Сравнительное языкознание и первобытная история») вышел первым изданием в 1883 г. Принципиальную и яркую формулировку этого взгляда дал Якоб Гримм: «Я хотел не только строить дома, но и жить в них, — писал он в предисловии к «Истории немецкого языка»; — мне представлялась заслуживающей внимания попытка... извлечь пользу для истории из исследования языка» [3]. В первой половине 80-х годов этим методом исторического исследования воспользовался Фридрих Энгельс в своем труде «Франкский диалект» [4].

Учитель Шахматова Фортунатов не отвергал этого принципа и не высказывал взглядов, подобных приведенной мысли де-Соссюра; наоборот, он отмечал, «что изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями» [5], но, сосредоточившись на проблемах сравнительной

[1] Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики. Перевод с франц. А. М. Сухотина под ред. Р. И. Шор, М. 1933, стр. 207. Это — посмертный труд де-Соссюра, вышедший первым изданием в 1916 г.

[2] Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат. 1934, стр. 435.

[3] J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, Leipzig 1848, стр. XIII.

[4] Опубликован впервые (на немецком и русском языках) Партиздатом ЦК ВКП(б) в 1935 г.

[5] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение (Общий курс). Лекции, читанные в 1901/02 ак. году. Литогр., М. 1902, стр. 5.

грамматики, он не имел случая применить этот принцип в своей исследовательской практике.

Второе течение было представлено в русском языкознании учеными, с которыми Шахматов не приходил в личное соприкосновение, — акад. И. И. Срезневским, жившим в Петербурге и умершим в 1880 г., когда Шахматову было 16 лет, и акад. Ф. И. Буслаевым, московским профессором, уже в 60-х годах сменившим занятия русским языком на изучение древней русской литературы, устной народной словесности и древнерусского искусства.

Замечательно, что Шахматов, испытавший сильнейшее методологическое влияние со стороны Фортунатова, во многом разделявший вместе с ним взгляды «младограмматиков», в кардинальном вопросе о взаимоотношении истории языка и истории общества последовал не за ним, а за Срезневским и Буслаевым. Особенно сильное впечатление произвел на него ранний труд Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844), ярко отразивший научные устремления Якоба Гримма. В речи, посвященной памяти Буслаева, Шахматов дал высокую оценку II тому этого труда, в котором «перед нами действительно раскрывается широкая картина исторического развития русского народа» [1].

Основной методологический принцип Шахматова, обусловивший также и тематический размах его исследований, утверждает неразрывную связь между «историей языка» и «историей его носителя, народа» [2]. «В своих лингвистических построениях, в своей работе над восстановлением языка прошлых эпох, — пишет он, — историк языка должен искать постоянную опору в истории изучаемого им народа. Жизнь языка протекает параллельно и согласно с другими явлениями из жизни народной... Историк языка в праве отождествлять открытое им явление с соответствующим явлением народной жизни. Факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непререкаемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа» [3].

Такой выбор был для Шахматова естественным, если не единственно возможным: к языкознанию он пришел от истории; история языка была для него лишь частью общей проблемы исторических судеб русского народа и в известной мере орудием изучения этой проблемы. При помощи усвоенных им от Фортунатова виртуозных приемов сравнительной грамматики он реконструирует не засвидетельствованный письменными памятниками «общерусский»

---

[1] «Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым, И. Н. Ждановым и В. А. Воскресенским», СПБ 1898, стр. 10—11. Сжатую, но яркую характеристику Буслаева как лингвиста Шахматов дал также в «Курсе истории русского языка», ч. I, изд. 2-е, стр. 398—399.

[2] «Введение в курс истории русского языка», стр. 9.

[3] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11 и 13. Ср. И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849), изд. 2-е, СПБ 1887, стр. 3: «История языка, нераздельная с историей народа, должна входить в народную науку, как ее необходимая часть»; стр. 103: «Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа».

и далее — «общеславянский праязык»; на основании как языковых данных, так и сведений, почерпаемых у греческих, римских, арабских историков и географов, наконец — из Несторовой летописи, подвергая перекрестному допросу языковые и литературные источники, он исследует вместе с тем древнейшие судьбы носителей этих языков — «общеславянского» и «общерусского пранарода». Он пытается локализовать общеславянскую и общерусскую прародину, установить пути миграции пранародов, их этнографическое окружение, хронологию их распадения, процесс образования наций и их племенной состав. «Фактами из жизни народной» он проверяет «факты из жизни языка» и, с другой стороны, «фактами из жизни языка» пользуется для заключений о «фактах жизни народной, почему-либо не засвидетельствованных, оставшихся не отмеченными» [1]. Если диалектальные различия в языке служат для него отражением исконных племенных различий в этническом составе наций — различий, во многих случаях затушеванных позднейшими смещениями и объединениями, то, с другой стороны, от засвидетельствованных историческими источниками племенных различий он делает заключения о стершихся впоследствии различиях диалектальных; из данных о соседстве, схождении и связях племен он вполне обоснованно заключает о схождении и взаимовлиянии диалектов [2]. Он исследует влияние на язык таких исторических фактов, как образование Киевского государства, татарское нашествие и возвышение Москвы [3].

Принцип изучения истории языка в тесной связи с историей народа советская наука должна оценить как одну из положительных особенностей методологии Шахматова.

2. Движущие силы социального процесса, которые Шахматов учитывает в восстановлении прошлого народов, — это, главным образом, колонизационные движения, насильственные переселения под влиянием вторжений иноземцев, экономические и культурные связи между племенами и народами, оборонительные и наступательные объединения племен и, особенно, государственные объединения, образование и перемещение культурных, административных и политических центров [4]. Экономические процессы фигурируют у него в качестве импульсов к колонизационным движениям, вторжениям и объединениям племен [5]. Наряду с ними он ставит «наци-

---

[1] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 12—13.

[2] Иллюстрации применения этого метода Шахматов приводит в «Курсе», ч. I, стр. 12—14.

[3] Ярче всего выступает у Шахматова представление о характере связи между историей народа и историей языка во «Введении в курс истории русского языка» и в статье «Русский язык, его особенности...», перепечатанной в этой книге. См. также введение к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» и «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—30, 207—209. Менее отчетливое отражение этих взглядов — в вводной главе к «Очерку современного русского литературного языка».

[4] См. «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—12; введение к «Очерку древнейшего периода истории русского языка»; «Введение в курс истории русского языка»; «Русский язык, его особенности».

[5] Ср. «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XXI, XXVI; «Введение в курс истории русского языка», стр. 66; «Русский язык, его особенности».

опальное» и «религиозное самосознание»[1]. На вопрос о взаимоотношении всех этих факторов мы не найдем у Шахматова ясного ответа. С одной стороны, он рассматривает идеологические факторы как производные: упомянутое укрепление «национального, в особенности же религиозного самосознания» приводится как следствие татарского нашествия. Еще более определенный характер носит указание, что «во всякие времена и при всяких условиях» «культура проникает во всякую страну через ее городские и торговые центры. Купцы, горожане, правящие классы являются ее распространителями»[2]. А с другой стороны, он утверждает, что «нация определяется общим языком и общими культурными и политическими учреждениями»[3], упуская признаки общности территории экономической жизни. Таким образом, общая концепция социального развития остается у Шахматова эклектической.

Шахматов уделяет известное внимание социальному расслоению языка. Так, в Киеве XI в. он различает (хотя и предположительно) «язык господствующих классов» и «язык образованных классов» (духовенства), причем тот и другой отличаются от говоров сельского населения Киевской земли[4]. Реформу церковного языка, связанную с так называемым «вторым южнославянским влиянием» в XIV—XVI веках, он объясняет как результат борьбы социальных групп за руководящую роль в жизни русского народа[5]. Однако термины «класс», «господствующие классы» в трудах Шахматова не должны вводить в заблуждение: в его употреблении они лишены строго очерченного содержания и во всяком случае не связаны с признаком отношения к средствам производства; под классом Шахматов разумеет всякую общественную группу, выделенную по любому признаку. Искать у него понимания классовой природы феодального и капиталистического общества было бы бесцельно.

3. Лингвист и историк одновременно, Шахматов трактует и «пранарод» и «праязык» как исторические величины, которые путем реконструкции могут быть описаны во всей конкретности их былого существования. Ему было чуждо ограничительное толкование понятия праязыка в качестве методологической абстракции — толкование, с начала 70-х годов доминирующее в западноевропейской лингвистике (Шухарт; младограмматики: И. Шмидт, Дельбрюк, Пауль и др.) и представленное в русской науке И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. Эта скептическая концепция, единственно приемлемая при современном состоянии наших знаний, четко сформулирована, между прочим,

---

[1] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 64. Ср. «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 207; «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XLVII.

[2] «Введение в курс истории русского языка», стр. 79.

[3] «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XLVII. Ср. определение понятия «народ» в статье Шахматова «Русский язык», напечатанной в «Энциклопедическом словаре», изд. Брокгауз-Ефрон, т. XXVIII, СПБ 1899 (стр. 564): «известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий и... языка».

[4] «Введение в курс истории русского языка», стр. 80—83.

[5] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 205—206.

виднейшим представителем современной сравнительной грамматики индоевропейских языков Мейе. «Единственная реальность, с которой она (сравнительная грамматика) имеет дело, — пишет он, — это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык... Однако для краткости выражения позволительно обозначать одним знаком каждый определенный ряд соответствия звуков» [1]. Индоевропейский праязык в его понимании есть не более как «система соответствий» [2].

Еще определеннее высказан взгляд на праязык как на научную фикцию в принадлежащей Дельбрюку оценке праязычных форм как «формул, выражающих преходящие взгляды ученых на объем и характер языкового материала, унаследованного отдельными языками из праязыка» [3].

Само собой разумеется, что сказанное здесь об индоевропейском праязыке в равной мере относится и к другим праязыкам, не оставившим письменных памятников и восстанавливаемым путем сравнения родственных языков.

Подобные формулировки явно противоположны взглядам Шахматова. Он стоит гораздо ближе к концепции Шлейхера, виднейшего представителя предшествующего периода развития лингвистики (умер в 1868 г.) — ученого, построившего «родословное древо» индоевропейских языков, утверждавшего, что индоевропейский праязык «сделался нам известен с некоторою точностию» [4], и даже написавшего, хоть и в шутку, басню на этом языке [5].

«Сравнительно-историческое изучение славянских языков...,— пишет в том же духе Шахматов, — приводит исследователя к точным и неопровержимым заключениям относительно звукового и морфологического строя общеславянского праязыка; но полное восстановление этого языка не может быть достигнуто без сравнительно исторического изучения родственных общеславянскому праязыку языков, составлявших некогда вместе с ним одну общую индоевропейскую семью» [6].

Недаром острил по адресу Шахматова А. И. Соболевский: «Как будто общеславянский праязык нечто вроде говора Саратовского

---

[1] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перевод Д. Кудрявского, переработанный и дополненный по седьмому французскому изданию А. М. Сухотиным, под редакцией Р. И. Шор. М.—Л. 1938, стр. 73—74.

[2] Там же, стр. 418.

[3] B. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, 4. Aufl., Leipzig 1904, стр. 124.

[4] А. Шлейхер, Теория Дарвина в применении к науке о языке, СПБ 1864 (перевод с немецкого), стр. 7.

[5] Синтезирующий труд Schleicher'a «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» (Weimar 1861) Шахматов, по совету В. Ф. Миллера, штудировал уже в 15-летнем возрасте; см. его автобиографию, перепечатанную из «Материалов для биографического словаря действ. членов Академии наук» (ч. II, Пг. 1917) в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук», стр. 4.

[6] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 334—335.

уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, и все эти ô, ā, ie могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд»[1].

Метод реконструкции сводится у Шахматова примерно к следующей схеме. Если живые или засвидетельствованные письменными памятниками языки a, b, c, d, e, f обнаруживают ряд общих явлений, отличающих их от других языков, то эти языки родственны, т. е. являются продолжателями одного и того же праязыка M. Если, далее, языки a, b, c обнаруживают ряд дополнительных сходств, отличающих их от языков d, e, f, то это свидетельствует о более близкой степени их родства, т. е. о том, что в течение известного периода времени они составляли единый язык N, выделившийся из праязыка M и выработавший ряд признаков, сохранившихся в его продолжателях a, b, c; стало быть, эти языки выделились из праязыка M при посредстве промежуточного праязыка N; таким же образом может обнаружиться между языками d, e, f ряд дополнительных сходств, вынуждающих допустить известную эпоху их единства в форме промежуточного праязыка P. Так как «факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непререкаемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа», то филиации языков и праязыков соответствует филиация народов и пранародов, возникающая в результате колонизационных движений. Поправки и уточнения в схему последовательного разветвления того или иного праязыка и пранарода вносит хронологизация появления признаков, обособляющих отдельные ветви (на основании внутренней связи этих языковых явлений и датировки древнейших письменных памятников), далее — данные исторических источников о взаимном расположении и миграции народов и племен, гипотезы по тому же вопросу, опирающиеся на взаимное расположение народов, языков и говоров в более позднее время, наконец — сведения о месте написания памятников, обнаруживающих те или иные языковые особенности. Совокупность этих данных позволяет различить среди сходных признаков группы языков те, которые развились в каждом из этих языков самостоятельно, уже в пору их раздельного существования, и те, которые восходят к древнейшей эпохе и служат доказательством былого единства этих языков.

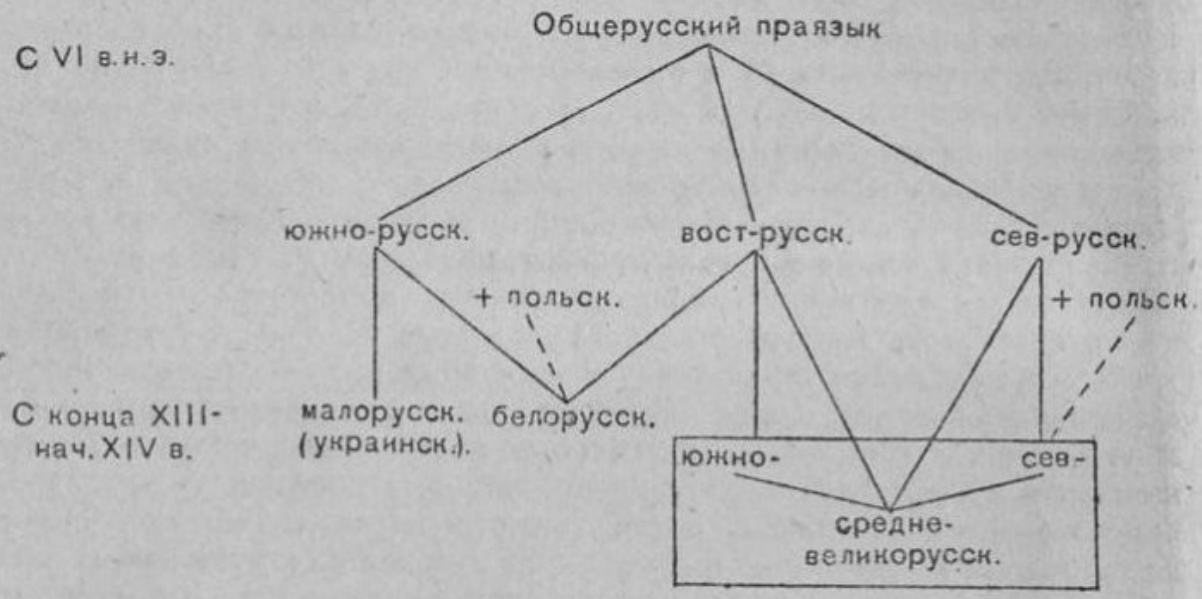
Так создается для каждого из живых или засвидетельствованных письменными памятниками языков многоступенная схема его происхождения и родственных связей с другими языками. Шахматов постоянно возражал против попыток возводить тот или иной живой славянский язык непосредственно к общеславянскому праязыку или хотя бы сопоставлять его непосредственно с общеславянским[2], минуя

---

[1] А. И. Соболевский, Рецензия на диссертацию Шахматова «Исследования в области русской фонетики», напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения», 1894, апрель, стр. 424.

[2] См., например, статьи: «До питання про початок української мови» (в журнале «Україна», 1914, I), посвященную разбору книги St. von Smal-Stockyi und Th. Gartner «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache»; «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXI, 1916, кн. 2), посвященные разбору книги Л. В. Щербы «Восточно-лужицкое наречие»; «Русский язык, его особенности», стр. 39, 45—46.

длинную цепь промежуточных праязыков [1]. Сказанное можно иллюстрировать следующей, составленной на основании выводов Шахматова [2] схемой последовательного распадения общерусского (восточнославянского) праязыка (и, соответственно, общерусского пранарода, в результате его расселения и расплеменения), после его выделения из южнославянского праязыка (общего для южных и впоследствии отделившихся от них восточных славян), образовавшегося в результате обособления от общеславянского праязыка западнославянской ветви [3]:



Конечно, реконструкции переселений, относящихся к доисторическим и древнейшим историческим эпохам, равно как и реконструкции праязыков, являются всецело гипотетическими (ср. приведенные выше суждения Мейе и Дельбрюка), и Шахматов построил ряд широких и смелых исторических гипотез, всегда необычайно остроумных, но постоянно требовавших пересмотра и под влиянием посторонней критики и, еще чаще, по почину самого автора [4].

Любопытно отметить, что достижения Шахматова в разработке летописей в значительной мере зависели от того, что к литературным памятникам он приложил тот же прием сравнительного изучения и реконструкции, которым пользовался в своих лингвистических исследованиях. Сопоставляя ряд позднейших летописных

---

[1] Изложение принципов сравнительно-исторического метода в той модификации, которую сообщил ему Шахматов, см. в его статье «Русский язык, его особенности», стр. 229—231.

[2] «Введение в курс истории русского языка».

[3] Знаком + и пунктирной чертой обозначаю в схеме смешения с другими славянскими языками.

[4] Обзор и критику историко-этнографических построений Шахматова можно найти в работах П. А. Бузука («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXIII, кн. 2), В. А. Пархоменко (там же, т. XXV), Н. М. Петровского (там же), Lehr-Spławiński'ого («Rocznik Slawistyczny», т. IX, кн. I), Meillet («Revue des Études Slaves», т. I, кн. 1—2) и др.

сводов и выделяя их общие элементы, он восстанавливал более ранние, не дошедшие до нас своды и создавал их «родословное древо»[1], точно так же, как из сопоставления живых и засвидетельствованных памятниками славянских языков он выводил общеславянский праязык, устанавливая степени родства между его потомками. Конечно, и эти историко-литературные реконструкции содержат много гипотетического, но по самому характеру объекта исследования гипотезы в этой области допускают более прочное обоснование и легче доступны проверке.

В своих реконструкциях Шахматов широко пользовался объяснениями языковых образований на основе смешения — этнического смешения племен, с одной стороны, и восприятия одним языком особенностей другого языка в результате непосредственного соприкосновения носителей этих языков или культурного влияния при посредстве письменности, с другой. Как показывает приведенная схема, белорусский язык он объясняет как продукт смешения части «южнорусского» племени, ассимилировавшей себе ляшские (западнославянские, прапольские) элементы, с частью племени «восточнорусского», также смешавшейся с ляшским населением; «великорусский» язык — как продукт смешения другой части «восточнорусского» племени с племенем «севернорусским», опять-таки испытавшим польское влияние; «средневеликорусские говоры» — как продукт смешения сперва «восточнорусского» и «севернорусского», затем «северновеликорусского» и «южновеликорусского» населения. В языке Киева XI в., как было уже отмечено выше, Шахматов различает «язык господствующих классов» и «язык образованных классов»; при этом он характеризует первый как результат смешения «нескольких русских живых говоров», а второй — как «древнеболгарский язык, прошедший через живую русскую среду... и ассимилировавшийся живому русскому языку...»; наконец, современный русский литературный язык представляет собой древнеболгарскую основу, подвергшуюся обрусению сперва в Киеве, а затем в Москве[2].

Характерно, однако, что все смешения, которые Шахматов устанавливает более или менее уверенно, происходят только между родственными, чаще всего — близко родственными языками. Здесь можно видеть отражение намеченной Фортунатовым теории схождения близких между собой языков, т. е. языков, имеющих «в недалеком прошлом общую историю»[3]. Шахматов не отвергал возможности влияния между неродственными языками, но пользовался такими гипотезами только для объяснения отдельных фонетических особенностей того или иного языка. Так, он допускает, что смешение согласных *ц* и *ч* в севернорусском наречии возникло под влиянием соседних

[1] Такие схемы филиации летописных сводов, построенные самим Шахматовым по типу приведенной выше схемы филиации общерусского праязыка, помещены в недавно опубликованном труде Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.».

[2] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 60—70; подробнее см. ниже, в главе IV.

[3] Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г., стр. 83. Шахматов развивает аналогичные соображения («Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—12).

языков — западнофинских или, скорее, польского[1]. Он сочувственно цитирует высказанное Бодуэном-де-Куртенэ предположение о том, что мазурканье (замена шипящих согласных свистящими) в восточных говорах польского языка могло возникнуть в результате финского влияния[2]. Он роняет беглое замечание о том, что русский язык мог «изменить первоначальный музыкально-экспираторный характер ударения на экспираторный под влиянием инородцев»[3]. Но гораздо чаще между неродственными или отдаленно-родственными языками он допускал только лексические заимствования[4].

4. Главным источником для восстановления истории языка Шахматов считал данные современных говоров. Показаниям памятников он отводил второстепенное место. И здесь опять обнаруживается единство и неуклонная последовательность его метода. «Подобно тому как сравнительное изучение славянских языков, — пишет он в критическом отзыве об «Исторической грамматике чешского языка» Гебауера, — приводит к восстановлению языка общеславянского... точно так же изучение современных чешских говоров дает нам представление о звуковом и формальном составе общечешского или прачешского языка»[5].

«Я употреблю все старание, чтобы доказать вам,—внушал он своим слушателям, — что изучению памятников должно предшествовать изучение живого языка, что в основание всяких научно-лингвистических построений должны быть положены факты живого языка и что факты языка письменного могут быть рассматриваемы только как дополнительный материал, освещающий и подтверждающий тот процесс, который определяется сопоставлением данных, извлекаемых из живых наречий. Ставлю себе задачей доказать вам это для того, чтобы предостеречь вас от серьезных ошибок и неминуемых заблуждений, связанных с недостаточно критическим отношением к письменным памятникам»[6].

Недоверие к написаниям памятников — в частности, памятников древнерусского языка — Шахматов обосновывал целым рядом доводов. Он указывал на относительно позднюю их дату, не позволяющую непосредственно восстанавливать по ним предшествующие эпохи языка, на иноземное происхождение русского письма, на недостаточное отражение в письменности разнообразия говоров, на

[1] «Введение в курс истории русского языка», стр. 55—56.
[2] Там же, стр. 56.
[3] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 98.
[4] См. его исследования «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» («Известия Академии наук», 1911, №№ 9—10) и «Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen» («Archiv für slavische Philologie, т. XXXIII, 1912, перевод на русский язык, под редакцией проф. Е. Ф. Будде, в «Ученых записках Казанского университета», 1912, кн. 8). Гораздо смелее в допущении отдаленных смешений был постоянный оппонент Шахматова акад. А. И. Соболевский: ср. его гипотезу о славянском прапароде и праязыке как результате схождения славянобалтийского прапарода с одним из скифских (иранских) племен («Русско-скифские этюды» в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXVII, 1922, стр. 331—332).
[5] «Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1898 г.», СПБ 1899, стр. 37.
[6] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 10; ср. там же, стр. 8—10, 108—109.

искусственность книжного языка, наконец — на самостоятельный путь развития письма, «дающий основание для целого ряда графических явлений, ничего общего с явлениями языка не имеющих»[1].

Многие из перечисленных доводов против чрезмерного доверия к письму (конечно, без применения к специфическим условиям истории русского письма) были впервые выдвинуты младограмматиками[2], которые настойчиво указывали на важность изучения живых диалектов. Тем не менее трудно было бы назвать лингвиста, который не только в теории, но и в своей исследовательской практике проявлял бы к графике памятников столь критическое отношение, так последовательно различал в историческом материале букву и звук, как это делал Шахматов. Он пристально изучал орфографические традиции в древнерусской письменности, устанавливал особенности отдельных школ письма, прослеживал миграцию орфографических приемов из отдельных районов славянского юга в южную Русь, из южной Руси на русский запад и север, выяснял графические признаки для определения места составления и переписки отдельных памятников; он постулировал искусственное книжное произношение, возникавшее на почве иноземного происхождения русского письма, и только из сопоставления написаний с данными диалектов современного языка выводил заключения о произношении прежних эпох[3].

Его критика орфографии памятников представляет собой прочное методологическое завоевание, предохраняющее историческую грамматику русского языка от множества ошибок на почве доверия к письменному выражению звуков.

5. Настойчиво выдвигая тесную связь между историей языка и историей народа, Шахматов не мог не сознавать с полной отчетливостью принадлежности языка к области социальной. Поэтому мы должны поставить вопрос о том, как он представлял себе социальную природу языка. Ответ, который дает Шахматов на этот вопрос, гласит: «Реальное бытье имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов»[4].

Это учение о фиктивности национального и племенного языка свойственно почти всей буржуазной лингвистике последнего шестидесятилетия. С ним мы встречаемся и у младограмматиков[5] и у их противников — например, у Бодуэна-де-Куртенэ[6].

---

[1] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 182—184.

[2] См., например, XXI главу книги P a u l'я «Prinzipien der Sprachgeschichte».

[3] Чрезвычайно показательно в этом отношении исследование Шахматова «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в.» (Журнал Министерства народного просвещения, 1909, июль.) О применявшихся Шахматовым методах критики написаний см. статью В. В. В и н о г р а д о в а в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук».

[4] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 9.

[5] См. H. P a u l, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4. Aufl., Halle 1909, стр. 37—38.

[6] См., например, его «Введение в языковедение», изд. 5-е, литогр., 1917, стр. 41: «Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию... Существуют... одни только индивидуальные языки... Племенной же или национальный язык представляет из себя средний вывод из известного количества индивидуальных языков».

Совершенно очевидна связь этого учения с механистической концепцией, согласно которой общество представляет собой простой конгломерат индивидов, а социальные явления рассматриваются как функция суммы индивидуальных сознаний. Если последовательно применить эту примитивно-эмпирическую точку зрения к области языка, то мы придем не к индивидуальным языкам, а к отдельным, разобщенным актам речевой деятельности индивида. Подведение их под понятие индивидуального языка явится такой же абстракцией, как и построение понятия языка национального. Таким образом, с указанной точки зрения фиктивным окажется всякое понятие языка, кто бы ни являлся его носителем — народ, племя или индивид. У исследователя, для которого в центре внимания стоит понятие народа, такое понимание языка вырастает в непреодолимое внутреннее противоречие.

Между тем эта концепция влечет за собой определенные методологические следствия. Если единственной лингвистической реальностью является язык индивида, то он служит и единственным возможным объектом лингвистического исследования. И Шахматов не останавливается перед этим выводом. Во вступительных замечаниях к «Очерку современного русского литературного языка» он пишет: «Я сосредоточу свое внимание на фактах, известных мне из непосредственного наблюдения, т. е. прежде всего из собственного моего словоупотребления», и отмечает, что «такое самоограничение может представить известный интерес с точки зрения методологических требований». В обоснование этого утверждения приводится цитированное выше соображение о фиктивности национальных и вообще коллективных языков. Пусть действительные (повидимому, неосознанные) мотивы, убеждающие Шахматова в правомерности такого самоограничения, лежат в совершенно иной плоскости и сводятся к убеждению, что он, автор, является достаточно типичным представителем современного русского литературного языка; та мотивировка, которой он, сам того не замечая, маскирует это вполне законное обоснование, ярко изобличает несостоятельность разделяемой им теории.

Эта индивидуалистическая концепция находит выражение и в других высказываниях Шахматова. Так, он подробно излагает психологистическую (нисколько, впрочем, не оригинальную) теорию языковых и, в частности, звуковых изменений [1]. В «Очерке современного русского литературного языка», определяя значения падежей, он доходит до совершенно невразумительных формулировок: «Винительный падеж в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно... Творительный падеж имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия», и т. п. [2].

Самая механичность замены в этих определениях понятий предметов объективного мира понятиями представлений об этих предметах, сочетание реального действия с представлением как его объектом или

---

[1] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 76—107; ср. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 107—108.

[2] «Очерк», стр. 122.

орудием указывает на то, что эта фразеология служит для мыслей Шахматова лишь заимствованной извне и плохо пригнанной оболочкой. Неудивительно, что, выдвигая подобные положения в теоретических рассуждениях и формулировках, он не пользовался ими в своей исследовательской практике. Характерно в этом отношении его возражение против методологии бодуэновской «психологической» школы (впрочем, истолкованной Шахматовым неправильно): «Вполне соглашаясь с необходимостью определить две категории изменений и чередований фонем, — пишет он, — а именно категорию, обусловленную действующими в настоящее время факторами, с одной стороны, и категорию, обусловленную факторами, действовавшими в прошедшее время, с другой, я думаю, что рискованно искать основания для такого определения в наличности или отсутствии представления о таких чередованиях в сознании говорящих ... Мне кажется, что необходимо искать прежде всего объективных данных при утверждении, что та или иная ассоциация фонем имеет действительно место в представлении говорящих; такие данные можно, например, видеть в подчинении новых слов (заимствованных) в их звуковых изменениях тем звуковым нормам, которые господствуют в ряде однородных в звуковом отношении старых слов ...» [1]. И этому объективному методу он следует в том самом «Очерке современного русского литературного языка» [2], который, как было сейчас показано, изобилует теоретическими высказываниями в противоположном направлении. В последнем своем труде, в «Синтаксисе», он и в теории в значительной степени освобождается от индивидуалистической концепции языка. Его эволюция находит наглядное выражение в тех определениях значений падежей, которые он дает в «Синтаксисе»: «Винительный падеж объекта показывает, что последний испытал на себе действие глагольного признака во всем своем объеме, без всякого ограничения»; «... между прочим, творительный падеж означает орудие, при посредстве которого обнаруживается действие» [3].

6. Лингвистические работы Шахматова в огромном большинстве посвящены истории языка. Виднейший представитель «сравнительно-исторической школы» русского языкознания, он твердо держался исходного принципа, сформулированного вслед за западноевропейскими младограмматиками [4] основателем школы Фортунатовым: «Предметом языковедения является человеческий язык в его истории ... Языковедение, имеющее предметом изучения человеческий язык в его истории, может быть, следовательно, определяемо иначе как история человеческого языка» [5].

Шахматов не раз высказывал аналогичные суждения. В «Очерке современного русского литературного языка», на первой же странице, он развивает ту же мысль: «... всякое объяснительное изложение фактов языка равносильно историческому их изображению, ибо факты

[1] «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXI, 1916, кн. 2), стр. 243.
[2] См. стр. 108: о произношении заимствованных слов.
[3] «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 320, 336.
[4] См. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, стр. 20—21.
[5] Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г., стр. 4.

современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, ведущем при этом не только в ближайшее прошлое, но углубляющемся и в самые отдаленные эпохи жизни языка», и т. д. [1].

Если оставить в стороне некоторые детали, то возражать против этих формулировок не приходится. Не подлежит сомнению, что язык, как и всякое социальное явление, должен изучаться исторически, и ни на минуту исследователь не должен забывать, что объект его изучения является продуктом исторического развития и продолжает непрерывно изменяться во времени. И все же в результатах своих историзм Шахматова вызывает серьезные возражения и позволяет говорить о незакономерном сужении задач лингвистики. Нигде (кроме незаконченного, посмертно изданного «Синтаксиса») язык определенной эпохи не выступает у него достаточно отчетливо как определенный этап на пути исторического развития, как исторически обусловленная и содержащая зародыши дальнейших изменений система одновременно действующих социальных норм, определяющих процесс общения между членами данного общества [2]. Принципиально Шахматов не отрицает ни необходимости, ни научности «описательного изложения», которое он противополагает «объяснительному»; он только выставляет вполне обоснованное требование, чтобы «описательное изложение» опиралось «и на данные, добытые историей языка». Но из этого требования он делает слишком широкие методологические выводы. Не ограничиваясь объяснением пережиточных явлений и колебаний в языковой практике, свидетельствующих о происходящих в языке исторических процессах, он пытается — по крайней мере, в ряде случаев — заменить выяснение живой связи между разновременно возникшими и сосуществующими фактами языка выяснением их происхождения. Так, излагая систему современного русского склонения, он различает «исконные», т. е. свойственные индоевропейскому праязыку, основы на *-o* и *-jo*, на *-ŭ*, на *-ĭ*, на *-ū*, на *-ā* и *-jā*, в русском языке, а частью и в исторически предшествовавших ему языках, давно изменившиеся, смешавшиеся и перегруппировавшиеся [3].

---

[1] Более ранние высказывания Шахматова в том же духе см. в лекции «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях» («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПБ 1904, стр. 408).

[2] В этом направлении много сделали два современных Шахматову лингвиста — И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и Ф. де-Соссюр. См. у Бодуэна-де-Куртенэ различение живых и исторических чередований (иначе — «дивергенций» и «корреляций») в «Некоторых отделах «сравнительной грамматики» словенских языков» («Русский филологический вестник», 1881, т. V), в книгах «Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen» (Strassburg 1895) и «Введение в языковедение» и в ряде других работ; у де-Соссюра («Курс общей лингвистики») — различение «синхронической» и «диахронической» лингвистики. Однако оба эти построения носят индивидуалистический характер, а второе из них, кроме того, обнаруживает разрыв между «синхронией» и «диахронией».

Шахматов соглашался с принципиальной необходимостью различать две намеченные Бодуэном категории фонетических чередований (см. приведенную выше выдержку из «Заметок по истории звуков лужицких языков»), но не сделал из этого методологического положения обобщающих выводов.

[3] Принципиальное обоснование этого методологического приема см. в «Очерке», стр. 123.

Только в самом последнем труде Шахматова, в «Синтаксисе русского языка», обнаруживается стремление принципиально разграничить историческую и «описательную» точку зрения и определить методологические принципы «описательной» грамматики [1].

Нельзя, однако, не отметить, что историзм Шахматова, даже оставаясь гипертрофированным, отличался такими положительными свойствами, которые редко встречаются в лингвистической литературе: целый ряд исторических изменений в той или иной области языка он проследил в их всестороннем воздействии на языковой механизм. Так, он детально рассмотрел влияние падения глухих гласных на систему склонения [2]. Аналогичную работу он проделал по отношению к падению двойственного числа [3]. Подобные исследования, продуктивность которых не поддается учету, не имели прецедентов в разработке истории русского языка.

III. Понятие русского языка.

Термином «русский язык» в словоупотреблении Шахматова, как и всей современной ему лингвистики, покрываются три разных понятия, и многозначность этого термина служит симптомом внутренней противоречивости той концепции, которая породила такое словоупотребление.

Под русским языком Шахматов разумеет, во-первых, восточнославянскую группу языков, т. е. языки русский, украинский и белорусский (в рассматриваемой терминологии — «великорусский», «малорусский» и «белорусский») в их совокупности [4]. Во-вторых, русский язык — это один из трех восточнославянских языков — «великорусский язык» [5]. И, наконец, в-третьих, — это «культурный язык великорусского племени, получивший значение языка государственного» [6].

В связи с многозначностью термина «русский язык» наблюдается у Шахматова неустойчивость в употреблении терминов «язык» и «наречие»: он говорит то о «великорусском» (или «русском»), «малорусском» (или «украинском») и «белорусском языках», то о «великорусском», «малорусском» и «белорусском наречиях».

Крайняя сбивчивость в разграничении понятий «язык» и «диалект» («наречие») характерна для всей буржуазной лингвистики. Уже у Шлейхера находим замечание, что «ни один лингвист не был в состоянии дать удовлетворительное определение языка в противоположность к диалекту», и это представляется ему «очень понятным» [7]. Мы уже видели, каким путем сравнительная грамматика устанавливает родство языков. Непосредственно связано с этим методом поло-

---

[1] См. ниже, главу V.
[2] «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 307—313.
[3] Там же, стр. 314—333.
[4] «Введение в курс истории русского языка», стр. 12.
[5] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» в коллективном труде «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг. 1916, стр. 664.
[6] «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.
[7] Шлейхер, Теория Дарвина в применении к науке о языке, стр. 9.

жение, получившее наиболее яркую формулировку у Мейе: «Два языка, представляющие в своих грамматических формах, в своем синтаксисе и лексике целый ряд определенных соответствий, являются в действительности одним языком»[1]. Развивая этот взгляд, Шахматов указывает, что различие между терминами «язык», «наречие», «говор», «вполне относительное... Русский язык, как и русский народ, можно назвать славянским наречием, славянским племенем, имея в виду, что этот народ и его язык входили некогда в состав того предполагаемого целого, которое впоследствии распалось на отдельные, дожившие до настоящего времени славянские племена и наречия»[2]. Неудивительно, что «русский», «украинский» и «белорусский» языки обращаются у Шахматова в «великорусское», «малорусское» и «белорусское» наречия, как только он рассматривает их со стороны их происхождения и родства. Однако последовательно провести эту двойственную терминологию, строго разграничивая употребление обоих терминов, не представляется возможным[3]. Достаточно указать, что в статье Шахматова «Русский язык, его особенности» с каждым из прилагательных «белорусский», «малорусский», «южновеликорусский» и «северновеликорусский» сочетается то существительное «язык», то существительное «наречие», и наряду с этими «отдельными русскими языками» выступают «славянские языки» (в их числе и русский), называемые иначе «славянскими наречиями».

«Общеславянская семья языков, — пишет Шахматов, — выделила из себя единый... язык восточнославянский (позже получивший название русского); ...великорусский, белорусский и малорусский языки выделились уже из этого восточнославянского праязыка, а не непосредственно из праязыка общеславянского»[4]. Так как «трем главным русским наречиям (имеются в виду три указанных языка. — *С. Б.*)... соответствует деление русского племени на три отрасли — великорусскую, белорусскую и малорусскую»[5], то «русский язык в научном употреблении этого термина» определяется как «совокупность тех наречий и говоров, которыми как в настоящее время, так и в предшествующие эпохи пользовались, в качестве материнского, родного языка, русские племена... Каждый представитель русского племени, будь то великорус или белорус, или малорус (украинец), может назвать свой родной язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения останется русским, каким бы изменениям ни подвергся с течением времени»[6].

---

[1] Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 50.

[2] «Русский язык» («Энциклопедический словарь», изд. Брокгауз-Ефрон, т. XXVIII, стр. 564; ср. «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 665. Аналогичное рассуждение у Фортунатова («Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г.», стр. 77—78).

[3] Это удалось Фортунатову в абстрактно-методологическом рассуждении («Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г.», стр. 72), но в применении к конкретным историческим образованиям такое словоупотребление неизбежно приводит к путанице.

[4] «Введение в курс истории русского языка», стр. 12.

[5] Там же, стр. 8—9.

[6] Там же, стр. 7.

Это заключение, столь похожее на парадокс, представится вполне логичным, если учесть, что термин «русский» применен здесь в его родовом значении, в качестве синонима термина «восточнославянский».

Шахматов подчеркивает, что только «с точки зрения своего доисторического прошлого малорусский язык должен быть признан наречием русского языка», а «с точки зрения своего исторически засвидетельствованного прошлого» и «своего настоящего положения» он «должен быть рассматриваем как нечто отдельное от других восточнославянских языков, ибо мы не располагаем никакими указаниями на то, чтобы язык малорусов переживал теперь какие-нибудь общие с другими русскими языками явления в области звуков, форм, словообразования» [1].

Строго разграничивая, таким образом, эпоху доисторическую и эпоху историческую, Шахматов тем самым решительно отмежевывается от тех лингвистов, которые, подобно А. И. Соболевскому, утверждали единство «русского языка» по отношению к настоящему времени [2]. Но вместе с тем он впадает в ошибку, связывая единство языка в современном обществе с племенным единством, опираясь на генетические взаимоотношения трех языков для определения их взаимоотношений в настоящем. Во всех приведенных выше высказываниях Шахматова язык рассматривается как достояние племени, и это относится даже к литературному языку. «Индивидуальные языки..., которые составляют главный объект наблюдения лингвиста..., — пишет Шахматов [3], — нельзя оторвать от той или иной этнографической обстановки... Напротив, культурные языки стремятся перейти за этнографические пределы». И тем не менее «культурные языки», в его понимании, принадлежат также племени. «В отношении к индивидуальным русским языкам, — продолжает он, — мы... будем пользоваться этнографическими терминами: великорусский, малорусский и белорусский», а термины «русский» и «украинский язык» он прикрепляет к «культурным языкам» «великорусского» и «малорусского племени» [4]. Для эпохи капитализма, характеризуемой не племенными, а развитыми национальными союзами, это явный анахронизм, антиисторическая проекция гипотезы об «исконных» отношениях на современные взаимоотношения народов и языков — проекция, в конечном счете опирающаяся на убеждение в сохранении создавшихся «искони» социальных факторов на вечные времена. В понятии «народа» Шахматов смешивает племя и нацию, этнографическую категорию с категорией исторической

---

[1] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 664—665.

[2] См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, М. 1907, стр. 2.

[3] Здесь надо вспомнить рассмотренные выше соображения Шахматова о фиктивности общих и реальности индивидуальных языков.

[4] «Введение в курс истории русского языка», стр. 17. Содержащееся в этих замечаниях противопоставление «индивидуальных языков» языкам «культурным» неправомерно: «индивидуальный язык» может являться представителем «культурного языка»; об этом свидетельствует предпринятый Шахматовым опыт описания русского литературного (т. е. того же «культурного») языка по данным одного из «индивидуальных языков» (см. выше, стр. 16).

(см. возражения И. В. Сталина Отто Бауэру [1]), и впадает в противоречие, определяя национальный язык по этническому признаку; он не замечает, что понятие «народа» не одинаково в различных общественно-экономических формациях, потому что не различает и самих формаций. Формально логический не-диалектический историзм и здесь привел Шахматова к ошибочным заключениям. Этот историзм внушил ему мысль об относительности различия между «языком» и «наречием» и обратил для него вопрос о фактах — о реальных отличиях нации от племени, а с тем вместе — и об отличиях языка от наречия — в вопрос о терминах. Между тем в политической обстановке царской России, в атмосфере официального великодержавного шовинизма и угнетения национальностей, вопрос этот был далеко не безразличен. Жонглируя разными значениями термина «русский язык», царское правительство, не углубляясь в различия между концепциями Соболевского и Шахматова, рассматривало украинский и белорусский языки как «наречия» русского («великорусского») и черпало в этом сбивчивом и многозначном словоупотреблении «научные» основания для подавления украинской и белорусской культуры. Правда, на Шахматова представители официальной идеологии не ссылались: они оценивали его позицию как «украинофильство» [2]. Им было известно, что именно Шахматов выступил с уничтожающей критикой «галицко-волынской» теории А. И. Соболевского, который, возрождая гипотезу, выдвинутую в середине 50-х годов историком М. П. Погодиным [3], пытался доказать, что исконное население Киевщины было великорусским, что украинцы первоначально занимали Галицию и Волынь и колонизировали Поднепровье не ранее XVI века [4]. «Мы должны отвергнуть самым решительным образом мысль о том, что Киевщина была в древности населена не предками современных малорусов, а предками современных представителей других русских народностей, — возражал Соболевскому Шахматов. — Искать в X — XI в. у Днепра великорусов представляется совершенно бесполезным, ибо великорусская народность происхождения нового» [5]. Шахматов приветствовал стремление украинской интеллигенции

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М. 1934, стр. 9.

[2] См. статью Л. Волкова «Два академика» (о Шахматове и Корше) в черносотенной газете «Московские ведомости» от 8 мая 1915 г.

[3] М. П. Погодин, Записка о древнем языке Русском («Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II Отделения Академии наук», 1856 и 1857 гг., СПБ 1857; то же в «Известиях II Отделения Академии наук», т. V, 1856, в «Москвитянине», 1856, № 2, и в «Исследованиях, замечаниях и лекциях» М. П. Погодина, т. VII, М. 1857).

[4] А. И. Соболевский, Очерки из истории русского языка, ч. I, Киев 1884, стр. 67—69. Шахматов в своей диссертации «Исследования в области русской фонетики» (1893) принимал эту гипотезу (см. стр. 114, 132) — правда, с существенными оговорками. Позже он не только отказался от нее, но и подверг ее исчерпывающей критике: см. его статьи «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» («Журнал Министерства народного просвещения», 1899, апрель, стр. 24—25 и др.), «Русский язык» («Энциклопедический словарь», изд. Брокгауз—Ефрон, т. XXVIII) и наиболее подробно — в «Кратком очерке истории малорусского (украинского) языка», стр. 687—688.

[5] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 688.

заговорить с народом на родном его языке; он высказывал убеждение, что, раз возродившись, украинский литературный язык не может заглохнуть [1]. Он принимал ближайшее участие в составлении записки Академии наук «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» [2] и плана украинской энциклопедии [3]. Он сотрудничал в украинских журналах и научных сборниках; две его работы написаны на украинском языке.

Так противоречива была позиция Шахматова в вопросе о триединстве русского языка. Он сам не мог не замечать этих противоречий и пытался примирить их, «решительно предостерегая... от каких-либо практических выводов из... научного положения... об исконном единстве русских племен и языков» [4], указывая, что право украинского языка на «самостоятельное развитие» и «законность его употребления в литературе и публицистике» не нуждается в отрицании этого единства [5], и подобными оговорками изобличая несостоятельность своих теоретических рассуждений.

IV. Вопрос о происхождении русского литературного языка.

1. К тому времени, когда Шахматов выступил с изложением своей концепции происхождения русского литературного языка, многое в этом вопросе оставалось неясным и вызывало разноречивые суждения в научной литературе. Трудами предшествующих исследователей твердо установлено было только то, что древнерусская литература, вплоть до реформы Ломоносова, создавалась на языке, представлявшем собой смешение русского народного языка с родственным ему древнеболгарским языком церковных книг («старославянским языком»); что соотношение русских и болгарских элементов в различных памятниках древнерусской письменности колеблется в зависимости от жанра произведения и от степени образованности автора, а отчасти — и переписчика; что, кроме письменности на этом смешанном языке («церковнославянском языке русского извода»), существовала в древней Руси также и письменность на чисто русском языке и, наконец, что болгарские элементы русского литературного языка постепенно вытеснялись и продолжают вытесняться элементами русского народного языка. Все остальное было спорным [6].

---

[1] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 705.

[2] Напечатана дважды Академией наук — в 1905 и 1910 гг.

[3] Вышла в 1914—1916 гг. под заглавием «Украинский народ в его прошлом и настоящем».

[4] «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.

[5] Там же, стр. 11—12.

[6] К разногласиям, схематически излагаемым в дальнейших абзацах, см. следующие сочинения: И. И. Срезневский, Обозрение научных трудов А. Х. Востокова (вступительная статья к «Филологическим наблюдениям» А. Х. Востокова, СПБ 1865, стр. XVIII—XIX); А. Х. Востоков, Рассуждение о славянском языке (в той же книге); М. А. Максимович, Собрание сочинений, т. III, Киев 1880: «Песнь о Полку Игореве» (1835, стр. 557—558), «История древней русской словесности» (1839, стр. 432—433, 440—443, 446—449), «Начатки русской филологии» (1845, стр. 69—70), «Филологические письма к М. П. Погодину» (1856, стр. 225, 227, 233 и др.); К. С. Акса-

Прежде всего, не решенным оставался вопрос об основе смешения в древнерусском литературном языке: одни исследователи полагали, что этот язык представлял русскую основу со старославянским наслоением (Срезневский); другие, напротив, утверждали, что этот язык был старославянским в своей основе, которая пронизывалась русскими элементами (Максимович, К. С. Аксаков, Соболевский).

Одни исследователи полагали, что церковнославянский язык в древней Руси применялся только в письменности (К. С. Аксаков); другие — что он служил также и разговорным языком грамотных людей, чем облегчался и ускорялся процесс его руссификации (Максимович).

Не выясненным оставался вопрос об объеме применения в письменности чисто русского языка: одни исследователи утверждали, что на чисто русском языке писались в древней Руси только деловые бумаги и законы (К. С. Аксаков, Соболевский); другие более или менее чистым русским языком считали и язык литературных произведений определенных жанров — например, язык летописей и «Слова о полку Игореве» (Каченовский, Карамзин, Востоков, Сухомлинов).

По-разному решался вопрос о времени возникновения двуязычия в русской письменности: одни исследователи утверждали, что различие между чисто русской и церковнославянской письменностью обнаружилось с самого начала, т. е. с X века (Каченовский, Карамзин, Востоков, Ягич, Соболевский); другие — что двуязычие в русской письменности возникло только в XIII—XIV веках (К. С. Аксаков, Срезневский).

Наконец, различным образом освещался характер развития русского литературного языка в направлении усиления его русских элементов: одни исследователи усматривали в нем более или менее последовательную эволюцию (Максимович, Срезневский); другие — резкий скачок, революционную смену церковнославянской основы русской, осуществившуюся в деятельности Ломоносова (К. С. Аксаков).

Шахматов излагал вопрос о происхождении русского литературного языка в целом ряде своих трудов [1]. Чрезвычайно требовательный

ков, Ломоносов в истории русской литературы и русского языка (1846, Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. II, М. 1875); И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849), СПБ 1887; И. И. Срезневский, Статьи о древних русских летописях (1853—1866), СПБ 1903, стр. 47, 124—125, 130—131; М. И. Сухомлинов, О языкознании в древней России (1854), «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 85, СПБ 1908, стр. 425—434; И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПБ 1889, стр. 3—4; А. И. Соболевский, Русский литературный язык («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПБ 1904); А. И. Соболевский, Ломоносов в истории русского языка, СПБ 1911; о разработке вопроса в первой четверти XIX века см. С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I, СПБ 1904, стр. 749—802.

[1] Подробно — в 1-й части «Курса истории русского языка», во вступительной главе к «Очерку современного русского литературного языка» и в статье «Русский язык, его особенности...», более бегло — во «Введении в курс истории русского языка» и во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка».

к самому себе, склонный многократно пересматривать и исправлять свои суждения, по этому вопросу он высказывался с полной категоричностью и дал устойчивую концепцию, в которую не вносил почти никаких изменений и поправок. Шахматов не оставил без ответа ни одного вопроса, выдвинутого в этой области его предшественниками, и в этом смысле его концепция представляет собой творческий синтез разработки вопроса на протяжении всего XIX века. Взаимно дополняя друг друга, его высказывания воссоздают, в определенном освещении, величественный и полный напряженной динамики процесс становления общенационального русского литературного языка.

2. С полной категоричностью, решительнее, чем кто бы то ни было из его предшественников, Шахматов возводит современный русский литературный язык к церковнославянскому, как к первоисточнику. И с той же категоричностью он говорит о совершившемся в процессе исторического развития преобразовании древнеболгарского языка в русский литературный язык. «Как увидим ниже, по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»[1]. Так начинает Шахматов очерк развития русского литературного языка. А заканчивает его следующим выводом: «Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южнорусизмы, украинизмы)»[2].

Шахматов примыкает к тем исследователям, которые рассматривают современный русский литературный язык как результат постепенного развития из первоначальной основы: «Книжный язык XI века, — пишет он, — это непосредственный родоначальник нашего современного великорусского книжного языка»[3]. Но при этом он подчеркивает, что основа эта — иноязычная: русский литературный язык «содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи»[4]. «Язык образованных классов древней Руси был по происхождению своему церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот русскою живою речью, подвергшеюся церковному влиянию», — утверждает Шахматов[5]. Однако, заимствовав в начале X века из Болгарии письменность — и притом «не только письменность, но и церковный язык, ставший языком и духовного и светского образованного общества»[6], «Киевская Русь, — по словам Шахматова, — ... уже в XI веке... претворила древнеболгарский язык в свой национальный..., в русский литературный

---

[1] «Очерк», стр. 60.
[2] Там же, стр. 70.
[3] «Очерк древнейшего периода», введение, стр. XXXIX.
[4] Там же; ср. «Очерк», стр. 62, 90.
[5] «Курс», ч. I, стр. 199—200; ср. там же, стр. 209, и «Очерк», стр. 62.
[6] «Курс», ч. I, стр. 200.

язык»[1]. И язык этот на Руси был, по его убеждению, не только письменным, но и разговорным: «на этом языке... говорили... все... лица, прошедшие школы, основывавшиеся на Руси в XI веке»[2]. Результатом такого широкого употребления заимствованного языка, который, вследствие «демократического строя древнерусского общества», стал «собственностью всенародною»[3], явилась его «неудержимая ассимиляция народному языку... с первых же лет его существования на русской почве»[4]. Необходимой предпосылкой такой ассимиляции была, конечно, близость древнеболгарского языка к древнерусскому, возможность его понимания для русских людей без помощи «иноземного учительства»[5]. Таким образом, древнерусский письменный язык был языком смешанным, языком, в котором на первых порах руссизмы «уживались рядом с формами церковнославянскими, не вытесняя их»[6].

Наряду с письменностью на этом смешанном языке существовала в древней Руси и письменность на языке чисто русском: «в XIII веке, — констатирует Шахматов, — имеем ряд грамот, где с трудом отыскивается редкий болгаризм, где речь совершенно народная»[7]. Это двуязычие в русской письменности он не склонен считать явлением изначальным; вначале была создана только почва для раздвоения «жизненного пути церковного языка»: «начало дифференциации положено в тот самый момент, как церковный язык употребили для удовлетворения житейских интересов» (т. е. уже с первых шагов русской письменности[8], но «лишь спустя долгое время наступает заметная и отчетливая дифференциация между письменностью церковной и гражданской, светской и духовной»[9]. Однако в письме к немецкому исследователю «Русской Правды», историку права проф. Гётцу (1912) Шахматов вынужден признать чисто русский язык в этом памятнике, восходящем, по его предположению, к «весьма ранней» эпохе, «когда только еще начиналась письменность»[10].

Известное колебание в датировке начала двуязычия в древнерусской письменности — единственная неясность в концепции Шахматова. Но к какому бы моменту ни относить возникновение письменности на русском народном языке — к XIII веку или к XI, — сферу ее применения Шахматов ограничивает документами утилитарного характера: это письменный «деловой язык», который он

---

[1] «Русский язык, его особенности», стр. 236.
[2] «Введение в курс», стр. 82; ср. «Курс», ч. I, стр. 198.
[3] «Курс», ч. I, стр. 198.
[4] «Очерк», стр. 61; ср. «Русский язык, его особенности», стр. 236, и «Курс», ч. I, стр. 198—199.
[5] «Очерк», стр. 61; ср. «Курс», ч. I, стр. 201.
[6] «Курс», ч. I, стр. 195.
[7] Там же, стр. 201.
[8] Ср. ссылку Шахматова на древнеболгарский язык договора Олега с греками 911 г. в качестве опорной точки для датировки начала русской письменности: «Введение в курс», стр. 81.
[9] «Курс», ч. I, стр. 194—195.
[10] См. L. K. Goetz, Das Russische Recht, Bd. IV, Stuttgart 1913, S. 64, Note. Цитировано по книге Е. Ф. Карского «Русская Правда по древнейшему списку», Л. 1930, стр. 20, сноска 1-я.

противополагает «литературному»[1]; а «все, что сколько-нибудь возвышалось над уровнем повседневной жизни с ее практическими потребностями», писалось, по его мнению, на «книжном языке, церковнославянском по своему происхождению»[2].

Следствием дифференциации церковного языка явилось постепенное превращение его, наряду со светским литературным языком и с языком деловым, в особый стиль или жанр русского языка, «в одну из разновидностей русской речи»[3]. Это право церковной речи на обособление от русского народного языка, «гордыня, с которой она вступила на русскую почву», «недобровольность» «ее ассимиляции русскому языку», ее проявившаяся в XIV—XVI веках жажда получить «обновление» и «очищение» «извне», из Болгарии и Сербии, в связи с «чаяниями русского духовенства, ... понимавшего, что почва ускользает из-под его ног под напором светского своего соперника — литературного языка, воплотившего в себя язык церковный», временная, хоть и мнимая победа «церковного пуризма», наконец, самая «связь светского образования с духовным» — все это с течением времени стало ощущаться как помеха для свободного развития русского литературного языка — языка общества, «бессознательно готовившегося к великой реформе Петра»[4]. Эти реформы и, в частности, введение гражданской азбуки[5], «оторвав литературный язык от церковного»[6], «проложили путь к освобождению от церковнославянского ига»[7]. «Благодаря Ломоносову, книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним»[8], впрочем, осуществившееся только в XIX веке[9].

В целом, развитие русского литературного языка на протяжении тысячелетия выступает в освещении Шахматова как последовательный процесс демократизации и национализации. Временами прямолинейность этого движения нарушалась — в XIV—XVI веках так называемым «вторым югославянским влиянием»[10], в XVII веке — влиянием югозападным, украинско-польским[11]. Но все эти нарушения последовательности носят временный характер и уступают давлению всепобеждающей «народной стихии».

3. Некоторые из высказываний Шахматова по вопросу о происхождении русского литературного языка требуют более или менее существенных оговорок.

---

[1] Ср. в «Очерке», стр. 60: «... принимая функцию делового или литературного языка...».
[2] «Очерк», стр. 68.
[3] «Курс», ч. I, стр. 201.
[4] Там же стр. 203—206.
[5] «Русский язык, его особенности», стр. 244.
[6] «Курс», ч. I, стр. 209.
[7] «Русский язык, его особенности», стр. 244.
[8] «Очерк», стр. 69.
[9] Там же, стр. 62.
[10] «Курс», ч. I, стр. 203—206; «Русский язык, его особенности», стр. 242—243.
[11] «Курс», ч. I, стр. 206—209; «Русский язык, его особенности», стр. 243—244.

Неточной следует признать приведенную выше характеристику ассимиляции древнеболгарского языка русскому народному языку в X — XI веках, как претворения древнеболгарского языка в русский «национальный» язык. Для того чтобы язык стал национальным, необходимо, чтобы социальный коллектив, которому этот язык принадлежит, составлял нацию. «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма», — отмечает товарищ Сталин[1]. По тем же соображениям Ленин относит возникновение «национальных связей в собственном смысле слова» только к «новому периоду русской истории, примерно с XVII века»[2]. Таким образом, говорить о русском «национальном» языке по отношению к XI веку — значит впадать в анахронизм. Верным остается лишь то, что единство литературного языка, создавшееся у русских племен уже в XI веке, послужило «могущественным орудием внутреннего единения между всеми русскими племенами»[3] и впоследствии сыграло существенную роль в образовании русской нации[4]. Уже по отношению к периоду распада Киевского государства Шахматов отмечает, что «новый политический уклад покоится всецело на племенных отношениях, на этнографических началах»[5]. Следовательно, и в Киевскую эпоху русские племена не составляли той «устойчивой общности людей», которой, по определению товарища Сталина, является нация[6]. Здесь вновь обнаруживается у Шахматова смешение «исторически сложившейся категории» с «категорией этнографической», которое нам уже пришлось отметить в предыдущей главе[7].

Известную неудовлетворенность вызывает та форма, в которую облек Шахматов в «Курсе истории русского языка» традиционное противопоставление роли латыни в средневековой Западной Европе и церковнославянского языка в древней Руси: «Древняя Русь не избежала того самого явления, которое было пережито на Западе всеми народностями, — пишет он: — свои чувства и думы пришлось выражать не на родном, а на иноземном языке»[8]. Слишком диссонирует эта фраза по своему тону с настойчивыми указаниями Шахматова на краткость периода, в течение которого заимствованный из Болгарии язык ощущался русскими людьми как «иноземный»: период этот продолжался не более столетия, и всего лишь «два — три поколения» испытывали это неудобство[9]. Ведь уже в XI веке, по словам Шахматова, русские «образованные люди в своих беседах

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М. 1934, стр. 10.

[2] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 74.

[3] «Русский язык, его особенности», стр. 237.

[4] Об единстве языка как существенном признаке нации см. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 5, 6; о связи единства литературного языка с национальным объединением см. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., изд. 3-е, т. XVII, стр. 428.

[5] «Русский язык, его особенности», стр. 240.

[6] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 4, 6.

[7] См. выше, стр. 21—22.

[8] «Курс», ч. I, стр. 200—201.

[9] Там же, стр. 198—199.

и писаниях... не могли... отличить родного от заимствованного: так близко стало им это заимствованное»[1].

4. Церковнославянские элементы в современном русском языке Шахматов устанавливает почти исключительно по фонетическим признакам. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть рубрики, на которые расчленяется в «Очерке современного русского литературного языка» глава «Церковнославянские элементы»: здесь находим «сочетания *ор, ер, ол, ел*», «группу *жд* на месте *ж*», «гласную *е*, не перешедшую в *о*» и т. д. (см. рубрики 1—9). Но и в тех случаях, где критерий церковнославянского происхождения формулируется морфологически или лексикологически, в большинстве случаев выступает у Шахматова (а в иных случаях — угадывается) фонетическое обоснование: ср. содержание рубрик, озаглавленных «Формы прилагательных в род. ед., в им.-вин. мн. и др.» (рубрика 10-я), «Элементы церковнославянского словообразования» (рубрика 11-я), «Церковнославянская лексика» (рубрика 12-я).

Нельзя не согласиться, что именно фонетические критерии различения церковнославянских и русских элементов в составе современного русского литературного языка являются наиболее бесспорными: именно фонетические различия между русским языком и церковнославянским, наряду с различиями в грамматических окончаниях, выяснены наукой с наибольшей полнотой. Шахматов не только отразил это положение в своей исследовательской методике, но и сформулировал его теоретически: «при теперешнем состоянии науки...,— утверждал он,— инославянские элементы, ... входящие в состав нашего письменного языка, ... с полной уверенностью ... обнаруживаются их звуковою оболочкой»[2]. Пользуясь фонетическими критериями, он значительно расширил наши знания о церковнославянских элементах в современном русском литературном языке, извлекши из его словарного и формального материала максимум того, что способен дать применяемый им метод[3]. Перечень получился чрезвычайно богатый, чрезвычайно систематичный, но заведомо не исчерпывающий. И Шахматов вполне отдавал себе отчет в недостаточности фонетического критерия: он указывал, что «исследователи словарного состава нашего письменного языка, руководствуясь не только внешними звуковыми признаками, установят со временем все те элементы, которые искони были чужды русскому языку и заимствованы им из древнеболгарского»[4]. «Сколько ... могло перейти (из церковнославянского языка в русский) таких слов, по звуковой стороне которых нельзя догадаться об их церковном происхождении, ... сколько ... церковных слов, некогда ... обычных в живой речи образованных классов, могло в течение ... веков утратиться»,— замечает он[5].

В 1-й главе «Очерка» разбросаны намеки на те критерии, которые должны быть привлечены при дальнейшей разработке вопроса: сопоставление тех или иных элементов русского литературного языка

---

[1] «Русский язык, его особенности», стр. 236; ср. «Очерк», стр. 61.
[2] «Русский язык, его особенности», стр. 242.
[3] См. 1-ю главу «Очерка».
[4] «Русский язык, его особенности», стр. 241.
[5] «Курс», ч. I, стр. 199.

с соответствующими явлениями в русских народных говорах[1] и в других славянских языках[2], и далее — «значение и культурная история слов»[3]. Не укрылось от внимания Шахматова и явление скрещения «в одной форме и русского и церковнославянского элемента»[4]. Однако более или менее обстоятельно (и то — пока преимущественно лишь с методологической стороны) этот вопрос был разработан учениками Шахматова С. П. Обнорским и В. В. Виноградовым. С. П. Обнорский развил намеченный Шахматовым метод сопоставления литературного языка и народных говоров с точки зрения словообразовательных элементов: отсутствие тех или иных суффиксов в диалектальной лексике служит доводом в пользу их церковнославянского происхождения[5]. В. В. Виноградов, исходя из отмеченного Шахматовым явления сочетания в одном слове русских и церковнославянских элементов, подверг анализу понятие «церковнославянизма» и установил ряд признаков семантических, присоединив к ним фразеологический критерий[6].

Вне связи с трудами Шахматова разрабатывали проблему церковнославянских элементов в русском языке акад. А. И. Соболевский и акад. В. М. Истрин. Они имели в виду языковой материал древнерусской переводной литературы и, следовательно, косвенным образом, — освещение вопроса о происхождении русского литературного языка.

«Своеобразие литературного языка обусловлено не столько его фонетико-морфологической базой, сколько особенностями его лексики, семантики и синтаксиса», — справедливо замечает В. В. Виноградов[7]. При наличии строгих соответствий между звуками и звукосочетаниями, а также и между грамматическими формами древнерусского и древнеболгарского языков, древнерусский книжник — писатель или переписчик — мог свободно пользоваться как русскими, так и болгарскими вариантами, либо вовсе не делая между ними различия, либо рассматривая их как варианты стилистические в пределах русского литературного языка. Фонетическая и грамматическая близость между обоими языками вынуждает задуматься о критериях для выяснения наличия или отсутствия более глубокого болгарского (и вообще южнославянского) влияния в том или ином древнерусском памятнике. Такие критерии найдем в области словаря (включая и словообразование) и фразеологии: наличие или отсутствие, обилие или скудость в древнерусском памятнике таких слов, суффиксов, приставок, которые за пределами закономерных фонетических и морфологических соответствий характерны для южнославянских памятников и южнославянских народных говоров и фольклора и, напротив, не свойственны памятникам древнерусского делового языка, русским народным говорам и русскому фольк-

---

[1] См. в «Очерке», стр. 88, замечания о причастиях на *-вший* и о формах *умнейший, умнеющий* и т. п.

[2] Там же, стр. 87, замечание о суффиксе *-тель*.

[3] Там же, стр. 90.

[4] Там же, стр. 88, 90.

[5] С. П. Обнорский, К истории словообразования в русском литературном языке (сборник «Русская речь», нов. серия, I, Пг. 1927).

[6] В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка (в том же сборнике).

[7] Там же, стр. 90.

лору, может служить достаточно твердой опорой для установления наличия или отсутствия, а в случае наличия — также и степени, южнославянского влияния на язык древнерусского памятника, и тут уже решался бы вопрос не о поверхностном влиянии, не о внешней отделке языка, а о наличии или отсутствии более глубокого проникновения элементов иноземного языка в языковую практику русского книжника: наличие указанных южнославянских элементов свидетельствовало бы не о механическом переводе полногласных сочетаний в неполногласные и т. п., а об основательном знании болгарского (или сербского) языка. Именно такой метод применялся акад. Соболевским и акад. Истриным для определения места возникновения, редактирования и переписки древнерусских переводных памятников (или, по крайней мере, национальности переводчика, редактора, переписчиков)[1]; такой метод следует применять и для определения русского или церковнославянского характера языка памятников оригинальных. Аналогичным образом необходимо использовать и фразеологию, учитывая, однако, что во многих случаях древнерусский книжник мог черпать в южнославянской письменности целые цитаты, не вполне осмысливая их языковую структуру[2]. В этой области сделано мало; акад. В. М. Истрин справедливо замечает, что «история русского литературного языка в словарном отношении до сих пор не только не разработана, но ее не имеется даже и в зачатках»[3]. Только сравнительное лексико-фразеологическое обследование в указанных направлениях материала древнерусских памятников даст надежный базис для решения вопроса о природе древнерусского литературного языка.

5. Изложенные соображения и данные из литературы предмета подтверждают мысль Шахматова о недостаточности применяемого им по преимуществу фонетического метода для решения вопроса о происхождении русского литературного языка; но они не затрагивают сущности того понимания этого исторического процесса, которое нашло столь яркое выражение в его трудах. В самые последние годы этой концепции было противопоставлено другое построение. Акад. С. П. Обнорский, на основании изучения языка древнейшего списка «Русской Правды» (Синодальный список, 1282 г.), пришел к следующим заключениям: «культура русского письменного слова существовала уже в X—XI веках»[4]; «русский литературный язык старшей формации

[1] См. акад. А. И. Соболевский, Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, СПБ 1910 («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 88, № 3): VIII. Особенности русских переводов до-монгольского периода (см. особенно стр. 164); акад. В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II, Пг. 1922, стр. 220—250, 268—275, 289—309; т. III того же труда, Л. 1930, введение; ср. также акад. П. А. Лавров, Георгий Амартол в издании В. М. Истрина («Slavia», т. IV, 1925—1926).

[2] В литературе существует ряд опытов сравнительного изучения лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» — в трудах Е. В. Барсова, А. Смирнова, В. Ф. Миллера, А. А. Потебни, в более позднее время — В. Н. Перетца.

[3] Истрин, Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 246; ср. стр. 270—271, а также его же «Очерк истории древнерусской литературы», Пг. 1922, стр. 78.

[4] С. П. Обнорский, Русская Правда, как памятник русского литературного языка («Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, 1934, № 10), стр. 774

был чужд каких бы то ни было воздействий болгарско-византийской культуры», но испытывал влияние культуры германской и западнославянской [1]; «первоначально взращенный на севере», в Новгороде [2], этот литературный язык — язык «в собственном смысле русский во всем своем остове» — лишь впоследствии подвергся «сильному воздействию южной, болгарско-византийской культуры»; «оболгарение русского литературного языка следует представлять как длительный процесс, шедший с веками crescendo» [3]. В позднейшей своей работе акад. Обнорский обнаруживает тот же «русский облик», свойственный «нашему единому литературному языку старейшей формации» и, соответственно, «почти полное отсутствие ассимиляции его с элементами книжной, болгарской стихии» в «Слове о полку Игореве» [4].

Эта гипотеза прямо противоположна всей системе взглядов Шахматова на происхождение русской культуры. Ведь Шахматов утверждал, что болгары сообщили нам не только «язык церкви и духовного просвещения», «ставший языком и духовного и светского образованного общества», но, в качестве «наших естественных посредников в деле усвоения византийской цивилизации», — также и «светскую образованность, и блага материальной культуры» [5]. Он присоединился к выводам акад. В. Ф. Миллера о связи русского былинного эпоса с эпосом византийским, через посредство Болгарии, и о том, что «образцами для творца «Слова о полку Игореве» служили византийские произведения, воспринявшие болгарскую окраску» [6]. Он убедительно доказывал, что «христианство пришло в Киев из Болгарии, а не непосредственно из Византии, как утверждает «Повесть временных

---

[1] В доказательство германского влияния на язык «Русской Правды» акад. Обнорский ссылается на «относительно густой слой в числе заимствованных элементов именно слов германского происхождения», о влиянии западнославянском замечает, что говорить о нем по отношению к языку «Русской Правды» «по существу исторической обстановки ... не приходится, так как под ним следует разуметь лишь общие тенденции, отправлявшиеся от еще более ранних эпох» (стр. 774 указанной статьи). О западноевропейском влиянии на древнерусский литературный язык см. акад. Н. К. Никольский, Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры («Сборник по русскому языку и словесности» Академии наук СССР, т. II, вып. 1), Л. 1930 (главным образом 1-я глава), акад. П. А. Лавров, Георгий Амартол в издании В. М. Истрина (журнал «Slavia», т. IV, 1925—1926, вып. 3 и 4), акад. В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе (возражения Лаврову во введении к III тому) и его же отзыв об упомянутом труде акад. Никольского (в журнале «Byzantinoslavica», тт. III—IV, 1931—1932).

[2] Ср. противоположное утверждение у Шахматова, в работе «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в.» («Журнал Министерства народного просвещения», 1909, июль), стр. 166: «книжное просвещение двигалось у нас с юга на север, а не обратно».

[3] С. П. Обнорский, Русская Правда, стр. 776.

[4] Ак. С. П. Обнорский, «Слово о полку Игореве как памятник русского литературного языка» («Русский язык в школе», 1939 г., № 4), стр. 17—18.

[5] «Русский язык, его особенности», стр. 235; ср. «Курс», ч. I, стр. 200.

[6] Некролог В. Ф. Миллера («Известия Академии наук», 1914, № 2), стр. 75—76, 84; ср. «Введение в курс», стр. 82. О языке «Слова о полку Игореве» Шахматов, как и некоторые другие лингвисты (например, акад. Соболевский), не высказывался и языковым материалом «Слова» не пользовался (за исключением двух примеров в «Синтаксисе русского языка», § 192): вероятно, он

лет»[1]. На фоне этой системы взглядов, славянская азбука, составленная на основе греческого алфавита применительно к звуковой системе древнеболгарского языка, уже сама по себе является не только символом, но и веским фактом византийско-болгарского влияния на русскую письменность[2]. «Русская Правда» с точки зрения Шахматова — памятник русской письменности, но не русского литературного языка; существование же в древней Руси деловой письменности на чистом русском языке давно общепризнано и подтверждается также и Шахматовым — в частности, на примере «Русской Правды». Если акад. Обнорский констатирует в языке этого памятника «близость к разговорной стихии речи, понятную для языка, начинающего свое собственно литературное развитие»[3], то Шахматов высказал предположение еще более решительное — догадку, что здесь «письменная передача закрепила готовый, обработанный устный текст»[4]; но запись устного текста, с его точки зрения, не может без дальнейших доказательств служить образцом литературного языка[5]. Если акад. Обнорский объясняет смешение в языке «Слова» русских и церковнославянских элементов как позднейшую болгаризацию текста «под руками позднейших переписчиков-корректоров»[6], то у Шахматова найдем предположение, противоречащее такому объяснению: вслед за Срезневским[7], он высказывает мысль, что до XIV века русские и церковнославянские формы употреблялись в русской письменности безразлично.

С точки зрения той методологии исследования вопроса о происхождении русского литературного языка, которая была намечена выше, в обеих работах акад. Обнорского слишком много внимания уделено критериям фонетическим («полногласная лексика», «лексика с *ж*» на месте церковнославянского *жд* и т. п.) и морфологическим и слишком мало внимания собственно словарным признакам, не говоря уже о фразеологических[8]. Бесспорная ценность этих работ состоит в том, что гипо-

считал этот памятник, сохранившийся только в заведомо неисправной копии конца XVIII века и в заведомо неисправном печатном издании 1800 г., слишком ненадежным источником для истории языка, особенно же — для исторической фонетики и морфологии, которые интересовали его по преимуществу.

[1] «Введение в курс», стр. 81; подробнее — в исследовании «Корсунская легенда о крещении Владимира» («Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому», ч. II, СПБ 1908).

[2] Ср. соображения в этом направлении у акад. Л. А. Булаховского, Исторический комментарий к литературному русскому языку, изд. 2-е, Киев 1939, стр. 8, сноска 2-я.

[3] С. П. Обнорский, Русская Правда, стр. 774.

[4] Цитированное выше письмо Шахматова к проф. Гётцу (от 5/18 декабря 1912 г.).

[5] См. выше, в § 2 этой главы. Меткие замечания по этому вопросу см. у К. С. Аксакова «Ломоносов...», Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. II, стр. 201 и сноска на стр. 292.

[6] С. П. Обнорский, Слово о полку Игореве, стр. 17.

[7] Срезневский, Мысли об истории русского языка, стр. 27.

[8] Впрочем, в этих работах находим в отношении словаря и словообразования указания на «русский характер» подчинительных и сочинительных союзов, на широкое применение глагольной приставки *вы-* (на месте церковнославянской *из-*) и (в «Русской Правде») глагольного суффикса *-ыва-*, на отсутствие сложных слов с приставкой *без-* (в том же памятнике) и на малочисленность абстрактных существительных со специфическими церковнославянскими суффиксами («Русская Правда», стр. 766, 771—772; «Слово о полку Игореве», замечания на стр. 15—18).

тезу о русской основе древнерусского литературного языка, выдвигавшуюся старшими исследователями (Катковым, Срезневским) в более или менее абстрактной постановке[1], они переносят на почву конкретного изучения языка памятников. Однако, нельзя упускать из виду, что теория акад. Обнорского опирается пока только на два памятника. Между тем мы располагаем и другими произведениями русских авторов XI—XIII веков, и притом такими, которые дошли до нас в ранних списках, предшествующих эпохе второго южнославянского влияния и, следовательно, свободных от позднейшей болгаризации[2]. Уже присоединение к «Русской Правде» «Слова о полку Игореве» вынудило акад. Обнорского внести поправку в первоначальную характеристику «древнейшего типа русского литературного языка»[3]. Не исключена возможность, что обследование других памятников, и прежде всего обследование лексико-фразеологическое на широкой сравнительной основе, приведет к необходимости дальнейших поправок, может быть — даже к замене постулированного акад. Обнорским хронологического различия между чисто русским литературным языком древнейшей эпохи и позднейшим «оболгаренным» языком представлением о различии одновременно развивавшихся жанров литературы и стилей языка. Тогда концепция, которую представлял Шахматов, — концепция безраздельного господства в древнерусской литературе более или менее руссифицированного иноземного языка — была бы ограничена, но не устранена целиком. А пока гипотезе Шахматова противопоставлена гипотеза диаметрально противоположная, не менее правдоподобная, но неспособная ее опровергнуть без дальнейшего обоснования.

V. Грамматическая система.

1. В области истории русского языка Шахматов уделял наибольшее внимание фонетике и, во вторую очередь, развитию грамматических форм. В современном литературном языке, которому он посвятил по преимуществу четыре последних года жизни (1916—1920), его привлекала прежде всего задача описания живой грамматической системы.

Современному русскому литературному языку посвящены два труда Шахматова — «Очерк», выходящий ныне 4-м изданием, и «Син-

---

[1] См. замечания М. Н. Каткова в рассуждении «Об элементах и формах славяно-русского языка» (М. 1845), стр. 216—217, и утверждения Срезневского, что язык «Повести временных лет» — не «Славянско-церковный, смешанный с Русским», а «Русский, смешанный с церковным» («Статьи о древних русских летописях», стр. 130), и что это был язык, «который Русские, наши предки, могли назвать своим родным» (там же, стр. 47).

[2] Главнейшие из них — это Житие Феодосия Печерского и Сказание о Борисе и Глебе в Успенском сборнике XII века.

[3] На основании изучения языка Синодального списка «Русской Правды» акад. Обнорский предположил, что «русский язык старейшей поры ... уже не знал аористических форм, которые в нем были утрачены еще ранее по причине функционального их совпадения с перфектом» («Русская Правда», стр. 764); после обследования языка «Слова о полку Игореве» он отказался от этого предположения и заключил, что аорист и имперфект «были нормальными формами старого нашего литературного языка» («Слово о полку Игореве», стр. 14).

таксис русского языка». Оба эти труда связаны с преподавательской деятельностью автора. Шахматов имел обыкновение заранее писать все читавшиеся им курсы. «Очерк» воспроизводит курс, прочитанный в Петербургском университете в 1911/12 и 1912/13 учебных годах; «Синтаксис» представляет собой рукопись последнего университетского курса Шахматова (1919/20 уч. г.), прерванного смертью почти на полуслове; в состав этой рукописи вошли, повидимому, и материалы непосредственно предшествовавших ему курсов 1916—1919 гг.[1].

Курс 1911—1913 гг. не уложился целиком в отведенные ему часы. Он содержал обширное введение, посвященное вопросу о происхождении и составе современного русского литературного языка, фонетику и морфологию. Синтаксис не входил в его задачи. Но и в области морфологии обстоятельно освещены только имя существительное и глагол, причем словообразование даже в этих разделах затрагивается лишь попутно. Прилагательное, местоимение и числительное изложены в форме беглого обзора; неизменяемые части речи вовсе отсутствуют. Таким образом, «Очерк» носит несколько фрагментарный характер. Впоследствии, за год до смерти, Шахматов приступил к составлению нового университетского учебника по современному литературному языку, включив в него и синтаксис, но был отвлечен от этой работы составлением развернутого курса синтаксиса [2]; в связи с этим он отклонил предложение Государственного издательства напечатать «Очерк» с литографированного издания, без переработки.

В этой главе будут рассмотрены в их последовательном развитии, на основании опубликованных трудов, лекций и устных высказываний Шахматова, главнейшие особенности его учения о звуковом и грамматическом строе современного русского литературного языка.

2. Учение о звуковом составе и «звуковых законах» современного русского литературного языка в первый раз было изложено Шахматовым кратко в курсе истории русского языка в 1908/09 учебном году. В «Очерке» изложение этого раздела отличается систематичностью и полнотой [3].

В классификации звуков Шахматов следует известному труду Сиверса [4], который, в свою очередь, опирается на фонетические концепции английских ученых Белла и Сунта. Построенная по принципам этих лингвистов система гласных чрезвычайно сложна и запутана различением гласных «напряженных» и «ненапряженных»; у Шахматова это различение, нечеткое по существу, осложнено

---

[1] О составе и состоянии рукописи см. заметку «От редактора» в 1-м выпуске «Синтаксиса», стр. 435—437.

[2] См. «Синтаксис», вып. I, стр. 435, заметка «От редактора», со сноской, и вып. II, стр. 195, заметка «Деление грамматики»; ср. выдержки из письма Шахматова к акад. Ляпунову от 12 августа 1919 г. («Известия Отделения русского языка и словесности Росс. Акад. наук», т. XXIX, стр. 103—104).

[3] Иллюстрацией к изложению фонетики в «Очерке» могла бы служить составленная Шахматовым фонетическая транскрипция русского литературного текста, напечатанная в книге О. Брока «Очерк физиологии славянской речи» («Энциклопедия славянской филологии», вып. 5, СПБ 1910, стр. 257—258), если бы она не содержала значительного числа опечаток или описок.

[4] E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5. Aufl., Leipzig 1901. Шахматов ссылается на этот труд в «Курсе», ч. I, изд. 2-е, стр. 34.

отожествлением с различиями гласных «закрытых» («узких») и «открытых» («широких»), к чему, впрочем, подает повод и сам Суит [1]. Подлинное различие между напряженностью и ненапряженностью гласных в русском языке (т. е. напряженностью или ненапряженностью всего произносительного аппарата при их производстве) определяется в первую очередь ударностью или безударностью; различие же по напряженности (притом только в отношении органов полости рта) между «закрытыми» (более напряженными) и «открытыми» (менее напряженными) гласными обнаруживается лишь при равенстве условий ударения и настолько микроскопично, что воспринимается говорящими в другой плоскости — как различие в степени раскрытия рта (что и отмечается терминами «закрытые» и «открытые гласные») или в степени подъема (изгиба) языка по направлению к нёбу (что выражается терминами «узкие» и «широкие гласные», иначе — «гласные высокого» и «низкого подъема». Шахматов не различает этих двух источников «напряженности» и, в результате, получает для русского литературного языка 22 гласных, не считая редуцированных.

Загроможденность этого описания исчислением множества мелких оттенков, сопоставленных в качестве равноправных величин, лишний раз доказывает, что единственным целесообразным методом изучения фонетической системы того или иного языка является метод фонологический, опирающийся на различение, с одной стороны, фонем, как комплексов произносительно-слуховых признаков, непосредственно служащих для дифференцирования слов, и, с другой стороны, вариантов фонем, как более конкретных произносительно-слуховых образований в определенных комбинаторных условиях. Однако ставить Шахматову в вину отсутствие в его фонетике фонологического принципа было бы несправедливо: мы и до сих пор не располагаем сколько-нибудь обстоятельным фонологическим изложением русской фонетики; вместе с тем, теория фонемы в ту пору, когда Шахматов читал свой курс, как и в продолжение последующих 10—12 лет, существовала только в индивидуалистической интерпретации творца этой теории Бодуэна-де-Куртенэ и его школы; между тем Шахматов, в известном противоречии со свойственными ему общими взглядами на язык, в область фонетики индивидуализма не допускал: об этом свидетельствует, между прочим, цитированное выше его возражение против метода бодуэновской школы в связи с вопросом о чередованиях.

Рассматривая современный русский литературный язык как московское наречие, Шахматов, естественно, описывает, в качестве литературного, произношение Москвы. Единство этой орфоэпической системы расшатывалось уже давно, однако до революции произношение московской интеллигенции и московской сцены, в то время еще более или менее единообразное, могло играть роль идеальной нормы. В связи с глубокими социальными сдвигами нашей эпохи, эта норма пала. Сейчас в области произношения приходится говорить не столько о нормах, сколько о более или менее явственных тенденциях пере-

[1] «Курс», ч. I, стр. 39; «Очерк», стр. 98. Критику отожествления «напряженных» и «ненапряженных» гласных с «закрытыми» (или «узкими») и «открытыми» (или «широкими») см. у Sievers'a, назв. соч., §§ 257—258, и у O. Jespersen'a, Lehrbuch der Phonetik, 2. Aufl., Leipzig—Berlin 1913, SS. 145—146.

стройки [1]. Тем не менее, главы «Очерка», посвященные «звуковым законам» русского литературного языка (VII—X), представляют значительную ценность: с одной стороны, они содержат чрезвычайно точную, полную и в то же время сжатую характеристику коренного московского произношения, от которого нам и сейчас приходится отталкиваться при наблюдениях над нарождающимися нормами и при описании орфоэпических изменений, происходящих в наши дни; с другой стороны, учитывая варианты литературного произношения, «индивидуальное», «искусственное» и «книжное» произношение, Шахматов в ряде случаев отметил такие звуковые явления, которые в наше время становятся преобладающими.

3. Грамматические принципы Шахматова развивались и видоизменялись на протяжении последних десяти лет его жизни и научной деятельности.

В ту пору в русской науке были актуальны два грамматических учения — построение одного из замечательнейших русских лингвистов, харьковского профессора Потебни, опубликовавшего в 1874 году свой капитальный труд «Из записок по русской грамматике» [2], и построение учителя Шахматова, Фортунатова, читавшего в Московском университете курс сравнительного языковедения с 1875/76 по 1901/02 учебный год (стало быть, и в те годы, когда слушал его лекции Шахматов) [3]. Вне того или иного отношения к этим двум учениям немыслимо было для русского лингвиста строить грамматическую систему — с такой яркостью и полнотой воплотила каждая из них два противоположных, взаимно исключающих течения в разработке грамматики [4]. Так обстояло дело тридцать лет назад, так обстоит оно и сейчас — с той разницей, что современным русским лингвистам приходится считаться, кроме учений Фортунатова и Потебни, с двумя позднейшими грамматическими системами — с системой Шахматова и другой, созданной его современником, Пешковским.

---

[1] См. по этому вопросу серию статей проф. Л. В. Щербы, проф. Р. И. Аванесова и автора этой статьи в журналах «Говорит СССР», 1936, №№ 1, 3 и 6, и «Русский язык в школе», 1936, № 5, 1937, № 3.

[2] В журнале «Филологические записки» за 1874 г. (ч. I) и в «Записках Харьковского университета» за 1874 г. (ч. II); 2-е, исправленное и дополненное издание обеих частей, Харьков 1888. III часть вышла уже после смерти автора (1891), Харьков 1899.

[3] Этот курс многократно перерабатывался Фортунатовым и переиздавался под его наблюдением литографским способом (см. составленный Шахматовым некролог, посвященный памяти Фортунатова, в «Отчете о деятельности Отделения русск. яз. и словесн. Академии наук за 1914 год», стр. 14—15). Последнее законченное издание: «Сравнительное языковедение, лекции орд. проф. Ф. Ф. Фортунатова, читанные в 1899/900 г.». Позже вышло «Сравнительное языковедение (общий курс), лекции заслуж. проф. Ф. Ф. Фортунатова, читанные в 1901/02 г.»; это издание осталось незаконченным.

[4] Сравнительную характеристику учений Потебни и Фортунатова см. в моей вступительной статье к 6-му изданию книги А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (М. 1938); более обстоятельный анализ обоих построений, равно как и учения Шахматова, однако без обзора теории словосочетания и предложения, — в книге В. В. Виноградова «Современный русский язык», вып. I, М. 1938. О грамматическом учении Потебни в целом см. его же статью «А. А. Потебня» в журнале «Русский язык в школе», 1938, № 5—6.

Уже первые высказывания Шахматова по теоретическим вопросам грамматики — его рассуждения о грамматической форме слова и о частях речи в курсе истории русского языка 1909/10 г. — обнаруживают, наряду с известной зависимостью от взглядов Фортунатова, определенные уклонения от его системы, стремление преодолеть характерный для нее разрыв между содержаниями мысли и их языковой формой. Подобно Фортунатову, Шахматов в этот период делит части речи прежде всего на «изменяемые» и «неизменяемые» [1]; подобно Фортунатову, он утверждает, что «грамматическая форма слова определяется или присутствием в ней окончания, или отсутствием его» [2]; вслед за Фортунатовым, он находит в языке «ряд слов, не выделяющих из себя формальных значений» [3]. Совокупность этих формулировок не оставляет сомнения в том, что Шахматов на этом первом этапе, не повторяя фортунатовского определения формы слова как «способности отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» [4], тем не менее опирается на него.

Но в то же время, с чрезмерной прямолинейностью развивая положения Потебни, он утверждает, что «формальное значение слова познается только по связи одних слов с другими» [5] и, уже вне зависимости от обоих названных авторитетов, что «формальные значения слов», иначе «категории», зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами, — «от тех трех главных категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего» [6]. Эти три главные категории реальных значений определяются как представления о предметах, представления о качествах, свойствах предметов и представления о действиях, состояниях предметов [7]. Трем основным категориям реальных значений слов подчинены формальные значения, возникающие вследствие того, что изменяемые части речи вступают во взаимные отношения в предложении [8]. Таковы формальные значения падежа и числа в существительных, падежа, числа, рода и степени в прилагательных, лица, числа, времени, наклонения, залога и вида в глаголах [9]. Таким образом, Шахматов решительно отказывается от фортунатовского различения «грамматических классов слов», опирающихся на наличие в них тех или иных «форм», и «классов неграмматических, основы-

---

[1] «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 6.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 6.
[4] Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1901/02, стр. 203—204.
[5] «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 4. Ср. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, изд. 2-е, стр. 36: «Нет формы, присутствие и функции которой узнавалось бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке». Приведенная формулировка Шахматова, в отличие от ее первоисточника, недостаточно гибка, для того чтобы объяснить, почему формальны значения числа в существительном, значения времени, наклонения и вида в глаголе.
[6] «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 5.
[7] Там же, стр. 5.
[8] Там же, стр. 6.
[9] Там же, стр. 6—9.

вающихся на классах значений слов» [1]: для него, как и для Потебни, «форма» есть функция «значения» [2].

Этот несколько схематичный набросок грамматической системы обнаруживает противоречивые тенденции, борьба которых послужила импульсом к ее дальнейшему плодотворному развитию.

4. В «Очерке современного русского литературного языка» Шахматов излагает систему склонения, спряжения и вообще словоизменения — излагает чрезвычайно систематично и, в отношении существительного и глагола, со значительной полнотой. Подробно он выясняет — на основании собственного употребления, как наметил во вступительных замечаниях к курсу, — условия образования формы родит. и местн. над. ед. ч. на *-у* в существительных мужского склонения, им. над. мн. ч. на *-á* и *-ья* в том же склонении, место ударения в формах склонения и спряжения. На основных понятиях грамматики он в этом курсе не останавливается и не дает даже определений изучаемых частей речи. Тем не менее «Очерк» представляет значительную ценность и с точки зрения методологии грамматики. Развивая программу, намеченную в курсе истории русского языка, Шахматов устанавливает здесь грамматические «категории» в пределах имени существительного и глагола; наряду с общеизвестными категориями рода, числа, падежа, одушевленности и неодушевленности, «умалительности, уничижительности и увеличительности», он выявляет в существительном категории «лица и нелица», «отвлеченности и конкретности», «единичности и множественности» (не совпадающую с категорией «числа»), «собирательности», «вещественности». Ценной является здесь уже самая идея выяснения скрытых в словах формальных значений. Еще более интересен метод, которым он пользуется для обнаружения этих категорий: во всех этих случаях основанием для констатирования формального значения именно как формального, грамматического, служат для него те или иные морфологические или синтактические особенности, подмечаемые с изумительной тонкостью. Блестящей иллюстрацией этого метода может служить анализ категории «лица и не-лица» [3], которой в «Синтаксисе» соответствует более адэкватная языковым данным категория «лица мужеского полу» [4].

Подобным же образом, хотя несколько менее систематично (ср. параграф, озаглавленный «Прочие значения глагольных основ») и с меньшей самостоятельностью, разработаны категории, свойственные глаголу [5]. В более совершенной и более самостоятельной

---

[1] Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1901/02, стр. 240—241.

[2] Ср. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, изд. 2-е, стр. 29: «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением».

[3] «Очерк», стр. 128—129.

[4] «Синтаксис», § 511.

[5] Учение Шахматова о категориях глагола, изложенное в «Очерке», обнаруживает значительное влияние трудов Ульянова и Фортунатова: см. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II: Основы, обозначающие различия по видам, Варшава 1895; Ф. Ф. Фортунатов, Разбор названного сочинения Ульянова (напечатан в «Отчете о присуждении Ломоносовской премии в 1895 году», помещенном в «Сборнике

форме представлено учение о категориях глагола в «Синтаксисе». Да и в целом изложение системы грамматических категорий в «Очерке» — только предварительный набросок того учения, которое Шахматов развил во втором выпуске своего последнего, незаконченного труда.

5. В «Синтаксисе» Шахматов подошел вплотную к основным проблемам грамматики — к проблеме грамматической классификации слов, к проблеме предложения и, наконец, к проблеме построения системы грамматики.

В набросках вступления к начатому учебнику по современному литературному языку Шахматов намечает рациональный план изложения курса. «В языке, — пишет он, — бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения)»[1]. Отсюда он заключает, что «учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звуках, учению о словообразовании и учению о словарном составе. Первые три дисциплины объединяются термином — синтаксис, за ними следует морфология, далее фонетика, учение о словообразовании и лексикология»[2].

Мысль о том, что изложение учения о языке целесообразно начинать с предложения, не раз высказывалась в литературе. В 40-х годах, по методическим соображениям, настаивал на таком порядке изложения Буслаев[3]. В 1902—1908 гг. ту же мысль выдвигал в ряде статей о преподавании русского языка в средней школе Д. Н. Овсянико-Куликовский[4]. Независимо от задач преподавания, ставил вопрос о целесообразности такого плана изложения Вильгельм Вундт[5]. Однако никто, кажется, такого плана не осуществил. Отступил перед ним и Шахматов: к приведенным соображениям он присоединил оговорку, что в своем очерке будет следовать обычному порядку (фонетика, морфология, синтаксис; остальные два отдела в учебник вообще не включались), и только последний свой университетский курс (1919/20 уч. г.), объявленный под тем же названием, что и курс, читавшийся в 1911/12 и 1912/13 уч. гг.— «Очерк современного русского литературного языка», — начал с синтаксиса.

Отдел. русск. яз. и словесн. Ак. наук», т. 64, № 11, СПБ 1897); его же «О залогах русского глагола» («Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук», т. IV, 1899, кн. 4, и «Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук», т. 77, № 1, СПБ 1899, стр. 34—39).

[1] «Синтаксис», вып. I, стр. 423; ср. вып. II, стр. 195.

[2] Там же, ч. II, стр. 195.

[3] Ф. Буслаев, О преподавании отечественного языка, по 2-му изд. (М. 1867), стр. 7, 81.

[4] Подробное изложение статей Овсянико-Куликовского см. в книге Н. С. Державина «Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе», Пг. 1917, стр. 239—245 (особенно стр. 244).

[5] W. Wundt, Völkerpsychologie, I Bd.: Die Sprache, 2. Aufl., 2. Teil, Leipzig 1904, S. 255, Note.

Значение термина «морфология» в словоупотреблении Шахматова колеблется. В цитированных набросках он выделяет «словообразование» в особый раздел языкознания [1] и, следовательно, ограничивает «морфологию» учением о словоизменении; так и в некоторых других местах [2]. Но отмечая, что «части речи могут различаться морфологически», он поясняет: «т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением (т. е. словообразовательными элементами. — *С. Б.*), или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи» [3].

Синтаксис Шахматов определяет как «часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мысли в слове» [4]. Здесь он следует Потебне и его ученику Овсянико-Куликовскому. Потебня противополагал «этимологию» (термин «морфология» в его время не был в ходу) «синтаксису» как «создание форм» их «употреблению» [5] или как «историческую точку зрения» «описательной» [6] и «синтаксис» характеризовал как «момент истории языка» [7]. Овсянико-Куликовский определял синтаксис как «часть грамматики, занимающуюся изучением употребления слов и их сочетаний в процессах речи — мысли» [8].

Неудивительно, что при столь широком определении синтаксиса «вне области синтаксиса остаются» в системе Шахматова «только те элементы языка, которые потеряли свою непременную связь с предложением, которые хотя и обнаруживаются в предложении, но могут быть отвлечены от него, не завися ни в своей форме, ни в своем значении от окружающих слов. Эти элементы рассматриваются частью в других частях грамматики (фонетике, морфологии, словообразовании), частью в тех отделах учения о языке, которые посвящены слову, отвлеченному от предложения (лексикология, семасиология)» [9]. С точки зрения Шахматова, всякая грамматическая форма, рассматриваемая со стороны значения, есть форма синтактическая. В этом он совпадает с Потебней, который утверждал, что «синтактические отношения формы всегда согласны с нею самою» [10]. В беседах Шахматов высказывал мысль, что в морфологии следует сохранить только материальную часть словоизменения и рассматривать ее как подсобную дисциплину синтаксиса.

6. Итак, изложение синтаксиса Шахматов начинает учением о предложении. Предложение, согласно его определению, есть «единица речи, воспринимаемая говорящими и слушающими как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы

---

[1] «Синтаксис», вып. I, стр. 423; вып. II, стр. 195.
[2] См., например, «Синтаксис», § 516.
[3] Там же, § 489.
[4] «Синтаксис», вып. I, стр. 423.
[5] Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 46.
[6] Там же, стр. 38.
[7] Там же, стр. 39.
[8] Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПБ 1912, стр. 1.
[9] «Синтаксис», ч. I, стр. 423.
[10] Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 41.

мышления». Далее Шахматов выясняет генезис предложения в сознании говорящего и социальное назначение соответствующего психического акта. «Психологическою основою предложения, — пишет он, — является сочетание представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений». Этот психический акт Шахматов называет «коммуникацией» или, как он иначе выражался в лекциях, «психологическим сообщением» [1].

Три признака характеризуют осуществляющееся в коммуникации сочетание представлений. 1) Это всегда сочетание двух представлений, простых или сложных. 2) Это сочетание представлений произвольное, «умышленное» [2]. 3) Эта связь между представлениями есть связь предикативная, «т. е. вообще определяющая, в частности зависимая, причинная, генетическая» [3].

Уже из сказанного ясно, что коммуникация есть акт близкий к психологическому суждению, и дальнейший ее анализ подтверждает это наблюдение. Тем не менее Шахматов предпочитает воспользоваться новым термином — для того, чтобы охватить любые типы предикативного сочетания представлений: он, с полным основанием, указывает, что предложения вопросительные, повелительные и выражающие желания не подходят под понятие суждения, т. е. утверждения или отрицания чего-либо о чем-либо [4]. Самый термин Шахматов заимствовал, как он указывает, у шведского лингвиста Сведелиуса [5]. Однако в этот заимствованный термин он вложил новое содержание. Правда, и Сведелиус рассматривает элементы языка со стороны значений, но термин «коммуникация» он применяет равно и к психическому субстрату единицы речи и к его внешнему выражению. Шахматову же требовался термин для обозначения определенного психического образования в отличие от материальной данности. Подобно тому как Бодуэн-де-Куртенэ в свое время заимствовал у французских лингвистов термин «фонема», чтобы обозначить им психическое образование, составляющее субстрат физически существующего «звука речи», — Шахматов придал термину «коммуникация» психологическое значение, противопоставив этому понятию осуществляемое в произносимой и слышимой речи «предложение» [6]. В «коммуникации» Сведелиуса Шахматова привлекал, между прочим, телеологический момент: тезис о социальном назначении языка служил одним из краеугольных камней его лингвистического мировоззрения.

---

[1] См. «Синтаксис», § 1. Отдельные элементы этих определений (кроме признака социально-телеологического) восходят к B. Delbrück'y (Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, 1. Teil, Strassburg 1893, S. 75) и Х. Зигварту (Логика, перевод И. А. Давыдова, т. I, СПБ 1908, стр. 23—24).

[2] Шахматов неоднократно упоминает о «движении воли» как необходимом условии коммуникации, но нигде не развивает этого положения. Обстоятельно пишет об этом Wundt (Die Sprache, II, S. 241—245).

[3] «Синтаксис», § 2.

[4] Там же, § 1, сноска; § 2.

[5] Там же, § 1, сноска. См. C. Svedelius, L'analyse du langage appliquée à la langue française, Upsala 1897.

[6] Ср. аналогичное противопоставление «предложения» «суждению» у Зигварта («Логика», I, стр. 23).

Термин «сочетание представлений» в составе определения коммуникации восходит к Паулю [1] и Вундту [2], но Шахматов придает ему несколько иное значение. Подобно Зютерлину [3], он имеет в виду не акт связывания, соединения двух первоначально независимых друг от друга представлений, как Пауль, и, тем паче, не акт выделения из совокупного представления двух его компонентов, как Вундт, а всего только факт предикативного объединения двух представлений. Он полагает, что коммуникация, а с ней и предложение, может возникать как путем требуемого учением Вундта расчленения «совокупного представления», так и путем соединения представлений, согласно теории Пауля. Но он сознательно уклоняется от трактовки этого вопроса в составе своих определений. Генетический характер определений предложения, данных Паулем и Вундтом, он считает с точки зрения языкознания методологической ошибкой; они определяют, по его мнению, не предложение и не непосредственный его психический субстрат, а отдаленно предшествующие его образованию психические процессы. Шахматов не отрицает, что начальным моментом коммуникации служит, наряду с «движением воли, направленной к сообщению...», разложение «сложных, расплывчатых образов» (что, впрочем, не вполне совпадает с мыслью Вундта, который имеет в виду единое совокупное представление, расчленение которого приводит к образованию предложения); но этот процесс протекает во внутренней речи, а начинается даже за ее пределами, в «глубочайших недрах человеческой психики» [4]; лингвисту же надлежит изучать не эти психологические проблемы, а «обнаружение мышления в слове — иначе, в совокупности внешних знаков, воспроизводимых органами речи и воспринимаемых слухом» [5].

Служа выражением коммуникации, предложение в то же время является не копией ее, а скорее отражением. «По существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, — пишет Шахматов, — но конечно не в отношениях материальной природы первого к психической природе второй, а в отношениях смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации» [6]. «Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации; но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психическая природа соответствующих грамматическим формам представлений» [7].

Несоответствие между предложением и коммуникацией может обнаружиться прежде всего с точки зрения состава. Коммуникация всегда двучленна; всегда она является как сочетание двух представлений — независимого, господствующего — субъекта — и зависимого,

---

[1] H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4. Aufl., Halle 1909, S. 121.
[2] W. Wundt, Die Sprache, II, S. 239 ff., 245.
[3] H. Sütterlin, Das Wesen der sprachlichen Gebilde, Heidelberg 1902, S. 245.
[4] «Синтаксис», § 3.
[5] «Синтаксис», вып. I, стр. 423.
[6] «Синтаксис», § 10.
[7] Там же, § 5.

подчиненного — предиката[1]; между тем, в предложении оба члена коммуникации могут быть выражены либо одним, либо двумя словесными комплексами. Потому при необходимой двучленности коммуникации приходится различать предложения «двусоставные», в которых два члена коммуникации находят соответственное выражение в двух «составах» предложения, и «односоставные», в которых оба члена коммуникации выражаются в предложении одним словесным составом. Каждый «состав» предложения представляет собою грамматическое единство, т. е. слово или словосочетание, выражающее одно сложное нерасчлененное представление и, в случае словосочетания, внешне объединенное грамматическим тяготением его элементов к одному господствующему слову (например: «растущая на дворе зеленая трава»). По общему правилу, главное слово грамматического единства, выражающего предикат, т. е. зависимый член коммуникации, грамматически подчинено главному слову единства, выражающего господствующий ее член — субъект; таким образом, оба состава двусоставного предложения становятся в иерархические отношения[2].

Приняв, в согласии с господствующими учениями психологии мышления, точку зрения необходимой двучленности всякой коммуникации, Шахматов тем самым отвергает представленный в литературе Миклошичем[3] и Марти[4] взгляд на безличные предложения как на образования психологически одночленные (выражения «бессубъектных суждений», в формулировке Миклошича). Вместе с Зигвартом[5] он полагает, что в единственном словесном члене односоставного предложения — в его звуковом составе и в интонации — находят выражение оба члена коммуникации — субъект — представление известной субстанции или признака — и предикат — представление о наличности данной субстанции или признака[6].

Рассматривая безличные предложения как одночленные словесные выражения двучленных психических образований, Шахматов следует, главным образом, Зигварту и Дитриху[7]. Вместе с тем он становится в резкую оппозицию Паулю, который, расходясь с господствующим взглядом, утверждает, что «всякое предложение состоит по крайней мере из двух элементов», безличные предложения трактует как неполные предложения, и подлежащим предложения «Klagen, nichts als Klagen, Bittschriften, nichts als Bittschriften» считает письма, которые говорящий держит в руках[8]. Шахматов, вслед за Дельбрюком[9], реши-

---

[1] «Синтаксис», §§ 5, 10.
[2] Там же, §§ 12, 13.
[3] F. Miklosich, Subjektlose Sätze, 2. Aufl., Wien 1883, S. 25.
[4] A. Marty, Ueber subjektlose Sätze («Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie»), Bdl. 8, 18, 19.
[5] Ch. Sigwart, Die Impersonalien, Freiburg 1888, SS. 75—77, 63 ff., 68 ff.; Х. Зигварт, Логика, т. I, стр. 72—73.
[6] «Синтаксис», §§ 12, 36, 77.
[7] O. Dittrich, Die Probleme der Sprachpsychologie, Leipzig 1913, SS. 88, 70—72. Ср. также Wundt, Die Sprache, II, SS. 224—226; J. Rozwadowski, Wortbildung und Wortbedeutung, Heidelberg 1904, SS. 67ff., 81.
[8] Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, SS. 124, 132, 129.
[9] B. Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, 1. Teil, S. 75.

тельно возражал против внесения в определения членов предложения внешнего по отношению к языку элемента.

Говоря о субъекте и предикате коммуникации, Шахматов подчеркивает несовпадение этих понятий с установленными Георгом фон-дер-Габеленцем [1] и заимствованными у него Паулем [2], Фортунатовым [3] и рядом других лингвистов понятиями «психологического подлежащего и сказуемого». Психологическое подлежащее и сказуемое суть не что иное, как первое и второе по порядку возникновения в сознании и по психической вескости представления. Вместе с Вундтом [4] и Богородицким [5], Шахматов решительно отвергает плодотворность этих понятий для языкознания. Следуя Зигварту [6], он утверждает что субъект и предикат в предикативном сочетании представлений, в отличие от психологического подлежащего и сказуемого, становятся в определенные иерархические отношения не в зависимости от настроения говорящего, а в силу своей природы. Так, при сочетании представления субстанции с представлением признака — активного или пассивного — первое всегда будет субъектом, второе — предикатом. И потому в фортунатовском примере «Птица летит» субъектом коммуникации будет всегда «птица», — как бы говорящий ни переставлял слова и как бы ни распределял ударения [7]. Такая концепция сближает коммуникацию с логическим суждением.

В двусоставных предложениях Шахматов различает два главных члена — подлежащее и сказуемое. Подлежащим он называет грамматически господствующее слово независимого состава (выражающего субъект коммуникации), сказуемым — грамматически господствующее слово зависимого состава (выражающего предикат коммуникации). В односоставных же предложениях — только один главный член [8]. Грамматическая природа главных членов положена в основу дальнейшей классификации предложений. При этом, господствующее положение слова в грамматическом единстве, подобно господствующему положению субъекта в коммуникации, определяется природой выраженного в слове представления. Так, существительное в независимой форме (им. пад.) в составе грамматического единства занимает господствующее положение по отношению к прилагательному и глаголу, прилагательное и глагол — по отношению к наречию [9]. Как будет показано далее, части речи определяются в системе Шахматова по

---

[1] G. von der Gabelentz, Ideen zu einer vergleichenden Syntax («Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. 6, 1868, S. 378; Die Sprachwissenschaft, 2. Aufl., Leipzig 1901, SS. 369—370.

[2] Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, S. 124—125.

[3] Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1899/1900, стр. 178—179; О преподавании грамматики русского языка в средней школе («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПБ 1904), стр. 390—394.

[4] Wundt, Die Sprache, II, SS. 267—269.

[5] В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 4-е, Казань 1913, стр. 282—283, сноска (по 5-му изд. М.—Л. 1935, стр. 201—202, сноска).

[6] Зигварт, Логика, т. I, стр. 434.

[7] «Синтаксис», § 6.

[8] Там же, § 12.

[9] Там же, §§ 5, 17

семасиологическим признакам, и потому приведенные утверждения устанавливают иерархию слов сообразно характеру выражаемых ими классов представлений.

Предложение образует «грамматическое целое»[1]. Связь между его членами — словами, установление между ними отношений грамматического господства и подчинения осуществляется при помощи согласования (т. е. уподобления) формы одного слова форме другого или при помощи установления между формами отношений обусловленности формы одного слова формой другого, далее — порядком слов, ослаблением или изменением значения отдельных слов (например, в формах вспомогательного глагола) и, наконец, интонацией (в обширном смысле)[2]. Основным условием образования предложения, при наличии которого в роли предложений могут выступать отдельные слова или словосочетания, является «законченность мысли и законченность словесного выражения». «Законченность мысли предполагает наличность... сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой интонации», которая служит «непременным объединяющим началом предложения»[3].

На последнем из указанных условий предложения стоит несколько остановиться. Шахматов утверждал, что огромное большинство синтактистов — между прочими Вундт и, особенно, Фортунатов — исходят из представления не о реальном предложении, а об его письменном изображении. «Борьба против смешения письма с языком, которую с такой настойчивостью вел Бодуэн-де-Куртенэ в области фонетики, — говорил он, — должна быть распространена и на синтаксис». Сам он неуклонно держался этого принципа. Из предшественников, которые могли оказать на него влияние в этом направлении, следует назвать Дельбрюка[4], Дитриха[5], Сведелиуса[6], а в русской литературе — Пешковского[7]. У Дитриха Шахматов мог почерпнуть мысль о том, что интонационный (у Дитриха — «модуляционный») признак является существенным для предложения; что именно интонацией отличается предложение — «грамматическое целое» — от простого грамматического единства. В одной из своих лекций он заметил, что словосочетания, которые пишутся на вывесках и в заглавиях, не могут считаться предложениями, потому что их содержание не составляет коммуникации; они не рассчитаны на произнесение, и потому не содержат интонации; это — условные письменные обозначения, которые не встречаются в живой речи и являются такими же «эквивалентами предложения», как шары на пожарной каланче. Вместе с Розвадов-

---

[1] «Синтаксис», § 12.
[2] Там же, §§ 13—17.
[3] Там же, §§ 13, 18.
[4] Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, 3. Teil, Strassburg 1900, S. 4.
[5] O. Dittrich, Die sprachwissenschaftliche Definition der Begriffe «Satz» und «Syntax» («Philosophische Studien», Bd. XIX, 1902); Die Probleme der Sprachpsychologie.
[6] Svedelius, L'analyse du langage appliquée à la langue française.
[7] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М. 1914.

ским [1], Дельбрюком [2], Пешковским [3], в интонации он видел формальный признак предложений типа «NN — воспитанник корпуса» — предложений, которые Фортунатов рассматривал как «неграмматические» («грамматически нерасчлененные») [4]. Далее, эмфаза, т. е. динамический акцент, в безглагольных односоставных предложениях типа «Мороз» или «Морозно» вызывает представление о настоящем времени и о наличности выраженной словом субстанции или признака [5]. В неполных предложениях типа «Мысль достойная государственного человека» эмфаза вызывает представление об опущенном подлежащем. Усиленное ударение на определении указывает на особый — аттрибутивно-предикативный — характер связи между представлениями реальных значений определяемого и определения; например, «Кра́сных лент мы не видели» [6]. Напротив, неударяемость или слабоударяемость слова указывает на его принадлежность к служебным или незнаменательным частям речи [7].

После этого перечня способов образования предложения станет понятен намечавшийся Шахматовым план «Синтаксиса»: «I. Учение о предложении. Виды предложений и главные их члены. II. Учение о словосочетаниях и второстепенных членах предложения. III. Учение о частях речи. IV. Учение о сочетании предложений. V. Учение об интонации предложений. VI. Порядок слов в предложении. VII. Значение предложений и перечень синтактических категорий» [8]. Из этих семи разделов он успел написать только первые три, причем значительная часть учения о частях речи изложена начерно, а предшествующие разделы также не подвергнуты окончательной обработке.

7. В «Синтаксисе» Шахматов развертывает учение о грамматических категориях и о частях речи, предварительные наброски которого он сделал в III части «Курса истории русского языка» и в «Очерке современного русского литературного языка».

Здесь находим прежде всего определение «грамматической категории», иначе — «грамматического понятия» или «грамматического значения», противополагаемого «реальному значению слова» [9]. «Грамматическим понятием, — пишет он, — называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтактическое выражение... Сопутствующими основным значениями являются представления об отношении того или иного реального значения к другому реальному значению, мыслимому в отвлечении; например, отношение к лицу, к полу, к одушевленности или неодушевленности, ко времени, к качеству, к бытию или налич-

---

[1] Rozwadowski, Wortbildung und Wortbedeutung, S. 79.

[2] B. Delbrück, Grundfragen der Sprachforschung. Strassburg 1901, S. 149.

[3] Пешковский, Синтаксис в школе (в журнале-сборнике «Наука и школа», № 1, Харьков 1915), стр. 51—52; позже перепечатано в «Сборнике статей» Пешковского (Л. 1925), где см. стр. 96.

[4] Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, стр. 395.

[5] «Синтаксис», §§ 43, 229.

[6] Там же, § 393.

[7] Там же, § 16.

[8] «Синтаксис», вып. I, стр. 423.

[9] «Синтаксис», § 497.

ности, к числу, к волеизъявлению и т. д.». «Грамматической формой» Шахматов называет «морфологическое обнаружение грамматического понятия» [1].

На базе грамматической категории Шахматов возводит систему частей речи. «Частью речи» называются «те группы слов, которые образуются отношениями основных значений слов к сопутствующим этим значениям грамматическим понятиям» [2].

В поисках определения отдельных частей речи Шахматов исходит из убеждения, что «части речи представляются точно определенными и строго разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно; усомниться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится» [3]. Следовательно, языковым образованиям, известным под именем частей речи, соответствуют строго определенные сопутствующие представления. «Главная задача той части синтаксиса, которая рассматривает части речи, состоит в том, чтобы выяснить наличность и природу в грамматических формах сопутствующих значений»,— говорил Шахматов в своих лекциях. По этому признаку он получает такие определения частей речи. — «Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки» (увеличительности, уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности и т. п.). «Глагол означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями лица, времени, залога, наклонения, вида». «Прилагательное означает ту часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с существительным (заимствуя от него или от соответствующего ему представления грамматические категории числа, рода, падежа... причем прилагательные качественные могут вызывать представление о степенях сравнения». И так далее [4].

Вместе с тем Шахматов указывает, что, наряду с приведенными «синтактическими» основаниями различения частей речи, «имеются и более глубокие основания для такого различения — основания семасиологические: различению частей речи соответствует различная природа наших представлений» [5]. И он приводит, ссылаясь на Вундта и Зигварта, уже использованную им в «Курсе истории русского языка» классификацию представлений, присоединяя к представлениям о субстанциях, о качествах-свойствах (пассивных признаках) и о действиях-состояниях (активных признаках) — еще один класс (заимствованный из тех же источников) — представления об отношениях [6]. Опираясь на эту классификацию представлений, Шахматов выводит новый ряд определений частей речи. Так, существительное определяется как «часть речи, соответствующая, во-первых, предста-

[1] «Синтаксис», § 499.
[2] Там же.
[3] Там же, § 491.
[4] Там же, § 490.
[5] Там же, § 493.
[6] Там же, § 493; ср. § 4; «Курс», ч. III, стр. 5.

влению о субстанции, во-вторых — представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их» [1]. Различая, далее, представления о субстанции как представления самостоятельные и представления о признаках и отношениях как зависимые, Шахматов прибавляет: «существительное это часть речи, которая в своей независимой грамматической форме соответствует независимому представлению, а в зависимой форме соответствует независимому по существу своему представлению, ставшему однако зависимым в данных речью условиях. Все остальные части речи (кроме местоимения-существительного) по самому существу своему соответствуют зависимым представлениям» [2]. «Всякое независимое представление является в форме существительного или субстантивированного имени» [3].

Шахматов останавливается на «процессах перехода одной части речи в другую» [4]. Так, существительные обращаются в наречия — адвербиализуются, или в местоимения — прономинализуются, или в междометия. Адвербиализацию претерпевают, например, существительные «грех», «страх» в примерах из «Горе от ума»: «Над старостью смеяться грех», «И весело мне страх...»; примеры прономинализации существительных «люди», «человек», «женщина» находим в сочетаниях «человек 20 разных людей» (Толстой), «NN — прекрасный человек», «Марья Ивановна — замечательная женщина» (ср. франц. и немецк. неопределенно-личные местоимения on и man из существительных homo, Mann); обращение существительного в междометие находим в таких возгласах, как «Господи!» и т. п. [5].

Исходной точкой для классификации частей речи должны служить «грамматические формы» слов — «морфологические обнаружения грамматических понятий». Но это — только исходная точка: «между словом и принадлежностью его к той или другой части речи нет обязательной необходимости в данной форме слова» [6]. Поэтому Шахматов решительно отвергает так называемый «морфологический» принцип классификации частей речи — по признаку способности слов к тому или другому роду морфологических изменений, — принцип, на котором строил грамматическую классификацию слов Фортунатов. «Морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики», — пишет Шахматов [7]. «Существительное отличается от других частей речи тем, что вызывает представление о сочетании основного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа; это не означает того, что существительное отличается от других частей речи тем, что изменяется по числам, родам, падежам; существительное «пальто» в русском литературном языке не склоняется, но оно вызывает представление о единственном или множественном числе, а также о падежах, как видно из того, что мы

---

[1] «Синтаксис», § 493.
[2] Там же, § 494.
[3] Там же, § 493.
[4] Там же, § 492.
[5] Ср. там же, §§ 519, 579, 591.
[6] Там же, § 492.
[7] Там же, § 492.

говорим «мое пальто», «зимнее пальто», «он вырос из этого пальто»[1]. Против «морфологической классификации» говорят и неизменяемые прилагательные, как «особь» в сочетании «особь статья», диалектальное «полон» в сочетании «полон изба народу»[2]. Наконец, возможность перехода одной части речи в другую без изменения формы — субстантивация прилагательных, адвербиализация существительных и т. п. явления, — также не мирится с «морфологическим» основанием классификации[3].

В каком же отношении стоят эти взгляды на грамматическую форму и на грамматическую классификацию к тем, которые Шахматов излагал в своем первом наброске грамматической системы — в цитированной выше лекции по курсу истории русского языка?

Мы видим, что в своей новой концепции Шахматов сохранил убеждение в том, что формальные значения слов стоят в зависимости от значений реальных, и в то же время устранил суженное фортунатовское определение формы слова. Строго говоря, понятие слов, лишенных формы, с точки зрения «Синтаксиса» Шахматова, может быть сохранено: ведь не всякому слову свойственно «морфологическое обнаружение грамматического понятия»; есть немало слов, в которых формальное значение обнаруживается только синтактически. Но это потенциальное сходство новых формулировок Шахматова с концепцией Фортунатова является чисто внешним и возникает в результате терминологического различения «грамматической категории» и «грамматической формы»; в действительности же Шахматов пришел к противоположному взгляду: слово может быть лишено звукового выражения грамматического значения, но не самого этого значения; слово может не иметь реального значения — таковы «служебные части речи», как предлог и союз, — но без грамматического значения, вне грамматической категории слово невозможно[4]. Таким образом, в период «Синтаксиса» Шахматов уже не мог бы повторить своего прежнего утверждения о «словах, не выделяющих из себя формальных значений». Он следует Потебне, который утверждал, что мысль не всегда нуждается в звуке «для распознавания формы»: в иных случаях она пользуется «более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью, или схемою форм»[5]. Шахматов отступает от Потебни только в терминологии: Потебня находит, что понятие формы исчерпывается значением[6] и от «формы» отличает ее «внешний знак»[7], а Шахматов именно этот «внешний знак» называет «формой», сохраняя для значения формы термин «категория».

Положив в основу учения о частях речи понятие грамматической категории и различив «грамматическую категорию» и «грамматическую форму», Шахматов углубил методику грамматического иссле-

---

[1] «Синтаксис», § 491.
[2] Там же, § 396.
[3] Там же, § 492.
[4] Там же, §§ 493, 497.
[5] Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I — II, стр. 58.
[6] Там же, стр. 52: «Грамматическая форма... есть значение, а не звук».
[7] Там же, стр. 55.

дования, которую он применял уже в «Очерке». Отправной точкой исследования, — говорил он в лекциях по синтаксису, — должен служить материал, почерпаемый из физически осуществляемой и воспринимаемой внешней речи. От звукового обнаружения мысли исследователь восходит к значениям. Так, наличие в языке формы повелительного наклонения позволяет заключить о существовании в данном языке категории повелительности. Но, с другой стороны, может оказаться, что эта категория находит выражение и в других формах — в других звуковых обнаружениях, например, в форме инфинитива, произнесенной с соответствующей интонацией. Поэтому, установив при помощи формы известное значение, категорию, исследователь должен проделать обратный путь — и с точки зрения найденной категории вновь пересмотреть весь материал внешних обнаружений мысли в языке. В результате получится двойная система соответствий: 1) форма повелительного наклонения выражает грамматические категории повелительности, условности и т. д.; 2) категория повелительности выражается в форме повелительного наклонения, в форме инфинитива с определенной интонацией и т. д. Таким образом, отправляясь от слов — от внешних знаков значений, — синтактист должен прийти к грамматическим категориям, а затем, обнаружив в сознании говорящих наличие определенных категорий, определенные психические образования, вернуться к периферии — и установить систему соответствий между грамматическими категориями и внешне разнородными знаками их обнаружения. И только в этой второй системе синтаксис отвечает своей подлинной задаче — быть учением «о способах обнаружения мышления в слове». «Перечень синтактических категорий», по замыслу Шахматова, должен был увенчать здание «Синтаксиса» [1].

Подводя итог учению Шахматова о грамматической категории, грамматической форме и частях речи, констатируем, что его классификация построена на семасиологической основе. Таким образом, в этом существенном вопросе учение Шахматова резко расходится с системой Фортунатова и сближается с системой Потебни.

8. Классификацию частей речи и классификацию членов предложения Шахматов построил на разных основаниях — одну на основе свойственных отдельным словам «сопутствующих представлений», другую на основе выражаемых в предложении отношений между представлениями. Это позволило ему освободить свою систему от традиционной ошибки синтактистов — от восходящего к античной грамматике взгляда на глагол как на необходимый элемент всякого предложения. Невозможность предложения без глагола категорически утверждал Потебня [2], вообще обнаруживавший стремление подчинить классификацию частей речи классификации членов предложения. Овсянико-Куликовский, разделяя этот взгляд, утверждал, что в предложениях типа «Мороз!» существительное «оглаголено» [3]. Шахматов старался освободиться от этого предрассудка, и его

[1] «Синтаксис», вып. I, стр. 423.

[2] Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 77—78, 80—81, 110.

[3] Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 52—53.

классификации давали ему полную возможность избегнуть подобных натяжек. Недаром во всех современных синтактических системах — у Потебни, Овсянико-Куликовского, Фортунатова, Пешковского, у Дельбрюка, Пауля и Вундта — он слышал незаслуженный «дифирамб глаголу»[1].

Однако провести вполне последовательно принцип освобождения понятия предложения от ярма глагольности Шахматов все же не решился. Так, предложения типа «Теперь мороз» (в отличие от «Мороз»), «Вот вам софа» (в отличие от «Вот софа») он признает неполными: в них опущен глагол, потому что обстоятельство «теперь» в первом примере, дополнение «вам» во втором не могут относиться к существительному[2]. «Правда, мы не подберем глагола, который выразил бы эту связь», — замечает Шахматов по поводу последнего примера — и тем не менее оставляет в силе свое решение задачи. Между тем это замечание почти буквально совпадает с комментарием Овсянико-Куликовского к подобным примерам: «здесь глагол присутствует как форма, как грамматическая идея или категория глагольности, и отсутствует в смысле определенного, точно обозначенного лексического значения». Сочетание наречия, обозначающего время, с существительным создает столь же полный смысл, как и существительное без этого наречия. Дательный падеж существительного (конечно, также и личного местоимения) может и без помощи глагола выражать значение лица, к которому стоит в определенном отношении какой-либо предмет. Концепция Шахматова (которая в этом случае совпадает с традиционной) преувеличивает действительную степень централизованности предложения: в действительности слова и формы в известных случаях способны выражать взаимоотношения обозначаемых ими понятий (или, если угодно, представлений) путем непосредственного сопоставления в составе предложения, и едва ли можно признать обоснованным примышление слов, якобы опущенных и подразумеваемых и в то же время неуловимых, не поддающихся восстановлению.

Известная непоследовательность в разграничении принципов классификации членов предложения и частей речи обнаруживается у Шахматова и в нечетком определении, которым открывается второй выпуск его труда: «Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи»[3]. Казалось бы, что слово в его отношении к предложению должно определяться как член предложения. В системе Шахматова это не одно и то же. Неудивительно, что на эту формулировку впоследствии сослался Пешковский для подкрепления тезиса, прямо противоположного всей концепции Шахматова, — для доказательства ненужности двойной классификации слов — как членов предложения и как частей речи[4]. Повидимому,

---

[1] Ср. «Синтаксис», § 191. Разбор традиционной концепции см. в моей вступительной статье к 6-му изданию книги Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 31—34.

[2] «Синтаксис», §§ 27, 39.

[3] «Синтаксис», § 489.

[4] Пешковский, О грамматическом разборе («Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3), стр. 9.

Шахматов смешал здесь слова как лексемы, требующие сопоставления в словаре, в качестве изолированных из контекста языковых величин, и слова, мобилизованные в связной речи; если воспользоваться терминологией де-Соссюра, — наблюдаем здесь смешение «ассоциативных связей» с «синтагматическими»[1].

9. В качестве одной из общих особенностей лингвистической методологии Шахматова мы отметили известную гипертрофию историзма, не раз приводившую его к перенесению на современный язык условий его развития в прежние эпохи. В «Синтаксисе» Шахматов в значительной мере освобождается от подобных ошибок. «При определении синтактических явлений и категорий, — пишет он, — нет необходимости справляться всякий раз с вопросом об их происхождении; они должны быть прежде всего определены с точки зрения современного их употребления и значения». И, став на эту точку зрения, он отвергает понимание безличных предложений как неполных, независимо от гипотез об их природе в древние эпохи индоевропейских языков[2]. «Синтактические отношения познаются вообще на основании данных в языке отношений, а не исторических соображений», — замечает он в другом месте. И на этом основании рассматривает предложение «Я хожу» как двусоставное, несмотря на то, что исторически оно восходит к односоставному предложению «Хожу»[3].

Но, с другой стороны, анализируя учение Вундта о предложении как продукте расчленения совокупного представления, он выдвигает в пользу этой теории рабочую гипотезу о том, что предложение типа «Корова пасется» восходит исторически к прототипу «Пасущаяся корова», и отвергает ее как лишенную твердой почвы[4]. Между тем даже в том случае, если бы эта гипотеза оказалась обоснованной, она не могла бы служить доводом в пользу учения Вундта, так же как ее несостоятельность не может служить доводом против этого учения: Вундт говорит не о происхождении современного предложения из того или иного древнего прототипа, не об исторической трансформации языкового мышления, а о процессах, происходящих в сознании современного человека (или вообще человека, пользующегося языком определенной структуры).

Таким образом, надо признать, что преодолеть до конца свойственную «сравнительно-исторической школе» порочную концепцию историзма Шахматову не удалось.

10. Другая методологическая особенность предшествующих «Синтаксису» грамматических рассуждений Шахматова — психологистический индивидуализм. Выше мы показали, к каким неудачным утверждениям приводила его эта концепция в «Очерке современного русского литературного языка». И там же мы убедились в том, что в «Синтаксисе» эти утверждения заменены другими, освобожденными от своего основного порока. Конечно, синтаксис Шахматова есть синтаксис психологистический. Об этом свидетельствуют прежде всего

[1] Де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 121—124.
[2] «Синтаксис», § 78.
[3] Там же, § 163.
[4] Там же, § 160.

основные его определения — определения предложения и его главных членов. Но психологизм в построении Шахматова принимает особую форму, в значительной мере нейтрализующую яд индивидуализма.

Шахматов твердо стоял на той точке зрения, что язык представляет собой систему психических окаменелостей — шаблонов, в которых застыли психические процессы. Он часто цитировал слова Пауля: «Грамматическая категория есть окаменевшая категория психологическая»[1]. Но моменту «окаменения» он придавал гораздо больший вес, чем сам автор этой формулы. Всякая грамматическая категория восходит к психическому процессу; но как явление языковое она представлялась ему застывшим продуктом этого процесса, говоря словами Гумбольдта — ἔργον, а не ἐνέργεια. Грамматические категории и типы предложений, в понимании Шахматова, — это шаблоны, выработанные человеческой мыслью в целях языкового общения. И мысль, — представлялось ему, — в процессе внутренней речи неуклонно подводится под эти шаблоны, ассоциируется с ними как с внешними знаками, и только с этим грамматическим штампом получает словесное выражение. Он любил подчеркивать принудительный и объективный, внешний характер языка по отношению к индивидуальной психике. Задачу синтаксиса он видел в составлении возможно полного каталога этих психических окаменелостей и классификации их по генетическому признаку — застывших в них психических процессов. А борьбу между мыслью и навязываемыми ей языковыми шаблонами он исключал из поля зрения лингвиста: «Это, — говорил он, — чтение в сердцах»; эти процессы подлежат изучению при помощи методов индивидуальной психологии, а не языкознания. Изучая предложение, он рассматривал его психический субстрат как сочетание представлений, понимаемое не в процессе его аналитического или синтетического образования, а как наличный в сознании результат, предшествующая история которого для лингвиста интересна, но по существу безразлична[2].

Таким образом, синтактический психологизм Шахматова существенно отличается от психологизма тех лингвистов, которые изучают психические процессы, порождающие речь и сопутствующие ей, «синтактирование», по выражению Дитриха («Syntaxierung»): Шахматов, подобно Потебне, рассматривает психические явления лишь в их объективных результатах, как субстрат грамматических форм; он изучает выработанные языком шаблоны и определяет отразившиеся в них психические образования только в целях классификации. В его синтактической системе не прослеживаются языковые процессы, — в ней лишь классифицируются элементы языка.

Это классификационное задание отразилось и на плане его «Синтаксиса», и на методе исследования, и на характере изложения. «Синтаксис» должен был закончиться «перечнем синтактических категорий». Полнота этого перечня обеспечивалась двойным путем синтактического исследования. Систематичность изложения поддер-

[1] Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, S. 263. Цитировано Шахматовым в «Синтаксисе», § 7.

[2] Ср. замечания Шахматова об иррациональности психологической природы коммуникации («Синтаксис», § 10).

живалась строгой дихотомией понятий и терминов: с одной стороны — ряд психических образований — коммуникация, субъект и предикат, грамматическая категория; с другой — способы их обнаружения средствами языка — предложение, подлежащее и сказуемое, грамматическая форма. И в то же время — обилие новых терминов, часто искусственных и трудно различимых: например, деление неполных предложений на «недостаточные», «нарушенные» и «дефектные», различение определений «аттрибутивно-предикативных» и «предикативно-аттрибутивных» и т. п.; стремление ни одного примера не оставить вне соответствующей клетки, как бы ни была сложна и промежуточна его природа, — стремление, вступавшее в противоречие с исключительно тонкими наблюдениями над переходом слов из одной части речи в другую; и не раз оно приводило к помещению одного и того же примера или явления в различные клетки. Живо чувствуя динамику языковой системы и отразив ее в многочисленных наблюдениях, Шахматов в то же время стремился заключить ее в жесткие рамки статической рубрикации. Эта статичность классификаций служила для него опорой в борьбе с индивидуалистической концепцией языка, которую, несмотря на ряд срывов, ему удалось в конечном счете преодолеть.

11. Значение грамматической системы Шахматова для нашей эпохи велико и многообразно. Несмотря на ее незавершенность, она остается величественным памятником труда одного из самых талантливых представителей науки о русском языке. «Очерк» и «Синтаксис» Шахматова содержат огромное количество тонких и точных наблюдений над русским литературным языком. Вместе с тем внимательный читатель почерпнет из этих книг ценнейшие указания по методике грамматического исследования. Еще более значительную ценность представляет «Синтаксис» Шахматова с точки зрения методологической. Тезис Шахматова об обусловленности формальных значений вещественными, в связи с трактовкой предложения как достоверного отражения «коммуникации», недоступной познаванию вне этого отражения, утверждает, с одной стороны, диалектическое единство языка и мышления, с другой — понимание языка как отражение объективной действительности. Сочетанием этих двух принципов обеспечивается особое значение грамматических трудов Шахматова для советского языкознания.

А. А. ШАХМАТОВ

ОЧЕРК
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Предметом наших занятий будет обозрение звуков и форм современного нам русского литературного языка, т. е. того самого языка, который образованные русские люди употребляют и в разговорной и в письменной своей речи. Для удобства изложения, а также во избежание обширных подготовительных работ, я сосредоточу свое внимание на фактах, известных мне из непосредственного наблюдения, т. е. прежде всего из собственного моего словоупотребления. Такое самоограничение может представить и известный интерес с точки зрения методологических требований; реальное бытье имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов; между тем число этих индивидуумов представляется неопределенным, исчерпывающее изучение их языка невозможным. Впрочем, я не считаю себя обязанным ограничивать себя фактами индивидуального моего языка; буду приводить и другие известные мне из наблюдения данные, но всякий раз отмечу, чужды ли эти данные моему произношению или словоупотреблению или нет. Изложение сообщаемых мною фактов будет почти исключительно описательным. Описательному изложению противополагается объяснительное, а всякое объяснительное изложение фактов языка равносильно историческому их изображению, ибо факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, ведущем при этом не только в ближайшее прошлое, но углубляющемся и в самые отдаленные эпохи жизни языка; историческое объяснение большей части явлений современного русского языка не может ограничиваться данными, представляемыми письменными памятниками с XI в., оно должно пользоваться фактами старших эпох, восстановляемыми путем сравнительного изучения русских наречий, и даже еще более отдаленными данными, извлекаемыми как из сравнения между собою славянских наречий, так и из сопоставления фактов славянских языков с фактами других индоевропейских языков. Так, например, современное русское ударение, его колебания в пределах тех или иных грамматических категорий, а также в говоре отдельных индивидуумов, может быть объяснено только путем сравнительно-исторического изучения ударений славянских и прочих индоевропейских языков. Описательное изложение фактов языка дает полезный и необходимый материал для объяснительного исторического их изложения; оно по самой задаче своей охватывает факты языка шире и полнее, чем то изложение, которое с самого начала ставит себе целью выяснить обобщающие моменты в исследуемых явлениях и потому оставляет в тени

единичные, не поддающиеся обобщению и объяснению факты. Но для того чтобы быть научным, описательное изложение всякого языка должно опираться и на данные, добытые историей языка; без этого описание будет односторонним и случайным; оно может не заметить тесной связи между теми или другими явлениями современного языка и не обобщит того, что должно быть обобщаемо в виду указаний истории; поэтому считаю необходимым внести и в свое описание некоторый исторический элемент, а именно хотя бы простое сопоставление фактов современного языка с фактами старших эпох, которые оказываются иногда засвидетельствованными даже находящимися во вседневном распоряжении нашем фактами нашего правописания, до сих пор сохранившего свой исторический характер.

Равным образом мне необходимо предпослать моему изложению несколько общих указаний на происхождение и историю нашего литературного языка; не выяснив входящих в состав его элементов, я рисковал бы запутать свое описание, затемнить его, между тем как прямая цель моя осветить явления современного литературного языка в их целом путем подробного их описания.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА[1].

Русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил. Как увидим ниже, по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие. Употребление в качестве письменного языка чуждого, не народного языка видим в разных местах и в различные эпохи жизни человечества: укажем хотя бы на средневековую Европу, письменным языком которой как в романских, так и во всех германских странах была латынь; но эта латынь, бывшая и разговорным языком в известных слоях образованного общества и в духовенстве, хотя и обогащалась, искажаясь вместе с тем так называемыми варваризмами, не могла преобразиться в чуждый язык воспринявшей ее страны; вследствие этого в результате процесса индивидуализации общеевропейской культуры в различных местностях средневековой Европы на место латыни выступают постепенно, и притом в сравнительно недавнее время, местные, туземные языки; принимая функцию делового или литературного языка, эти языки пропитываются влиянием своего предшественника — латыни, накладывающей свою печать не только на словоупотребление, но и на словообразование и даже словоизменение, но в основании своем эти языки народные. Другой процесс лежит в основании образования романских языков: вульгарная латынь усваивалась народными массами (преимущественно кельтами) и выте-

[1] Обозначение настоящей вводной главы отсутствует в рукописи. (Ред.)

сняла их, исконно им свойственный, язык. С церковнославянским языком в России дело обстояло иначе. По своей близости к русскому он никогда не был так чужд народу, как была чужда особенно германцам латынь; вследствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка. Так, например, с большою уверенностью можно утверждать, что носовые звуки древнеболгарские систематически произносились на Руси как неносовые (*у*, *а*, *ѣ*), ибо нет почти церковнославянских текстов, переписанных русскими людьми, где было бы хоть сколько-нибудь выдержано употребление юсов[1]. Равным образом чуждые русскому языку слоговые *р* и *л* (изображавшиеся в древнеболгарских памятниках как ръ, рь, лъ, ль, где — говорю о древнейших — ъ и ь могли обозначать неслоговые звуки, следовавшие за слоговыми плавными) передавались в русском произношении или соответствующими русскими звуками ър, ьр, ъл, или искусственными сочетаниями, содержащими, однако, русские элементы ъръ, ьрь, ълъ (церковнослав. млъва, пльнъ, гръдъ, врьба передавались или соответствующими русскими словами мълва, пълнъ, гърдъ, вьрба, или искусственным произношением: мълъва, пълънъ, гърьдъ, вьрьба). То же скажем о передаче церковнославянского ѣ, звучавшего в древнеболгарском как *ä*: русские люди заменяли его или своим звуком, дифтонгом i͡e (изображавшимся поэтому на письме буквой ѣ), или другим своим звуком, звуком *е*, более близким к древнеболгарскому *ä* (церковнослав. колѣбати, срѣда передавалось или через колѣбати, срѣда, или, что наступало почти необходимо при отсутствии тождественного по звуку своего слова, через колебати, среда). Памятники XI в., т. е. первого столетия по принятии Русью христианства, доказывают, что уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, утратило чуждый русскому слуху характер; русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к иноземному учительству для его усвоения и понимания. Можно было бы думать, что церковнославянский язык дошел до русских только путем книжным и усваивался ими только из книг; но некоторые данные свидетельствуют, что первыми нашими учителями были живые носители болгарского языка, сами болгары (ср. сделанные выше замечания относительно передачи древнеболгарских *ä*, а также слоговых *р*, *л*); однако это первоначальное учительство не возобновлялось в первые века русской письменности: Болгария не переставала снабжать нас книгами, но учителей мы оттуда не выписывали, довольствуясь тою школою русских попов и дьяконов, которая, по свидетельству летописи, была создана еще при Владимире Святом[2]. Впоследствии, но уже гораздо позже, наступили иные условия, при которых Русь, и не только Юго-западная, но также и Северо-восточная, стала

---

[1] Так уже в Остромировом ев. 1055—1056 гг. пишется: глаголюще вместо глаголѭще, игемонѫ вм. игемоноу, змиꙗ вин. мн. вместо змиѩ, и т. д.

[2] Ср. под 988 годом: (Владимир) «пославъ нача поимати ꙋ нарочитое чади дѣти, и даꙗти нача на ꙋченье книжное».

принимать к себе и выходцев из болгарских земель, которые становились ее просветителями и духовными руководителями; им удалось в сильной степени обновить южнославянские элементы в книжном русском языке, уже значительно приблизившемся к народному; обновление шло через посредство церковного языка, на котором прежде всего отразилась новая южнославянская струя. Видоизмененный таким образом книжный язык должен был вновь проделать то, что в старший период уже было в значительной степени достигнуто в смысле приближения к живому языку народному. Обновление церковнославянского языка на Руси и новый фазис в развитии русского книжного языка наступили, однако, не раньше конца XIV в., когда главные центры просвещения, как и самая митрополичья кафедра, оказались уже перенесенными из Юго-западной Руси в Северо-восточную. Не могу проследить здесь ту сложную борьбу, которую повели народные элементы для овладения книжным языком, для вторжения в ставшую запретною область духовного просвещения и церковного учительства; создание делового, приказного языка, наиболее доступного влиянию языка окружающей среды, в сильной степени облегчило победу идее о слиянии книжного языка с народным. Но окончательное торжество этой идеи увидел только XVIII в., осуществилась же она только в XIX; наш книжный язык приблизился к народному весьма значительно, сохранив, однако, и до сих пор свой инославянский остов. Церковнославянские элементы, которыми пропитан этот язык, не могут быть рассматриваемы как элементы наносные, как заимствования, напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя исконные элементы, русские слова, русские формы и звуки.

Если искать сравнения истории образования русского книжного языка с историей образования других книжных языков, то ближайшую аналогию найдем, как кажется, в истории английского языка: она представляет постепенное проникновение французского, франко-романского основания, перенесенного с континента норманскими завоевателями Англии, элементами народными — англосаксонскими.

Таким образом, первой и существенной задачей при анализе современного русского литературного языка, из языка книжного превратившегося в разговорный язык как образованных классов, так и приобщающихся к образованию народных масс, является определить церковнославянские элементы, сохранившиеся в этом языке. Эти элементы в настоящее время окружены русской стихией. Но, как указано, русская стихия пробивалась в книжный язык постепенно и неравномерно: прежде всего в книжный язык, уже в XI в. бывший разговорным языком духовенства и книжно-образованных классов (вспомним, например, язык, на котором Владимир Мономах написал свое поучение и свою летопись, приложенную к поучению), вторглись элементы южнорусские, украинские, ибо Киев — центр тогдашней образованности — находился в южнорусской, украинской этнографической среде. Эти древнейшие русские элементы с течением времени стерлись, уступив место другим в Руси Северо-восточной, но некоторые из них устояли и до нашего времени: мы увидим ниже, что произношение *бох — бога* (с фрикативным γ, чуждым и древнеболгарскому и северно-

русскому языку, от которого московское наречие заимствовало свой консонантизм) ведет нас к той южнорусской среде, где впервые укрепил свое существование наш церковнославянский язык, причем представляется вероятным, что звук γ заменил мгновенное г вообще во всех словах в русском произношении церковнославянских слов. Таким образом, второй задачей, нам предстоящей, будет определение тех южнорусских (украинских) элементов, которые сохранились в нашем книжном языке при переходе его из Киева в новые центры Руси Северо-восточной.

Перенос церковного управления, переход руководительства в области духовной от Киева сначала во Владимир, а потом в Москву, почти совпал по времени с великим и сложным процессом, совершавшимся в бассейне Оки и верхнего течения Волги. Здесь столкнулись два больших русских племени: одно из них, севернорусское, проникло сюда в результате колонизационного движения с запада и северо-запада; повидимому, оно застало здесь не одних финнов (Мерю), но также и славянские поселения, более или менее прочно осевшие по левому побережью верхнего и среднего течения Оки и по верхнему течению Волги; поселения эти принадлежали ляшскому племени, направившему сильную колонизационную струю в северное Поднепровье еще в то время, когда все русское племя сидело южнее в среднем, частью южном, Поднепровье и в Поднестровье; превосходившие ляхов своей культурой, питавшеюся великим путем из варяг в греки, северноруссы покорили их себе и утвердились по крайней мере в верхнем Поволжье, проникая, однако, и в прокские области; вероятно, поволжские и прокские ляхи были бы с течением времени все вообще ассимилированы севернорусам, если бы с юга, из Рязани, не пошло встречное движение другого русского племени — восточнорусского. Восточнорусы, как можно предполагать, главным образом в виду наличности многочисленных данных, свидетельствующих о значительных русских поселениях на берегу Дона и Азовского моря в период IX—XI вв., попали на Оку в результате движения своего к северу, к которому их вынудили события, разыгравшиеся в X—XI веке в южной России: здесь, в особенности в восточной ее части, произошла смена властителей, хозяев: место культурных, мирно настроенных к покоренным племенам хазар заняли сначала печенеги, воспользовавшиеся теми тяжкими ударами, которые нанес хазарам киевский князь Святослав, а потом могущественные половцы. Земледельческое и культурное население из донских и приазовских степей потянулось в более безопасные местности к северу по Дону и его притокам. Широкой волной нахлынули восточнорусы, которых в Киеве называли вятичами, и на северо-запад и на северо-восток, в местности, уже захваченные другими русскими племенами (южнорусами и севернорусами). На северо-востоке произошла встреча восточнорусов с севернорусами. Ряд культурно-исторических причин, среди которых видное значение принадлежит и государственному началу, заложенному еще в Южной Руси, но проникшему отсюда и во все земли, занятые русским племенем, ряд причин служит объяснением, почему встретившиеся в Поволжье и Поочье севернорусы и восточнорусы были вынуждены к мирному сожительству. Татарское нашествие, отодви-

кувшее на задний план племенные интересы, местные раздоры и укрепившее как в населении, так и в правящих классах национальное, в особенности же религиозное самосознание, послужило одним из наиболее могущественных факторов при организации и развитии того сожительства, в которое вступили севернорусы и восточнорусы. Следуя инстинктивным стремлениям народных масс, князья Северо-восточной Руси начинают собирание земель. Благоприятное географическое положение Москвы на самой границе севернорусского и восточнорусского племени, на пути из Юго-западной Руси во Владимир, выдвигает ее значение среди других уделов семейства Всеволода Юрьевича, первого собирателя русских земель северо-востока (вспомним его походы на Рязань и удачную политику в отношении к Новгороду). Москва с XIV в. становится не только наиболее видным политическим центром, но также и средоточием церковной жизни, следовательно, и духовно-просветительных интересов. Здесь вокруг великого князя, с одной стороны, митрополита — с другой, группируются книжные и образованные люди: церковнославянский язык находит себе в Москве новый базис и новое поприще для своего развития; новая среда благоприятствует и тому обновлению, которое внесли в конце XIV в. в язык церкви прибывшие в Северо-восточную Русь болгарские и сербские выходцы; редкий слой образованного общества не может оказаться помехой новой южнославянской струе, задержать ее успех и развитие. Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом обличии можно было только не надолго; в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника в деловом, приказном языке, облекающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей. Спрашивается, какой же именно этнографической среде принадлежали те элементы, которые легли в основание приказного языка и пробились в книжный церковнославянский язык? Несомненно, что мы имеем перед собой прежде всего и главным образом влияние языка самого города Москвы. Действительно, и между современным языком образованных классов и языком московского простонародья, в особенности в области произношения, различие незначительно. Но совершенно ясно, что жители больших центров, в особенности при их возникновении, при начале их роста, не могут представляться устойчивой и вполне определенной этнографической единицей; большие центры возникают именно вследствие сосредоточения разноместных по происхождению, разнообразных по составу этнографических элементов, объединяющихся новыми возникшими в этих центрах торговыми, культурными, политическими интересами. Все эти элементы приносят в привлекший их к себе центр свой язык, свое наречие; только продолжительное сожительство может повести за собой сближение жителей на почве общего языка, создавшегося в результате смешения, продолжительного и последовательного, различных говоров и наречий. Создается так называемая κοινή, язык, обнимающий сначала ограниченную территорию большого города, но распространяющийся с течением времени на широкое пространство области и даже государства по мере роста культурного и политического влияния

этого центра. Распространение κοινή происходит при этом через единицы, однородные с теми, в которых она сама возникла, т. е. не через села и деревни, а через города и значительные местечки; местные говоры сельского населения могут сохранять свое древнее обличье в ближайшем соседстве города, создавшего κοινή, а между тем κοινή проникает в отдаленные города и торговые центры, связанные между собою единством культурных или политических интересов. Жители Москвы при начале ее роста принадлежали к разным русским племенам: возможно, что, кроме севернорусов и восточнорусов, здесь были даже южнорусы, в лице дружинников князей, боярской челяди, торговцев и духовенства; но южнорусы потонули в массе севернорусского и восточнорусского населения, постоянно и неудержимо приливавшего из ближайших к Москве, соседних с нею, местностей; на юге и западе от нее в непосредственном соседстве с городом начинались восточнорусские поселения, на севере и востоке — севернорусские. Ни в XIV, ни в XV в. Москва не могла еще выработать своего языка, создать κοινή; в Москве одни говорили по-севернорусски, другие по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие: это видно из московских памятников: большинство их в XIV столетии не обнаруживает восточнорусских черт; объясняется такое явление тем, что московская культурная жизнь преемственно была связана с севернорусскими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля, Переяславля и других старших городов Северо-восточной Руси. Между тем чернь в значительнейшей части была восточнорусская, что можно заключать из того, что восточнорусы по сравнению с севернорусами были менее устойчивым, менее оседлым населением; восточнорусы в великом смятении доставали себе земли и места жительства, в то время когда севернорусы в постепенном колонизационном своем движении прочно осели в Поволжье и Поочье. Возможно, что влияние восточнорусской среды на севернорусское население Москвы сказалось очень рано; между прочим именно этому влиянию естественно приписать отсутствие смешения *ч* и *ц* в древнейших московских памятниках; смешение *ч* и *ц*, мне кажется, было чертой общей всему севернорусскому наречию; но она легче, чем всякие другие диалектические особенности, устраняется при встрече севернорусских говоров с другими; этим объясняется то значительное число местностей в севернорусской территории, где смешение *ч* и *ц* неизвестно; по большей части — это торговые селения или селения, лежащие на трактах, иногда уже в настоящее время оставленных, запущенных; общение с пришлым населением, шедшим снизу с южнорусами, восточнорусами, москвичами, имело следствием утрату диалектической черты, самой по себе неустойчивой, ибо рядом со смешением *ч* и *ц* севернорусские говоры представляли замену *ч* и *ц* одним общим звуком (шепелявым *ц*), или допускали полное вытеснение *ч* через *ц*, а также обратное. Любопытным примером утраты смешения *ч* и *ц* в севернорусских говорах могут служить архангельские и холмогорские говоры; памятники XV и XVI вв. свидетельствуют о том, что в то время смешение их было им не чуждо; отсутствие смешения в настоящее время легче всего объяснить влиянием

московского говора, распространявшегося в течение веков по тракту, соединявшему Архангельск с великорусскою столицей. Позже этого частичного влияния одного из говоров, принадлежавших московским жителям, на другой произошло слияние обоих говоров в одно стройное целое. Исследователь московской κοινή лишен возможности, анализируя это цельное в звуковом отношении наречие, определить, который из двух встретившихся в Москве русских говоров лежит в основании его и который внес в это основание свои наносные особенности, — так тесно срослись оба говора, так прочна создавшаяся амальгама. Выясняется, однако, что в московском наречии вокализм, система гласных, по преимуществу восточнорусский, между тем как консонантизм, система согласных, по преимуществу севернорусский. Действительно, в московском наречии находим звук *г* мгновенный, свойственный севернорусам, между тем как восточнорусы заменили его через *γ* фрикативное; в окончании род. ед. по-севернорусски[1] является *-во* (*-ово*), между тем как в восточнорусском *-γо* (*-оγо*); *т* в окончании 3-го лица ед. и мн. твердо, между тем в восточнорусском оно мягко; *в* в конце слога, в противоположность большинству восточнорусских говоров (за исключением, однако, рязанских), не произносится как *ў* и подвергается переходу в *ф* в конце слова и перед глухими согласными, что также обычно большинству севернорусских говоров. Зато гласные *а, о, е* в неударяемых слогах подвержены тем же изменениям, что в восточнорусском: они обращаются в гласные неполного образования, задние или передние (вместо *а, о* после твердых согласных звук заднего ряда, который условно передадим буквою *ɑ*, вместо *а, о* после мягких согласных, а также вместо *е* — звук переднего ряда, который условно передадим буквою *ɛ*), причем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, *ɑ* переходит в *а* полного образования, как в рязанских и прочих восточнорусских говорах: *галавá, гóлаву, стáрики, стáруха, сарóка*, а *ɛ* изменяется в звук *è* (звук среднего ряда полного образования) или в *і*: *вèснá, сèлó, рèкá, плèсат', вɛсèлá* или *виснá, силó, рикá, плисат', весилá*; на месте конечного неударяемого *ь*, как в большинстве восточнорусских говоров, является *і*, под влиянием грамматической аналогии (со стороны ударяемых окончаний) заменяемое через *ɛ*: *в городи, ф поли* и *в городɛ, ф полɛ*. Приведенные данные, противоположение вокализма консонантизму, наводят на мысль, что остов и основание московского наречия могут быть признаны севернорусскими; московский вокализм стоит в прямой связи с ударением и определяемым последним складом речи; можно думать, что ударение и распределение экспираторной (выдыхательной) силы в произношении заимствованы московским наречием от восточнорусов; подобное влияние ударения одного говора на другой — явление часто повторяющееся; не выходя из пределов севернорусского наречия, можно указать ряд говоров Владимирской и Ярославской губерний, заимствовавших ударение и распределение экспираторной силы в речи из московского наречия. Результатами такого заимствования является и заметное изменение в вокализме, прибли-

---

[1] В рукописи, очевидно, описочно — «по-северновеликорусски» вм. «по-севернорусски». (Р е д.)

жающемся к вокализму акающих говоров; так, вместо *о, а, е* в слогах не предударных оказываются гласные неполного образования *ɑ, ɛ*, причем *ɑ* и *ɛ* в конечном открытом (неударяемом) слоге склонны к переходу в *а* полного образования (ср. произношение *старикɑ́, старонɑ́, стóрану, дóбрава, слипóва* в подобных говорах). Возможно поэтому, что и московский вокализм, ослабление гласных *а, о, е* в слогах неударяемых, замена гласной *ɑ* через *а* в слоге предударном было последствием проникшей в севернорусский говор восточнорусской системы ударения и распределения экспираторной силы. Короче, находим основание утверждать, что в основании московского наречия лежит севернорусский говор и что он подвергся влиянию восточнорусского говора, встретившегося с ним в Москве. Думаю, что такое предположение подтверждается и характерными для Москвы особенностями акания: ни в одном восточнорусском говоре не выдерживается так стройно противоположение в слоге предударном гласных *а, о* после твердых согласных (на месте их в Москве гласная *а* полного образования) и тех же гласных после мягких согласных (на месте их гласные *е́* или *и́* полного образования); не доказывает ли это, что севернорусский говор, лежащий в основании московского, превратил *а* и *о* после мягких согласных в *е*, подобно многим другим севернорусским говорам, где слова *село, сестра, плясать', запятáя* произносятся как *селó, сестрá, плесáть', запетáя* в противоположность господствующему в севернорусском произношению: *сёлó, сёстрá, плясáть', запятáя*. Переход *о, а* в *е* после мягких согласных явился в результате не экспираторного ослабления неударяемой гласной, а в результате влияния на нее палатальной согласной, влияния, которому в севернорусских говорах подвергается и ударяемая гласная, в особенности стоящая между двумя палатальными согласными: ср. распространенное на севере произношение как *зеть, мечик, валеть, кричеть*. Наше предположение согласуется и с тем, как мы представляем себе зарождение κοινή в Москве. В этом новом центре верховодили сначала севернорусы, выходцы из культурных центров, городов Северо-восточной Руси, заселенных севернорусами; но эти более культурные элементы должны были неминуемо подвергнуться влиянию народных масс, говоривших по-восточнорусски. Бывши по происхождению своему севернорусским говором и оставаясь таковым, московское наречие с течением времени восприняло существенные черты восточнорусского вокализма. Высказанное предположение находит себе подтверждение еще в некоторых позднейших явлениях в истории московского наречия. Язык Москвы XVIII в., насколько он нам известен из литературных произведений и из грамматических указаний, в сравнительной степени прилагательных употреблял окончание *-яе, яя*, свойственное севернорусским говорам: *скоряе, беляе, умняе* (ср. такое произношение, напр., в современных ярославских говорах); но в XIX в. это окончание вытеснено окончанием *-ей (-ый)*; это объясняется тем, что восточнорусские говоры совсем не знают окончания *-яе*; их растущее влияние устранило из московского наречия чуждую им черту.

В заключение сделанного мною отступления относительно московского наречия, его состава и происхождения отмечу, что оно оказывается одним из наиболее видных и определенных результатов того

этнографического явления, которое характеризуется понятием великорусский (великорусское племя, великорусская культура, великорусское государство); сложное явление это было результатом совместного действия двух этнографических факторов и двух культур — севернорусской и восточнорусской. Оба соответствующие племени, продолжая различаться на окраинах, в центре сблизились между собой и составили одно целое; из этого центра распространились ассимилирующие влияния, приведшие между прочим к тому, что севернорусская и восточнорусская языковые территории составили части одной общей языковой территории — великорусской; в области грамматических форм в особенности, но также и в области звуков, оказываются на пространстве всей этой территории общие явления, доказывающие общность диалектической жизни. Таким образом, в наше время представлению о старых исконных диалектических группах севернорусской и восточнорусской противополагается представление о группах южновеликорусской и северновеликорусской.

Московское наречие — это наречие великорусское par excellence, его нельзя причислить ни к южновеликорусским, ни к северновеликорусским говорам; это наречие великорусское par excellence между прочим и потому, что в сущности оно и послужило, если не началом и не причиной, то главным выражением того слияния в одно великорусское целое, которое стало уделом восточнорусов и севернорусов в их языке. Московское наречие не единственное великорусское наречие; таких наречий много в той широкой полосе переходных говоров, которая образовалась между северновеликорусским и южновеликорусским наречием; их много и в тех местах, куда направлялась Московским государством колонизация (напр. в среднем Поволжье); но ни одно из них не получило того выдающегося общевеликорусского, а затем и общерусского значения, какое выпало на долю наречия города Москвы.

Значение это зависело прежде всего от значения самой Москвы; образовавшимся в нем наречием стали говорить правящие классы, мелкое служебное сословие, ратные люди, получавшие вследствие политического положения Москвы влияние во всей вообще великорусской земле. Но значение московского наречия увеличилось еще и оттого, что в Москве нашел себе почву и тот книжный, церковнославянский по своему происхождению, язык, о судьбах которого мы говорили выше. Им говорили духовенство и книжные люди, на нем писалось все, что сколько-нибудь возвышалось над уровнем повседневной жизни с ее практическими потребностями. Развитие просвещения в таком центре, как Москва, стало насущно необходимым; а между тем каждый шаг в направлении к такому развитию вел неминуемо за собой приобщение к книжному языку все более широких общественных кругов; а это имело последствием демократизацию книжного языка, проникновение в него живых народных элементов. Московское наречие стало источником жизни для книжного языка и с течением времени всосалось в весь чужеземный его организм, подчинив его звуки и формы своим законам, обогатив его непрерывным притоком новых образований слов, синтактических оборотов, почерпаемых из самой гущи народной жизни. Московское наречие превратило книжный язык церковнославянский в близкое к себе, в существе тожде-

ственное наречие; но наречие это, в силу своего исторического прошлого, на которое наложило неизгладимые следы греко-византийская культура через посредство производной культуры — древнеболгарской, было богаче самого московского наречия, ибо заключало в себе, кроме элементов этого самого наречия, и крепкий остов языка церковнославянского. Богатство книжного языка в соединении с жизненностью, сообщенною ему московским наречием, обеспечило ему перевес не только в книжном употреблении, где он сохранил безраздельное владычество, но и в живом употреблении в качестве разговорной речи образованных классов. Сначала образованные классы говорили московским наречием, уснащенным теми или другими заимствованиями из книжного языка, но, когда книжный язык проникся сам живыми народными элементами, образованным классам не трудно было перейти к употреблению в живой речи самого книжного языка, который таким путем демократизировался и обрусевал еще более. Впрочем, различие между книжным языком и разговорным устранено было окончательно еще не скоро: усвоив себе книжный язык как разговорный, образованные классы этим самым не внесли еще единства между обоими языками; до тех пор, пока в образованные классы не проникло сознание, что писать можно на том самом языке, которым говорят, книжный язык продолжал свою отдельную жизнь, питаясь в своей искусственности и архаичности или подражанием старым образцам, или следованием авторитету учебников, построенных на произвольных обобщениях и случайном материале. В XVII в. книжный язык уклоняется в сторону под влиянием нахлынувших в Москву представителей юго-западной образованности; возможно, что и на разговорном языке образованных классов отразились в свое время те или другие новшества, проникшие в книжный язык. Только в XVIII в. благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним, такое слияние укрепляло авторитетность и устойчивость самому разговорному языку, который, приобретя права книжного языка, облекаясь в письменную форму для выражения высоких мыслей и чувств, этим самым ограждался от подражания языку просторечия и отмежевывался от него. Старый книжный язык замер в отвергнутых и устарелых формах; его признают одно время подходящим для употребления в «высоком штиле»; но просвещение, все более демократизируясь, с одной стороны, все более отходя, с другой стороны, от церкви и церковного руководительства, приведет скоро к пренебрежению этим высоким штилем, а это будет равносильно угасанию и смерти того книжного языка, который отделился от другого, менее искусственного, более жизненного языка, усвоенного образованными классами в качестве разговорного.

Из предыдущего видно, что наш современный литературный язык, разговорный язык образованных классов, — по происхождению своему древнеболгарский язык, пересаженный в Россию в качестве церковного языка. На Руси, сначала на юге, в Киеве, потом на северо-востоке, в Москве, он подвергся обрусению, проникся живыми народными элементами и в сильной степени приблизился благодаря этому к наречиям города Москвы; это обстоятельство сделало возможным и необ-

ходимым усвоение образованными классами книжного языка в качестве разговорного, что, в свою очередь, повело, во-первых, к еще большему приближению книжного языка к московскому наречию, во-вторых, к полному вытеснению разговорным языком тех остатков книжной речи, которые держались благодаря искусственному отделению литературного стиля от стиля разговорной речи. Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы, украинизмы). Следовательно, определив и выделив из нашего литературного языка те и другие элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (украинизмы), мы можем сосредоточить свое исследование на том современном его облике, который определяем как великорусский.

ГЛАВА I.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ.

Заманчивою представлялась бы возможность определить в церковнославянских элементах, сохранившихся в нашем литературном языке, те разные слои, которые, казалось бы, они должны обнаруживать. Из предыдущего видно, что южнославянское влияние возобновилось на Руси в конце XIV в., захватывая и XV в.; оно шло не только посредством выходцев из Болгарии и Сербии, занявших на Руси видное положение в качестве церковных и литературных деятелей, но и путем влияния Афона, где русские люди встречались с южными славянами, где переписывались русскими монахами и богомольцами сербские и болгарские церковнославянские памятники. Таким образом, в церковнославянских элементах нашего литературного языка надо различать по крайней мере два слоя: древнейший, основной, восходящий к XI в., и позднейший, проникавший к нам не раньше конца XIV в. Разумеется, более детальное исследование могло бы обнаружить еще несколько промежуточных и последующих наслоений, ибо болгарские рукописи притекали к нам и в XII и в XIII в., отражая на себе различные школы письма и языка, возникавшие и в Восточной и в Западной Болгарии, а связь русской письменности с южнославянской не прекращалась и в XVI и в XVII столетии, но пока мы имеем слишком мало подготовительных работ, для того чтобы разобраться во всех этих наслоениях. Скажу больше: я не сумел бы даже разграничить оба указанные выше слоя и не нахожу под руками данных для определения того, какие церковнославянизмы надо признать древнейшими, какие новейшими. Впрочем, некоторые соображения могут быть высказаны на основании наблюдений над памятниками.

Мы знаем, например, что церковнославянское *жд* очень рано уступило место русскому произношению с *ж*, и это в противоположность устойчивому сохранению церковнославянского *щ*, сравнительно редко уступавшего свое место русскому *ч*. Имеем возможность указать на несколько памятников XII в., где *жд* систематически заменяется через *ж*. Напр. в стихирарях XII в., писанных в Новгороде, можно указать

такие, которые почти систематически заменяют жд через ж и лишь редко имеют ч вм. церковного щ. Очевидно, *ж* проникло в церковнославянский язык на Руси так же, как в него проникло произношение *у* и *а* вместо юсов: юсы были чужды русскому произношению, и так же чуждо было сочетание *жд*: его избегли, произнося вместо него *ж*; гораздо реже и единичнее оно произносилось как русское сочетание *ждж* с диалектическими его изменениями[1]. Между тем в современном литературном языке *жд* в качестве церковнославянизма держится чрезвычайно устойчиво, захватывая обширные категории грамматических образований и господствуя во многих словах (см. ниже). В виду этого позволительно отнести произношение с *жд* на счет позднейшего церковнославянского слоя. Сходные соображения, но с меньшею определенностью, могут быть высказаны и по отношению к некоторым другим категориям церковнославянских элементов (напр. к категории, обнаруживающей звук *о* на месте подлежавшего выпадению ъ). Тем не менее, я не решаюсь разграничить в дальнейшем изложении древнейший и новейший слои церковнославянских элементов.

Определить все эти элементы дело сложное и едва ли достижимое иначе, как путем тщательного исследования истории церковнославянского языка в русских памятниках. Но некоторые элементы выделяются без труда как противоречащие звуковым особенностям русского языка; выделение их весьма поучительно, ибо оно обнаруживает на неопровержимых данных тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор, несмотря на всю его демократизацию и многовековое влияние на него языка русского. Установлю теперь несколько категорий бесспорных церковнославянских элементов.

1. Сочетания *ор, ер, ол, ел*[2].

Сочетания *ор, ер, ол, ел* общеславянского праязыка изменились в общерусском праязыке в сочетания *оро, ере, оло, еле* (но после *ж, ш, ч* на месте *ел* не *оло*, а *ело*, точнее *ёло*); в древнеболгарском те же сочетания изменились в ра, рѣ, ла, лѣ (но после ж, ш, ч на месте ел диалектически при лѣ также ла). Если поэтому мы вместо ожидаемых русских сочетаний *оро, ере, оло* (*ело*) или рядом с ними найдем в тех или иных словах сочетания *ра, рѣ* (*ре*), *ла, лѣ* (*ле*), то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка, церковнославянизмами. Не трудно привести десятки подобных слов: их много среди существительных и среди глаголов и даже среди неизменяемых частей речи; с представлениями об этих словах частью связываются понятия, чуждые житейской обыденности; это или книжные понятия, или церковные, или отвлеченные; ясно, что отсутствие соответствующего русского народного слова было причиной сохранения в нашем языке всех этих слов; иногда соответствующее русское слово налицо, но значение его иное (большею частью оно более реально, чем книжное, церковнославянское слово), и это

[1] На это указывают написания как прежде в южнорусских памятниках.
[2] Обозначения подразделений данной главы отсутствуют в рукописи. (Ред.)

служило основанием к сохранению чужеземного собрата. В нижеследующем списке приведена значительнейшая часть слов, церковнославянское происхождение которых доказывается отмеченным фонетическим признаком. Располагаю эти слова по извлекаемым из них корням и указываю соответствующие русские образования.

благ — (русск. **болог-**: ср. название местности *Бологое*): *благо́й, блаженство, блажить, поблажка, ублажать* и др. (диалект. *благо* в значении «плохо», вероятно, также церковного происхождения; для переноса значения ср. *блажи́ть, блажно́й*);

бран — (русск. **борон-**: *оборона, оборонять*): *брань, бранить, возбранять;*

бразд — (русск. **борозд-**: *борозда*): *бразды* правления;

брег — (русск. **берег-**: *берег, бережистый*): *безбрежный;*

брег — (русск. **берег-**: *берегу, бережливый*): *пренебрегать, небрежный;*

брем — (русск. **берем-**: *беремя, беременный*): *бремя, обременять;*

влаг — (русск. **волог-**): *влага, влажный;*

влад — (русск. **волод-**: древнее **володѣть, волость**): *владыка, владеть, владать, совладать, власть, властный, область, властвовать;*

влак — (русск. **волок-**: *оболочка*, обл. *о́болоко*): *облако, влачить;*

влас — (русск. **волос-**: *волос, волосяной*): *власяница;*

влек — (русск. **волок-**: *волоку, проволочка*): *облекать, развлекать, увлекать;*

враг — (русск. **ворог-**: *во́рог, ворожить*, ворождоу Ипат. 1336): *враг, вражеский, вражда;*

врат — (русск. **ворот**: *ворота*): *врата* царские (в церкви), *привратник;*

врат — (русск. **ворот-**: *приворот, переворот, ворочать*): *превратный, совратить, отвратить, возврат, разврат* и т. д.;

врач (ц.-слав. врачь);

вред — (русск. **вered-**: *ве́ред*): *вред, вредный, повреждать;*

врем — (русск. **верем-**: древнерусск. верема): *время, временный, повременить;*

глав — (русск. **голов-**: *голова, заголовок, головной*): *глава* в книге, *глава* предприятия; *главенство, заглавие, главный;*

град — (русск. **город-**: *город, городской, горожане*): *градоначальник, градоправитель, гражданин, ограда, ограждать, преграда, награда;*

глас — (русск. **голос-**: *голос, голосистый, голосовой, безголосный*): *возглас, гласный, согласие, огласить, приглашать;*

драг — (русск. **дорог-**: *дорогой*): *драгоценный;*

древ — (русск. **дерев-**: *дерево, деревянный, подерёвно*): *древесный, древонасаждение;*

жреб — (русск. **жереб-**: *жеребей, жеребьёвка*): *жребий;*

драв — (русск. **доров-**: *здоров* из *здоровъ*): *здравый* (из *здравый*), *здравие, здравствовать, здравствуй;*

злат — (русск. **золот-**: *золото*): *златоструй, златокованный, златолюбие;*

зрак — (русск. **зорок-**: *близорукий* вместо близорокий, древнее прозорочьный): *зрачок, призрак, прозрачный, невзрачный;*

крат — . *многократно, кратный;*

крат — (русск. **корот-**: *короткий, коротать, укоротить*): *краткий, сокращать, кратчайший, прекратить;*

мраз — (русск. **мороз-**: *изморозь, мороз*): *мразь;*

млад — (русск. **молод-**: *молодой, молодец*): *младенец;*

мрак — (русск. **морок-**: *обморок, морочить*): *мрак, омрачать;*

млек — (русск. **молок-**: *молоко, молочный*): *млечный* путь, *млекопитающие;*

прав — (русск. **норов-**: *норов, норовить, приноровляться*): *прав, нравственный, нравиться;*

праща (русск. **порочь-**: *пóроки*): *праща;*

плен — (русск. **полон-**: *полон, заполонить*): *плен, пленить;*

празд — (русск. **порозд-**: *порожний* из ***пороздьний**): *праздный, праздник, празднество, упражнять;*

плам — (русск. **полом-**: *поломя, полымя*): *пламя, пламенный, воспламенить;*

прах — (русск. **порох-**: *порох, порошинка*): в пух и *прах, прах* родителей, идет *прахом;*

пре — (русск. **пере-**: *перестать, перенять, пересилить*): *предать, преемник, преступить, преступник, превращать, определять, преображаться, пренебрегать, превозносить, престол, претерпеть, преграда;* сюда же **пре-** как частица усиления: *прекрасный, прелестный, пренеприятный, превыше* (в русском языке церковное **пре-** заменялось через **при-**, как видно из некоторых памятников XI—XII вв., позднее диалектически на северо-западе и в Пскове через **про-**: прольститиша; ср. Каринский, Язык Пскова, стр. 136);

пред — (русск. **перед-**: *перед, передок, передний*, древнее **переже**): *пред, предок, прежде*, диалект. и простонар. *преже, допреж; предводитель, председатель, предназначать, преддверие, предвкушать, предзнаменование, предопределение, представление, предотвратить, предупреждать;*

прек — (русск. **перек-**: *поперек, перечить*): *прекословие, прекосердие, вопреки;*

прет — : *запрет, запрещать;*

смрад — (русск. **смород-**: др. **смородъ**): *смрад;*

срам — (русск. **сором-**: др. **сорому, соромжливый**): *срам, срамить;*

сред — (русск. **серед-**: *середа, середина, середка*): *среда, средний, средостение;*

слад — (русск. **солод-**: *солодкий* корень, *солод*): *сладкий, сладость, сласть;*

стран — (русск. **сторон-**: *сторонá, сторонний*): *странá, странный, страница;*

страж — (русск. **сторож-**: *сторож, сторожить*): *стража, стражник;*

треб — (русск. **треб-**: др. **перетребъють**): *треба, потреба, непотребный, требовать, употребить;*

трезв — (русск. **трезв-**, **тверез-**: ср. **тверезии** Вопр. Кирика): *трезвый;*

хлад — (русск. **холод-**: *холод, холодный*): *охладить, прохлада;*

храбр — (русск. **хоробр-**: диалект и др. *хоробрый*): *храбрый;*

хран — (русск. **хорон-**: *хоронить, похороны*): *охрана, сохранный, сохранять;*

член — (русск. *челон-: др. челонъ): *член, расчленить, членный;*
чред — (русск. чередъ-: *чередъ, очередь*): *учреждать, учреждение;*
чрев — (русск. черев-: *черёва*); *чревоугодник, чревовещатель;*
чрез — (русск. через-: *через*): *чрез, чрезмерно, чрезвычайно;*
шлем — (русск. шелом-: др. шеломъ): *шлем.*

В этот список не включены слова, не употребительные теперь в разговорной речи, но едва ли чуждые ей в XVIII в., как напр., *хлад, брег, чрево, страж, град, глас, злато, зрак, млад, мраз, древо* и т. п.

Значительное число приведенных выше слов потеряло книжный характер и охотно употребляется в просторечии, напр. *здравствуй, нрав* и *ндрав, мразь, время, вред, брань, враг, срам* и *страм, сладкий;* не говорю уже о тех словах, которые выражают понятия, ставшие достоянием просторечия в силу культурных условий, как *страница, глава, треба, член, праздник, среда, здравие, гласный, владыка* и т. п.

Отмечу употребление церковнославянских слов в сложениях, как *млекопитающие, древонасаждение, чревоугодник, драгоценный, средостение, златолюбие;* такие сложения возникали в книжном языке по образцу древнего церковного языка, сковавшего ряд сложений под влиянием греческого.

Сочетаниям с *е* в приведенных словах соответствуют в древнеболгарском сочетания с ѣ: врѣмѧ, врѣдъ, прѣжде, прѣдъ, чрѣзъ, срѣда, шлѣмъ, млѣко и т. д. Как указано выше, болгарское ѣ (= *ä*) в южнорусском церковнославянском произношении передавалось не через ѣ (ибо *ѣ* в русских словах произносилось как *ie*), а через *е*. Замечательно, что наше правописание сохранило *е*, восходящее в этих словах к памятникам XI—XII в. (ср. в них, например, написания среда, время, млеко, влекоу, шлемъ и т. п.).

Исключение составляет слово *плѣнъ* [1]. Не указывает ли это на то, что *плѣнъ* не принадлежит к древним заимствованиям, что оно вошло в русский язык в позднейшую эпоху (XIV—XV вв.)?

2. Сочетания *ра, ла* в начале слова.

Сочетания общеславянского праязыка *ор, ол* в начале слова при одних условиях перешли в *ро, ло* в общерусском праязыке, в го, ło в западнославянских языках, в га, ła в южнославянских, следовательно, и в древнеболгарском языке (при других условиях во всех славянских языках находим га, ła, получившиеся, очевидно, еще в общеславянскую эпоху). Итак, в ряде слов русским сочетаниям *ро, ло* в начале слова соответствуют церковнославянские ра, ла. Слова нашего литературного языка, имеющие *ра, ла* в начале вместо ожидаемых и известных в русском, частью только диалектически, *ро, ло*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка:

раб, раба, работать (ср. древнерусск. робꙗ, севернорусск. *робота, роботать*, украинское *робити*),

расту, возраст, растение, растительность (ср. русск. *рост, рос, вырос, поросль*),

---

[1] Это слово до реформы орфографии 1918 г., действительно, писалось с ятем в корне, в то время как в аналогичной группе прочих древнеболгаризмов обычны были написания с *е* (*время, древо, прежде, влеку* и под.). (Р е д.)

раз-, рас-, напр. в *ра́зум, распятие, расчищать, разубеждать, распределять, развлекать, разврат, разбранить, расчленить, разглашать, расторгать, растерзать* и т. п. (ср. русск. *роз-, рос-: ро́звязь, ро́спись, ро́звальни, ро́счерк*, украин. *розрива́ти, ро́зум, розсо́ха, розчиня́ти, розщо́т*, севернор. *розбить, рознять*), *разный, разница, разноречие, разномыслие* (ср. русск. *ро́зно, ро́зница, рознь, по́рознь*).

ладия (в книжном выражении: утлая *ладия*, также фигура в шахматной игре (*ладья*) (ср. древнерусск. лодыа, совр. *лодка*).

Конечно, *а* в письменном *расту* можно объяснить и следствием аканья, ср. при этом *рос*, но вероятнее, что здесь сохранилось старое правописание, свидетельствующее о старом (церковнославянском) произношении.

3. Группа *жд* вместо *ж*.

Общеславянское сочетание dj еще в общеславянском языке подверглось изменению, благодаря ассимиляции d следующему j: из dj получилось $\overset{*}{ʒ}\overset{*}{ʒ}$ ($\overset{*}{ʒ}$ означает мягкий звук *дж*): отсюда в общерусском праязыке $\overset{*}{ž}$ (*ж* мягкое), в западнославянских языках *ž* и $\widehat{dž}$, в древнеболгарском жд. Общерусскому праязыку сочетание *жд* не было совсем известно; в позднейшем языке *жд* является в результате изменения группы *жьд* вследствие выпадения в ней ь) ср. совр. *ждать* из жьдати, древнерусск. кождо из кажьдо. Почти все слова, где в современном литературном языке является сочетание *жд*, могут быть признаны остатками церковнославянского языка; при многих из них имеются исконно русские слова с звуком *ж*. Эти церковнославянские слова и образования распадаются на две группы:

а) группа отдельных слов, б) образования многокр. вида глаголов на *-ать* и причастия страд. залога на *-ен*, при них существительные отглагольные на *-ение*.

Из отдельных слов отметим:

вождь (кор. *вод-: водить*, древнерусск. вожь), *жаждa, жажду* (кор. *жад-: жадный*, древнерусск. жажа), *невежда* (кор. *вед-*, ср. совр. *невежа*), *между* предл. (кор. *мед-*, древнерусск. межю, межи, ср. *межа, межеумок, смежный*), *междометие* (т. е. interjectio), *одежда* (кор. *дед-*, древнее и совр. *одежа, одёжа*), *надежда* (кор. *дед-*, ср. *надёжный*, имя *Надёжка, обнадёжить*), *рождество* (кор. *род-*, ср. др. и совр. *рожество, рожественский*), *тождество* (ср. древнеболг. тожде: *тоже*, ср. совр. едва ли, впрочем, не искусственное *тожество*), *нужда* (кор. *нуд-*, ср. *нудить*, др. и совр. *нужа, нужный*), *гражданин* (кор. *град-*, р. *город-*, ср. совр. *горожанин*), *прежде* (кор. *пред-*, русск. *перед-*, ср. древи. и совр. *преже* и *переже*), *страждy* (кор. *страд-: страдать*), *чуждый* (кор. *чуд-*, ср. *чужой, чужестранный*).

Глагольные формы и отглагольные существительные. Формы на *-ать*, 1-е лицо ед. *-аю: убеждать, побеждать, угождать, награждать, повреждать, учреждать, охлаждать, услаждать, порождать, утруждать, понуждать, прохлаждаться, ограждать, предупреждать, побуждать, рождать, препровождать, сопровождать, рассуждать*.

Формы причастий на *-ен*: *принужден, побужден, награжден, поврежден* и т. д.

Отглагольные существительные на *-ение*: *рождение, охлаждение, учреждение, понуждение, предупреждение* и т. д.

Как указано было выше, можно с вероятностью отнести церковнославянские слова с *жд* и, следовательно, в числе их и глагольные образования, нами рассмотренные, к заимствованиям позднейшей эпохи, ибо уже в древнейших памятниках видим указание на то, что церковное *жд* произносилось как *ж* (в некоторых памятниках, как сказано, замена *жд* через *ж* проведена систематически). В виду этого слова, как *надежа, рожество, невежа*, можно признать за церковнославянизмы, в которых чуждое *жд* заменено было в древнейшие эпохи через *ж*; быть может, то же можно сказать о слове *тожество* при позднее заимствованном *тождество*, а также и об образованиях на *-ать*, как *провожать, распложаться, простужать, ссужать*, если признать и их или часть их за церковнославянизмы. — Замечательно, что в 1-м л. наст. неизвестно *-жду* (ср. ниже *-щу*); очевидно, оно заменено русским *-жу*: *предупрежу, поврежу, услажусь*; исключение составляют отмеченные выше: *стражду, жажду*.

4. Африката *щ* вместо *ч*.

Общеславянское сочетание tj еще в общеславянском праязыке изменилось в č̓č̓ (č̓ означает звук *ч*); в ту же группу изменилось сочетание kt перед гласными переднего ряда (*ь, і, е*); в общерусском праязыке č̓č̓ изменилось в č̓, в западнославянских языках в с, в древнеболгарском в шт. В древнерусском произношении церковнославянского языка шт передавалось как š̓č̓, т. е. ближайшим звуковым сочетанием, восходящим к общеславянскому š̓č̓ из sk перед гласными переднего ряда и из stj; общеслав. š̓č̓ в древнеболгарском перешло в шт, напр. тръжиште, иштѫ, воштина, поуштѫ. Слова современного литер. языка, в которых находим *щ* (произносится в московском наречии и большинством говорящих литературным языком как š̓š̓) вместо ожидаемого по этимологии (по происхождению из tj или из kt) *ч*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка. Такое *щ* находим в трех категориях случаев: а) в отдельных словах, б) в некоторых глагольных образованиях: многократные глаголы на *-ать*, 1-е лицо ед. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*, в) в причастиях настоящего времени, частью получивших значение прилагательных.

Отдельные слова: *мощь* (из *могть, русск. *мочь*), *помощь* (русск. *помочь*), *вещь* (ср. чешск. věc), *пещера* (др. русск. печера, *Печерский* монастырь), *праща* (русск. *пороча*), *общество* (из обьщьство, русск. *обьчьство, откуда *обчество, апшество, опчесьво*, ср. *оптом* из (*обьтъмь), *овощь, овощной* (русск. *обочь, овочь*), денно и *нощно, изящный*. Церковнославянизмом признаем и слово *товарищ* [1].

Глагольные формы. Многократные на *-ать*: *возвращать, укрощать, запрещать, сокращать, освещать, освящать, сообщать, поглощать*.

[1] Ниже, на стр. 90, автор рассматривает слово *товарищ* как русское. (Ред.)

1-е лицо наст. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*[1]: *клевещу, возвращу, запрещу, сокращу, укрощу, сообщу, освящу, освещу*; *возвращен, освящен* и т. д.

Причастия наст. вр.: *сущий, несущий, носящий, крадущий, кидающий, бросающий, светящийся, горящий, поющий, стареющий* и т. д. Прилагательные: *завидущий, блестящий, палящий, настоящий*. Ср. еще слова, как *существо, могущество*.

Относительно причастий можно с уверенностью сказать, что они продержались в книжном языке с самого водворения его на Руси; в русском языке причастия были утрачены еще в очень отдаленную эпоху, как склоняемые слова, заменяясь формами деепричастия на -ѹче, -ѹчи, -а (чьто вѫдадѹче, идѹчи, неса, како мога). Причастия же склоняемые получили значение прилагательных: *горячий, могучий, падучий, сыпучий, летучий, горючий, ходячий, сидячий, лежачий, певучий, висячий*. Церковнославянские причастия на *-ущий* проникли и в народную речь, где опять получили значение прилагательных: ср. формы на *-еющий* для обозначения превосходной степени прилагательных: *богатеющий, большущий* (также в литер. языке), *умнеющий*. Любопытно народное *-ащий, -ущий* вместо *-ащийся, -ущийся*, напр. не *бьющая* кукла, *вертящая* игрушка.

5. Гласная *е*, не перешедшая в *о*.

Еще в общерусском праязыке общеслав. звук *е* в положении перед твердой согласной изменился в *ӧ*, откуда далее в севернорусском и восточнорусском *о*. В восточнорусском *о* такого происхождения, как вообще всякое *о*, сохраняло свой звук только под ударением (см. об этом выше). Поэтому и в московском наречии и в современном литературном языке найдем на месте этимологического (общеславянского) *е* под ударением перед твердой согласной *о*: ср. *нёс, вёсла, сёстры, плётка, стерёк* (стерег), *рёф* (реф), *подерёвно* и т. д. Равным образом перешел не в *е*, а в *ӧ*, откуда далее *о*, звук *ь* перед твердой согласной, ср. моск. и литер. *мёртвый, вёрсту, дёрн, пёс, пёстрый, назём* (род. назьму), *опёнки* (из опьнъкъ от слова пень), *попённо, подённо, тёмный* и т. д.

Тот же звук *о* находим после исконно мягких согласных *ш, ж, ч, ц, щ* под ударением перед твердой согласной на месте первоначальных *е* и *ь*: *щóку, пчолка, шорох*, сам-*шост, облицовка, концов, чорт, чорный, жорнов, жолтый, чолн*. Древнеболгарскому языку было неизвестно изменение *е* в *ӧ* после согласных неисконно мягких, а возникшее еще в общеславянскую эпоху *ӧ* из *е* после согласных исконно мягких изменилось, повидимому, в *е*. Поэтому в целом ряде слов, где по-русски являлось *ӧ*, откуда и *о*, в церковнославянском держалось *е*. Значительное число слов литературного нашего языка, имеющих под ударением перед твердой согласной *е*, должно быть возведено к церковнославянскому языку. Из числа слов с *е* перед твердой согласной не относятся сюда слова с *е* перед отвердевшей согласной (напр. перед твердым *ц*: *купец*, твердым *р*: *серп*), а также с *е*, восходящим к общерусскому *ѣ* (*мелкой* из мѣлъкыи). Остальные слова с большею или

[1] В рукописи: от глаголов на *-ить*. (Ред.)

меньшею уверенностью могут быть признаны остатками церковнославянского языка.

Слова с ударным *е* перед твердой согласной, восходящие к церковнославянскому языку, могут быть рассмотрены в двух категориях. К первой относятся слова с *е* перед исконно твердой согласной; ко второй слова с *е* перед отвердевшею согласною.

Слова с *е* перед исконно твердою согласною по самому значению своему обнаруживают свое церковное происхождение: *небо* (ср. диалект. *нёбо* в значении неба, а также *кёбо* во рту), *щедр. пещера* (русской формой была *печора), *предмéт* (кор. *мет-*: метать), *отмéстка* (с *е* из *ь*: мыть), *жезл, пéкло, крест* (с *е* из *ь*, ср. диалект. *крёст, хрёст*, литературн. *крёстный* отец, при *крестный* ход), *хребет* (с *е* из *ь*: хрьбьтъ, ср. диалект. *хребёт*), *перст* (с *е* из *ь*: пьрстъ, заменившее церковнослав. прьстъ, ср. диалект. *пёрст*, литер. *напёрсток*), *сквéрна* (из скьврна на месте церковнослав. скврьна), *жéртва* (из жьртва на месте церковнослав. жрьтва), *мéрзкий, мéрзость, дéрзкий, дéрзость, развéрстый*. Из последних слов видно, что церковнославянское (правильнее русско-церковнославянское) *ь* заменилось с течением времени русским *е*, причем это русское *е* уже не подлежало изменению в *ё* потому именно, что звук *ё* был чужд церковнославянскому языку; объяснять *е* из южнорусского языка (где *е* после исконно мягких согласных звучит как *э*) нельзя потому, что после исконно мягких и здесь находим *о*, между тем *жéртва*, не *жóртва*. — Повидимому, сюда же относится *исчéз;* по-русски это звучало бы *исчоз;* старослав. ищѣзнѫти при ищѧзати (с *а* на месте *ѣ*). Как долго держалось церковное *е* в некоторых словах, не чуждых и живому языку, видно из случаев, как: был как бѣс, потек как *песъ*. Посл. XVII в. (Симони, 82).

Слова с *е* перед отвердевшею согласною. Различаем две категории. В первой отвердение произошло в результате влияния на мягкую согласную (смягчившуюся перед *ь*, впоследствии выпавшим) следующей твердой; так отвердели, напр., губные и зубные перед твердым *н* после выпадения между ними и *н* звука *ь;* что *ь* смягчало в общерусском праязыке предшествующие согласные в подобном положении, видно из того, что напр. слова бѣздька, дѫшєвьный стали звучать в древнем украинском бѣздна, дѫшєвный с *Ѣ (дифтонгом *ie*) из удлинившегося *е* перед слогом с выпавшим из него *ь*. Ср. написания бѣзна, дошєвныи и т. п. в украинск. памятниках, начиная с XII в. В северноруссском и восточнорусском, где не было удлинения *о* и *е* при тех условиях, которые вызывали их удлинение в украинском, получилось *без'на, душев'ный* с мягкими *з, в* и с напряженным *е* перед ними. Но вскоре во всех русских наречиях зубные и губные в положении перед твердыми зубными отвердели; в украинском *бзьна, душьв'ный* продолжали звучать с *ь* и после отвердения *з* и *в;* но в севернорусском и восточнорусском, где звук *е* напряженное сохранялся только перед нёбными, смягченными согласными, он переходил в *е* ненапряженное перед отвердевшею согласною, а ненапряженное *е* изменялось затем в *ё* и далее в *о*, в силу того, что вообще звук *е* не был известен перед твердыми согласными. Таким образом, мы ожидали бы в севернорусском и восточнорусском, а, следовательно, и в московском наречии *бёзна, *душовный;* ср. дѫшовнои в московских договорных 1428 г. № 43,

1440 г. № 60 и др., а также наши литер. *тёмный, нёбный, крёстный, поёмный, слёзный, подъёмный, колёсный, почётный, счётный*, диалект. стар. в лешобнихъ лесахъ Дв. гр. XV в. № 92 (вм. лѣшобныхъ), служобныхъ в моск. догов. ок. 1465 № 92, 1433 № 50, царовна Псковск. 2-я лет. XV в. (вместо *царёвна*), совр. вытегорск. *царёвна*, петрозав. *королёвна*. Объяснять *о* в подобных производных словах влиянием звука *о* в словах коренных (как *подъём, нёбо, полёт*) невероятно, в виду того, что в *тёмный, душовный, служобный* возможно только фонетическое объяснение *о* из *е*. Если же мы в современном литературном языке находим в ряде слов в таком именно положении *е*, а не *о*, то все или почти все подобные слова должны быть признаны церковнославянскими. В церковном произношении, как указано, *ѣ*, откуда *о*, было вообще неизвестно; поэтому в подобных словах перед отвердевшею согласною произносилось *е* ненапряженное, ср. этот звук и на месте исконного *е* перед твердою согласною *(небо)* и на месте исконного *ъ* в таком же положении *(вред)*. Поэтому признаю церковнославянскими словами следующие: *душевный, учебный, лечебный, служебный, ежедневный, вседневный, царевна* (ср. церковнослав. происхождение слова *царь*), *подзе́мный, бе́здна, поле́зный* (ниже укажу на церковнославянское происхождение слова *польза*), *любе́зный, теле́сный, небе́сный, древе́сный, лестный, прелестный* (ср. церковнослав. приставку *пре*), *честный* (ср. диалект. *чосно́й, бесчо́сно*), *кре́стный, тще́тный*. Равным образом влиянием книжного, церковнославянского произношения объясняется *е* в *тюре́мный, королёвна* (ср. *царевна*). Равным образом отвердело *н* перед следующим твердым *н*, превратив предшествующее *е* в *о* в севернорусских и восточнорусских говорах: ср. *подённый, двухсажонный* (от *сажень*), *казённый*. Поэтому церковнославянскими словами признаем: *современный* (при обрусевшем *современённый*), *обыкновенный*, равным образом причастия страдательные, как *согбённый, благословённый, вдохновённый, надменный* (только после губных); сюда же слова *вселенная, бренный*.

Во второй категории, где *е* находим перед отвердевшею согласною, отвердение произошло в более позднюю эпоху вследствие общего отвердения той или иной согласной. Перед согласными, отвердевшими сравнительно поздно, находим *е* (ненапряженное вместо напряженного) не изменившимся в *о* (ср. *е* в *купец*, диалект. литер. *сем, первый*); но перед согласными, отвердевшими раньше, *е* напряженное через посредство *е* ненапряженного переходит в *о*; такой случай имел место, напр., перед отвердевшими *ж* и *ш*, ср. совр. произношение литерат.: *лёжа, Серёжа, серёжка, грабёж, кутёж, падёж, свербёж, застёжка, головёшка, кормёжка, одёжка* (по *одёжке* протягивай ножки), диалект. и простонародн. *одёжа, берёжый*. Поэтому слова, где в литер. наречии перед *ж* является *е*, а не *о* (*ё*), должны быть признаны церковнославянскими: *падёж, мятёж*, также *смежный*. Неясно, как понять *в перемёжку;* не сказалось ли здесь влияние корня *меш-ать (в перемешку)*. В слове *прилёжный е* может восходить к церковнославянскому *ъ*, ср. прилѣжьнꙑ в Остр. ев.; во всяком случае — это слово церковнославянское. Известное и в литературном произношении *головёшка*, равным образом *мережка* (род кружевного вязания) едва ли не заимствованы из таких говоров, где *ж* и *ш* отвердели позже и потому не перешли в *о*.

6. Начальное *ю* вместо *у*.

В общерусском праязыке начальное сочетание *jу, i̯у* превратилось в *у;* общесл. *i̯унъ, i̯уноша, i̯уха, i̯угъ* (ср. старослав. юнъ, юноша, юха, югъ) изменились в *унъ, уноша, уха, угъ,* ср. в памятниках XI в.: оунъ, оугъ, оуноша; также современное *уха;* что касается украинск. *юха,* то *ю* здесь новое, вызванное общим стремлением украинск. языка к придыхательному приступу в начале слова. В виду этого совр. литер. *юный, юноша, юг, южный* должно признать церковнославянскими словами. Равным образом на месте общеславянского jǫ (старослав. ѭ) в начале слова ожидаем в русском языке не *ю,* а *у;* поэтому признаем церковнослав. словом *союз,* конечно, и *юдоль.*

7. Твердое *з* (из *г*) вместо мягкого.

В общеславянском праязыке звуки *k, г, х* при известных условиях, а именно, как предположено проф. Бодуэн-де-Куртенэ, перед ударяемым слогом, переходили в *ц, з, с,* если им предшествовали гласные переднего ряда (*ь, i, е* носовое); эти согласные восходят непосредственно к средненёбным смягченным *k, г, х,* заменившим задненёбные *k, г, х* под ассимилирующим действием предшествующей гласной. Разумеется, эти *ц, з, с* были в общеслав. языке мягкими; они сохранили свою мягкость и в общерусском праязыке; позже диалектически отвердело *ц: овца* вместо *овця* (а это из *овьц'а,* восходящего к *овьka*); но *з* и *с* сохраняют свою мягкость, как и мягкие *с, з* другого происхождения, напр. великор. *сила, сёла, зёрна, зимний, зябну.* Ср. *с* мягкое из первоначального *х* в совр. *весь, вьсего* (восходит к вьс'ь из вьхъ), *з* мягкое из первоначального *г* в совр. *князь* (восходит к кънѧз'ь из кънѧгъ). Между тем в древнеболгарском диалектически ц, з, с отвердели очень рано, ср. написания, как вьсакъ, вьса, кънѧзоу, польза, насмисатисѧ в древнеболгарских памятниках. Поэтому, если в современном литер. языке найдем твердое *з,* а не мягкое, на месте общеславянского мягкого *з* из *г,* то такое твердое *з* свидетельствует о церковнославянском происхождении соответствующего слова. Итак, церковнославянскими признаем слова: *польза* (мы ожидали бы *пользя,* ср. подобное произношение в русских говорах, ср. *на пользю,* ср. также *нельзя, льзя*). *непритязательный* (по-русски было бы *непритязятельный*), *состязательный* (ср. корень *тяг-: тягаться, тяжба*), *осязать* (корень *сяг-: посягать, посягнуть*).

8. Гласные *о, е* на месте слабых *ъ, ь*.

В общеславянском языке ъ и ь были сильными в положении перед слогом с слабым ъ или ь, а также, быть может, под ударением в начальном слоге слова; в остальных положениях они были слабыми, а перед слоговыми *р* и *л,* а также за ними неслоговыми. Напр., обозначая слабые ъ и ь буквами ъ и ь подчеркнутыми, находим для общеслав.: *тьмьный, льстьный, пьсъ, пьса, стькло, дъва, жьньць, жьньца* и т. д.; *вьрхъ, вьлкъ, блъха, дръва, пльвати* со слоговыми *р* и *л.* То же имело место в общерусском праязыке, но неслоговые

ъ и ь перед слоговыми *р* и *л* и после них стали слоговыми и притом сильными вследствие потери звуками *р* и *л* их слогового характера; вместо *вьрхъ, вьлкъ, гърдый, мълва* явились *вьрхъ, вълкъ, гърдый, мълва* с неслоговыми *р, л* и сильными *ъ, ь;* вместо *блъха, дръва, пльвати, трьвога* с слоговыми *р, л* явились *блъха, дръва, пльвати, трьвога* с неслоговыми *р, л* и сильными *ъ, ь.* Наконец, сочетание согласная + *ўь* (неслоговое *у* и слабое *ь*) перешло в общерусском в сочетание согласная + *вь* (согласная *в* и сильное *ь*), причем изменение слабого *ь* в сильное стоит в связи с переходом неслоговой гласной *ў* в фрикативную согласную: *зўьно, дўьри* перешли в *звьно, двьри* с сильными *ь.* Уже после распадения общерусского праязыка, не раньше второй половины XII в., исчезли из произношения (во всех вообще русских наречиях) звуки *ъ* и *ь* слабые, перешли в звуки полного образования, *о* и *е*, все сильные *ъ* и *ь;* ср. в древнерусском и современном опущение слабых *ъ* и *ь*, напр. в *темный, пёс, пса, скло, два, жнец, женца,* напротив, замену сильных *ъ* и *ь* звуками *о* и *е* в *тёмный, пёс, жнец, женца, верх, волк, гордый, молва, блоха, дрова, плеват', тревога, звено, дверéй* и т. д.

Закон об опущении слабых *ъ* и *ь* не знает, конечно, исключений. Правда, находим в некоторых случаях замену слабых *ъ* и *ь* звуками *о* и *е*, но все относящиеся сюда в русских словах случаи объясняются влиянием аналогии. Случаи эти распределяются по двум категориям: к первой принадлежат такие слова, которые перенесли *о* и *е* из одних падежных форм в другие, причем в этих других они заняли место выпавших *ъ* и *ь* (между тем как в первых они правильно заменили старые *ъ* и *ь* сильные). Сюда относятся такие образования, как древнерусское Смоленеск(ъ) вместо *Смол'неск* (из *Смольньскъ*) под влиянием *Смоленска, Смоленску;* или совр. *пришелец* вместо и при *пришлец* (из *пришьльць*) под влиянием *пришел'ца* (из *пришьльца*); или, напротив, совр. *жреца, жнеца, швеца, кузнеца* вместо *жерца, женца, шевца, кузнца* под влиянием форм им. падежа *жрец, жнец, швец, кузнец; доскá* вместо *дска, цка* является под влиянием *дóску, дóски* с *о* из сильного *ъ* (сильного вследствие своего положения в начальном слоге под ударением); *стеклó* вместо *скло* под влиянием им. мн. *стёкла; пестра* вместо *пстра* под влиянием *пёстр, пёстрый; праведен* вместо *правден* (под влиянием *праведный*) и т. д. Равным образом *купеческий, молодеческий, греческий* явились на место *купецкий, молодецкий, грецкий* под влиянием кратких форм *купческ, молодческ, греческ; старческий* вместо *старецкий* под влиянием *старческ; человеческий* вместо **человецкий* под влиянием *человеческ. Онемечить* вместо **онемчить* новообразование под влиянием *немец, немецкий.* Ко второй категории относятся случаи появления *о* в предлоге *со* перед следующим *с* (*со* вместо *с* под влиянием *со* в других случаях): *со* своего, *состряпать, состав, состариться, сослепа, со* света, *со* степи, *со* стены под влиянием *сослать, созвать, со* сна, *со* ста.

Но в литер. языке оказывается ряд слов, которые не могут быть подведены ни под ту, ни под другую категорию, представляя звуки *о, е* на месте подлежавших выпадению слабых *ъ* и *ь*. Сюда относятся: а) слова, содержащие предлоги *со, во, воз* вместо ожидаемого после выпадения *ъ* в *съ, въ, възъ* звуков *с, в, вз;* б) слова, представлявшие

о, е на месте слабых *ъ̱, ь̱* в некоторых суффиксах; в) слова, представляющие *о, е* на месте слабых *ъ̱, ь̱* в корнях. Является вопрос, как понять такие *о, е*? Значение многих относящихся сюда слов ясно указывает на их церковнославянское происхождение. Но почему же *о, е* заменили *ъ̱, ь̱* слабые, подлежавшие выпадению в живом русском произношении в церковнославянском языке на Руси? Памятники старославянского языка указывают, что в нем еще в XI в. произошло в некоторых его диалектах изменение сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е*, так — в Зогр. Таким образом, переход сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е* в диалектах старославянского языка произошел раньше, чем в русском. Вероятно, он имел место и в том диалекте, который был впервые перенесен на Русь при Владимире в X в. и при Ярославе в XI в. Прямым результатом этого явилось то, что при чтении церковных книг русские люди стали произносить букву *ъ* как *о*, букву *ь* как *е*, не справляясь, конечно, с тем, сильные ли эти *ъ, ь* в живом русском произношении, или слабые. Многие писцы при переписке старославянских оригиналов передавали *ъ* и *ь* через *ъ* и *ь*, придерживаясь и написания оригинала, руководясь и собственным русским произношением (влияние русского произношения очевидно между прочим из того, что окончание *-тъ* 3-го л. ед. и мн. старославянских оригиналов передается через *-ть*). Но другие писцы заменяли *ъ* и *ь* буквами *о* и *е*, основываясь именно на церковном произношении. Вот почему в памятниках XI в., переписанных на Руси, найдем нередко *о* и *е* и притом не только на месте сильных *ъ* и *ь*, но также и на месте слабых *ъ̱* и *ь̱*; мало вероятным представляется в особенности случаи, где *о* и *е* заменили слабые *ъ̱* и *ь̱*, возводить к старославянским оригиналам (где вообще находим замену через *о* и *е* только сильных *ъ* и *ь*); но еще менее возможно объяснить их из русского живого произношения, ибо, во-первых, сильные *ъ* и *ь* перешли в *о* и *е* не раньше второй половины XII в., во-вторых, слабые *ъ̱* и *ь̱* вообще не заменялись через *о* и *е*. Приведу примеры замены *ъ* и *ь* сильных и слабых через *о* и *е* в церковнослав. памятниках русской редакции XI века. Стихир. 1157: весѧ, въ цьркови, веселеноую, добродѣтелеми, вьседе, владьщени, неплодове, Юр. ев.: въземеть, вьседе, отѧгочалѣ, Минея 1095: источьнико, ѿговидече, ковечегъ, весемирьнꙗ, Ж. Ф. золодѣи, Сб. 1073: золобѣ 172 об. Особенно интересно написание оуповати в русских памятниках — Юр. ев. оуповаше 106 а, Усп. Мин. № 175 (18) оупованиѥ 116 об. 1, Ж. Ф. оуповаꙗ, оупованиѥмь; можно было бы ждать на основании общего закона о выпадении слабых *ъ̱* и *ь̱* оупвати; но это слово было, очевидно, церковнославянским; как таковое, оно произносилось в нашем церковнославянском, а потому и писалось с *о*; это *о* дошло и до нашего времени (*уповать*). Искусственным книжным произношением всякого *ъ* как *о* и всякого *ь* как *е* объясняется смешение букв *ъ, ь* и *о, е*, замечаемое во многих памятниках русских XII — XIV вв. В XI и в первой половине XII в. от такого полного смешения удерживало то обстоятельство, что в живом языке *ъ* и *ь* сильные и слабые произносились отлично от *о* и *е*; но когда со второй половины XII в. сильные *ъ* и *ь* стали произноситься как *о* и *е*, а слабые исчезли из произношения, в распоряжении писцов, приверженных к древнему правописанию, не желавших ограничить употребление букв *ъ* и *ь* сообразно с вновь наступившими

в языке условиями, не оказывалось средств различать этимологическое и звуковое значение букв *о, е* и *ъ, ь*. Отсюда происходят чудовищные написания, как горѣда, вѣрьмьнемь, дѣтемо, съ посадникомо и т. п. Начало всем таким написаниям дано церковнославянским произношением, произношением, господствовавшим в церкви, звуков *ъ, ь* как *о, е*.

Перехожу к обзору отмеченных выше категорий слов современного литературного языка, где такое произношение выступает наружу.

Предлоги *со, во, воз* в русском языке должны являться в таком виде (а не в виде *с, в, вз*) только в положении перед слогом, содержащим выпавшее *ъ* или *ь* (возможность *со* в других положениях, а именно перед *с* + согласный отмечена выше). Поэтому признаем церковнославянскими следующие слова, сложенные с предлогом *со: собирать* (ср. диалект. *сбирать*), *собор* (древнерусск. съборъ архангела Михаила, съборная церковь, совр. *сбор* в другом значении), *соблазн, соблаговолить, собеседование, соблюдать, собрат, соболезновать, совет* (древнерусск. на съвѣтѣ), *совещаться* (древнерусск. съвѣщатися), *совокупить, совершить* (ср. *свершить*), *совратить, совесть* (древнерусск. съвѣсть), *совладать, согреть, согребать* (ср. *сгребать, сгрёб*), *согласить, сограждани́н, согрешать, соглядатай, содержать* (ср. *сдержать*), *содействовать, содрога́ться, соединять, сожалеть, созывать* (ср. *сзывать*), *созвучие, созидать, сокровище* (древнерусск. съкровище), *сокровенный* (древнерусск. съкровенын), *сократить, сокрушить* (древнерусск. съкрушити), *сообразоваться, соорудить, соправитель, сопредельный, сопровождать, сопротивление, соприкасаться, сопричислить, сопряженный, соревнование, сосредоточить, сотрясение, сотрудник, сотрапезник, сотворить, соучастие, сохранить* (русск. *схоронить*), *сочетать, сочинить* (древнерусск. съчинити), *сочлен, союз*. Предлог *со* с особенным значением соучастия из слов, как *собрат, сотрапезник, соправитель, сочлен*, перенесен и в русские слова *сотоварищ, собутыльник* [1].

Слова, сложенные с *во: вовлекать, водворить* (хотя, может быть, это и русское слово, ср. *во* двор вместо *в* двор), *совокупить, вооружить, вообразить, воплощение, вопрос, вопреки, вочеловечение*.

Слова, сложенные с *воз: возбранять, возбудить* (ср. *взбудора́жить, взбунтова́ть*), *возвеличить, возвестить, возводить* (ср. *взвести, взводить*), *возврат, возвышать, возгласить, возгореться, воздержаться* (ср. *вздёржка*), *воздвигать, воздавать, возделывать, возлежать, возлюбить, возложить, воскурить, воскресить, восклицать, возмечтать, вознаграждать, вознамериться, возносить, возненавидеть, вознегодовать, возомнить, возобновлять, воспитать, воспеть, воспаление, воспоминание* (ср. *вспоминать*), *воспламенить, воспретить, воспротивиться, восстать, восстановить, востребование, вострубить, восторг, восток* (обл. *всток, сток*), *возразить, возраст* (ср. древнерусск. възрастъ), *великовозра́стный, восход* (ср. *всходы*), *восчувствовать*.

Суффиксы, содержащие *е, о* на месте слабых, подлежавших выпадению *ь, ъ*. Повидимому, ряд слов с суффиксом *-ство* (из *-ьство*) должен быть признан церковнославянским. Сюда относятся: *рождество*

---

[1] Далее в рукописи по ошибке приведено слово *вочеловечение*, которое перенесено по смыслу статьи в конец следующего абзаца. (Р е д.)

и *рожество* (мы ожидали бы *роштво*, ср. древнерусск. рожьство), *множество, убожество, существо, могущество, человечество, качество, количество, купечество, молодечество, художество, вещество, отчество, старчество*; также после других согласных, не только после *ж, ч, щ*: *естество* (древнерусск. ьство). Ср. перенесение *-ество* вместо *-ство* в областном *богатество*. Таким образом *-ество* узаконилось в положении после согласных *ж, ч, щ*, очевидно, по удобству произношения, являясь в другом положении вообще в виде *-ство: братство, зверство, духовенство*. — Отмечу далее *скрежетать*.

Слова, представляющие *о, е* на месте слабых ъ, ь: *вопить* (ср. древнерусск. вопити), *уповать*, быть может, *соты*.

9. Гласные *ы, и* на месте напряженных ъ, ь.

Необходимо коснуться здесь еще нескольких заимствований, частью в настоящее время исчезнувших, но оставивших след на письме. Сюда относятся: *окончание им. ед. прилагательных на -ый, -ий*. В общеславянском праязыке соответствующие окончания звучали ъ̂i, ь̂i с напряженными ъ и ь и звуком *i* неполного образования: starъ̂i, sin'ь̂i; в памятниках древнеболгарских, а потом и в древнерусских, напряженные ъ и ь изображались буквами ꙑ (ы) и и: старыи, синий. В севернорусских и восточнорусских говорах, следовательно, в великорусскую эпоху напряженные ъ и ь перешли в *о* и *е* как в ударяемых, так и в неударяемых слогах, хотя возможно, что в восточнорусских, где *о* и *е* в неударяемых слогах редуцировались, они не возникали на месте напряженных ъ и ь неударяемых. В московском наречии, по происхождению севернорусском, мы должны ожидать под ударением: *-ой, -ей*, а в неударяемых слогах *-ай, -ей* (или *-ий*), причем *-ай, -ей* являются результатом редукции неударяемых окончаний *-ой, -ей*: ср. *седóй, младóй, простóй*, сам *третéй, мúлай, дóбрай, трéтий*. В церковнославянском языке окончания *-ъ̂i, -ь̂i* перешли в *-ый, -ий*; те же сочетания явились в украинском наречии. Оба эти обстоятельства узаконили произношение окончаний прилагательных как *-ый, -ий* в церковном и книжном языке. Трудно сомневаться в том, что в книжной речи Москвы говорили некогда *просты́й, седы́й, млады́й*, после *г, к, х*: *глухий, строгий, великий, долгий*. На письме *-ый, -ий* держатся до сих пор, причем оказывают влияние и на произношение. Несомненно, что многие говорящие литер. языком произносят в неударяемых слогах *-ый, -ий*, т. е. говорят *старый, добрый*, а не *старай, добрай*. В этом не трудно убедиться, наблюдая произношение тех, кто после *к, г, х* употребляет окончание *-ий*, а не *-ай*; в среде книжно образованных людей нередко можно услышать произношение *крепкий, великий, убогий, строгий, безухий*. Такое произношение возникает под влиянием письма, но возможно, что оно держалось в литературной речи непрерывно.

В общеславянском праязыке ъ̂ и ь̂ напряженные были сильными только в положении перед слогом с *i* неполного образования из jь или jі, а также под ударением в начале слов; вообще же, т. е. в положении перед слогом с гласною полного образования, они были слабыми. В старославянских, а затем и в древнерусских памятниках

слабые ъ̂ и ь̂ напряженные изображались буквами ы и и: оумыѥтъ, пролиѥмъ, пѣниѥ, листиѥ. С течением времени и притом в ту же эпоху, что слабые ъ и ь ненапряженные, исчезли из произношения ъ̂ и ь̂ слабые напряженные во всех наречиях русского языка (следовательно, начиная со второй половины XII в.). Таким образом, явились сочетания согласная + i̯ + гласная в живом произношении: *лист'i̯е, кост'i̯у, лод'i̯а бел'i̯о* и т. п. В украинском *i̯* в таком положении перешло в j и затем ассимилировалось предшествующей согласной (ср. украинск. *життя* из *жит'ja, жит'i̯ä*). Но в великорусском *i̯* держится до сих пор. В церковнославянском произношении, где, как мы видели, слабые ъ̱ и ь̱ после выпадения их в живом языке продолжали произноситься как *о* и *е*, слабое ь̂ (изображавшееся на письме как и) продолжало произноситься как *и*, следовательно, *пение, воскресение, отдание, нощию, печатию, братия;* поэтому в церковнославянском — *братия* в три слога, а в живом народном произношении *брат'i̯а* (писалось братыа) в два слога. Такое церковное произношение объясняет нам, почему до сих пор держатся у нас написания с *-ия, -ию, -ие* — *пение, изображение, восклицание, келия, чтение* и т. п.[1]. Возможно, что и в произношении некоторых образованных людей держатся двусложные окончания *-ия, -ие, -ию;* эти окончания привились и к словам, заимствованным из иностранных языков: *партия, провизия, компания;* ср. окончание *-ыя* после *ц*, напр., в *лекцыя, порцыя, конституцыя.* Произношение с *и* слоговым вызывает в некоторых производных сочетание *-ий*, а не *-ей*, которое явилось бы при коренном слове с неслоговым *i̯* (ср. *скамья — скамейка, ружье — ружейный, армейский, компанейский):* так, находим прилагательные: *орудийный* (указывает на четырехсложное *орудие), партийный.* Возможно, что церковнославянским произношением является: *сию, сиять, пиявка, лияло, влиять (приятель?)*, также сохранение *-ий: убийца, убийственный,* прилаг. *английский, италийский, австрийский; Россия, Мария.*

10. Формы прилагательных в род. *единственного*, в именительном-винительном *множественного* и др.

Окончанием род. ед. мужеского и среднего рода прилагательных в церковнославянском языке было *-аго*, между тем как еще в общерусском праязыке утвердилось окончание *-ого.* Что *-аго* проникло и в разговорную речь образованных классов, можно заключить между прочим из того, как упорно держится *-аго* на письме до сих пор; теперь[2] мы его пишем только в неударяемых слогах, но еще очень недавно писали: *другаго, втораго, большаго* (но произносили, конечно, *другово, второво, большово*). Быть может, указанием на *-аго* в живом произношении могут служить и некоторые фамилии, повидимому, свойственные первоначально духовной среде: *Живаго, Мертваго, Белаго.*

---

[1] Ломоносов различал слова на *-ие* и *-ье: здание, но копье (копьё)*, ср. § 155 и 156 Гр.

[2] До реформы орфографии 1918 года. (Ред.)

Общеславянское носовое *ѣ* (*i͡e* носовое), являвшееся в некоторых грамматических окончаниях в основах на мягкую согласную в соответствии с окончанием *-ы* в основах на твердую согласную, в общерусском праязыке перешло в *ѣ*, ср. общую утрату гласными их носового свойства в этом языке: род. *еѣ, моеѣ, доброѣ, душѣ, волѣ* и т. д. Написания с *ѣ* находим в русских памятниках, начиная с XI в.; *ѣ* держится до сих пор в украинском, где заместителя *ѣ*, звук *і*, находим в формах род. *душі, еї* и т. д. В древнеболгарском языке носовые гласные сохранялись, сохранялось и носовое *ѣ*, совпав с носовым *е* в одном звуке (ѧ): ср. древнеболг. доушѧ, ѥѩ, добрꙑѩ. В русском произношении церковнославянского языка всякое носовое *е* передавалось звуком *а*: свѧтъ произносилось свꙗтъ, тѧбло — тꙗбло. Поэтому как *а* произносилось и то носовое *е*, которому в живом языке русском соответствовал звук *ѣ*: р. ед. дꙋша моѥꙗ, ѥꙗ, отъ дѣвицꙗ и т. д., ср. подобные написания в памятниках. Конечно, это произношение перешло и в речь образованных классов, но с течением времени оно было вытеснено русскими (великорусскими) окончаниями на *-и, -й:* от *души, моей, доброй*. Вместо *еѣ, самоѣ, моеѣ*, в результате известного сложного процесса, явилось *её, моеё, самоё*, это живое произношение вытеснило искусственное, книжное произношение *ея, моея, самоя*. Дольше всего держалось *а* в *ея*; на письме оно сохраняется до сих пор[1], проникая в произношение книжно образованных людей, усваивающих себе письменное изображение и не считающихся с живым господствующим произношением. Несомненно, что таково же происхождение орфографического *я* в окончании им.-вин. мн.[2]; теперь по произволу теоретиков окончания *-ыя, -ия* употребляются в женском и среднем роде, но на самом деле *-ыя, -ия* в церковнославянском языке на Руси заменило и окончание им.-вин. мн. мужеского рода (древнеболг. ии им., ыѩ, иѩ[3] вин.), и окончание им.-вин. ж. р. (древнеболг. ыѩ, иѩ)[3] и окончание им.-вин. среднего рода (аꙗ, ꙗꙗ), под влиянием русской замены формы им. мн. (мужеский род) формой вин. мн., а также утраты самостоятельных окончаний во мн. числе прилагательных среднего рода; теперь орфографическое *добрыя* им.-вин. женского и среднего рода мы произносим так же, как *добрые* им.-вин. мужеского рода (*добрыје, добрыи*).

Общеславянское сочетание *i̯ь* в сильном положении (перед слогом с выпавшими впоследствии *ъ, ь*) перешло, повидимому, еще в общеслав. эпоху в *і*, между тем как в слабом положении оно изменялось в *і* неполного образования: общеслав. jaicь̯, jai̯c'e, dostoinъ, moi̯. В русских наречиях такое *і* полного образования под влиянием аналогии (напр. влияния окончаний -en, -ec' из ьnъ, ьc'ь на окончание

---

[1] Т. е. в орфографической системе до реформы 1918 года. (Ред.)

[2] Имеются в виду написания названных форм прилагательных (также местоимений, числительных и причастий) по старой орфографии — на *-ые, -іе* в мужеском роде, на *-ыя, ія* в женском и среднем роде. Реформой орфографии 1918 г. для этих форм узаконено независимо от рода одно окончание *-ые, -ие*. (Ред.)

[3] Очевидно, имеется в виду образование от таких прилагательных, как божии и под. Форма вин. мн. мужеского рода и им.-вин. мн. женского рода от них действительно образуется на -иѩ (божиѩ). Между тем те же формы от прилагательных типа тъшть, тъштии образуется на -ѧ, ѧѩ (тъштѧ, тъштѧѩ). (Ред.)

-in, -ic') заменялось звуком *е*, ср. диалект. великорусское, а также украинское и белорусское *яец, яешница*, также *троек, троечка, спокоен*, р. мн. *воен, боен, боец*, им. *боек*, р. мн. *коек*, прил. *коечный, перешеек, раёк, паёк, хвоек* и т. д. Древнее *і* находим напр. в *изба* (ист'ка из *їьстъба*). Там, где в современном литер. языке является в указанных суффиксах *и* (*-ин, -иц*), это *и* может быть объяснено как церковнославянизм: им. ед. *воин* (ср. также в род. *воина* — трехсложное вместо ожидаемого неизвестного *во́йна*), *достоин, троичная ипостась, таинство, таинственный, воинство, воинственный, воинский, взаимный*.

11. Элементы церковнославянского словообразования.

К словообразовательным суффиксам церковнославянского происхождения относится, как кажется, *-тель;* повидимому, он вообще чужд русскому языку (ср. то же в других славянских языках: словенском, болг., сербо-хорв.), хотя, впрочем, *житель* и древнее *волостель* слова русские. С уверенностью признаем за церковнославянские слова: *предатель, хранитель, властитель, учредитель, потребитель, распространитель, упразднитель, пленительница*, с вероятностью: *учитель, мучитель, знаменатель, утешитель, почитатель, покровитель, носитель, повелитель, гонитель, расточитель, сеятель, исцелитель, ценитель, правитель, попечитель, просите*ль и т. д. В морфологии доказываю, что слова *учитель, смотритель* (ср. мн. *учителя, смотрителя*) заимствованы; быть может, также и *приятель, приятельница, учительница*. Равным образом церковнославянскими признаем образования на *-тельный* (*-ительный, -ательный*): *страдательный, восхитительный, мучительный, растительный, поразительный, увлекательный, омерзительный, оглас*ительный, *оздравительный;* простор.: *пользительный;* существительные на *-тельность: расточительность, признательность, растительность*, на *-тельство: учительство, правительство, предательство*. — Далее церковнославянским является суффикс *-ствие: бедствие, царствие, содействие, лицедействие, странствие, путешествие, бесчувствие, сочувствие*. — Русские слова с суффиксом *-ство* имеют, повидимому, ударение на нем: *родство́, свойство́, скотство́, озорство́, баловство́, плутовство́, хвастовство́;* слова с ударением на корне можно частью признать церковнославянскими: *ца́рство, сво́йство, уро́дство, бога́тство* (слово *богат* церковное, как видно из господствующего произношения с γ), *госпо́дство, бра́тство, непотре́бство, сре́дство;* во всяком случае церковнославянскими должны быть признаны слова на *-ество: качество, множество, убожество, человечество, рождество́, естество́* (о чем сказано было выше). Церковнославянскими являются образования на *-енство* (по-русски было бы *-ёнство*): *главенство* (из *главьньство*), *духовенство, степенство* (из *степеньство*), *отщепенство*. — Образования с *-ес* церковнославянские: *телесный, небесный, словесный, древесный, телеса́* (в значении полного тела), *чудеса, чудесный*. — Вероятно, церковнославянскими надо признать и слова на *-е́ние, -а́ние: уче́ние, лече́ние, страда́ние, пение, горение, сожаление, повеление, устрое́ние, упое́ние, воспитание, расте́ние, воспале́ние, награжде́ние, освеще́ние, запре-*

щение, учреждéние; в русском языке вместо *-éние, -áние* находим *-еньё, -аньё: спаньё,* диалект. *пеньё, введеньё,* или еще *-анье, -енье* с ударением на предшествующем слоге: *кáтанье, глáженье, свáтанье, брáтанье;* слова, как *варéнье, печéнье, прощáнье, катáнье, гулянье,* конечно, русские, но они не имеют уже значения отглагольных существительных, а если получают, то под влиянием книжным. — Мы говорили выше, что причастия наст. времени вообще представляются сплошь церковнославянскими образованиями, ср. форму их окончаний: *-ащий, -ущий.* Но также признаем церковнославянскими причастия страд. на *-нный;* по самой форме эти причастия обличают свое церковнославянское происхождение; древнейшие примеры причастий на *-аньный, -еньный* находим в церковнославянских памятниках. Русские причастные формы на *-ный* не имеют значения причастия, это прилагательные; ср. *мощóный, тканый, печеный, топленый, маханый, учоный, точоный, верченый, сеяный, веяный, холеный, воженый, засиженый, замараный, стираный, писаный.* Причастия страд. производятся от глаголов совершенного вида и по церковнослав. образцу оканчиваются на *-нный: расписанный, размазанный, вымощенный, натопленный, отвязанный, запаханный, размозжонный, утверждённый, запрещенный, учреждённый, загрязнённый, располóженный* и т. д. Разумеется, в разговорной речи, как видно из примеров, такие причастия производятся и от чисто русских слов, но, напр., *запаханный* остается таким же церковнославянизмом, как *пашущие, замороженный,* как *хоронящий.* И от глаголов несовершенного вида могут быть произведены причастные формы на *-нный: виденный, слышанный.* — Причастия на *-вший, -вшийся* также признаем церковнославянскими образованиями, ибо русский язык утратил склоняемое причастие нестрад. залога и заменил его деепричастием; поэтому церковнославянизмы: *видевший, игравшая, пахавшие, верзувшийся, взволновавшееся, простившая* и т. д. — Русский язык утратил также склоняемые формы степеней сравнения; в современном разговорном языке их и нет, но здесь сохранились склоняемые формы превосходной степени: *умнейший, добрейший, милейшие, любезнейшая, кратчайший, высочайший, широчайший, мельчайшие* подробности, *сильнейшие* боли — это все церковнославянизмы; *меньшóй, большóй* без оттенка сравнения — русские слова, но *мéньший, бóльший* — церковнославянские; также *лучший*[1].

Русскими признаем только краткие формы со значением наречия или прилаг.-сказуемого: *сильней, короче, тяжеле, веселей, глубже, шире.* То обстоятельство, что *умнейший* является в народной речи формою чуждою, книжною так же, как причастия, напр. *богатеющий, старéющий,* объясняет, почему вместо *умнейший* и т. п. употребляется в народной речи *умнеющий, богатеющий, сильнеющий* в значении, однако, очень умный, богатый, сильный без оттенка сравнения. — Слова с *вы-* — русские: *выдать,* а *издать* — церковнославянское, *выход,* но *исход, вытекать,* но *истекать, вымерить,* но *измерить,* но, конечно, среди них есть и русские: *избить, исполосовать, испачкать; вынуть,* но *изъять, вылить,* но *излить, вычислить,* но *исчислить.*

---

[1] Ломоносов, § 215 Гр., признает рассудительную и превосходную степени на *-ай* славенскими: *далечайший, свѣтлѣйший, высочайший.*

12. Церковнославянская лексика.

К числу остатков церковнославянского языка в нашем разговорном и литературном языке относятся многие глагольные образования с многократным значением. Они обнаруживаются уже известными нам признаками, напр., наличностью *жд* в соответствии с коренным *д* или *щ* в соответствии с *т*: *присуждать, убеждать, побеждать, награждать, запрещать, защищать, посещать* и т. д. (см. более подробные перечни выше). С уверенностью относим сюда и те формы, где в соответствии с коренными *k, г* глаголов немногократных является *ц, з*: *восклицать* при *воскликнуть, проницать* при *проникнуть* (ср. русск. литер. *проникать*), *брязцать* (при *брякнуть*), *отрицать, порицать*, также *созерцать* (ср. *k* в *зеркало* при церковнослав. *зерцало*), *ослязать*. Возможно, что русский язык имел некогда подобные образования, но он устранил в них *ц, з* звуками *k, г*, подобно как в великорусском *ц, з* в повел. наклонении, а также в формах склонения заменены были по аналогии звуками *k, г* (*пеки*, не *моги*, на *пороге*, в *куске* и т. п.). В этой замене сказалось бы стремление сблизить коренную часть глагола несовершенного или многократного вида с коренною частью соответствующего глагола совершенного или немногократного вида. Ср. с этим вытеснение в русском языке звуков *а* и *ѣ* звуками *о* и *е* в случаях, как *прилетать* вместо *прильтати*, ср. *прилететь, притекать*, ср. *притеку, отворять* при *отворить*. Впрочем, неясно, можно ли русские *отворять, провожать, рожать, прощать, опережать, переделять, угощать, наклонять, загонять* и т. п. возводить к *отворяти, провожати, рожати* и т. д. Повидимому, глаголы на *-ати* в древнем языке перенесли ударение на коренную гласную под влиянием ударения форм настоящего времени, которые, как показывает сербский язык, еще в общеславянском праязыке имели ударение на корне, по крайней мере в формах со стяженными окончаниями (*-ашь, -ать, -амъ, -ате*); поэтому древнерусск. *упра́шашь, упра́шамъ* и отсюда *упра́шати*; на это указывает ударение в *упра́шивать, прохаживаться, ухаживать, занашивать, забрасывать, усваивать, прикрашивать, закусывать, высушивать*. Поэтому глаголы *полага́ть, каса́ться* с сохраненным в них *а* признаем церковнославянизмами; в русском они неминуемо перешли бы в **пола́ивать, *касываться*. Различие между *родить — рожать* и *упроси́ть — упра́шивать*, следовательно, между родити — рожа́ти, просити — пра́шати, сводится к тому, что в древнем языке рожати в настоящем времени спрягалось рожаю, -аешь, -аетъ, а пра́шати спрягалось (прашамь), пра́шаши, пра́шать, что является стяжением из прашаяшь, прашаять, ср. старослав. имамь, имаши (любопытно ударение *и́мамы* в церковнославянском). Церковнославянскому языку и в древнейшие эпохи его существования были чужды образования пра́шаамь, пра́шаяши, пра́шаятъ; они заменялись через прашаю, прашаеши, прашаетъ. Отсюда различие русских образований, как *отворо́тить — отвора́чивать, прикра́сить — прикра́шивать* (согласно предыдущему из **прикра́шать*) и церковнославянских, как *украсить — украша́ть, отвратить — отвращать*. В виду этого наше *провожа́ть* едва ли не церковнославянское образование (надо было бы ожидать *провождать*, ср. *сопровождать*), ср. *проваживать, выпроваживать*; также *упро-*

жáть, ср. русск. *угрáживать, уснащáть*, ср. *уснáщивать, вытравлять*, ср. *вытрáвливать, ссужáть*, ср. *ссýживать, разъяснять*, ср. *проясняется, нарушáть*, ср. *обрýшиваться*.

Кроме указанных слов и форм, обличающих своею внешнею формою свое церковнославянское происхождение, можно указать еще ряд слов, самое значение которых и культурная история доказывает тоже их церковнославянское происхождение. Таковы, напр., слова *кадúть, внезáпно, стезя́, óбраз, цéрковь* (склонение *церквам, церквах* сохранило церк. окончание, ср. русск. *церквям*, древнерусск. дат. мн. цѣкровемъ), *хорýговь, бýква*. Последние слова заимствованы из германского. Отнесем сюда же ряд греческих слов, проникших в наш язык через посредство церковнославянского: *пономарь* (из *парамонарь*), *пресвúтер, монáх, монастырь, кéлия, архиерей, иерей, епúскоп, епитрахúль, епитимья, éресь, еретúк, кровáть, грáмота, поп, диакон, дьяк, подьячий*.

Из предложенного обзора церковнославянизмов в современном литературном языке видно, что в словарном своем составе он по крайней мере на половину, если не больше, остался церковнославянским. Как мы видели, он пользуется церковнославянскими элементами и при грамматических образованиях от русских корней: ср. причастия на *-ущий, -ащий*, напр. *стерегущий, ворочающий, молотящий*, причастия на *-вший*: *моловший, стеревший, говоривший*, причастия на *-нный*: *пересланный, укороченный, убережонный*, превосх. степень прилагательных *прямейший, холоднейший, прехорошенький*. В подобных образованиях видим наличность в одной форме и русского и церковнославянского элемента. Еще обычнее вторжение русского элемента в исконно церковнославянское слово: ср. *перебраниваться* (подчеркиваю русские элементы), *обезвреживать, сотоварищ*[1], *вытрезвлять, человечество, вочеловечение, прегражу, поврежу, здравие* (не *содравие*).

Впрочем, в области морфологии церковные элементы могут быть обнаружены еще в некоторых окончаниях: *-а* вм. *-у* в родительном. Наши *вкуса, предмета, разговора*, со *страха*, из *гроба* и т. д. едва ли не под церковнослав. влиянием.

ГЛАВА II.

ЮЖНОРУССКОЕ ВЛИЯНИЕ.

Церковнославянский язык был перенесен в России прежде всего на южнорусскую почву в Киев. Правда, Новгород крестился одновременно с Киевом, но он в умственном, литературном отношении находился в прямой зависимости от Киева и долгое время не имел в этом отношении самостоятельного значения. Конечно, в Новгороде, как и в Смоленске и в Ростове, переписчики церковнославянских текстов вносили в них вместе с русизмами и свои местные диалектические особенности, но не эти вольности переписчиков определяли

[1] Это слово, повидимому, включено в этот список по ошибке: на стр. 76, а также и в статье «Русский язык, его особенности», стр. 235, слово *товарищ* рассматривается как церковнославянизм. (Р е д.)

жизненные явления в церковнославянском языке на Руси. Явления эти определялись в Киеве. Если диакон Григорий, работавший в Новгороде над перепиской евангелия для посадника Остромира, позволял себе в виде общего приема смешивать юсы с буквами ѩ, а, оу, ю, систематически заменял ѣ через ѩ в словах как камѣнь, прѣмо, писал ьр, ър, ъл вместо рь, ръ, лъ оригинала и т. п., — это зависело от того, что подобные приемы выработались уже в Киеве, в школе киевских грамотеев. Усваивая себе церковнославянское произношение, новгородское духовенство подражало при этом киевскому, в общем не имея возможности учиться непосредственно от болгар. Если предположим, что уже в XI в. *ѣ* звучал в Смоленске как монофтонг, то возможно, что болгарское *ѣ* (=ä) смольняне передали бы своим звуком *ѣ*; но они передают его, как и киевляне (у которых *ѣ* был дифтонгом *ie*, далеким по звуку от ä), через *е*; так же передают его новгородцы, от чего зависит смешение букв *е* и *ѣ* в древнейших новгородских памятниках (между тем звуки *е* и *ѣ* продолжали различаться еще долгое время). Произношение церковнослав. языка в устах киевлян приняло ряд типических (не общерусских) особенностей южнорусского наречия. Так, звук *г*, в древнеболгарском звучавший как звонкая мгновенная согласная, систематически заменялся в киевском произношении через γ (h). Доказательства, что *г* на всей Руси в церковном языке произносилось как γ (h), у нас налицо: до сих пор некоторые священники, читая евангелие и произнося церковные молитвы, систематически произносят *г* как γ (h): *ноγа, γрад, γробех, γлас, γолубь* и т. д.; еще распространеннее произношение *г* как γ (h) в окончании род. пад. местоимений и прилагательных: *тоγо, свѧтаγо, моегο, добраγо, слепаγо, живаγо*. Считаю вероятным, что церковнославянский, ставши разговорным, сохранял такое γ и в северновеликорусской области, народным говорам которой в большинстве чуждо γ вообще, а в частности и в род. падеже (где оно заменено через *в*). Следовательно, и в Москве говорили в книжной речи: *ноγа, γрубый, друγа, γонитель* и т. п. Это видно, во-первых, из того, что в книжной речи (независимо от позднейшего влияния южновеликорусских элементов) долгое время держалось произношение *друх, врах, сапох, нох*. Ср. свидетельство Ломоносова, Востокова. В одном ответе на программу для собирания особенностей великор. говоров сообщается, что в среде духовенства до сих пор держится такое произношение.

Во-вторых, несколько слов современного литер. языка сохранили γ до сих пор: это слова по преимуществу церковные, вошедшие с церковным произношением и в народный язык, между прочим и в московское наречие: *бох*, род. *боγа, γосподь*, а также еще слова *боγатый* (очевидно, неизвестное в народном языке), *γосподин, блаγо, блаγородный, блаγоразумный* и т. д. В древности также произносилось *γосударь*, что видно из параллельного произношения *осударь*, ср. *осподь* при *γосподь*, очевидно, через посредство *hосподь, hосударь*. В-третьих, произношение сочетаний *ге, ги* в словах иностранных, как *јермания, јенерал, јерой*, свидетельствует также о том, что *г* произносилось как γ; эмансипацию от такого произношения видим в устаревшем, но еще не так давно распространенном произношении ǧenvaŕ вместо jenvaŕ (январь), такое же ji являлось и в книжном,

а по происхождению южнорусском, произношении слова kńajińa, ср. написания *кнлиня* в памятниках XV—XVIII вв. Отметим, что в церковном произношении je, ji могло являться и независимо от украин. влияния на месте правописных *ге, ги* в словах греческого происхождения, в виду того, что в среднегреческом γε, γι произносились как je, ji, ср. *Егор* вместо и при *Георгий*.

Другим случаем южнорусского влияния на церковное произношение является наше простонародное *кстить, окстить, кстины*. На великорусской почве крьстити не могло бы перейти в *кстити*, ибо на месте общеславянского сочетания *рь* после согласной в севернорусском и восточнорусском неизменно является сочетание *р* + сильное *ъ̂*, а сильное *ь* переходило по общему правилу в *е*. Между тем в южнорусском *рь, ль, ръ, лъ* в слабом положении переходили также в сочетания *р, л* + сильные *ъ̂, ь̂*; сильные *ъ̂, ь̂* по общему правилу переходили в *ы, и* в южнорусском (ср. переход общерусского dobrъ̂i, откуда великорусское dobroi, в южнорусском в dobryi), но кроме того они имели при себе сочетания *рь, ръ, ль, лъ* со слабыми *ъ̆, ь̆* и неслоговыми *р, л*, возникавшие под влиянием аналогии сочетаний *рь, ръ, лъ, ль* с сильными *ъ, ь* и неслоговыми *р, л* в сильном положении. Тогда как южнорусск. при drъ̆vá, krь̆sta, krъ̆vi, slь̆za издавна существовало произношение drъ̆va, krь̆sta, krъ̆vi, slь̆za (под влиянием drъvъ̆, krъvь̆, slьzъ̆, krьstъ̆), в севернорусском и восточнорусском наречии такое параллельное произношение было неизвестно; drь̆va, krь̆sta, krъ̆vi, slь̆za фонетически изменились в севернорусском и восточнорусском в drova, kŕesta, krovi, sl'eza, в украинском в *криста, крыви, слиза*. Но, кроме того, в южнорусском явились неизвестные в других русских говорах *дрва, крста, крви, слза*; такое произношение засвидетельствовано и современными говорами и памятниками. Отсюда видно, что *кстить, кстины, водокща* могли фонетически явиться только в южнорусском. Появление их в великор. наречиях объясняется заимствованием из церковного языка, который, в свою очередь, получил их из южнорусского.

Возможно, что произношение *позволить, дозволить, вызволить* возникло в книжном языке также под влиянием южнорусского: южнорусы произносили *поизволить — пойзволить*; дальнейший пропуск *й* перед группой согласных явился уже на великорусской почве; ср. произношение *пожалуста* вместо *пожалуйста*.

ГЛАВА III.

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ, ПРОНИКШИХ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

В этой главе я не касаюсь тех заимствований, которые вошли в литературный язык вместе с его церковнославянской основой; об этих заимствованиях из греческого языка я говорил выше; они неотделимы от церковнославянизмов. Равным образом оставляю в стороне заимствования из финских, тюркских и других языков, которые вошли в литер. наречие вместе с другими русскими элементами из живой среды окружавших его русских говоров (имею в виду такие

заимствования, как *толокно, лошадь, утюг, кушак, башка, ковш, ендова, кувшин, курган, аргамак, армяк*): эти заимствования неотделимы от русских элементов с точки зрения литер. языка. Я имею в виду те заимствования, которые вошли в литер. язык, минуя и церковнославянский язык и русские наречия, и укоренившись впервые в языке книжном, стали фактически или потенциально достоянием великорусского языка вообще, великорусских говоров, заимствующих эти слова вместе с другими книжными элементами из литер. языка. Подобные заимствования почти все проникли в наш литер. язык вместе с культурными влияниями Западной Европы, начиная с XIV в. Сначала главным источником заимствований был греческий язык, влиявший на наш литературный и непосредственно, благодаря оживившимся сношениям с Византией в XIV—XV в., и посредством южных славян. Вероятно, можно указать ряд греческих книжных слов, перешедших в русский церковнославянский язык и неизвестных в древнем болгарском языке: ср. *Россия, лагун* (корыто, бочка, кадь) из λάγυνος, *литавры* из *πολυταυρέα, лавр* из λάῦρος, *корман* из κορβανᾶς, *скрыня, скринька* из σκρίνα, σκρίνον, *фонарь* из греч. φανάρι. Позже, когда мы вошли в непосредственные сношения с Западной Европой, к нам хлынуло много романских слов через посредство итальянцев, немцев, поляков; в числе их были и латинские слова. В XVII в.: *оптека, персона, майстер, магистр, гарнец* (польск. garniec). В XVII в. видим уже значительное число заимствований из германских языков, в особенности для выражения понятий в разных областях техники. При Петре Великом вместе с новыми, иноземными понятиями вторгается весьма много западноевропейских слов. Поляки играли здесь, как и раньше, довольно значительную роль в смысле посредничества (напр. *музы́ка* несомненно от поляков, а не прямо с немецкого или французского, также *цырульник, мизерный*). С польского *писарь, лекарь* (как показывает их ударение); *опе́ка*; м. б., *офицер* своим ударением во мн. свидетельствующее об *о́фицер*; *мешкать, банка* (польск. banka) и др. Приведу несколько примеров для слов иностранного западноевропейского происхождения, существовавших уже при Петре Великом: *атака, ассигновать, ассамбле́я, аудитор, баланс, багинет* (польск. bagnet, фр. baionette), *базаменто* (ит. basamento, сплошной пьедестал), *балбер* (польск. balbierz из нем. Barbier), *бруствер* (нем. Brusstwehr: ограда для прикрытия), *рецидив, принцип, трактир.* (См. Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Спб. 1910.) В течение всего XVIII в. прилив французских и немецких слов не прекращался, причем заимствовались не только слова, необходимые для выражения новых понятий в области техники и культуры, но также и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначащие или почти равнозначащие синонимы; в светском обществе явилось стремление отделиться от простонародного, избегать «подлых», т. е. обыденных, простых выражений, заменяя их более вычурными и прежде всего иноземными. Ср., напр., в конце XVIII в. слова, как *резон, консидерация, натура, вояж.* В XIX в., благодаря более национальному и вместе с тем более демократическому направлению в литературе и просвещении, излишним заимствованиям в области обыденных понятий кладется предел, но зато успехи

научной и политической мысли, самостоятельные работы в относящихся сюда областях, вызывают необходимость в постоянном пополнении языка новыми заимствованиями из западноевропейских языков. Если примем во внимание научные термины в области естественно-исторических наук и прикладных знаний, то число иноземных слов, вошедших в русский язык, доступных употреблению в русской речи, окажется едва ли меньшим, в особенности в литер. речи, содержащихся в ней русских и церковнослав. элементов. Каждому из нас знакомы в известной степени эти иностранные слова, вторгшиеся в русский язык; не буду приводить для них примеров.

Таким образом, в области лексики, благодаря заимствованиям из западноевропейских языков, литер. язык наш по сравнению даже с XVII в. совершенно преобразился. Оказали ли, однако, иноземные языки влияние на другие стороны языка, на его фонетику, морфологию, словообразование, синтаксис? В области синтаксиса издавна уже отмечалось наблюдателями значительное число галлицизмов, т. е. оборотов, заимствованных из французского языка; много галлицизмов было забыто, оставлено, но некоторые сохранились до сих пор. В словообразовании отметим, напр., заимствование глагольного суффикса *-ир-* (русск. *-ировать, -ирую*), причем он присоединяется иногда уже на русской почве к иностранным корням: *агитировать, препарировать, специализироваться, пропагандировать, руссифицировать* и т. д.; отглагольные существительные на *-ация*: *руссификация, специализация, провокация, фиксация, денационализация, полонизация, германизация*. Слово *выглядеть, выгляжу, выглядит* оказывается русским переводом немецкого aussehen, sieht aus, причем наш глагол, несмотря на свое сложение с предлогом *вы*, сохранил значение несовершенного вида (под влиянием немецкого). Выражение *имеет быть, имеют явиться* едва ли не с польского (Овс.-Кул., стр. 117). В области морфологии едва ли может быть обнаружено иностранное влияние. Ломоносов (Гр. § 216) признает превосходные с приложением *наиновыми*, с польского языка взятыми: *наилутчий, наичистейший*, и говорит, что они российскому слуху неприятны. Но фонетика обогатилась и обогащается рядом новых звуков, что зависит отчасти от того, что иностранные слова произносятся многими по-иностранному. Ср., напр., появление в иностранных словах сочетаний твердая согласная с звуком *е*; произношение *тэма, профэсор* или *прафэсор* довольно обычно у представителей образованных классов. Вообще иностранное *ц* перед *и*, сохраняя свою твердость, превращает *и* в *ы*: *цырк, цыфра, порцыя, лекцыя*, но нередко услышим и сочетание *ц* твердое + *и*: *циркуль, Цицерон*. Вместо *-цыя* в словах, как *лекцыя, Турцыя*, известно и *-ция*: *лекция, Турция*. Кроме того, многие заменяют *-цыя* сочетанием *т'ja, т'ja* и произносят *нат'ja* вместо *нацыя*, смягчая и предшествующие *т* согласные, напр. *Фран'т'ja, стан'т'ja*. Обычно сочетание *ри* после согласных: *принц, принцип*, но рядом и *ры*: *прынц*. Некоторыми произносится й в словах как *брошйра, бйвар, бйро*. В последнем слове слышится по французскому произношению напряженное (закрытое) *о*: *бйрб*, ср. то же в *д'епб*. В словах *финансы, авансом, провенансы* нередко вместо *ан* носовое *а*: *финасы, авасом*. Двойные согласные: искусственное *аллея*.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.

Как ясно из предыдущего, все русские элементы нашего литер. языка должны быть признаны великорусскими, в частности московскими. Лишь кое-что перешло в него из отдаленных эпох украинское. Но широкое распространение литер. языка на всю область, занятую великорусами, вторжение путем печати, школы, администрации также и в белорусскую и украинскую области сделали наш литер. язык достоянием людей разнообразных наречных групп. Говоря литер. языком, как своим родным, уроженцы местностей более или менее отдаленных от Москвы, а в особенности те, которые научились литер. языку преимущественно из книг и из школы, не употребляя его с малолетства, сохраняют в своем произношении ряд местных областных черт. Севернорусы с трудом привыкают к аканью, произнося по-старинному *о*, где того требует этимология, на месте московского *а*: *горá, ногá, головá*. Южновеликорусы упорно сохраняют *х* в конце слов на месте этимологического *г*, хотя сравнительно легко (в виду того, что это свойственно и местным южновеликорусским говорам) отделываются от произношения *г* как фрикативной согласной: *дрyх, сапох*. Гораздо реже услышим в говоре образованных людей *т'* в 3-м л. ед. и мн., как южновеликорусск. черту: *идёт', шумит', сидят'*. Украинцы, говоря на литер. языке, не могут отделаться от звонких шумных согласных в конце слова (такое произношение свойственно преимущественно восточноукраинским говорам): *суд, мёд, народ;* с трудом они избавляются от фрикативного γ или h на месте *г*: *γорá (horá); в* в конце слога они произносят как *ў*: *роў, кроў, останоўка;* так же, как севернорусы, не всегда поддаются аканью: *γорá* (но и *γарá*); не всегда смягчают согласные перед *е*: *сэрце*. Белорусы также удерживают γ на месте *г*, произносят *в* в конце слога как *ў;* кроме того, с трудом отделываются от твердого *р* на месте мягкого: *бýра, царá, старык;* стремясь произнести в таких случаях мягкое *р*, они впадают иногда в ошибку, заменяя и исконно твердое *р* мягким: *крясный* как *ряк;* мягкие *т* и *д* они произносят с легкой ассибиляцией: *цихо, дзень* и т. д. — Об этих диалектических особенностях в речи говорящих литературным языком мы будем говорить и дальше. Нам придется упомянуть не один раз в дальнейшем изложении о тех разновидностях, которые с трудом приурочиваются к той или другой диалектической области; сюда относятся, напр., диалектическое смягчение губных перед мягкими зубными (*зем'лю, дерев'ня* вместо обычного и московского произношения *землю, деревня*), отвердение губных в конце слова: *сем, любоф, голуп;* отвердение губных перед мягкими средненёбными согласными: *немки, крепкие, дефки, лафки, рюмки* (вместо обычного и моск. произношения *нем'ки, креп'кие, деф'ки, лаф'ки, рюм'ки*); отвердение *р* перед твердыми губными и задненёбными: *первый, серп, зеркало, церкофь, верх* (при моск. *пер'вый, сер'п, зер'кало, цер'кофь, вер'х*), причем нередко колебание в пределах индивидуальных гово-

научной и политической мысли, самостоятельные работы в относящихся сюда областях, вызывают необходимость в постоянном пополнении языка новыми заимствованиями из западноевропейских языков. Если примем во внимание научные термины в области естественно-исторических наук и прикладных знаний, то число иноземных слов, вошедших в русский язык, доступных употреблению в русской речи, окажется едва ли меньшим, в особенности в литер. речи, содержащихся в ней русских и церковнослав. элементов. Каждому из нас знакомы в известной степени эти иностранные слова, вторгшиеся в русский язык; не буду приводить для них примеров.

Таким образом, в области лексики, благодаря заимствованиям из западноевропейских языков, литер. язык наш по сравнению даже с XVII в. совершенно преобразился. Оказали ли, однако, иноземные языки влияние на другие стороны языка, на его фонетику, морфологию, словообразование, синтаксис? В области синтаксиса издавна уже отмечалось наблюдателями значительное число галлицизмов, т. е. оборотов, заимствованных из французского языка; много галлицизмов было забыто, оставлено, но некоторые сохранились до сих пор. В словообразовании отметим, напр., заимствование глагольного суффикса *-ир-* (русск. *-ировать, -ирую*), причем он присоединяется иногда уже на русской почве к иностранным корням: *агитировать, препарировать, специализироваться, пропагандировать, руссифицировать* и т. д.; отглагольные существительные на *-ация*: *руссификация, специализация, провокация, фиксация, денационализация, полонизация, германизация*. Слово *выглядеть, выгляжу, выглядит* оказывается русским переводом немецкого aussehen, sieht aus, причем наш глагол, несмотря на свое сложение с предлогом *вы*, сохранил значение несовершенного вида (под влиянием немецкого). Выражение *имеет быть, имеют явиться* едва ли не с польского (Овс.-Кул., стр. 117). В области морфологии едва ли может быть обнаружено иностранное влияние. Ломоносов (Гр. § 216) признает превосходные с приложением *наи-* новыми, с польского языка взятыми: *наилутчий, наичистейший*, и говорит, что они российскому слуху неприятны. Но фонетика обогатилась и обогащается рядом новых звуков, что зависит отчасти от того, что иностранные слова произносятся многими по-иностранному. Ср., напр., появление в иностранных словах сочетаний твердая согласная с звуком *е*; произношение *тэма, профэсор* или *прафэсор* довольно обычно у представителей образованных классов. Вообще иностранное *ц* перед *и*, сохраняя свою твердость, превращает *и* в *ы*: *цырк, цыфра, порцыя, лекцыя*, но нередко услышим и сочетание *ц* твердое + *и*: *цирκуль, Цицерон*. Вместо *-цыя* в словах, как *лекцыя, Турцыя*, известно и *-ция*: *лекция, Турция*. Кроме того, многие заменяют *-цыя* сочетанием *т'ja, т'ia* и произносят *нат'ia* вместо *нацыя*, смягчая и предшествующие *т* согласные, напр. *Фран'т'ia, стан'т'ia*. Обычно сочетание *ри* после согласных: *принц, принцип*, но рядом и *ры: прынц*. Некоторыми произносится *ü* в словах как *брошйра, бйвар, бйро*. В последнем слове слышится по французскому произношению напряженное (закрытое) *о: бйрв*, ср. то же в *д'епв*. В словах *финансы, авансом, провенансы* нередко вместо *ан* носовое *ą: финąсы, авąсом*. Двойные согласные: искусственное *аллея*.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.

Как ясно из предыдущего, все русские элементы нашего литер. языка должны быть признаны великорусскими, в частности московскими. Лишь кое-что перешло в него из отдаленных эпох украинское. Но широкое распространение литер. языка на всю область, занятую великорусами, вторжение путем печати, школы, администрации также и в белорусскую и украинскую области сделали наш литер. язык достоянием людей разнообразных наречных групп. Говоря литер. языком, как своим родным, уроженцы местностей более или менее отдаленных от Москвы, а в особенности те, которые научились литер. языку преимущественно из книг и из школы, не употребляя его с малолетства, сохраняют в своем произношении ряд местных областных черт. Севернорусы с трудом привыкают к аканью, произнося по-старинному *о*, где того требует этимология, на месте московского *а*: *горá, ногá, головá*. Южновеликорусы упорно сохраняют *х* в конце слов на месте этимологического *г*, хотя сравнительно легко (в виду того, что это свойственно и местным южновеликорусским говорам) отделываются от произношения *г* как фрикативной согласной: *друх, сапох*. Гораздо реже услышим в говоре образованных людей *т'* в 3-м л. ед. и мн., как южновеликорусск. черту: *идёт', шумит', сидят'*. Украинцы, говоря на литер. языке, не могут отделаться от звонких шумных согласных в конце слова (такое произношение свойственно преимущественно восточноукраинским говорам): *суд, мёд, народ;* с трудом они избавляются от фрикативного γ или h на месте *г: γорá (hорá); в* в конце слога они произносят как *ў: роў, кроў, останоўка;* так же, как севернорусы, не всегда поддаются аканью: *γорá* (но и *γарá*); не всегда смягчают согласные перед *е*: *сэрце*. Белорусы также удерживают γ на месте *г*, произносят *в* в конце слога как *ў;* кроме того, с трудом отделываются от твердого *р* на месте мягкого: *бýра, царá, старык;* стремясь произнести в таких случаях мягкое *р*, они впадают иногда в ошибку, заменяя и исконно твердое *р* мягким: *крясный* как *ряк;* мягкие *т* и *д* они произносят с легкой ассибиляцией: *цихо, дзень* и т. д. — Об этих диалектических особенностях в речи говорящих литературным языком мы будем говорить и дальше. Нам придется упомянуть не один раз в дальнейшем изложении о тех разновидностях, которые с трудом приурочиваются к той или другой диалектической области; сюда относятся, напр., диалектическое смягчение губных перед мягкими зубными (*зем'лю, дерев'ня* вместо обычного и московского произношения *землю, деревня*), отвердение губных в конце слова: *сем, любоф, голуп;* отвердение губных перед мягкими средненёбными согласными: *немки, крепкие, дефки, лафки, рюмки* (вместо обычного и моск. произношения *нем'ки, креп'кие, деф'ки, лаф'ки, рюм'ки*); отвердение *р* перед твердыми губными и задненёбными: *первый, серп, зеркало, церкофь, верх* (при моск. *пер'вый, сер'п, зер'кало, цер'кофь, вер'х*), причем нередко колебание в пределах индивидуальных гово-

ров (*первый, серп, зеркало, черпать, смеркнуцца, верба*, но *цер'коф', вер'х, четвер'к*); отвердение зубных перед мягкими губными: *Тверь, дверь, двинут'* (вместо более обычных *Т'вер', д'вер', д'винут'*); смягчение заднепёбных, переход их в мягкие средненёбные перед мягкими зубными: *лех'че, век'сель, протек'т'ja* (вместо более обычных *лехче, вексель, протекцыя* или *протекцjя*); произношение *щ* как *ш'ч'*, вместо более обычного произношения как *ш'ш': веш'ч'и* (а по-московски *веш'ш'и*) и мн. др.

ГЛАВА V.

ОБ АРХАИЧЕСКОМ И ИСКУССТВЕННОМ ПРОИЗНОШЕНИИ.

Литер. язык, как всякий вообще письменный язык, менее подвержен изменениям сравнительно с живыми народными говорами в особенности относительно, если принять во внимание, с одной стороны, подверженность литер. языка многочисленным диалектическим и иноземным влияниям, а с другой — изолированность того или иного народного говора. Традиционное произношение выдерживается строже в литер. языке, частью благодаря более строгим требованиям со стороны общественной среды, а частью благодаря влиянию школы; последнее влияние тесно связано вообще с влиянием письменного изображения звуков на их произношение. Выше мы указывали уже на такое влияние: ср. книжное и искусственное произношение: от *нел*, у *нел*. Иногда письменное изображение действует не консервативно, а напротив разрушительно: знакомясь из книг, газет, объявлений со словами *жесты, атлет*, русские люди читают их как *жесты, атлёт* (ибо *же, ле* можно прочесть не только как *же, ле*, но и как *жо, лё*, ср. *жесткий, полет*).

Влиянием традиционного произношения, частью поддержанного книжными написаниями, объясняются некоторые колебания в произношении тех или иных звуковых сочетаний в литер. языке. Так сочетания *чн* в ряде случаев произносятся как *шн: молошный, прачешная, скушно, коришневый, грешневый, подсвешник, конешно, шутошный, крошешный, горячешный, порядошный, лубошный:* но вместе с тем в ряде других случаев держится *чн: прочный, точный, восточный, замочный, речно́й, мелочно́й, печно́й, безупре́чный, подвене́чный, огуре́чный, проточный, встречный, удачный, поперечный* и т. д. Принимая во внимание, что в церковнославянских словах держится исключительно *чн (млечный, мрачный, вечный)*, можно думать, что вообще *чн* — это книжное, церковнославянское произношение, а *шн* — русское, народное; но *чн* привилось и к русским словам, ср. *удачный, дачный, поперечный*. В сущности оно в таких словах также искусственно, как в нередком произношении: *конечно, скучно, молочные* продукты.

В группе *стн* в разговорном языке систематически выпускается *т;* произношение *местный* вместо и при *месный* надо признать искусственным.

ГЛАВА VI.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

1. Гласные.

В предыдущих главах выяснены те элементы, из которых сложился звуковой состав нашего языка. При этом выяснилось, что, если словарный состав его на половину не русский, а церковнославянский, то звуковой состав всецело русский; в наш язык не перешло вообще из церковнославянского звуков, чуждых русскому языку; со стороны фонетики церковнославянский язык обрусел очень скоро, и чуждые русскому языку звуки русские люди стали произносить по-своему: шт как *щ (шч)*, ср. свое русское *щ*, жд как *ж*, а позже как *жд* (ср. русское *жд* в словах, как *ждать, каждый*), ѣ как *е*, носовые звуки как *у, а, ъ*, полумягкие согласные перед гласными переднего ряда как мягкие и т. д. Таким образом, церковнославянских звуков в нашем языке нет: иноземное *ф*, перешедшее к нам через посредство церковного языка, нашло себе соответствие в русском *ф* из *в* в конце слова и перед глухими согласными. Но литер. язык, как мы видели, имеет звук γ в нескольких книжных словах: оно сохранилось в нем из того периода, когда в церковнослав. языке на Руси господствовало южнорусское произношение. Прочие звуки находят себе полное соответствие в звуках московского наречия.

Перехожу к обзору этих звуков. Оставляю в стороне общие сведения о природе звуков человеческой речи, предполагая, что вы найдете их в других курсах проф. Бодуэна-де-Куртенэ, Булича, Щербы. Рассмотрю отдельно гласные и согласные.

При произведении гласных звуков артикулируют следующие органы речи: нёбная занавеска, она может быть или приподнятой, опираясь о стенки гортани и преграждая таким образом воздуху доступ в носовую область, или опущенной, предоставляя при этом выдыхаемому из легких воздуху доступ как в область рта, так и носа. Приподнята занавеска при произведении гласных чистых, неносовых, каковыми являются все вообще гласные русского языка; опущена при носовых гласных, которых в русском литер. языке нет; как мы видели, в индивидуальном произношении встречается носовое *ą* в иностранных словах *финасы, авасом*.

Губы могут образовать или более или менее значительное воронкообразное округление, или более или менее значительное продольное отверстие, через которое проходит выдыхаемый воздух из полости рта. Округление губ сопровождает так называемые лабиализованные гласные: u *(у)*, o̯, o, ü, ö; они складываются в продольное отверстие при произнесении гласных нелабиализованных a, y *(ы)*, ä, e, i *(и)*.

Нижняя челюсть может находиться при произнесении разных гласных в большем или меньшем удалении от верхней. Дальше всего это расстояние при гласной a, ближе при o, e, еще ближе при u, i.

Мягкое и твердое нёбо играют при произнесении гласных пассивную роль, активная же принадлежит при этом языку. Язык, в той или другой части своей опираясь на мягкое (заднее) или твердое (переднее) нёбо, видоизменяет так или иначе резонанс полости рта. При этом возможны следующие три главные положения: а) передняя часть (спинки) языка опирается о твердое (переднее) нёбо; в результате получаются гласные переднего ряда или палатальные: ä, e, i (нелабиализованные), ü, ö (лабиализованные); б) задняя часть (спинки) языка опирается на мягкое (заднее) нёбо; в результате получаются гласные заднего ряда или задненёбные: a (нелабиализованное), o, u (лабиализованные); в) средняя часть (спинки) языка опирается о ту часть нёба, которая находится между задним и передним нёбом, — это средненёбные гласные или гласные среднего ряда: y *(ы)* (нелабиализованное), ů, ô (лабиализованные). Возможны еще и другие менее резко отделенные друг от друга положения: артикуляция средней части языка о более заднюю часть нёба дает в результате гласные задне-средненёбные, артикуляция средней части языка о более переднюю часть нёба — гласные передне-средненёбные. Артикуляция языка может быть при этом более напряженной (мускулы языка более натянуты) и менее напряженной (ослабленной); при бóльшем напряжении получаются гласные напряженные: â, ô, ê и т. д., при меньшем напряжении — гласные ненапряженные: a, o, e и т. д.; иначе гласные напряженные называются закрытыми, а ненапряженные гласные открытыми. Возможно, что отличие между теми и другими гласными вызывается и другими одновременно действующими причинами, например положением нижней челюсти, которая при гласных напряженных приближается к верхней челюсти больше, чем при гласных ненапряженных.

В литер. русском языке известны следующие гласные (полного образования):

a: заднего ряда нелабиализ. ненапряженное в словах *брат, краса* (под ударением и в слоге перед ударением).

â: заднего ряда напряженное известно в литер. языке под ударением перед звуком ł в конце слога: *дал, бал, балка, галка*, или в положении перед гласной неполного образования (ɑ): znâłɑ, ustâłɑ.

o: заднего ряда лабиализ. ненапряж., напр., в словах *сон, мост, лицо, кожа* (только под ударением).

ô: заднего ряда лабиализ. напряж. известно в литер. языке под ударением перед звуком ł в конце слога: *пол, стол, полка, иголка*, или в положении перед гласной неполного образования: *гôлаву, парôлɑ*.

u: заднего ряда лабиализ. ненапряж. произносится в слогах неударяемых: *душá, гулять, сурóк*.

û: заднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых: *дýшу, гул, слух*, а в неударяемых после ł: *луна*. Различие между u и û мне кажется менее значительным, чем различие между o и ô.

y: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. известно в слогах неударяемых: *сырóй, сынóк, дымúт*.

ŷ: среднего ряда нелабиализ. напряж. известно в ударяемых слогах: *дым, сын, вызбу.*

ė: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. в слогах неударяемых (на месте этимологического, правописного *е*): *сėлá, сёстра, вėду;* под ударением после твердой согласной: tėk [1].

ȧ: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. в слогах ударяемых после мягких согласных (пишется *я*): *подряд, мясо* [2].

u̇: среднего ряда лабиализ. ненапряж. в слогах неударяемых после мягких согласных (пишется *у, ю*): *чудáк, сюдá, людскóй.*

ů: среднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых после мягких согласных: *чудо, отовсюду, рюмка.*

ȯ: среднего ряда лабиализ. ненапряж. в слогах ударяемых после мягких согласных (пишется *ё*): *мёд, сёстры* [3].

ŷ: переднесреднего ряда под ударением между *ш, ж* и мягкой согласной: *жизнь, шить, жить* [4].

i: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в неудар. слогах в начале слова и после гласных: *игла, хозяин, пашнька.*

ı̂: переднего ряда нелабиализ. напряж. в слогах удар. и неудар. после мягких согласных, а также в начале слов под ударением: *тихо, тишмя, сила, писать, и́глу.*

e: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах в конце слова и перед твердой согласной (*е, ъ*): *крест, мера, мне.*

ê: переднего ряда нелабиализ. напряж. в ударяемых слогах перед мягкой согласной (*е, ь*): *день, мерить,* на *сене.*

ä: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными: *пять, мячик, зять, окончание.*

ü: переднего ряда лабиализ. ненапряж. в неударяемых слогах между мягкими согласными: *людей, любить* [5].

ü̂: переднего ряда лабиализ. напряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными: *люди, любит.*

ö: переднего ряда лабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными (*ё*): *тётя.*

Замечания о гласных полного образования. Вместо ė среднего ряда, которое я слышу, напр., в своем произношении, как в моск. наречии, так и в литер. языке употребляется и звук i (быть может, ненапряженное), напр. *видý, систра.* Сомневаюсь, чтобы вместо ė (или согласно предыдущему, также i) слышалось ê. — Возможно, что в индивидуальном произношении ȧ, u̇, ů, ȯ произносятся как a, u, û, o, но я слышу различные звуки в *рад* и *ряд, саду* и *сяду, блуду* и *блюду, лот* и *лёт*; звуки ȧ, u̇ ů, ȯ представляются промежуточными между a, u, û, o и между ä, ü, ü̂, ö. — Впрочем, мне хорошо известно, что ряд лиц в положении между мягкими гласными не произносят правописных *я, ю, ё* как ä, ü, ü̂, ö, а как ȧ, u̇, ů, ȯ, или даже как a, u, û, o;

---

[1] Согласно приводимой ниже таблице, перед мягкой согласной (на месте правописного *я*) — напряженное ê: *рябина.* (Р е д.)

[2] Согласно таблице — также и перед мягкой согласной (на месте правописного *а*): *батюшка.* (Р е д.)

[3] Согласно таблице, перед звуком ł — напряженное ȯ: *бёл.* (Р е д.)

[4] В таблице звук ŷ отсутствует. (Р е д.)

[5] Согласно таблице — также и при выпавшем j (i̯): *надеюсь.* (Р е д.)

Гласные звуки московского наречия[1].

	Задний ряд		Средний ряд		Передний ряд		Подъем
Нелабиализованные	â stâr'ika·	ɑ bɑrada·	ŷ sŷn	y syno·k	i̊ s'i̊·łɑ	i zna·it	верхн.
			ê r'êb'i·nɑ	ė s'ėstra·	ê v'ê·r'it'	e v'e·rɑ	средн.
	â dâł	a dar		ȧ bȧ·t'ûškɑ		ä z'ät'	нижн.
Лабиализованные	û mû·kɑ	u muka·	û l'ût	u̇ l'u̇bo·f'	û l'û·d'i	ü nad'ê·üs	верхн.
	ô pôłk	o rost	ô v'ôł	ȯ t'ȯ·tkɑ		ö t'ö·t'ɑ	средн.
							нижн.
	напряж.	ненапряж.	напряж.	ненапряж.	напряж.	ненапряж.	

но в моем произношении явственно различные звуки в *взять* и *взят*, *люди* и *люд*, *тётя* и *тётка*. Звук ä более открытый звук, чем e, чем ä в немецком Bähr; звук û близок к франц. u в lune, нем. ü в Sünde; звук ö близок к франц. eu в un (где ö носовое), нем. ö в Löffel. Возможно, что ŷ неизвестно в индивидуальном произношении, но я произношу различно три звука после *ж* (ž): франц. Gil, русск. *жизнь* и *жыр*, *жили* и *жыл*, *шили* и *шыл*.

Замечу еще, что гласные a, o, û, т. е. задние, в положении перед согласными мягкими (палатальными) становятся в конечной части артикуляции близкими к ȧ, ȯ, û̇: bab'i имеет другое a, чем babɑ, doď другое o, чем don (Дон), dû̇ńa другое u, чем dûra. Самостоятельного обозначения оттенки таких a, o, û не требуют.

Кроме гласных полного образования русский язык имеет и гласные неполного образования, т. е. такие, при которых органы речи, хотя и настроены тем или другим соответственным образом, но приближаются вместе с тем, благодаря не энергичной артикуляции, к состоянию безразличия, покоя. Литер. язык имеет несколько гласных с ослабленною артикуляцией (напр. в известных случаях ослабленно произносятся гласные i̊, u, y в неударяемых слогах), но более

[1] Этой таблицы, равно как и таблицы согласных (см. стр. 103) в рукописи нет. Обе таблицы заимствованы из литографированного «Курса истории русского языка» акад. Шахматова (часть 1-я, изд. 2-е, СПБ 1910/11). В таблицу включены два гласных неполного образования — â и ɑ. Точка после знака гласного звука обозначает ударение. (Р е д.)

определенно выступают следующие две гласные: 1) α гласная заднего ряда ненапряженная, более суженная, чем гласная а полного образования, причем, как увидим, различаются два оттенка — менее напряженный α (перед слогом с а): *стаража́*, *гаварит́ь*, и более напряженный α̂ (перед слогом с i, u, y): *старика́*, *галубо́й*, *барыши́*; 2) ε гласная среднего ряда ненапряженная, по условиям произношения близкая к ė, но представляющая ослабленную артикуляцию: v'εs'ė l'íc̄α (веселиться), p'εtačók (пятачок).

При еще большем ослаблении артикуляции является такой гласный звук, который произносится при совершенно безразличном, спокойном положении органов речи, вследствие чего проходящий через полость рта голос не изменяется в зависимости от того или иного резонанса; обозначу этот звук буквой ʌ (латинское перевернутое v слова vox): kaz'l'onʌčik.

Гласные полного образования производятся при тесном смыкании в гортани голосовых связок; это производит трение выдыхаемого воздуха о вибрирующие связки, что и дает голос. Но, если голосовые связки смыкаются не тесно, а только приближаются более или менее одна к другой, то в результате прохождения через них воздуха получается шопот; так являются и шопотом произносимые гласные. Гласные α, ε шопотом произносятся почти так же, как в громком разговоре; отсюда видно, что при произнесении их наступает не только ослабление артикуляции органов речи, но еще и шопотное положение голосовых связок.

Наиболее узкие гласные (а узость гласных определяется степенью приближения спинки языка к нёбу, почему о, е у́же, чем а; u, y, i у́же, чем о, е), т. е. u, y, i, при еще большем сужении (еще большем приближении спинки языка к нёбу), становятся звуками полугласными, по условиям образования близкими к согласным. В русском литер. языке известна полугласная i̯; она встречается только в неслоговом употреблении, т. е. в соединении с гласной, причем гласная может ей предшествовать или же следовать за ней. Те и другие сочетания можно назвать дифтонгами, но собственно дифтонгами (разумея именно двугласные) назовем сочетания гласной с последующим i̯, ибо в сочетаниях i̯ с последующей гласной звук i̯ склонен вообще утратить функцию гласной, переходя в согласную j; впрочем, русский литер. язык вообще такого перехода не знает. Таким образом, находим сочетания i̯ с гласными заднего и переднего ряда: i̯a (причем а звучит чисто, не ȧ, ср. *яд* и *мясо*), i̯ȧ (*изъял*), i̯o (i̯orš: ерш), i̯ô (i̯ôl̦ka), i̯u (znai̯ut: знают), i̯û (i̯ûnαšα, pi̯ût), i̯i (i̯ix: их), i̯e (i̯exαt'), i̯ê (i̯êl'i: ели), i̯ä (i̯ät': ять, название буквы), i̯ü (na i̯üg'i: на юге), i̯ö (s'emi̯öi̯: семьей). Собственно дифтонги: ai̯ (dai̯: дай), oi̯ (stroi̯: строй), ûi̯ (bûi̯nαi̯: буйный), îi̯ (arud'îi̯nαi̯: орудийный), êi̯ (bêi̯: бей), äi̯ (čäi̯: чай, val'äi̯: валяй), ü̂i̯ (gar'ü̂i̯: горюй), öi̯ (p'ε̂t'ern'öi̯: пятерней), αi̯ (dobrαi̯: добрый), εi̯ (vyp'εi̯: выпей). Кроме того русский литер. язык имеет u̯, известное только в дифтонгах âu̯, ôu̯ в именах собственных и заимствованных словах: au̯kcyon (аукцион), Fau̯stαvα (Фаустово), Jau̯za (Яуза), Brou̯nαf (Броунов); те же дифтонги âu̯, ôu̯, а также ûu̯, ŷu̯, îu̯, являются в произношении тех лиц, у которых ł в конце слога заменяется звуком u̯: dâu̯, ƅŷu̯.

Звуки могут быть произносимы различно в отношении к их длительности; в частности и гласные могут быть долгими, полудолгими, краткими и полукраткими или очень краткими. В русском языке нет долгих гласных; под ударением гласные обыкновенно полудолги; такое именно впечатление они производят по сравнению с краткими гласными других языков, ср. нем. Kochen, Knochen, waschen, Ratte, Gasse, gucken, Lippen и русск. *косу, вашу, погасли, гусли, липа*; впрочем, перед двойной (долгой) мгновенной согласной гласная и в русском языке кратка, напр. paruččik, proččiį, диалект. tr'et't'iį; они кратки и перед некоторыми группами согласных, ср. točit с полудолгим о, но točka с кратким, dočer'i с полудолгим о, но dočka, płačɛt с полудолгим а, но zapłačkα с кратким а под ударением. В слоге перед ударением гласные обыкновенно кратки: daská, p'irók, sapók, gul'át', а в остальных неударяемых слогах они, как кажется, вообще полукратки, причем на месте полукратких а, о, е являются, как мы видели, гласные неполного образования α, ε: krαsatá, vεl'ičiná, kŭras'l'ep, p'ĭvavár, rўbakí, d'εs'ėt'i.

Звуки гласные могут быть произносимы различно в отношении к их силе; наиболее сильно произнесенная в слове гласная называется ударяемою. В русском литер. языке, как видно из предыдущего разбора, не все гласные являются под ударением, а только некоторые, а именно в ударяемых слогах неизвестны, во-первых, ненапряженные гласные u, y, ė, u̇, i, ü, во-вторых, гласные неполного образования α, ε; напротив, в неударяемых слогах неизвестны: напряженные гласные â, ô, û (но łûna, łûbok), ŷ ů̂, ů̂, ê и ненапряженные о, ȯ, ö, е, ȧ, ä; одинаково и в неударяемых и в ударяемых слогах известны только: а (вне ударения только перед ударяемым слогом), i. — Впрочем, в словах слабоударяемых, а таковыми являются слова со служебным значением (союзы, наречия), а также слова, потерявшие свое реальное значение (присловья), звуки α и ε могут употребляться и под (слабым, ослабленным) ударением: on znàčit, da bràt, ty mâł, nu tαk, rad gαt' (т. е. рад, говорит). Получая ударение, такое α переходит в ė, напр. в слове tėk (тэк).

2. Согласные.

Главным и существенным отличием согласных от гласных является наличность при произнесении первых разного вида шумов в полости рта, почти отсутствующих при произнесении гласных; гласные звуки являются результатом изменения голоса (т. е. трения выдыхаемого воздуха о голосовые связки) в зависимости от того или иного резонанса, обусловленного тем или иным положением языка в отношении к нёбу, к нёбной занавеске, в отношении к зеву и т. д.; согласные звуки — это те шумы, которые производит выдыхаемый воздух, упираясь о преградивший ему вполне или отчасти выход из полости рта тот или иной орган речи (язык, губы). Но так как степени заграждения бывают различные, от минимального заграждения, при котором воздух проходит совершенно свободно, до полного заграждения, при котором воздуху для своего прохождения приходится сделать взрыв преградивших ему ход органов речи, то различие между гласными и согласными оказывается относительным; согласные, при произнесении которых

воздуху предоставлено свободное, малостесненное прохождение, оказываются близкими к гласным, отличаясь от них тем, что свободная вообще струя стеснена в той или другой части полости рта; эти согласные называются плавными и носовыми; дальше отстоят от гласных те согласные, при произнесении которых для прохождения голоса оставлена узкая щель, причем трение воздуха о сомкнувшиеся органы речи производит значительный шум; эти согласные назовем шумными фрикативными, или длительными; еще дальше отстоят от гласных те согласные, при произнесении которых полость рта замыкается в той или иной части совсем, так что выдыхаемому воздуху для своего прохождения приходится взрывать соответственные соединения органов речи; этот взрыв производит тот шум, который называем согласной шумной взрывной или мгновенной. Таким образом, взрывные и фрикативные согласные объединяются общим представлением о шуме в полости рта, произведенном будь то взрывом, будь то трением. Кроме того шумные согласные, в противоположность плавным и носовым, заключают в себе не только такие согласные, при произнесении которых воздух, проходя через голосовую щель, производит голос, но также и такие, которые произносятся без участия голоса, т. е. при отсутствии соприкосновения между голосовыми связками: первые из таких шумных согласных называются звонкими, а вторые глухими. Правда, глухими могут быть также плавные и носовые, но только при наступлении особых условий, напр., в том или ином их соединении

Согласные звуки московского наречия[1].

		губные	губнозубные	зазубные	альвеолярные, образуемые краем языка	альвеолярные, образуемые спинкой языка	средненёбные	заднёбные
шумные	взрывные глухие	p		t		t′	K (K′)	k
	взрывные звонкие	b		d		d′	ġ (ġ′)	g
	фрикативные глухие		f	s	ś	ś′ s′	χ̇ (χ̇′)	χ
	фрикативные звонкие		v	z	ź	ź′ z′	j	ɣ
сонорные	носовые	m		n		n′		
	плавные			ł		l′		
	плавные				r	r′		(ɲ)

с глухими шумными согласными; в русском языке такие глухие плавные и носовые почти неизвестны.

---

[1] См. примечание на стр. 100. В таблицу не включены аффрикаты (c = ts, ʒ = dz, č′ = tś′, ǯ′ = dź′), смягченные губные и губнозубные (p′, b′, m′, f′, v′) и заднеёбные носовые (ŋ и ŋ′). (Ред.)

Итак, рассмотрим сначала плавные и носовые согласные, а потом шумные.

Плавные и носовые. В русском языке известны следующие плавные r, r', ł, l'. При произнесении r кончик языка прижимается к твердому нёбу настолько неплотно, что выдыхаемый воздух, достигнув до образовавшегося затвора, приводит кончик языка в дрожание, устремляясь наружу через получающееся при этом отверстие; при произнесении r' к твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, которая под напором воздуха приходит в такое же дрожание, как кончик языка при произнесении r. В индивидуальном произношении встречается и такое r, при произнесении которого к заднему (мягкому) нёбу прижимается задняя спинка языка, приходящая в движение под напором выдыхаемого воздуха; такое задненёбное r можно условно изобразить буквой ρ. Наконец, известно и губное r, производимое при дрожании губ; этот звук употребляется при останавливании лошадей. Звук ł получается при прохождении воздуха в одно или оба боковые отверстия, оставленные языком, своею переднею стенкою плотно прижавшимся к твердому (переднему) нёбу и касающимся пространства за верхним рядом зубов своим кончиком, а заднею своею частью опирающимся о мягкое (заднее) нёбо: łos', łan'. Западноевропейское l (французское, немецкое) неизвестно литер. русскому языку: оно отличается от русского ł тем, что язык опирается своим кончиком в переднее нёбо (а не в область за верхними зубами), оставаясь в задней своей части в нормальном, не приподнятом положении. Близко по условиям образования к европейскому l русское l': язык опирается в переднее нёбо не своим кончиком, а переднею частью своей спинки.

Носовые n и m в полости рта преграждают воздуху свободное прохождение плотным затвором, образуемым при n кончиком языка, прижавшимся к луночной области, т. е. к мясистым частям, в которых сидят верхние зубы, а при m сближением нижней и верхней губы; эти затворы взрываются воздухом, но отличаются n и m от соответствующих зубных и губных взрывных тем, что воздух свободно устремляется при их произнесении через носовую полость, между тем как при произнесении взрывных согласных нёбная занавеска поднята и преграждает воздуху доступ в носовую полость. В некоторых языках, напр. в немецком, известно еще задненёбное n (ŋ), при произнесении которого происходит затвор, образуемый прижатием задней спинки языка к мягкому нёбу, взрываемый затем выдыхаемою струей воздуха, одновременно устремляющеюся в полость носа; быть может, именно такое ŋ слышится в слове *koŋka* в индивидуальном произношении. Мягкое n' отличается от n тем, что к твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, а при произнесении мягкого m' точно так же прижимается к твердому нёбу передняя часть спинки языка, между тем как кончик языка опирается о заднюю часть нижнего ряда зубов.

Плавные и носовые, как видно из предложенного их описания, в существенных чертах сближаются с гласными, а именно тем, что выдыхаемая струя воздуха проходит свободно или через носовую полость (при произнесении носовых, ср. носовые гласные) или через

полость рта (при произнесении плавных); но с согласными они сближаются тем, что при произнесении их слышатся шумы, однородные с теми, которые наблюдаются при шумных согласных и производящиеся или взрывом (при m, n, ŋ), или дрожанием кончика языка (при r), или, наконец, трением о стенки полости рта (при ɬ, l). Близость физиологическая к гласным объясняет, почему во многих языках плавные и носовые выступают в качестве слоговых звуков, т. е. главных звуков в слоге, между тем как обыкновенно эти функции составляют удел гласных звуков. В русском языке плавные и носовые неизвестны в качестве слоговых. С другой стороны отличие плавных и носовых от гласных объясняет возможность появления их безголосных оттенков; без голоса (т. е. без вибрации голосовых связок) нет гласных, при отсутствии звучащего голоса не может быть произведен гласный звук; напротив, шумы при произношении плавных и носовых играют такое существенное значение, что эти звуки не теряют своей природы и при отсутствии голоса, т. е. звучащей струи. Глухие r, l, n, m встречаются вообще редко; в русском языке они появляются в конце слова после глухих согласных, ср. глухое r в *Пётр* (откуда и *Пёт*), *рупль* (откуда и *руп'*, *руп*), *драхм* (пример проф. Богородицкого).

Шумные согласные распадаются на несколько категорий, сообразно с местом неполного (при фрикативных) или полного (при взрывных) затвора органов речи. Активную артикуляцию проявляет при этом нижняя губа, язык и заднее нёбо. При полной, интенсивной вибрации голосовых связок получаются звонкие шумные согласные (в громком разговоре), при слабой вибрации их шумные согласные, произносимые шопотом, а при отсутствии всякой вибрации связок получаются согласные глухие. Таким образом, в каждой категории шумных, определяемой местом затвора, полного или с протоком, различаются звонкие и глухие согласные. Сообразно с активным выступлением нижней губы, языка и мягкого нёба, шумные согласные распадаются на губные, язычные и так называемые фаукальные (от лат. слова faux: зев, ибо мягкое нёбо артикулирует о заднюю стенку зева).

Рассмотрю отдельно каждую из этих категорий.

Губные могут быть губно-губными или губно-зубными, в зависимости от того, примыкает ли нижняя губа к верхней губе или к верхнему ряду зубов. В русском литер. языке соединение обеих губ производит полный затвор: таким образом получаются губно-губные звонкое b и глухое p (ср. выше носовое m); напротив, соединение нижней губы с верхним рядом зубов дает затвор с протоком: так получаются губно-зубные звонкое v и глухое f. Рядом с твердыми b, p, v, f известны и мягкие: при произнесении их передняя часть спинки языка одновременно с соответственной губной артикуляцией прижимается к твердому нёбу: bok, pas, vol, frant; bič, p'eró, v'as (вяз), f'ęja (фея).

Язычные различаются по тем областям нёба, о которые оперирует язык, и по тем частям языка, которые активно артикулируют. Во-первых, это зазубные: кончик языка артикулирует о пространство, находящееся непосредственно за верхним рядом зубов; при полном затворе получаются взрывные звонкое d и глухое t, при затворе

с протоком — фрикативные звонкое z и глухое s (ср. выше носовое n). Во-вторых, это альвеолярные: кончик языка артикулирует об альвеолы (зубные лунки) задних зубов; при затворе с протоком получаются фрикативные звонкое ž и глухое š (иначе они называются шипящими в противоположность свистящим s и z). В-третьих, это какуминальные: нижняя часть загнутого назад кончика языка артикулирует об альвеолы, — взрывные ḍ, ṭ, фрикативные ẓ̌, ṣ̌, встречаются только в индивидуальном произношении говорящих литер. языком. В-четвертых, это смягченные зубные: одновременно с артикуляцией, производящею зубные твердые, передняя часть спинки языка прижимается к твердому нёбу, — взрывные d', t', фрикативные z', s'. В-пятых, это смягченные альвеолярные (шипящие): одновременно с артикуляцией, производящею альвеолярные твердые, передняя часть спинки языка прижимается к твердому нёбу, — фрикативные ž', š'; смягченные согласные встречаются частью только в индивидуальном произношении (напр. naśḿéšńik), частью же только в долгом виде (двойные ž, š, изображаемые буквами *жж, зж* и *щ*). В-шестых, средненёбные смягченные: средняя часть спинки языка прижимается к передней части среднего нёба, — взрывные ǵ, K, фрикативные j, χ' [1]; в русском литер. языке отсутствуют средненёбные несмягченные, при произнесении которых средняя часть спинки языка прижимается вообще к среднему нёбу, а не только к передней его части. В-седьмых, задненёбные согласные: задняя часть спинки языка артикулирует о заднее (мягкое) нёбо, — взрывные g, k, фрикативные γ, χ (ср. выше носовое ŋ).

Фаукальные согласные производятся взрывом полного затвора, образуемого соприкосновением мягкого нёба к задней стенке зева. Они встречаются только в соединениях с последующими n и m на месте этимологических t, p (глухие фаукальные) и d, b (звонкие фаукальные); как мы знаем, взрыв n происходит там же, где взрыв t, d, а взрыв m там же, где взрыв p, b [2]; в сочетаниях tn, dn и pm, bm вместо взрыва, свойственного звукам t, d и p, b, получается взрыв, преграждающий воздуху доступ в носовую область нёбной занавески (задней части мягкого нёба), прижавшейся к задней стенке зева. Ср. фаукальные согласные (обозначаю глухой звук знаком ═, а звонкий знаком ┼ над строкой) в par═noi, a┼man, a┼nako.

Кроме перечисленных простых согласных русский язык имеет несколько слитных согласных, называемых а ф р и к а т а м и; они образуются из тесного соединения взрывной с соответствующей фрикативной, причем в результате такого соединения является несколько ослабленное произношение взрывной; сюда относятся аффрикаты: c (пишется *ц*), разлагающееся на ts и ʒ (пишется *дз*, напр. в фамилии *Модзалевский* или в словах, как *подзадоривать, подзывать*), разлагающееся на dz; далее: č (пишется *ч*), разлагающееся на t (очевидно не зубное, а альвеолярное) и š, и ǯ (пишется *дж*, например в *поджаривать*), разлагающееся на альвеолярное d и ž. Впрочем, č известно в литер. языке в мягком виде (č́) и представляет, следовательно, со-

[1] В таблице, в графе средненёбных согласных, буквы, снабженные значком смягчения (помещенные в скобках) и лишенные этого значка (вне скобок), обозначают одни и те же смягченные согласные. (Р е д.)

[2] В рукописи по описке: «где взрыв m». (Р е д.)

единение t с š. Остальные африкаты тверды, хотя возможно, что в индивидуальном произношении с при известных условиях мягко (например в слове b'ec't'v'ije, roc't'v'en'ik). Равным образом индивидуальное произношение žž как ž͡ž (например pož͡ž'e) знает мягкое ž' (ср. šč вместо обычного šš).

Носовые, плавные и шумные согласные могут употребляться не только в кратком, но и в долгом виде. Долгие согласные в русском литер. языке получаются или из соединения двух кратких, напр. kam'ɛ̄n̄aį вм. kam'ɛn-naį, s̄ora вм. ssora, s̄ynam, z̄'imy (первая часть z твердая, а вторая смягченная), ḡałav'e, paḏak'ivat' (знак долготы можно ставить над буквой и под ней), или под влиянием аналогии: d'ɛr'ėv'aīn̄aį, ałav'aīn̄aį (ср. kam'ɛ̄n̄aį, r'ėm'oīn̄aį, sukoīn̄aį). Кроме того, находим n̄ в церковнославянских по происхождению причастиях страд. залога: učr'ėžd'oīn̄aį, prodan̄aį. Также в иностранных словах: kas̄a, pr'es̄a, van̄a, t'ɛl'ėgram̄a. Впрочем, ł и l' в иностранных словах обыкновенно упрощается: al'ėįa, bałast, il'ustracja; произношение с двойной согласной представляется искусственным, слишком книжным.

Ряд дополнительных замечаний об употреблении в русском литер. языке гласных и согласных будет сообщен ниже при обзоре: 1) действующих в настоящее время звуковых законов, 2) некоторых пережитых московским наречием звуковых процессов в прошлом.

ГЛАВА VII.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Строго говоря, в языке неиндивидуальном нет активных звуковых законов. Они зарождаются в индивидуальном языке, как всякое вообще изменение в языке, передаваясь языку окружающей среды путем подражания в том случае, если эти изменения отвечают уже сложившимся в языке индивидуумов, входящих в эту среду, условиям. Среда сдерживает разрушительный процесс, вносящийся в язык каждым говорящим, решительно осуждая и отвергая всякое изменение неожиданное, не оправдываемое психологическими и физиологическими условиями, общими для всей окружающей среды, и принимая то, что естественно вытекает из этих условий. Закономерность в явлениях языка сказывается не в том активном процессе, который ведет за собой изменения в звуках и формах языка, а в том пассивном процессе, который регулирует их, вносит согласование с действующими нормами, распространяет на однородные случаи. Этот пассивный процесс принадлежит коллективной среде говорящих (составляющих семью, общину, племя, народ), между тем как активный процесс зарождается в языке отдельных индивидуумов, импонирующих среде своим социальным положением, своим умом, талантами, образованием (культурностью). Рассматривая действующие в настоящее время звуковые законы, мы имеем в виду те пассивные процессы, которые могут быть наблюдаемы, напр., при вторжении в язык того или иного элемента (иноязычного, инонаречного), не согласованного с другими сходными, однородными элементами; под действием указанных пассивных

процессов изменяются звуки вторгшегося чужеродного элемента, они заменяются звуками, согласованными с существующею и живущею в языковом представлении говорящих нормою. Так, заимствуя иностранное слово la cométe (фр.), русский язык, в силу действующих в нем лексикологических и морфологических норм, переводит его в разряд женских слов с окончанием *a* — kometa; но сочетание me чуждо русскому языку, оно заменяется поэтому сочетанием m'e; отсюда заключаем, что в русском языке действует закон о смягчении согласных перед *e*; он так же живуч, как и в общерусском праязыке, когда его можно впервые наблюсти, но, разумеется, живучесть эта пассивная, а не активная; мы изменяем kometa в kom'eta в силу подражания господствующей норме; и то же имело место в общерусском праязыке; активный процесс имел место в общерусскую эпоху в индивидуальном языке тех или иных лиц, обобщен же он, проникнувши во все слова языка, уже в силу пассивного процесса говорящей среды. В современном языке kom'eta не перейдет далее в *kom'ota, между тем как в языке старшего периода такой переход был бы необходим (ср. P'otr вместо P'etr, S't'ora вместо S't'era, s'v'okła вместо s'v'ekła, греч. σεβχλον); очевидно, в настоящее время уже не действует процесс, по которому некогда всякое e в положении после мягкой согласной и перед твердой изменялось в o. Слово kom'eta в нашем литер. языке звучит kam'eta в силу того, что в слоге предударном o изменяется у нас в a (ср. vada, kal'eno); изменяя kom'eta в kam'eta, мы подчинили заимствованное слово господствующей звуковой норме и заключаем отсюда, что в числе действующих в настоящее время законов находится и закон о переходе o в a в предударном слоге. Правда, мы говорим son'et (а не san'et), но сохранение здесь иностранного произношения зависит от того, что это слово не вошло в обыденную речь; оно так же мало противоречит утверждению о наличности закона, по которому предударное o переходит в a, как произношение *профэсор, тэма* с несмягченными *ф, т*. Слово *парад* (фр. la parade, нем. die Parade) мы произносим *парат* с t вместо конечного d в силу закона, по которому звонкие шумные согласные становятся глухими в конце слова: закон этот признаем действующим; говоря по-французски, мы произнесем la limonade, la commode, la méthode, le club, l'étage, по-русски — l'imonat, kamot, m'etat, kłup, etaš, и это в силу действующих и в настоящее время законов. Таким образом, видим, что анализ современного языка приводит к обнаружению как звуковых законов, действующих в настоящее время, так и законов, действовавших в прошедшие эпохи.

Приведу ряд действующих в настоящее время законов, рассмотрев сначала законы, относящиеся к употреблению гласных, далее законы, относящиеся к соединению гласных и согласных, наконец, законы, относящиеся к соединению согласных между собою.

1. Гласная y (*ы*) не терпима в начале слова и слога и известна только после согласных.

2. Гласные ŷ, û, ů, ȗ известны только под ударением; в неударяемых слогах им соответствуют ненапряженные y, u, ů, ü: dûšu, sŷnα, но dušá, synók.

3. Гласные o, ó, ȍ известны только под ударением: most, t'ȍtka, t'ȍt'a.

4. В слоге предударном вместо o является a: mastý, gadók, ław'íť, pragrés.

5. В прочих неударяемых слогах вместо o и a является ɑ: mastaváia, staŕiká, naxad'íť, łóvak, słóva, prapagánda.

6. Начальное ɑ, однако, заменяется через a: ad'inók, afs'ėcá, ab'ižáť, astaróžna.

7. Звук ė на месте этимологического e и др. является в предударном слоге; в других неударяемых слогах ему соответствует ɛ: l'ėt'ėt', vyl'ɛt'ɛł, v'ɛl'ičiná.

8. Звук i напряжен в начале слова под ударением: îva, ненапряжен в неударяемом слоге, например iván, igrá. После гласной i вне ударения ненапряженно: vóin, xaz'äin, но voînśt'vɛnai.

9. Гласные o, a под ударением становятся напряженными (ô, â) в положении перед ł, стоящим в конце слога, или перед гласной неполного образования: bâlka, bâłavat', igôłka, gôłavu.

Также в положении перед u в некоторых заимствованных именах и словах: Brâun, Fâustava, Brôunaf.

10. Гласные заднего ряда a, o, u под ударением переходят в гласные среднего ряда после смягченных согласных, а именно в å, ȯ, û: m'åta, l'ȯt, čûda; они переходят в гласные переднего ряда ä, ö, û между смягченными согласными: z'ät', t'öt'a, l'ûd'i.

11. В неударяемых слогах u после мягких согласных переходит в ů, а между мягкими согласными в ü: čůdák, čüd'íť.

12. В предударном слоге a и o переходят после мягких согласных в ė: śėło (ср. севернорусск. s'oło), s'éstrá (ср. севернорусск. s'ostrá), čėsy, v'ėzáť, ṕėták, gl'ėd'i, m'ės'n'ik. В прочих неударяемых слогах, не конечных в слове, a и o после мягких согласных переходят в ɛ: p'ɛtačok, t'ɛžėło, m'ɛdanósnai, l'ɛdav'ítai (ср. m'od, l'od), výgl'ɛńɛt, záv'ɛs' (завязь), ná p'ɛt' (на пять), ná vɛsnu.

13. В конечных слогах неударяемые a и o после мягких согласных переходят в ɑ там, где эти неударяемые гласные ассоциировались с ударяемыми a и o в родственных словах и образованиях: bán'ɑ (ср. maz'n'a), vól'ɑ (ср. s'ėm'já), dobraiɑ (ср. maiá), mór'ɑ (ср. ružió), dobraiɑ (ср. maió), víd'ɑ (ср. naśá), s'ėm'ɑ (ср. śėm'an). Но там, где подобной ассоциации не было, вместо конечных a, o после мягких согласных найдем ɛ: daiť'ɛ (ср. севернор. диалект. daiť'a из daiť'ä), dabŕėjɛ (ср. севернорусск. диалект. dobr'ėja), m'ėl'čɛ, bagačɛ.

14. После согласных š и ž на месте a, o слышатся те же звуки, что после мягких согласных; это указывает на то, что эти звуки явились тогда, когда š и ž были еще мягки. Поэтому žėná (ср. севернорусск. žoná), šėl'ít, šėłún, žėl'ėt', pšėnó. Произношение žará, šarý надо признать новым, явившимся под влиянием žar, šar. Точно так же находим šɛlavl'íf, łošɛt, kúšɛť. В конце слова, с одной стороны, — todžɑ, tužɑ (ср. žɑ слабоударяемое в случаях, как sastal'nŷmi žà, krásnuiu žɑ), с другой, — ûžɛ, xûžɛ, bol'šɛ, kraśɛ.

15. Звуки a, o û под ударением перед следующей мягкой согласной и перед i изменяются в конце в направлении к гласным переднего ряда: baba, но bäb'i, góru, но gör'ɑ, dûp, но na düb'i. Звук u не под ударением после ł изменяется в своем начале в направлении к напряженной гласной: łûbok, łûna.

16. Звук е перед мягкими согласными и перед і звучит как ê под ударением: ḿerα, но ḿêr'it', śenα, но na śên'i, l'ezu, но l'êś, p'eł, но ṕêl'i, ср. еще učêńi̯e, andŕêi̯, v́êt'εr, pčêl'n'ik, s'êl'skαi̯, ḿêt'it' и т. д.

17. Сочетание εi̯ произносится как ii̯: s'in'ii̯, karov́ii̯, koźii̯, tr'et'ii̯, vyp'ii̯.

18. Звук у не употребляется после смягченных согласных.

19. После отвердевших (см. выше) согласных š, ž, а также после отвердевшего с, вместо і произносится у: šyrokαi̯, žyłα, žyr, kuŕicy, kupcy, nažy, kožy, šył. Поэтому и в иностранных словах, вошедших в обыденную речь, вместо і слышится у после š, ž, с: cyrkul', cyrul'n'ik, cyfrα, šyrmα, žyrafa, šynα и т. п. Но если за у в том же слоге стоит мягкая согласная, оно звучит как гласная более переднего ряда (переднесреднего ряда) ẏ: žẏt', žẏz'ń, dvužẏl'nαi̯, šẏŕ и т. д.

20. Перед і все вообще согласные, как увидим, произносятся мягко, но, как указано, общее отвердение согласной ведет за собой переход следовавшего за нею і в у (ср. выше); равным образом, отсутствие смягчения согласной под влиянием звуковой аналогии имеет следствием переход следующего за нею і в у: такой случай наблюдается в отношении согласных предлогов, как v, iz, s, nad, pod, ob, k; они не смягчаются вообще по аналогии случаев, где эти предлоги стоят перед гласными заднего или среднего ряда, а также перед твердой согласной. Звук і после такой согласной и под ее влиянием заменяется звуком у. Начало этому явлению в глубокой древности, но продолжается оно до сих пор; ср. at yvanα (вместо ot ivana), vŷzbu, kygnatu, kyz'b́e, vŷgrax, atykony, abykońε, atyḿen'i; также в сложных словах: atygraccα, abyskat'. Впрочем, после k слышится также і, а k заменяется иногда через k': ḱis't'in'ε, ḱikon'ε, ḱiḿen'i. Произношение aḃis't'in'ε, aḃil'i̯e, равно и oḃixot [1] объясняется м. б. книжным влиянием. Кажется в индивидуальном произношении допускаются при этом и сочетания твердая согласная + i: ab il'jė, at ivana.

21. Сходное явление имеет место в сочетаниях предлогов с начальным е, вообще встречающимся только в местоимении etot. Возможно, что е переходит после несмягченной согласной в ė, ê, т. е. в соответствующую гласную среднего ряда: atėtαvα, sêt'im, izėtαvα. Впрочем, в индивидуальном произношении слышатся и е, ê: atetαvα, sêt'im, ketomu.

22. Сочетания ky, gy, xy неизвестны в современном языке; они заменились через ḱi, ǵi, x́i еще в древнерусских наречиях; поэтому sat — sady, bop — baby, но katok — katḱi, voda — vody, но noga — noǵi. В окончании прилагательных м. р., как strogαi̯, uprugαi̯, l'oxkαi̯, vysokαi̯, слышится не yi̯, а αi̯. Равным образом в многократных глагольных образованиях на этимологическое *-ивать* после твердой согласной слышится, повидимому, не у, а α на месте і: vyskakαvαt', padyskαvαt', panukαvαt', zapugαvαt'.

23. Согласные звонкие в конце слова переходят в соответствующие глухие: sat, vos, karof, słof, došš, sapok. Произношение sapox, parox,

---

[1] Это слово попало в контекст по ошибке: по морфологической структуре оно представляет сложение из префикса *оби-* (ср. иные разновидности этого префикса — *об, объ, обь*) и корня *ход*. (Ред.)

drux в индивидуальном произношении — черта диалектическая (южновеликорусская).

24. Согласные губные в конце слова сохраняют мягкость только под влиянием мягкости губных в родственных образованиях: na z'ɛ́m (ср. na z'ém'i), krof' (kravi), gołuṕ (gołub'a). В индивидуальном произношении распространено отвердение мягких губных и в таких случаях: śem, krof, l'úbof, na z'ɛm.

25. Звуки š, ž, c отвердели при всяком положении в слове: patsvéšńik, patsńežn'ik, parub'ežn'ik'i, s't'eržɛn', šyrok, šar, caŕ, cêr'kaf', kuz'n'ècy, naży, nacịa.

Примечание 1. Долгие (или двойные) š, ž сохраняют свою мягкость: vožži, drožži, ugaššu, sakraššu.

Примечание 2. Мягкие š и ž встречаются в единичных случаях в индивидуальном произношении: ub'êžišša. Некоторые лица произносят š, ž последовательно перед мягкими язычными: nas'm'êšn'ik, pr'êžn'ɛj, z'd'êšn'ij.

26. Глухие согласные перед звонкими шумными (кроме v) произносятся как звонкие, а звонкие шумные перед глухими как глухие: fṕitat', f kûz'n'icu, fp'ér'ot, noška, skaska, dafka, kłupka, votka, patkova, iskaz'ît' — adb'ît', zbŷt', maład'ba, svad'ba, kaz'ba. Ср. рядом svoị, tvoị.

27. Все согласные, кроме отвердевших š, ž, c, произносятся мягко перед гласными переднего ряда i, e (ɛ). Ср. произношение иностранных имен: b'ismark, t'irol', t'ema, kaf'ɛdra, gŕecịa.

Примечание. Произношение tema, profesar, švedy представляется искусственным.

28. Конечное s отвердевает, если не защищено аналогией со стороны ś в родственных образованиях (как в gûś): astaịus вместо astaịûś, učus, brośiłas, rad'iłas, vz'élas, n'ésus. Ср. отвердение конечного t' в 3-м лице ед. и мн.: učit, n'éśot; в инфинитиве t' защищено аналогией t'i в n'éśt'i, paśt'i; dast, ịest фонетически вм. daśt', ịéśt', a ịês't' (est) едва ли не церковнослав. архаизм: ср. sut', также boxv'éśt'.

29. Мягкие k', g', x' известны только перед гласными переднего ряда e, i: ruk'e, paĺk'i, x́itraị; в конце слова k' (на месте этимологического g' из g'i вм. z'i или прямо вм. z') отвердевает: l'ak (2-е лицо пов.). Сочетания k'a, k'u, g'a и т. п. чужды литер. языку, но он принял k'a в k'axta; иностранное g'ü переходит в g'i: g'intar (фамилия).

30. Язычные согласные перед мягкими язычными (кроме r) мягки: s'ńîm, źd'ełat', pas't'êl', końčik, ftorn'ik, s'l'ep, gońčajа, kos't', p'êt'l'a, în'd'ịa, kan'čat'. В island'ịa, skand'inav'ịa, kand'it'ɛr (при kan'd'it'ɛr) n твердо вследствие неподчинения этих иностранных слов общей норме.

В индивидуальном произношении r отвердевает: porča, gorn'ica, ftorn'ik, dvorn'ik, gorl'ica, gorl'ɛnka, kurn'ik, pérčatka, v'erčenaị.

Примечание 1. Сочетания tn, dn, как мы знаем, заменяют t, d фаукальными согласными; поэтому нельзя говорить о смягчении t, d перед n', но группа фаукальных согласных + n' составляет одно палатальное целое, ср. ê в l'êd'n'ik, pér'êd'n'ik. Сочетания tl', dl' произносятся с одним общим взрывом; поэтому нельзя и здесь говорить о t', d', ср. p'êt'l'a.

Примечание 2. Зубные согласные в конце предлогов вообще не смягчаются перед следующей согласной: padn'at', atn'at', padd'elat' (но и pad'd'elat'). Но s'n'at', s'n'îm.

31. Перед r' начальные язычные согласные тверды: tr'i, zr'a, zr'el; в индивидуальном произношении они мягки не в начале слова: v'êt'-r'ɛnɑi, abv'êt'r'it', m'êt'řikɑ.

32. Язычные согласные мягки перед мягкими губными: d'v́e, t'vêr', čet'v́ɛr't', iz'b'e, d'v́êr'i, d'v'igɑt', v'êt'v'i, kaŕm'it', skoŕp'. Произношение с отвердевшими язычными нередко: tv'êŕ, dv'înut'. Искусственное kanf'eta.

Примечание 1. Согласные t, d предлогов вообще не смягчаются перед губными: padv'ên'êčnɑi, padv'êt'r'ɛnɑja starana, atv'et, atv'edɑt', atv'azyvɑt', atm'etkɑ.

Примечание 2. Обычно отвердение r: karm'it'.

33. Язычные согласные сохраняют свою этимологическую мягкость перед твердыми губными и задненёбными: kaz'ba, svad'ba, Kuz'ma, vas'moi, p'is'mo, v'êd'mɑ, sud'ba, fpat'max, t'ma, gan'ba, gur'ba, bar'ba, gor'kɑi, car'ka, Kus'kɑ, gus'kom, t'ûr'ma.

Примечание. Смягчение r в сочетании ьr перед твердыми губными и заднеязычными произошло еще в эпоху общеславянскую (где была полумягкость) и общерусскую (где полумягкость превратилась в полную мягкость). В литер. языке r' сохранилось в следующих словах: čet'v'er'k, cêfkaf', v'êr'x, s't'êr'vɑ (менее распространены p'êr'vɑi, z'êr'kała). Вообще же r' отвердело: v'erbɑ, s'erp, čerpat', uššerp, m'erknut'; ср. его отвердение в d'v'erka. Можно думать, что мягкость r в t'ûr'ma удерживается под влиянием: t'ûr'ɛm, t'ûŕemnɑi, а в bar'ba, gur'ba под влиянием других слов на -ba (gud'ba, sud'ba).

34. Язычные согласные теряют свою этимологическую мягкость перед твердыми язычными: gornɑi, godnɑi, d'ɛr'ev'enskɑi, ženskɑi, carskɑi, adnu.

35. Мягкое l' сохраняет свою этимологическую мягкость при всяком положении, между прочим перед твердыми зубными: ispol'nɑi, l'du, pr'il'nût'.

36. Губные мягки перед мягкими средненёбными: kr'êp'k'iiɛ, n'êm'k'i, šap'k'i, laf'k'i, r'üm'k'i, šš̂ep'k'i, d'êf'k'i, s'öm'g'i.

Примечание. Весьма, однако, распространено отвердение губных в таком положении: r'ûmk'i, propk'i, n'emk'i, d'efk'i, šš̂epk'i.

37. Губные мягки перед мягкими губными не в начале слова: s'im'b'irsk, im'b'ir', łom'b'ɛrnɑi. Известно ли также f'p'er'ot, не знаю.

38. Губные тверды перед язычными (и твердыми и мягкими): t'omnɑi, krûpnɑi, pravda, žeml'u, d'êr'evn'ɑ, s't'ebl'i s'êrebrɛnɑi, łapt'i, ropšɛt, opšɛstvɑ.

Примечание. В индивидуальном произношении мягкость губных сохраняется перед мягкими язычными в особенности после ударяемого ê: z'êm'l'u, s't'êb'l'i, d'êr'êv'n'ɑ, naxl'êb'n'ik.

39. Задненёбные сохраняются, не смягчаясь перед мягкими язычными: l'exčɛ, m'äxčɛ, koxt'i, łokt'i, noxt'i, v'eks'ɛl'.

Примечание. В индивидуальном произношении задненёбные переходят в мягкие средненёбные перед мягкими язычными в особенности после e: v'êk's'ɛl', l'êx'čɛ. Также объясняется произношение l'êk't'ja, prat'êk't'ja, s'êk't'ja, где t'ja заменило более обычное произношение cja и cuja.

40. В группе stn, zdn звуки t, d (точнее, заменившие t, d фаукальные согласные) последовательно опускаются: praznɑi, grusnɑ, česnɑ, p'r'il'esnɑi, vłasnɑi, poz'n'ɛi, nam'ês'n'ik.

Примечание. Произношение mes + naj с фаукальной согласной перед a представляется книжным и искусственным.

41. Двойные долгие согласные упрощаются в конце слова, также перед согласными и после согласных: f'in, f'inskaj (но f'iñy и f'iny под влиянием fin), vañа, ruskaj, francuskaj, — opšesvo (вместо opššestvo), opšina, bor'š, mar'šina.

Примечание. Рядом opščesvo, bor'šč, mar'ščina у тех, кто произносит šš как šč. В индивидуальном произношении š вместо šš отвердевает: opšesva, opšyna.

42. В сочетании ji j удерживается в начале слов jix, jixn'ij, едва ли не под влиянием jevó, jejo, вообще же ji изменяется в i в положении после гласных: moi, strait'el'naj, pait'.

43. В слогах неударяемых, т. е. перед неударяемой гласной, j в положении после гласной произносится редуцированно и даже совсем исчезает, причем следующее за ним a переходит в ä (шопотное), e в i (шопотное), u в ü (шопотное): staja произносится staä, staju — staü (a произносится не как чистое a, но как a, склонное к ä в конце, ср. п. 15), nad'êjus как nad'êüs, šêju как šêü, igrajet как igrajt, igrajût как igraüt, šêja как šêä.

44. В положении после l мягкое s' отвердевает: sabrałsá, dałsá, zav'ełsá, s'n'ełsá, ср. отвердение n' после ł в patsołnešn'ik и patsołnyšn'ik, вм. patsoln'ešn'ik.

ГЛАВА VIII.

О НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЗАКОНАХ, ДЕЙСТВОВАВШИХ В БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ ЭПОХИ И СКАЗАВШИХСЯ НА МОСКОВСКОМ НАРЕЧИИ.

Ряд колебаний в произношении в современном московском наречии и современном литер. языке может быть объяснен только при предположении, что в настоящее время уже не действуют те законы, которые раньше производили в языке те или иные звуковые изменения. К наиболее значительным из них относится закон об изменении *e* в *o* в положении после мягких согласных. Сравнительное изучение русских наречий доказывает, что в общерусскую эпоху уже сложилось это явление, а сравнение с другими славянскими языками делает вероятным, что зачатки его относятся к общеславянскому праязыку.

1. В общеславянском праязыке мягкими были только те согласные, которые явились в результате смягчения a) r, l, n перед j (j), б) s, z перед j (j), откуда š, ž, в) t, d перед j (j), откуда čč и žž, г) задненёбных (они смягчились в более древнюю эпоху в č, ž, š, в позднейшую в c', z' или ʒ', s') перед гласными переднего ряда и j (j) в результате изменения сочетания kt перед гласными переднего ряда и в результате позднейшего влияния предшествующих гласных переднего ряда. Звук e после всех этих смягченных согласных перешел там, где за ним не было в следующем слоге гласной переднего ряда, в ö: čömu, lic'ö, kъnežö, našö, mor'ö, pol'ö, vъs'öho, kъ n'ömu. В общерусском праязыке это ö перешло в звук более задний, а именно в o.

Таким образом, в общерусскую эпоху ȯ после исконно мягких согласных являлся на месте этимологического e: 1) в положении в конце слова, 2) в положении перед твердой согласной. Отсюда далее в отдельных русских наречиях ȯ и o: в современном литер. ȯ после сохранившихся мягкими согласных и o после отвердевших: примеры приведу только для ударяемых слогов, ибо в неударяемых слогах o не удерживалось, переходя вообще в a, ɑ, а после мягких согласных в ė, ɛ; итак, 1) l'ico, fs'ȯ, 2) ššȯku, šonkɑ, pčȯłka, šorɑx, sam šost.

Тот же звук ȯ явился в наречиях древнерусских на месте ъ перед твердыми согласными (ср. переход ъ в o): ср. совр. čȯrnɑi̯, žornɑf, šȯłk, čȯłn, žȯłtɑi̯.

Звук e после i̯ и после несмягченных согласных оставался в общеслав. праязыке без изменения. В общерусском праязыке перед e, как и перед другими гласными переднего ряда, смягчились все вообще согласные. Это e перешло в ö в положении перед следующими твердыми согласными, а перед мягкими согласными в ê; так явились в общерусском: n'ösu, v'öslo, s'östrý, s'östry, m'ödъ, p'ökłъ при n'ês'i, p'êkl'i, s'êm'ъ. То же сохранилось в наречиях древнерусских, причем после падения глухих сильные ь перед твердыми согласными явились также в виде ö, а перед мягкими в виде ê (ср. переход ъ в o): p'ös, d'ön, m'örtv, d'örn, но d'ên', p'ên', v'ês', l'ês't'. В конце слова после мягких согласных на месте e являлось ä: id'it'ä, m'ên'ä, i̯es'mä. То же ä являлось на месте e и после i̯: žit'i̯ä (из žitьi̯ä), l'is't'i̯ä, kol'i̯ä и т. п. В великорусском наречии ö с течением времени изменилось в ȯ; ср. совр. литер. m'ȯt, s'ȯstry, n'ȯs, v'ȯsłɑ, p'ȯk, p'ȯs, d'ȯn, m'ȯrtvɑi̯, d'ȯrn. Звук ä одновременно перешел в a в слогах слабоударяемых, напр. m'ên'a, t'êb'a, тогда как в сильноударяемых явилось на месте ä, как кажется, e. В словах žit'i̯ä, ružiä и т. п. ä заменено было звуком o (ȯ), заимствованным из других слов ср. рода, как kal'co, l'ico, v'êslo, s'êło, p'êro.

Таким образом, в великорусских наречиях общею нормой стала наличность после мягких согласных звука o (ȯ) перед твердыми согласными и ê перед мягкими согласными. Вследствие этого, если по той или другой причине отвердевала согласная после ê, это ê заменялось звуком o (ȯ). Впрочем, как кажется, надо различать несколько категорий случаев: 1) согласная отвердевала перед следующей твердой согласной, 2) отвердение š и ž, 3) отвердение c. В первых двух категориях действительно по общему правилу ê, быть может, через посредство e переходило в o: t'ȯmnɑi̯, p'ɛr'êl'ȯtnɑi̯, nɑi̯ȯmnɑi̯; pad'ȯš, grab'ȯš, m'ȯžu, gałav'ȯška, ad'ȯžɑ, s'êr'ȯžɑ; между тем в третьей категории вместо ê является e: kup'ec, kuz'n'ec, šv'ec. Возможно, что отвердение произошло в первых двух категориях (в первой это даже наверное) раньше, чем в третьей, причем отвердение c наступило уже тогда, когда закон о непременном изменении e в o перед твердой согласной уже был нарушен, уже не существовал. Но возможно и другое объяснение: ê заменялось через o только перед такими согласными, которые произносились лабиализованно, т. е. при том же положении губ, при котором произносятся o, u; оно заменялось через e перед согласными нелабиализованными. Самый переход e в ö в общер. праязыке зависел, повидимому, от лабиализованного произношения твердых согласных, являясь, таким образом, в результате

ассимиляции гласной е следующей согласной (ср. переход е в ê перед палатальными согласными тоже в результате подобной ассимиляции). Теряя свою мягкость под влиянием следующей твердой, следовательно, лабиализованной согласной, отвердевшая согласная становилась сама лабиализованною и влияла таким образом на переход предшествующего е в ö; таким образом, t'ömnaį вместо t'êm'naį можно понять как уподобление звука ê следующему лабиализованному m, если объяснить таким уподоблением появление ö в sam s'öm (откуда sam s'om) в общерусском праязыке. Отвердение š и ž могло сопровождаться их лабиализацией; но согласные вообще склонны к лабиализации в разных языках. Напротив, с, отвердевая, не должно было подвергаться лабиализации; поэтому ê перед ними не переходило в ö — ȯ, а изменялось только в е. В пользу предложенного объяснения можно привести еще следующие соображения: 1) некоторые факты языка доказывают, что в московском наречии с отвердело раньше, чем š и ž; ср. подчинение основ на с склонению твердых основ, например, в форме род. мн., где находим kupcof, małatcof (при kupcy, małatcy), между тем как основы на š, ž сохранили связь с основами на мягкую согласную: nažêį, fšêį (при naży, fšy), ср. rubl'êį, m'êčêį; 2) отвердение губных в случаях, как z'êm'l'u не повело за собой перехода ê в ö потому, что m не могло лабиализироваться перед мягкой согласной (хотя возможно, что отвердение в таких случаях сравнительно ново).

Во всяком случае недавно отвердевшие согласные не влекут за собой перехода е в ö. Это можно объяснить или так, что ко времени их отвердения уже нарушился закон о переходе е в ö перед твердыми согласными, или так, что при таком позднейшем отвердении не лабиализировалась вообще отвердевшая согласная. Ср. отвердение губных перед мягкими язычными: примеры — z'eml'u, d'êr'evn'ɑ; отвердение губных перед суфф. sk, звучавшим, повидимому, долго как s'k (s' вместо s под влиянием предшествующей согласной): zemskɑį; отвердение зубных и г перед тем же суффиксом: d'ɛr'êv'enskɑį, ženskɑį; отвердение г перед твердыми губными и задненёбными: p'ervɑį, čerpɑt', s'erp, z'erkɑła; также диалектическое отвердение губных перед мягкими средненёбными: ššepk'i.

Откуда же пошло нарушение общего закона о переходе е в ö перед твердыми согласными? Быть может, оно явилось следствием перехода звука *ѣ* в *е*, совпадение звуков *ѣ* и *е*; *ѣ* в древнерусском звучало отлично от *е* сначала как *ie*, а затем диалектически, вероятно, как *i̯e*. Когда в московском наречии, как и во многих других, *i̯e* утратило свою неслоговую часть, древнее *ѣ* стало звучать в положении перед твердой согласной как *е*, а перед мягкой как ê: m'erɑ, m'êr'it'. Таким образом, в целой категории случаев получилось соединение *е* с последующей твердой согласной; *е* уже не могло в этих случаях подчиниться господствовавшей до тех пор норме, требовавшей перед твердой согласной *ö*; это повело к тому, что *е* перед твердой согласной стало вообще терпимо. И когда соединение *е* с твердой согласной получилось позже в результате отвердения согласных после *ê*, *е* уже не переходило в *ö* — *ȯ*.

В настоящее время, таким образом, литер. наречие, сохраняя древнее чередование ȯ перед твердой согласной — ê перед мягкой, имеет

Ряд случаев, где оно нарушено. Все случаи подходят под следующие категории: 1) е перед отвердевшим с: kup'ec, 2) е на месте ѣ перед твердой (или отвердевшей) согласной: v'ek, r'eš, m'esta, m'ełkaį (стар. мѣлкаіи), 3) е перед поздно отвердевшими согласными: zeml'u, zemskaį, d'ɛr'êv'enskaį, s'erp, čerpat', диалект. ššepk'i, 4) е перед твердой (или отвердевшей) согласной в словах церковнославянских: n'eba, kr'est, žertva, abyknav'ennaį, duxav'enstva, pad'eš, m'êt'eš (ср. перечень этих слов выше, в главе 1).

2. В настоящее время видим, что в московском наречии в слогах ударяемых известны гласные о, а, е, ê, между тем как в предударных вместо о, а является а, вместо е, ê является ė, а в прочих неударяемых слогах вместо о, а — ɑ, вместо е, ê — ɛ; при этом после мягких согласных в предударных слогах вместо о, а находим ė, а в прочих неударяемых слогах ɛ, но в конце слов под влиянием грамматической аналогии не ɛ, а ɑ. Понять эти явления, как было отчасти уже сказано в вводной главе, можно только с исторической точки зрения, предполагающей, что некогда звуковые отношения наречия, предшествовавшего московскому, были иные, чем теперь. Конечно, явления современного московского наречия и литер. нашего языка не трудно понять как результат редукции неударяемых гласных а, о, е, ослабления их в положении не под ударением и замены их гласными неполного образования. Но неясным представляется хотя бы то обстоятельство, что о и а в неударяемом, но непредударном, слоге одинаково нетерпимы, заменяясь здесь через ɑ, между тем как в предударном слоге сохраняется а, и даже о переходит здесь в а (аканье). Для объяснения московского аканья и редукции неударяемых гласных надо, как кажется, исходить из следующих двух соображений.

Во-первых, аканье и редукция гласных — это явление общее всем южновеликорусским и белорусским говорам, следовательно, согласно предыдущему, общее некогда всем восточнорусским говорам. Активно оно выступило поэтому впервые в восточнорусском пранаречии. Конечно, и аканье и редукция гласных в основании своем явления однородные; явления эти состояли в ослаблении (редукции) неударяемых гласных, но не всех, а только гласных широких или более широких, а именно а, о, ö, е, вероятно, и é; гласные і, у, и редукции не подверглись; зависели эти явления от усиления экспираторной силы ударения; ударяемый слог стал произноситься сильнее, громче, чем раньше, чем в общер. праязыке; это повело к ослаблению силы слогов неударяемых, а такое ослабление, не отражаясь на природе сокращавшихся при этом в силе гласных узких (и, у, і), сказалось на природе сократившихся при этом в силе гласных широких (а, о, е). Эти гласные потеряли свою первоначальную природу при сокращении, заменяясь гласными неполного образования: заднего ряда ɑ и среднего ряда ɛ. Таким образом, теоретически мы должны были бы ждать и в моск. наречии и в других южновеликорусских говорах во всех вообще неударяемых слогах на месте а, о звук ɑ, а на месте е (ѣ) звук ɛ (имею в виду пока только а, о в положении после твердых согласных); следовательно, vɑdá, stɑraná, krɑsá, prɑs'í, xɑžú, stɑr'ik, stɑr'iká; d'ɛl'it', n'ɛs'í, d'ɛs'áɫaį, t'ɛsnɑtá. Между тем, как в московском наречии, так, более или менее последовательно, и в других южновеликорусских

говорах, находим вместо ɑ — а, вместо ɛ — е в слоге предударном, тогда как в других неудар. слогах действительно являются ɑ, ɛ. Понять это обстоятельство можно только при предположении, что закон о редукции гласных в неударяемых слогах изложен нами не вполне точно, что с самого начала в нем было дано еще одно соответствующее условие. Таким условием было, повидимому, следующее: ослабление силы слогов неударяемых было разной степени; в слоге предударном гласные становились менее сильными сравнительно с ударяемыми, а в других неударяемых слогах они переходили в совсем слабые; но ослабление а, о, е даже менее сильное давало в результате те же звуки ɑ, ɛ, что ослабление полное; постепенное усиление ɑ, ɛ, требовавшееся только-что приведенным сопровождающим условием, давало в результате звуки а, ė. Таким образом, а, о, е в неударяемых слогах вообще переходили в ɑ, ɛ, но в слогах предударных ɑ, ɛ в силу требовавшейся здесь большей силы изменялись в а, ė, т. е. становились звуками полного образования, быть может, однако, более краткими, чем звуки ударяемые — а, о, е. Еще Потебня, определяя взаимное отношение по силе неударяемых слогов в южновеликорусском наречии и обозначая наиболее сильный (ударяемый) слог цифрой 3, определял слог предударный цифрой 2, а прочие неударяемые слоги цифрой 1; следовательно, слова star'ika, gałovuška, gołavu, na staranu, staraná могут быть изображены как 123, 2311, 311, 3111, 123, равным образом s'ėło, v'es'ėłá как 23, 123; на месте цифры 1 из рассмотренных выше во взаимных их отношениях звуков стоят ɑ, ɛ, на месте 2 звуки а, ė, на месте 3 звуки а, о, е.

Во-вторых, возвращаюсь к отмеченному уже выше обстоятельству, по которому в слогах неударяемых (не конечных) после мягких согласных стоят систематически вместо этимологических а, о звуки ė в слогах предударных и ɛ в прочих неударяемых слогах. Правда, о в таком положении звучало некогда как ŏ после не исконно мягких согласных, и переход ŏ в ė, ɛ понятен физиологически, так как ŏ принадлежит к гласным переднего ряда, того же ряда, что е; но в ė, ɛ изменяются также и ȯ в положении после исконно мягких согласных (žėnà, čėło), равно также и а в положении после всех мягких согласных (v'ėzat', čėsy). Это обстоятельство я объясняю себе так, что в московском наречии еще до редукции неударяемых гласных а, о после мягких согласных стали звучать как ă, ŏ (ȯ совпало, следовательно, с ŏ) в силу ассимилирующего влияния мягкой согласной на следующую гласную; сравниваю это с тем, что и под ударением, по крайней мере, между мягкими согласными, а, о звучат в московском наречии как ă, ŏ. Возможно, что такое изменение по происхождению своему не южновеликорусское, а северновеликор. (причем проникновение его в некоторые южновеликор. говоры обязано влиянию моск. наречия). Во всяком случае получаем хронологическое указание на глубокую его древность и понимаем, что при объяснении совр. моск. v'ėzat', čėsy, čėło, равно как и s'ėło, надо исходить из произношения v'ăzat', čăsy, čŏło, s'ŏło. Итак, редуцируясь, гласные а, о переходили в ɑ, а гласные ă, ŏ, е, ė (также ję, jė, если так звучало ѣ) в ɛ в слогах неударяемых, причем ɑ, ɛ, усиливаясь в слогах предударных, переходили затем в а. ė.

В-третьих, оказывается несогласованным с только что выставленным утверждением то, что в конечном слоге после мягких согласных а, о звучат не как ɛ, а как ɑ. Не думаю, чтобы при объяснении этого явления надо было исходить из предположения, что конечные а, о не подверглись переходу в ä, ö в конце слова после мягких согласных по причине физиологической. Более вероятно предположить, что такое изменение было задержано морфологическими причинами, а именно ассоциацией а, о после мягких согласных в окончаниях с а, о в окончаниях после твердой согласной: v'id'a, nos'a, xod'a, не переходили в v'id'ä, nos'ä, xod'ä под влиянием а в p'öka, ida, n'ösa; duša, ban'a, vol'a не переходили в dušä, ban'ä, vol'ä под влиянием а в voda, noga, kosa; pol'o, gor'o, l'ic'o имели о, не ö, под влиянием о в s'öłó, v'ösłó, čisłó и т. д. Поэтому после редукции неударяемых а, о здесь получались v'id'ɑ, ban'ɑ, vol'ɑ, pol'ɑ, gor'ɑ (а не v'id'ɛ, ban'ɛ, vol'ɛ, pol'ɛ, gor'ɛ). Понятно, что kol'ią, звучавшее kol'ia, в силу ассоциации с kn'az'ia, druz'ia перешло в kol'iɑ. Между тем daiť'ä, xodiť'ä фонетически изменилось в daiť'ɛ, xodiť'ɛ. Равным образом в словах tožo, tužo о сохранялось под влиянием žo (žŏ) слабоударяемой частицы, между тем как в tužö, głubžö являлось ö; ср. совр. tožɑ при tužɛ. Конечно ię (*ѧ*) систематически ослаблялось в конце слова в неударяемом слоге в ɛ: na s'ɛ̈n'ɛ, fpol'ɛ, vban'ɛ.

В-четвертых, в начале слова ɑ физиологически оказывалось трудным для произношения и заменялось поэтому через а; следовательно, не только в предударном слоге: akno, adna, но и в других неударяемых слогах: ad'inákɑf, adnavó, atvaz'iť и т. п.

3. Закон о падении слабых глухих и переходе сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е* рассмотрены нами выше в главе 1. Там же рассмотрен закон о падении слабых глухих напряженных и переходе сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е* (с дополнениями в главе 2).

4. Закон о монофтонгизации *ѣ* (ie) и переходе его в е и ê в великорусских говорах также рассмотрен выше. Возможно, что в некоторых условиях *ѣ* монофтонгизировалось в і еще в общерусскую эпоху. Быть может, дифтонг сохранялся только под ударением, а в неударяемых слогах только перед твердой согласной, между тем перед мягкой согласной и в конце слова ie заменялось монофтонгом і. Под ударением благодаря бóльшей силе звука оба элемента дифтонга сохранялись неприкосновенными; в неударяемом слоге перед твердой согласной то же имело место потому, что твердая (согласно предыдущему, вероятно, лабиализованная) согласная препятствовала ассимиляции элемента е элементу і (т. е. переходу iê в iê, откуда ii,i); напротив, в неударяемых слогах перед мягкой согласной и в конце слова ie естественно переходило в iê, ii, i. Указание на общерусский переход ie в і в положении перед мягкой согласной извлекаем из слов как *дитя, сидеть* (ср. старослав. дѣтѧ, сѣдѣти, русск. *дети, сел*), быть может, также *мизинец* (ср. сербск. мезимац, древнерусск. мѣзынѣць) и *свидетель* (вместо свѣдѣтель, хотя здесь сказалось, вероятно, влияние слова *видеть*); эти слова звучат с *и* не только в великорусском и белорусском, но также и в украинском, причем белорусское *а* в *сядзець, сядзеў* надо объяснять [1] как результат нового изменения *си-*

[1] В рукописи «объяснить». (Ред.)

деть в *седеть* под влиянием *сеи̯, сели*. В *дитятко, сиднем* (совр. литер.), *насиженный* видим нефонетический перенос *и* под ударением. Указание на общерусский переход ie в i в конце слова извлекаем из совр. моск. и литер. *двести, колени*, являющихся формами двойственного числа; этимологически ждем и в памятниках имеем дъвѣ сѣтѣ, колѣнѣ. Если же вообще конечное ie (ѣ) не звучит как i в московском наречии, а как ɛ, возводящееся к e, то вероятно объяснить это еще общерусским диалектическим переносом ie (ѣ) в неударяемые окончания из соответствующих ударяемых[1]: na s'ɬn'ɬ вместо na s'ɬn'i под влиянием na gn'ɬzd'ɬ, na s'el'ɬ, na p'er'ɬ. — Звук e из ѣ, согласно предыдущему, не подлежал переходу в ö (o) перед твердыми согласными; если же мы в московском наречии находим несколько случаев подобной замены, то она произошла не фонетически, а по аналогии, отчасти в морфологических категориях. Так, вместо ожидаемых z'v'ezdy, v'edrα, gn'ezdα (этимологически *звѣзды, вѣдра, гнѣзда*) находим z'v'ozdy, v'odrα, gn'ozdα; ясно, что подобное произношение вызвано аналогией: s'ëło — s'ołα, v'ësło — v'oslα, r'ɛm'ësło — r'ɛm'oslα, m'ëtła — m'otły, s'ëstra — s'ostry. Вместо ожидаемых pr'iobr'eł находим pr'iobr'oł под влиянием аналогии m'oł при m'ës't'i, или c'v'oł (цвел) при c'v'ës't'i (цвести). Ср. еще простор. ub'ok вместо ub'ek по аналогии zažok, isp'ok, ut'ok. Произношение nad'ovαn под влиянием apl'ovαn, zat'osαn, rastr'opαn, ср. nad'ëvat' при apl'ëvat', zat'ësat' и т. д.

5. В род. пад. местоимений и прилагательных находим окончание -vo, -vα; в письменности до сих пор держатся окончания *-го*; ясно, что -vo объясняется из *-го*, но не из *-го* с g (go), а из *-го* с γ или h (γo, ho). Переход -go в -vo в великор. наречиях неизвестен, ср. slugoi, tugoi, pagon'a, zagon. На старое произношение -γo, -ho указывает диалект. северновеликорусск. -γo, напр. в олонецких наречиях Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского, Вытегорского уездов; -γo, -γa господствует и в южновеликор. говорах, но здесь оно может быть объяснено из -go, ибо всякое g звучит в них как γ; между тем в северновеликор. g сохранилось, а потому диалектическое γ нельзя объяснить в нем из g. Переход γ в v надо признать явлением великорусским, в частности северновеликорусским. Оно восходит, судя по памятникам, к XIV в. Общерусский праязык имел в род. падеже окончание -oho; это -oho унаследовано из общеславянского и возникло здесь из -oo, а это из -oso: *koso дало *koo нефонетически под влиянием нефонетического же перехода *kosmu дат., *kosmь местн. в komu, komь; ср. старое окончание -so в česo, čьso.

ГЛАВА IX.

О НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ В ЛИТЕРАТУРНОМ СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ НЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО.

Непоследовательность в проведении некоторых звуковых явлений может объясняться или поздним их происхождением и отпором со стороны различных обособившихся групп лиц, говорящих литературным

[1] В рукописи по описке: «неударяемых». (Ред.)

языком, или также тем отпором, который оказывал вообще нововведениям письменный язык, отчасти опирающийся на письменные начертания. Впрочем, этот отпор не мог быть действительным, если бы он не находил себе поддержку и в живом народном произношении.

Рассмотрю несколько случаев.

1. В литер. наречии заметно стремление к отвердению звука r перед согласными. Так, в индивидуальном произношении, как указано в главе 7, господствует r твердое перед мягкими язычными после гласных заднего ряда: porčɑ, ftorn'ik, dvorn'ik, kurn'ik, parn'i, afčarn'ɑ (при v'ėčėr'n'ii, dav'ėr'čivɑi, m'ėr't'v'ɛnnɑi); реже отвердевает r в таком положении после гласных переднего ряда (dav'erčivɑi, v'erčɛnɑi). — Весьма распространенно отвердение r перед твердыми губными и задненёбными согласными: p'ervɑi, s'erp, z'erkɑł, čerpɑt'; я приводил выше случаи, где r' удерживается в таком положении: čet'v'ėr'k, cėr'kɑf', v'ėr'x.

2. В литер. наречии отвердевает n в конце слова, если мягкость n не защищена аналогией, а именно в положении за неударяемыми гласными. Так объясняется р. мн. bašɛn, baryšɛn, pės'ɛn, baśɛn, но d'ɛr'ėv'ėn' (в kor'ɛn' ń защищено аналогией косвенных падежей). Однако имеем oč̣ɛn', не oč̣ɛn, хотя, впрочем, известно и oč̣ɛn.

3. В литер. наречии передка замена r'i через ry после задненёбных согласных: skrypkɑ, gryp, gryby, skryṕėt', kryło, krynkɑ, но встречается и skŕipka, gŕip, gŕiby, krinka, и только krik, kŕiknut', gŕiva, xŕip.

4. В литер. наречии č̣n в ряде слов заменено через šn: malošnɑi, kan'ešnɑ, но ряд слов, и не только церковнослав. происхождения, удерживает č̣n: v'eč̣nɑi, r'eč̣noi, toč̣nɑi.

ГЛАВА X.

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ АНАЛОГИИ, НАРУШИВШИХ ЗВУКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Распространение каждого звукового закона может повести за собой расширение его естественных пределов вследствие тех или иных лексикологических или морфологических причин. Выяснение природы таких явлений безусловно необходимо, иначе останется невыясненною самая сущность исследуемого звукового закона. Нередко указанные причины, напротив, не расширяют, а задерживают распространение звукового закона.

1. Повидимому, еще в очень древнюю эпоху отвердели конечные губные; ср. тв. ед. на m вместо ожидаемого m' (из -mь): synom, sadom, или 1 л. ед. на -m: dam, jem. Но конечные губные мягкие, защищенные аналогией, удерживают свою мягкость до сих пор в литер. нашем языке: golup', s'ėm', krof', ср. gołubi, s'ėm'i, krovi; izbaf', pr'igołup', ср. izbav'it', pr'igołub'it'; ostaf', ср. ostav'it', и т. д. Диалектически, а также и в диалектах литер. наречия, губные конечные потеряли мягкость и в таких случаях, несмотря на действие аналогии.

2. Отвердение конечного t в 3-м лице ед. и мн. могло произойти только фонетическим путем: nos'it, nos'at; отвердение произошло во всех севернорусских говорах (только в некоторых из них сохранилось окончание -ut' в 3-м лице мн.). Оно не распространилось на окончание инфинитива под влиянием задерживающей аналогии со стороны форм. на -t'i (n'es't'i, pas't'i); не распространилось на окончание имен. ед. слов, как n'it', mat', gospot', под влиянием форм склонения, где мягкая согласная (t', d') была защищена гласною.

3. Мы видели выше, как чередование о в ударяемом слоге с ѐ в слоге предударном, причем и о и ѐ восходят к исконному е, вызвало подобное же чередование в нескольких таких случаях, где ѐ восходит в предударном слоге к исконному *ъ*, не переходившему фонетически в ŏ, откуда о; ср. zv'ozdy, gn'ozdα, v'odrα, pr'iobr'ol, nad'ovαn, padd'ofkα.

4. Чередование о в ударяемом слоге с а в предударном, восходящим к исконному о, вызывало по аналогии о в ударяемом слоге вместо исконного а при а в предударном слоге: našu-nos'it, kašu-kos'it, xažu-xod'it вызывает при płaču — płot'it вместо płat'it, pαsažu — pasod'it вместо pasád'it в нашем литер. языке; диалектически в южновеликорусск. говорах указанная аналогия захватила еще большее количество случаев. Точно так же под влиянием kal'co — kol'cα и т. п. иностранное слово pal'to в просторечии получает во мн. числе произношение pol'tα.

5. Чередование о в ударяемом слоге с ѐ в предударном, восходящих к исконным е после мягкой согласной, вызывает появление о в ударяемом слоге в соответствии с ѐ в предударном, восходящим к звуку а после мягкой согласной; p'os — ńĕsu, p'ok — ṕĕku вызывает zaṕŕok вместо zaṕŕak при zaṕŕĕgu, tŕos вместо tŕas при tŕĕsu.

6. Чередование о, и в ударяемом и неударяемом слоге простого глагола (однокр.), с о в ударяемом слоге многократного на *-ивать* вызвано было старым общеслав. чередованием о с а в глаголах длительных (*просити — прашати*, отсюда русское *прашивать*). Из таких случаев, как *просить — прашивать, косить — кашивать, носить — нашивать, молить — маливать, усвоить — усваивать*, такое чередование распространялось на случаи, как *колотить — околачивать, молотить — обмолачивать, морозить — замораживать*, где *оро* восходит к общеслав. *or*. Позже оно распространяется и на ряд других случаев, неизвестных в древнем языке: *обуславливать, озабачиваться*. Такое произношение диалектически распространяется в нашем литер. языке.

ГЛАВА XI.

СКЛОНЕНИЕ.

Склонением называется изменение слов по падежам. В русском языке известны следующие падежи: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и местный или предложный. Определение значения этих падежей, сложившихся исторически и притом в составе предложения, принадлежит синтаксису. Здесь отметим, что им. пад. — это та форма, которую в речи принимает грамматическое подлежащее, остальные падежи — это формы, которые

принимают грамматические дополнения; эти остальные падежи называют в противоположность именительному косвенными падежами.

Вин. пад. в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно. Род. пад. имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти. Дат. пад. имени означает, что на представление, соответствующее этому имени, направлено действие, что в интересах его оно совершается. Твор. пад. имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия. Местн. пад. в русском языке употребляется только после предлогов *в, на, при* и *об*, из которых первые три дают преимущественно указание на то, что действие совершается в пределах представления о получившем местный падеж имени.

Склоняемыми словами являются в русском языке: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, а также глагольные образования, объединяемые понятием причастия. Склоняемые слова объединяются понятием имя.

Эти склоняемые имена изменяются еще по другим категориям, а именно по категориям числа и рода. Категория числа (а в русском языке различаются два числа: единственное и множественное) свойственна всем склоняемым именам (кроме однако числительных количественных); она наблюдается и в глаголе. Категория рода (в русском языке различаются три рода: мужеский, женский и средний) свойственна именам прилагательным, местоимениям, числительным (в количественных — только числительным *один, два*), причастиям; та же категория наблюдается в некоторых глагольных формах, по происхождению формах именных (прилагательных, причастиях). Таким образом, склоняемые имена в отношении к категории рода распадаются на имена, не изменяющиеся по родам: это имя существительное, и имена, изменяющиеся по родам: это имя прилагательное, местоимение, числительные и причастия. Правда, в именах существительных находим имена мужеского, женского и среднего рода, но эти три ряда имен даны как готовые, определенные ряды: из них не может быть извлечена категория рода, так как, во-первых, сами существительные не изменяются по родам, во-вторых, их род определяется в ряде случаев только синтактически (напр. *умная голова, городской голова*).

Указанное деление склоняемых имен на имена существительные и на остальные склоняемые имена устанавливается и синтактически: имена существительные это слова определяемые, а прилагательные, местоимения (кроме личных местоимений), числительные и причастия — имена определяющие (аттрибутивные). Различия между определяющими словами, как и вообще значение частей речи, определяются синтактически. Морфологические различия (в строении основ и в падежных окончаниях) дают основания и при изложении морфологии рассматривать отдельно определяемые слова (имена существительные) и слова определяющие, а в этих словах — отдельно: прилагательные, местоимения, числительные и причастия.

ГЛАВА XII.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

1. Категория рода.

Как указано, в именах существительных различаются три рода, грамматически не соединимых по одному из своих признаков: имена мужеского, женского и среднего рода. Эти имена исконно различались по самым своим основам, т. е. по тем неизменным частям слова, к которым присоединяются падежные окончания: только основы на -ĭ и на -ā еще в индоевропейском праязыке обнимали не только слова женского рода, но также слова мужеского рода; впрочем, явный перевес в основах на -ā исконно принадлежал словам женского рода; мужеского рода были только те слова, которые обозначали лица мужеского полу; то же наблюдается в русском языке и теперь.

Я упомянул об основах и падежных окончаниях. Тесное слитие окончания основы с падежным окончанием (в частности конечной гласной основы и начальной гласной падежного окончания) произошло еще в индоевропейском праязыке. С течением времени, благодаря фонетическим изменениям, которым подвергались вообще конечные гласные основ, а также и те гласные, где слились окончание основы и падежное окончание, представление о первоначальной основе затемнялось все более, сменяясь в представлении говорящих представлениями о других, видоизмененных основах. Так, представление об основах мужеского рода на ŏ, в особенности после происшедшего уже на русской почве отпадения конечных -ъ в им. пад. (а -ъ из -os) и в вин. пад. (где -ъ из -om), сменилось представлением об основах на согласную; то же представление сменило также представление об основах мужеского рода на -ŭ, ибо и здесь произошло отпадение в им. пад. -ъ (из -ŭs), а в вин. пад. -ъ (из -ŭm). Научное определение основы в современных именах существительных невозможно; но, так как разнообразие падежных окончаний в современном языке обусловлено, как и в старом, различием именных основ, то обозрение форм склонения должно основываться на различии этих основ по тому или иному их признаку. В настоящее время при обозрении наличных именных основ можно исходить из формы им. пад. ед. числа; окончание этого падежа, напр. в части имен женского рода и в именах среднего рода, не может быть признано падежным окончанием уже по тому самому, что язык наш имеет ряд имен мужеского и женского рода, где форма им. пад. ед. числа отличается от формы почти всех остальных падежей именно отсутствием окончания, представляясь таким образом тождественною с основой (напр. основы мужеского рода на твердую согласную: *стол, дом*, основы мужеского рода на мягкую согласную: *ключ, гост'*, основы женского рода на мягкую согласную: *кост'*).

Принимая во внимание исконное деление существительных на три рода, а также необходимость объединить некоторые группы существительных, в пределах каждого из трех родов, по общности падежных окончаний, я распределю обозрение склонения имен существительных по следующим отделам.

1. Имена мужеского рода: а) ед. число слов на твердую и мягкую согласную: *дом, нож, гость*; б) ед. число слова *путь*; в) мн. ч. слов на твердую согласную и на *-й* (і): *столы, воробьи*; г) мн. число слов на *ж, ш* и на мягкую согласную: *ножи, родители*; д) мн. число слов на твердую и мягкую согласную, оканчивающихся в им. мн. на *-ья*; е) мн. число слов, представляющих в ед. числе основу на *-ин*: *бояре*.

2. Имена женского рода: а) слова на *ж, ш* и на мягкую согласную; б) слова на *а* (женского и мужеского рода): *вода, буря, душа, куча, воевода, юноша*.

3. Имена среднего рода: а) слова на *о* (после мягких согласных и исконно мягких, но отвердевших, — *е*): *село, море, ложе*; б) слова на *а*: *имя, дитя*.

Исходя из того принципа, что образование форм склонения распределяется по им. над. ед. числа, я рассматриваю склонение слов, представляющих две или несколько основ, в том отделе, куда относится соответствующий им. над.: *мать* и *дочь* рассматриваются в склонении основ женского рода на мягкую согласную, но их особенность — появление основы *матер-, дочер-* оговаривается особо; *чудо, небо* относятся к словам среднего рода на *-о*, но особо оговаривается производство ими мн. числа от основ *небес-, чудес-*; мн. *дети* я укажу при *дитя*, хотя оно возводится к другой основе, чем *дитя, дитяти*; мн. *жеребята, телята* укажу при склонении слов мужеского рода на твердую согласную, ибо им. ед. при них являются *жеребенок, теленок*; слово *господь* рассмотрю вместе с именами мужеского рода на мягкую согласную, несмотря на то, что в род. и других падежах является *господ-*.

Обзору склонения имен я должен предпослать несколько общих замечаний. Расположу их сначала по тем категориям, о которых я уже говорил: рода, числа, падежей.

Род имен существительных, как указано, познается синтактически. Но частью и окончание слова свидетельствует о принадлежности его к тому или другому роду. Так, все слова на твердую согласную — мужеского рода; из слов на твердую согласную к женскому роду могут принадлежать только слова на *ш, ж*. Женского рода все слова на *а*, кроме слов, обозначающих лица мужеского пола (*парнишка, мальчишка*). Среднего рода все слова на *о* (*е*), кроме слов, обозначающих существа мужеского полу, как, напр., имя *Михайло, Серко*, фамилия *Ткаченко, Манько́*, а также уничижительных на *-ишко, -енко*, произведенных от неодушевленных мужеского рода: *домишко, башмачишко, табачишко* (уничижительные от одушевлечных оканчиваются на *-ишка: старичишка*), и увеличительных на *-ище* от одушевленных муж. рода: *мужичище*. Следовательно, только в словах на *ж, ш* и на мягкую согласную род не может быть определен окончанием; он определяется для одних падежей, в том числе для им., синтактически, а для других падежными окончаниями, ибо падежные окончания слов мужеского рода (в ед. числе) расходятся с окончаниями слов женского рода. Некоторые слова на *-а* могут быть мужеского и женского рода: *пьяница, ханжа*. Впервые при определении рода мы встречаемся с особой категорией, категорией одушевленных имен, и притом

мужеского рода: только в эту категорию могут входить слова мужеского рода на *-а*; неодушевленные с этими окончаниями могут быть только женского рода.

2. Категория числа.

Категория числа входит в склонение существительных: вообще от каждого имени могут быть произведены формы как ед., так и мн. числа. Но некоторые имена по значению своему не могут употребляться во мн.; это, во-первых, названия стран света и местностей, как *север, юг, Китай, Саратов;* во-вторых, слова с отвлеченным значением, как *глубина, ширина, святость, чепуха, упорство, темнота, молодость, любовь, грусть;* в-третьих, слова, означающие действия: *бегство, служение, уженье, судоговорение, летание, стукотня, езда, молотьба, сев;* в-четвертых, слова со значением вещественным: *воск, мука, горох, лебеда, мак, серебро, ветчина, золото, молоко, медь;* в-пятых, названия некоторых народов (с собирательным значением): *Мордва, Литва, Русь.* Впрочем, многие из подобных слов допускают индивидуализацию, т. е. могут мыслиться не в сплошной неделимой массе, а выделенными в особые виды, входящие в состав собирательного или вещественного понятия, напр. *сено* луговое и лесное, *масло* подсолнечное и льняное, *мясо* русское и черкасское; при такой индивидуализации возможно употребление этих слов во мн. ч.: *масла, мыла, мяса́, сена, табаки́, спирты* и т. д. Равным образом возможна индивидуализация отвлеченных понятий, и это ведет к производству от них мн. числа: *радости* означает радостные события, впечатления; *должности* — места, занятые должностными лицами; *добродетели* — качества добродетельного человека и т. д. Таким образом, мы, анализируя имена в отношении к категории числа, встречаемся с категориями отвлеченности и конкретности, вещественности, собирательности и единичности. Как увидим, эти категории связываются еще и с другими явлениями в склонении имен.

Напротив, ряд имен употребляется только во множественном числе; сюда принадлежат, напр., *сани, ножницы, щипцы, дрожжи, соты, гусли, духи́, весы, икры, корчи, клещи, вини, кресты, бубны, червы, ворота, дрова, чернила, сливки, крестины, святки, будни, каникулы,* также названия городов и сел: *Холмогоры, Боровичи, Яссы.* Род этих имен только в некоторых случаях может быть определен морфологически: так, слова с окончанием *-ы* могут быть признаны женского рода, если оканчиваются в рол. мн. на согласную основы, мужеского, если оканчиваются на *-ов:* впрочем, этот критерий произвольный; выставляя его, не считаются с тем обстоятельством, что слова мужеского рода, употреблявшиеся преимущественно во мн. числе, как раз не имеют в род. мн. окончания *-ов: сапог, солдат, рекрут.* С полною достоверностью определяются только слова среднего рода, ибо окончание им. мн. *-а* свойственно только именам [1] среднего рода. Слово *ножницы* женского рода по своему суффиксу, неизвестному

[1] Слово «именам» в рукописи. очевидно, по описке опущено. (Р е д.)

в мужеском роде. Слово *помои* представляется нам мужеского рода, благодаря род. *помоев*, но по происхождению своему это слово женского рода. Синтактическое определение рода подобных имен невозможно потому, что слова определяющие (прилагательные, местоимения) во мн. числе утратили различие в роде. Особую группу составляют слова, означающие парные предметы: *глаза, бока, рога, уши, плечи, ноздри, колени*, устарелое *очи*.

3. Категория падежей.

Падежей, как мы видели, в склоняемых словах различается шесть. Но в некоторых именах мужеского рода в книжной, а частью и народной речи сохранились старые формы звательного падежа: *боже, отче, владыко, Иисусе Христе, господи*.

Много известно существительных, которые употребляются только в одном или двух-трех падежах. Такие существительные должны быть признаны (иногда в соединении с предшествующими предлогами) наречиями, ибо они потеряли главное свойство существительных, как слов определяемых; ср. *верхо́м* (существительное *верх* имеет твор. пад. *ве́рхом*), *кругом, гуськом, наизволок* («*я пошел на изволок*» у Л. Толстого), *на показ, на изнанку, на выворот, на распашку, в потьмах, в торопях, в сухомятку, в приглядку, в прикуску, на бекрень, без умолку*. Мы говорим *на тощак* вместо диалектического *на тощах*, где форма мести. мн. от прилагательного. Слово *даром* мы рассматриваем как наречие, потому что при *даром* в известном его употреблении не может быть определения. Точно так же наречием является *до́ма, молчком*. В народном выражении *по делом* сохранилась старая форма дат. мн. При *силком* известно простонародное *силом*, ведущее к слову мужеского или среднего рода, ср. *силомъ*, в адвербиальном употреблении, в совр. болгарском (напр. Извѣстия на семинара по слав. филология при унив. въ София, кн. III. с. 248). Особо отмечу некоторые фамилии, по происхождению оказывающиеся формами род. ед. или род. мн.: *Дурново, Петровых;* эти имена не склоняются, но и не сознаются как формы род. падежа.

Прилагательные с полным окончанием (*-ый, -ая, -ое* и т. д.), получившие значение существительных (большею частью благодаря пропуску определяемого имя существительного), склоняются вообще как прилагательные: *гостиная, крёстная, крёстный, ломовой, прохожий, нищий, взрослый, худое, Болгое, Красный, Толстой, жаркое*. Поэтому склонение таких существительных должно быть рассмотрено в отделе, посвященном прилагательным. Но прилагательные с именными окончаниями [(*-ъ*), *-а, -о;* (*-ь*), *-я, -е*], получая значение существительных, переходят в склонение существительных: ср. *царевна, королева, Николаевна, спальня;* сюда же имена городов на *-ск: Смоленск, Витебск, Кузнецк;* далее имена на *-в*, утратившие связь с притяжательными: *Киев, Глухов, Чернигов;* имена на *-ь*, как *Ярославль, Переяславль, Епифань* (в *Игумен* видим отвердение *н* в конце слова, ср. *башен*, вм. *башень*); также названия рек: *Десна, Шуя, Ельня*. Но многие прилагательные с именными окончаниями, ставши существительными, образуют некоторые падежи по склонению прилагательных —

или точнее сохраняют вообще именное склонение прилагательных: сюда относятся фамилии на *-ов, -ин*, если эти имена употребляются и как прилагательные притяжательные: *Борисов, Царицын*. Склонение этих имен существительных должно быть поэтому рассмотрено в отделе прилагательных.

Здесь вернусь к некоторым грамматическим категориям в именах существительных, обнаруженным предшествующими указаниями.

4. Категория одушевленности и неодушевленности.

Выше было указано, что кроме имен уничижительных и увеличительных на *-о* (*-е*) могут оканчиваться только те слова мужеского рода, которые обозначают существа одушевленные: *подмастерье, Серко, Карько, Ткаченко*. Следовательно, категория слов одушевленных грамматическим образом отделяется от категории слов неодушевленных. Можно думать, что средний род потерял вообще возможность определять живые существа и что все слова среднего рода, означавшие имена одушевленные, перешли в мужеский род; этим объясняется, быть может, и переход *теля, жеребя* в *теленок, жеребенок*. Только слово *дитя, дитятко* осталось среднего рода. Можем проследить указанную категорию и в других грамматических явлениях, а именно в склонении ед. и мн. числа слов мужеского рода и мн. числа слов женского рода. В мужеском роде вин. падежи ед. и мн. числа тождественны по форме с им. падежами только в словах, обозначающих нечто неодушевленное: *столы, дома, посты;* между тем в словах, обозначающих нечто одушевленное, вин. падежи ед. и мн. числа тождественны с род. падежами: я вижу *брата*, я согнал *голубей*. Исключений из этого общего правила вообще не имеется: *за муж* имеет наречное значение (ср. выше); наречными выражениями являются также и такие, как вышел в *люди*, отдан в *солдаты*, в *рекруты*, произведен в *офицеры, полковники*, пошел в *монахи* и т. п. Напротив, находим вин., сходный с род., от слов на *-атель, -итель*, как *числитель, знаменатель, множитель, делитель*, очевидно, под влиянием того, что вообще все слова на *-тель* означают имена лиц; говорят — поставить *идола*, сокрушить *идолов*, очевидно, вследствие представления об идоле как о живом существе. — В женском роде вин. ед. отличается в словах на *-а* от им.; по этой причине здесь не могло быть противоположения вин. над. одушевленных и неодушевленных, подобного тому, что в мужеском роде; под этим влиянием не создалось такого противоположения и в словах женского рода на мягкую согласную, где вин. совпадает с именительным (*дочь, мать, свекровь*). — Но вин. мн. женского рода совпадает во всех именах с им.; такого совпадения нет однако в именах одушевленных; в них вин. над. заменяется родительным: *я прибил собак, я позвал дочерей*. — В среднем роде совпадение винит. с им. замечается и в ед. и во мн. числе; словам среднего рода несвойственна замена вин. над. род., ибо кроме слова *дитя*, это все слова с неодушевленным значением (некоторые отвлеченные могут быть и конкретизированы); в силу этого вин. над. — *дитя, дитятко, лицо, божество, превосходительство*, во мн. — *лица;* но вообще, как мы видели, почти все слова одушевленные среднего

рода (кроме *дитя*) перешли в мужеский род. В словах мужеского рода на *-о, -е* вин. пад. ед. числа не может быть, в силу указанной причины, тождествен с им. пад.; он в одних случаях (когда слово на *-о* означает не личность) принимает окончание род. ед., напр. *запряги Карька́*, в других (когда слово на *-о* означает личность) принимает окончание, свойственное склонению слова на *-а: Ткаченку, Сидоренку, Михайлу;* это обстоятельство повело к тому, что имена лиц на *-о* вообще склоняются как слова на *-а*. Слова, как *телята, поросята*, получают в вин. мн. окончание род. в силу того, что по роду своему они принадлежат к словам мужеского рода (ср. *теленок, поросенок*): *телят, поросят*. Категория одушевленности и неодушевленности, согласно сказанному, свойственна только именам существительным; прилагательные, получившие значение существительных, если эти существительные мужеского рода, имеют в вин. пад. форму род.: *позовите городового*. Прилагательные определяющие, так же, как аттрибутивные местоимения и числительные, согласуются в падеже и в форме падежа; поэтому находим и здесь в мужеском роде при определении одушевленных в вин. пад. форму род. пад.: *я люблю своего брата, я видел многих высоких людей;* также в женском роде при вин. мн. одушевленных: *завел злых собак, купил молочных коров*. Только неодушевленные мужеского рода могут иметь в род. ед. окончание *-у;* одушевленные не имеют этого окончания.

Особо стоят местоимения вопросительные, как употребляющиеся самостоятельно, а не аттрибутивно: в них выражено различие одушевленных и неодушевленных: *кто?, кого?* относится к одушевленным, *что?, чего?* к неодушевленным. Личные местоимения 1-го и 2-го лица означают, конечно, исключительно одушевленные предметы (и именно лица); вследствие этого вин. и род. совпадают здесь в одной форме: *меня, тебя, нас, вас*, но местоимение 3-го лица заменяет не только личные имена, но также и названия предметов; в этом местоимении однако различение одушевленных и неодушевленных не удержалось; вин. пад. в одушевленных получил форму род., и эта форма заменила также форму вин. пад. неодушевленных: *я положил его* (камень), *я читал ее* (книгу), *я проезжал его* (село).

5. Категория лица и не лица.

По своему происхождению она древнее категории одушевленности и неодушевленности; это видно из того, что в словах на *-а* мужеского рода находим только имена лиц, а не животных (ср. позднейшее распространение мужеского рода на слово *собака* в украинск. и белорусск.); сопоставьте с этим и то, что в местоимениях личных и вопросительных категория лица имела исконно выражение. В современном языке категория лица имеет ограниченный круг распространения, расширившись (напр. в употреблении род. вместо вин.) в категорию одушевленности и неодушевленности. Тем не менее эта категория может быть определена и теперь; ср. только-что указанное обстоятельство — наличность в словах на *-а* только названий лиц мужеского рода: *воевода, тупица, умница, слуга, невежа, левша, зайка, замарашка*. При этом, как мы видели, имена лиц среднего рода на *-о*

переходят в своем склонении в склонение слов на *-а: Ткаченку*, от *Ткаченки* и т. д. Отметим кроме того замену окончания слов на *-ало*, означающих именно лиц, окончанием *-ала: обирала, объедала, оплетала, шагала, вышибала, подлипала.* Категорию лица находим еще в словах мужеского рода на согласную; так слова́ на *-ин* в ед. числе, если это *-ин* не повторяется во мн., означают только лиц мужеского полу: *гражданин — граждане, болгарин — болгаре, хозяин — хозяева, шурин — шурья* и т. д. Еще резче выражается эта категория во мн. числе: окончания *-е, -а* (неударяемое), *-ва* свойственны только именам лиц мужеского полу: ср. *граждане, бояре, римляне, хозяева, бояра;* также окончание *-ья́* (с ударением на *-я*): *мужья, друзья, кумовья;* окончание *-и* при основе на твердую исконно согласную точно так же является только в именах лиц: *черти, соседи* (склоняются дальше по аналогии слов как люди: *чертей, соседям* и т. д.); напротив, окончание *-ья* без ударения известно почти только от неодушевленных (исключения — *братья, холопья*); и также только в неодушевленных является окончание *-ы* с ударением (при неударяемости падежных окончаний в единств. числе): *пары́, сады́, ряды́, шаги́, духи́* (но *ду́хи*); единственным исключением является нерусское слово *пан: паны́; шуты́* является при *шута́, шуто́м.*

Категорию лица можно проследить еще в употреблении числительных *двое, трое, четверо:* они соединяются только с именами лиц: *двое мужей, трое друзей, четверо солдат,* также *двое детей;* имена женского рода, так же, как имена животных и неодушевленных, не могут иметь при себе таких числительных: *две женщины, два вола, три волка.*

6. Категория отвлеченности и конкретности.

Мы обнаружили эту категорию, определяя слова, не образующие мн. числа; только предметы, мыслимые как нечто конкретное, могут соединяться с представлением о числе и, следовательно, образовать мн. число; слова *красота, ясность, привлекательность* не могут соединяться с числительными; поэтому при них нет и множественного; но можно сказать «*Ты допустил две неосмотрительности*» в значении уже не отвлеченном, а в значении неосмотрительных поступков; поэтому возможно мн. число: *неосмотрительности.* Категория отвлеченности сказывается еще в нескольких грамматических явлениях. Так, они в противоположность конкретным охотно принимают в живом, разговорном языке окончание *-у* в род. мужеского рода, причем конкурирующее окончание *-а* в значительном числе случаев может быть отнесено насчет церковного, книжного влияния: *для виду, для запаху, для вкусу, со страху, сверху, снизу* (см. подробнее в отделе склонения слов мужеского рода). Те слова, при которых возможен счет (*два, три*), гораздо реже получают окончание *-у.* Отмечу еще, что все слова мужеского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*).

7. Категория единичности и множественности.

Некоторые понятия мыслятся нами только в ед. числе, не допуская множественного. Кроме рассмотренных отвлеченных и отмеченных ниже вещественных и собирательных, сюда относится ряд конкретных. Относительно состава конкретных слов, употребляющихся только в ед. числе, можно заметить, что он определяется прежде всего единичностью тех предметов или представлений, которые этими словами обозначаются; таковы, напр., имена собственные, означающие местности (города, реки), название стран света; сюда же относятся слова, представляющие во мн. числе другую основу или ассоциирующиеся с другим словом: *человек — люди, цветок — цветы;* сюда же, наконец, относятся и такие слова, которые во мн. имеют другой оттенок значения; *хлеб* означает более широкое понятие, или, точнее, имеет несколько значений, между тем как мн. *хлеба́* ограниченнее в своем значении и не покрывает слова *хлеб* (нельзя сказать: *вынула хлеба́ из печи*). Все эти слова мужеского рода объединяются в одной категории единичности, что можно заключить, напр., из того, что ни одно из них не может образовать род. над. на *-у* в современном литер. языке: ср. *из Рима, из Петербурга, из Кашина, из Пудожа* и т. д.; также — *дайте хлеба; с юга, с востока.* Единичность в словах на *-ин* выражается этим суффиксом; во мн. находим основу без *-ин* (образования, как *воины, литвины, мордвины, русины,* принадлежат к книжным и искусственным). Замечательно соединение подобных образований на *-ин* с числительными *два, три, четыре;* также — *два цветка, два человека, три человека* (даже *сто цветков, пять, десять, сто человек*). Ясно, что категория единичности не всегда исключает возможность мыслить те или другие единичные предметы в числе двух, трех и вообще многочисленных, но не допускает представления о них в неопределенном числе. Мы говорим: *пять дворян, сто бояр,* не *дворянинов, бояринов,* в силу унаследованного издревле словоупотребления. Замечу, что слова на *-ин* рассмотрены уже выше: как указано, в них сказалась также категория лица. — Повторю еще раз, что категория единичности не исключает считаемости: можно сказать: *в Росси́и два Кузнецка, две Десны, два Ростова, две Двины,* но мы не скажем: *Кузне́цки, Дви́ны.*

Слова, употребляющиеся только во мн. числе, pluralia tantum, особенно красноречиво доказывают наличность категории множественности-единичности. Оставляя в стороне названия городов, горных хребтов *(Карпаты),* видим, что остальные слова обозначают: а) сложное или составное орудие или предмет: *сани, щипцы, дрожки, ворота, клещи, мехи́, гусли, счёты, весы,* б) части тела: *уста, икры,* в) карточные масти: *червы, вини,* г) разделения времени: *будни, святки, сумерки,* д) название праздников, обрядов, служб: *крестины, именины, похороны, мефимоны.* К словам этой категории отнесены те формы мн. числа, которые в ед. числе являются с другими оттенками и мало употребительны; напр. *плоды, святые дары, пески,* а также слова, как *люди* (при *человек*), *дети* (при *дитя*). Слова, употребляющиеся только во мн., могут подлежать счету; но, как увидим в обзоре числительных, слово *один* получает при этом форму мн. числа, а

вместо *два, три, четыре, пять* и т. д. употребляются *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д.: *двое ворот, трое щипцов, у меня сегодня двое крестин.*

8. Категория собирательности.

Не будем смешивать ее с категорией множественности; слова с множественным значением разложимы на составные единицы; напротив, слова с собирательным значением обозначают собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое. Повидимому, в совр. русском языке эта категория имеет незначительное распространение сравнительно с древним: собирательные получили значение мн. числа; ср. *друзья, братья,* которые некогда были именами женского рода ед. числа; также *господа,* склонявшееся раньше — р. ед. *господы,* вин. *господу,* дат. *господъ* и т. д. Равным образом *листья, зубья, гвоздья* — это по происхождению формы им. ед. ср. рода, причем *листья* (фонетически вместо *листье*) склонялось: род. — *листья,* дат. — *листью,* местн. — *о листьѣ.* В определении Востокова: *листы* означает предмет в отдельности, или единицы, а *листья* совокупность предметов, собрание единиц. Собирательное значение сохранили слова, как *Русь, Мордва, Литва;* также слова на *-ство: множество, большинство;* равным образом слова, как *толпа, народ, ряд.* Только некоторые из этих слов могут образовать мн. число.

9. Категория вещественности.

Сюда относятся: 1) слова, употребляющиеся только во множ. числе: *дрова, сливки, соты, дрожжи, отруби, чернила, опилки, духи́,* 2) слова, употребляющиеся только в ед. числе: *мука́, соль, мед, масло, сено, вино, молоко, горох* и т. д. Как указано, мн. число является для обозначения разных сортов этих веществ: *иностранные вина, конопляное и подсолнечное масла.* Грамматически эта категория выражается в словах мужеского рода, употребляющихся в ед. числе: они образуют род. пад. на *-у: меду, воску, гороху, анису, изюму, винограду;* правда, и другие слова (напр. слова с отвлеченным значением) образуют род. с окончанием *-у,* но только вещественные могут иметь окончание *-у* под ударением: *табаку, коньяку, песку, нашатырю.*

10. Категория умалительности, уничижительности и увеличительности.

Мы видели уже при рассмотрении категории рода, что указанная категория определяется и фактами языка; существует именно связь между родом простого имени и произведенных от него слов с указанными значениями; связь эта нарушает ту зависимость рода от окончания, которую замечаем в языке (в силу этой зависимости, напр., иностранное *пальто* среднего рода). Так, мы знаем, что все неодушевленные на *-о* (*-е*) среднего рода; однако слова уменьшительные *башмачишко, домишко, голосишко* мужеского рода под влиянием *башмак, дом, голос*; также увеличительное — *попище,* уничижительное — *мужиченко*;

слова *ручища, ножища* [1], *головища* женского рода под влиянием *рука, нога, голова*. Так, местн. ед. *в уголку*, с таким окончанием, можно объяснить только влиянием со стороны *в углу*.

11. Общие замечания об основах имен существительных.

Укажу на несколько явлений, общих основам разных склонений. Сюда относятся: 1) осложнение основы в некоторых падежных формах звуками *о, е*, 2) изменения конечных согласных основы, 3) подвижность ударения в некоторых основах.

Основой называется неизменная в склонении часть того или иного слова. Как указано, принимая во внимание данное определение, основы современных склоняемых слов не тождественны с древними основами. Все основы имен существительных в совр. языке являются основами, оканчивающимися на согласные твердую или мягкую; как в тех, так и в других различаются основы мужеского, женского и среднего рода: *нос-, вод-а, князь-, бур'-а, гнезд-о, мор'-е*.

1. Во многих словах основа является в двояком виде: простом, оканчивающемся на ту или иную группу согласных, и осложненном, где группа согласных подверглась вставке гласной *о* или *е*; по своему происхождению оба вида восходят к одному первоначальному со звуком ъ или ь между согласными; мы знаем, что ъ и ь при одних условиях, а именно, когда в следующем слоге находился ъ или ь, переходили в *о* и *е*, а при других, когда в следующем слоге находилась гласная полного образования, опускались; вследствие этого и в корнях слов и в суффиксах возникали двоякие формы, причем в одних формах являлись звуки *о, е*, а в других они исчезали; такие звуки *о, е* можно по примеру школьных грамматик определять как беглые. Формы с беглыми *о, е* находим в им. и вин. пад. ед. числа мужеского и женского рода, оканчивавшихся некогда на ъ, ь: *день* (ср. *дн'а*), *рож* (ср. *ржи*), *сон* (ср. *сна*), *каток* (ср. *катка*); далее в род. мн. всех трех родов, также оканчивавшихся на ъ, ь: *турок* (ср. *турки*), *царевен* (ср. *царевна*), *писем* (ср. *письмо*); затем в твор. ед. женского рода, оканчивавшемся некогда на ѣю: *любов'ью* (ср. *любв-и*). Беглое *е* (откуда при известных условиях *о*) находим в сочетаниях *аіе, оіе* и т. д. в соответствии с *аі, оі*: *заіом- (заіма), шеіек-* (при *шеік-а*). В некоторых случаях беглость *о-е* не оправдывается этимологией, но явилась по аналогии случаев, где беглые *о, е* восходят к ъ, ь: *лёд* (ср. *л'ду*), *потолок (потолк-а), камен' (камн'-а)*, ср. в древнем языке ледъ, камене, в диалектах — *потолока*; иногда форма без беглой гласной переносится по аналогии в такие падежи, где беглая гласная требуется фонетикой: *причт — причта* (вместо *причет*), *Смоленск — Смоленска* (вместо *Смоленеск*). Напротив, по аналогии беглости *о, е*, восходящих к ъ, ь, в некоторых словах находим вставку *о, е* в группы согласных, этимологически не оправдываемую: *псалом (псалм-а), досок* (ср. *доск-а*), *замысел (замысл-а)*. Наконец, видим, что есть слова, где *о, е* удерживаются во всех падежных формах, несмотря на то, что, по своему происхождению из ъ, ь, подлежали бы выпадению: *чеснок — чеснока, челнок — челнока, чернец — чернеца* (при древнем черньца), *мох — мохом*

[1] В рукописи: *ручище, ножище*. (Р е д.)

(но также *мху*), *кузнец — кузнеца, гордец — гордеца*; сохранение *о, е* во всех случаях вызвано стечением согласных. Благодаря выпадению *ъ, ь* в одних формах, сохранению их в других, видим такие дублеты, как: *пришелец — пришел'ца* при *пришлец — пришлеца*. Ограничиваюсь этими немногими замечаниями о беглости *о, е* в основах имен существительных.

2. Согласные в конце основы подвергаются изменениям благодаря а) положению в конце слова, б) положению перед гласной переднего ряда. Положение в конце слова вызывает: а) переход звонких согласных в глухие *рот* (род. *род-а*), *княс' (княз'-а)*, *сапок* род. мн. и им. ед. (при *сапог-а*), *рош* (при *ржи*), *рып* (при *рыб-а*), *любоф'* (при *любв-и*); б) отвердение конечного *н'* в слоге неударяемом: *кухон* (при *кухн'а*), *башен* (при *башн'а*), *наковален;* в) диалектическое отвердение мягких губных: *кроф, любоф, голуп.*

Положение твердой согласной перед гласной переднего ряда или *j* вызывает: а) переход их перед *е* (из *ъ*) в соответствующие мягкие: на *стол'е* (при *стол*), в *вод'е* (при *вод-а*); при этом задненёбные переходят в мягкие средненёбные: *кулак'-е, ног'-е, горох'-е* (при *кулак, ног-а, горох*); б) переход задненёбных в мягкие средненёбные перед окончанием *-ы*, которое изменяется под влиянием предшествующей согласной в *-и: рук'-и, яблок'-и, мух'-и*; в) переход задненёбных *к, г* в *ч, ж* в случаях, как: *суч-ja* (при *сук-*), *крючья, ключья, батожья;* ср. еще *ж* вм. *г* в *боже*; г) переход задненёбного *г* в *з* в слове *друз-ia* при *друг* (раньше переход *г* в *з, к* в *ц, х* в *с*, и притом именно перед *ъ* и перед *и* из *ъ*, был общим законом, но позднее *з, ц, с* вытеснены этимологическими *к, г, х: руке* вместо *руць, други мои, волки* вм. *друзи, волци*). В книжном языке: *в бозе почивший.*

3. В отношении к ударению именные основы делятся на две группы: а) основы с неподвижным ударением, б) основы с подвижным ударением. Различие этих двух категорий зависело от известных звуковых явлений, имевших место частью еще в общеслав. праязыке, а частью еще в более отдаленную эпоху славяно-балтийскую: здесь долгие гласные (ā, ī, ū, ē, ȳ) и дифтонги имели двоякого рода долготу; одну из них называем экспираторною (или вслед за Фортунатовым длительною), а другую музыкальною (прерывистою); экспираторная долгота перетягивала на себя ударение с соседнего, ближе к началу слова, слога (краткого или с долготою музыкальною), между тем как гласные с музыкальной долготой так же, как и краткие гласные, этим свойством не обладали; вследствие этого, если ударение исконно падало на предпоследний слог с краткой гласной или гласной долгой с долготою музыкальной, то оно переносилось на окончание, если окончание имело экспираторную долготу; напротив, оно оставалось на основе, если окончание имело краткую гласную или гласную с музыкальной долготой: vódā переходило поэтому в vodá (ибо ā имело экспираторную долготу), но vódǫ в вин. сохраняло старое место ударения (ибо ǫ имело музыкальную долготу); rógā в им.-вин. двойственного переходило в rogā̀, а rógā в род. ед. сохраняло старое место ударения (ибо ā в им.-вин. двойственного имело экспираторную, а ā в род. музыкальную долготу). Вследствие той же причины гласная основы с экспираторной долготой перетягивала на себя ударение с окончания,

если гласная окончания была краткая или долгая с музыкальной долготой: sȳnъ́ переходило в sȳ́nъ, но sȳnȳ́ с ȳ в окончании вин. мн. экспираторно-долгим сохраняло свое наконечное ударение. Позднейшие ассоциативные явления в сильной степени видоизменили и осложнили указанные две первопричины подвижности ударения в склоняемых основах; мы находим (частью еще в общеслав. праязыке) передвижение ударения и при таких условиях, которые не могут быть прямо возведены к этим первопричинам: ср., напр., чередование ударений в *село́, села́, селу́* при им. мн. *сёла*, несмотря на то, что ā в selā *(сёла)* имело некогда экспираторную долготу, почему ему надлежало бы перетянуть на себя ударение с предшествующего слога. В виду того, что употребление тех или иных падежных окончаний (в особенности в словах мужеского рода) зависит от подвижности или неподвижности ударения основы, мне придется обращать ваше внимание на это свойство склоняемых основ и рассматривать состав слов с подвижным ударением при обзоре склонения по указанным выше отделам.

В виду выясненной причины подвижности ударения в некоторых словах, нам понятно, какие именно слова исконно не допускали подвижности в ударении: это, во-первых, слова с экспираторной долготою в предпоследнем и притом ударяемом слоге, а также слова с краткою или музыкально-долгой гласной в предпоследнем слоге, когда ударение слова исконно падало на окончания: *клин, сила; поп — попа́, тоска́*. Оставляя в стороне отношения, выясняющиеся для древнего языка, видим, что с точки зрения современного языка ударение неподвижно, когда оно в им. ед. женского рода на *-а* падает на первый слог двусложного слова: *липа, рыба, сила, тяжба, баба;* далее, когда оно в словах женского рода на *-а* и среднего рода падает в многосложном слове на предпоследний слог: *поляна, лопата, ворона, солома, колено, кобыла, копыто;* также в словах мужеского рода, когда оно в род. пад. падает на предпоследний слог многосложного исконно русского слова: *проро́ка, горо́ха, челове́ка;* далее в словах женского рода, когда ударение падает на начальный слог многосложного слова: *вы́ставка;* далее в словах женского рода на *-ость: мо́лодость, старость, радость.* Определение того, какие слова с неподвижным ударением имеют его на основе и какие на окончаниях, заводит в вопросы, выходящие из пределов русского языка в его историческом развитии. Отмечу только, что все сложные с предлогами слова имеют ударение на основе (или на предлоге): *наро́д, поро́ка, рассада, разма́х, нарост, посуда, и́згородь, за́говор, за́мок;* исключение составляют слова с подвижным *о, е*, как *замо́к — замка́, посо́л — посла́, наём — найма́*, а также слова *похвала́, помело́* (это слово с подвижным ударением: *поме́лья*). Все слова мужеского рода с ударением на окончаниях имеют конкретное (или вещественное) значение, кроме слов *грабёж, делёж, мятеж* и прочих на *-еж*.

12. Склонение единственного числа слов мужеского рода на твердую и мягкую согласную.

По происхождению своему объединяющиеся в одном общем склонении основы восходят: а) к старым основам на *-о: брат*, б) к основам на *-о* после согласной задненёбной, которой предшествовала глас-

ная переднего ряда, изменившая задненёбную согласную в свистящую простую или африкату: *отец* (отьць из **otiko-s*), *князь*, в) к основам на -jo: *край, муж*, г) к основам на -ŭ: *сын, дом*, д) к основам на -ĭ: *гость, лебедь*.

Падежные окончания ед. числа частью восходят к старому склонению на -о, частью же к старому склонению на -ŭ (окончания основ на -jo исчезли: напр. *-и* в местн. ед., ср., впрочем, ниже). Окончания эти следующие. Род. пад.: *-а* (из основ на -о), *-у* (из основ на -ŭ). Дат. пад.: *-у* (из основ на -о). Твор. ед. *-ом* (из основ на -ŭ, причем замена более древнего окончания *-омь* через *-ъмь* произошла еще в общерусском праязыке). Местн. ед. *-е* (на месте *-ѣ* из основ на -о), *-у* (из основ на -ŭ). Об окончании на *-и (о Василии)* см. ниже. Вин. пад. сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания, общие для всех слов мужеского рода (кроме слова *путь*), произносятся различно в зависимости от того, падает ли на них ударение или нет: род. -а, в неударяемом слоге *-ă*; дат. -ŭ, в неударяемом слоге -u; твор. -om, в неударяемом слоге *-ăm* после твердых согласных, *-ĕm* после мягких (на письме под ударением: *-ом, -ём, -ем*, в неударяемых слогах *-ом, -ем*); местн. -е, в неударяемом слоге *-ĕ*.

Из приведенных окончаний только окончание *-у* местн. ед. перетягивает на себя ударение в словах с ударением подвижным. Это обстоятельство приводит к определению следующего состава слов с подвижным ударением (все приведенные слова могут образовать или образуют всегда местн. ед. на *-у* с ударением на окончании, между тем во всех прочих падежах ударение падает на основу).

Указываю только те слова, которые в моем словоупотреблении имеют окончание *-у*.

гроб, дуб, зоб, шкап, дом, Дон, плен, быт, чан, бал, вал, мел, пыл, пол, бор, жар, пир, ветер, бред, вид, год, зад, лад, мед, пруд, род, ряд, сад, ход, чад, холод, перед, лет, мост, пот, свет, цвет, воз, глаз, таз, низ, вес, квас, лес, нос, бег, дол, круг, луг, мозг, снег, торг, шаг, берег, бок, век, крюк, сок, шелк, верх, дух, мех, пух, смех, бой, клей, край, пай, рай, строй, чай, хмель, хлев, остров, жир, сор, вечер, отпуск, смотр.

Кроме того видим перенос ударения на *-а* в род. ед. некоторых слов после числительных *два, три, четыре* и после слова *пол;* слова эти следующие: *шаг, раз, шар, час, ряд:* мы говорим *полчаса́*, два *шага́*, два *часа́*, так же два *раза́*, при два *ра́за*, три *шара́* (более обычно, чем три *ша́ра*). Окончание *-а* в этих случаях по происхождению не окончание род. ед., а им.-вин. двойственного, которое систематически перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением.

Многие слова колеблются в своем ударении: при род. *ша́ра* (*земного ша́ра*), *пло́да, пру́да, у́са, ба́са, та́за, ба́нта, кожу́ха, шу́та* (ср. в особенности *к шу́ту*), *жу́ка, со́кола* известно и *шара́, плода́, пруда́, уса́, баса́, таза́, банта́, кожуха́, шута́, жука́, сокола́* (я подчеркнул то ударение, которое свойственно моему словоупотреблению).

Как мы знаем, ряд основ мужеского рода является в двояком виде, с беглыми *о, е* и без этих гласных. Беглые гласные принимают

ударение на себя, если оно вообще падает на окончания: *отéц — отцá, висóк — виска́, костёр — кострá, наём — наймá*. Но в словах *ýзел, ýгол* ударение переносится не на беглые гласные, а на корень.

В связи с основами, имеющими беглые *о, е*, стоят и те основы, которые в им. над. оканчиваются на *-ий*. В чисто русских словах это окончание неизвестно; вместо него является *-ей: жеребей — жеребья, улей — улья*. Но в церковных именах при русском окончании *-ей* является церковное *-ий: Василей, Юрей* при *Василий, Георгий;* в церковном окончании выдерживается *и* также и в остальных падежах: *Василия, Василию, Василием*; в местн. ед. находим *Василии* (при *Васильe*). Итак, в именах собственных на *-ий* является окончание местн. ед. *-и*, неизвестное в русских словах.

Как указано, в род. и местн. ед. слова мужеского рода представляют по два окончания: одни из них *-а, -е* восходят к основам на *-о*, другие *-у, -у* к основам на *-й*. Остановлюсь на вопросе о распределении этих окончаний.

Родительный падеж. Окончание *-а* можно признать обычным и господствующим окончанием. В известном синтактическом употреблении формы род. над., а именно после числительных *два, три, четыре*, современный литературный язык знает исключительно окончание *-а: два года, три дома, четыре рода*. Род. над., как мы уже знаем, заменил здесь древнюю форму двойственного числа; это видно из ударения в таких случаях, как *два го́рода, два му́жа, три го́да* и т. д.; *го́рода, му́жа, го́да* по месту ударения формы род. над., в им.-вин. двойственного ударение основ с подвижным ударением переносилось на окончание: *города́, мужа́, года́;* ср. сохранение старого ударения в случаях выше указанных, как *два шага́, два раза́, два часа́, два ряда́*. Совпадение окончания *-а* им.-вин. двойственного с *-а* род. ед. повело к употреблению род. над. после числительных 2—4, а это закрепило окончание *-а* во всех словах, подлежащих счету. Напротив, слова, по значению своему не употреблявшиеся после числительных, укрепили за собой окончание *-у*. Слова эти двух категорий: 1) вещественные, 2) отвлеченные (см. ниже). Кроме того, исключительно *-а* имеют все слова, означающие живые существа, в том числе и имена собственные; нарицательные могут подойти под разряд слов, соединявшихся с числительными, но имена собственные требуют для своего *-а* другое объяснение. Дело в том, что исконно (еще в общеслав. праязыке) слова, обозначавшие лица, получали в вин. над. форму род. над., но окончанием, общим для обоих падежей, было исключительно *-а*, ибо употребление формы род. над. на *-у* в основах на *-й* для вин. над. было совершенно неизвестно, напротив, и здесь являлась в вин. форма *сына* при род. *сыну;* вытеснение окончания *-а* в род. слов, обозначающих лица и живые существа, вообще через *-у* стало невозможно именно вследствие того, что то же окончание *-а* было окончанием вин. падежа. Итак, для окончания *-а* определяются следующие области нераздельного господства: 1) слова, обозначающие живые существа, 2) конкретные слова, подлежащие счету. Но относительно господства *-а* в этих последних словах должна быть сделана следующая оговорка: там, где форма род. над. исконно совпадала с формой им.-вин. двойственного, вытеснение окончания

род. *-а* окончанием *-у* было невозможно; напротив, там, где форма род. пад., отличаясь по ударению от формы им.-вин. двойственного, не совпадала с ней, вытеснение окончания *-а* окончанием *-у* стало явлением обычным; первый случай имел место в словах с неподвижным ударением: *клина* род. ед. и им. двойственного, второй — в словах с подвижным ударением: вместо *го́рода* род. ед. (при *города́* им.-вин. двойственного) могло явиться *городу*. Таким образом, область конкретных слов, где господствует безраздельно окончание *-а*, ограничиваем так: 2) конкретные слова, подлежащие счету, с ударением неподвижным. Это объясняет, почему в современном языке совершенно неизвестно окончание *-у* в словах с ударением на окончании, если слово не имеет значения вещественного (*табаку, песку* и т. п.); ср. *куста́, конца́, креста́, холста́, сундука́, двора́, угла́, боба́, топора́* и т. д.

Из предыдущих замечаний выясняется, что область распространения окончания *-у* ограничивается теми группами слов, куда *-у* могло проникать, не встречаясь с безраздельным господством *-а*, следовательно, теми группами, где форма род. пад. не была тождественна с другим падежом (вин. ед. в именах, означавших живые существа; им.-вин. двойственного в конкретных с ударением неподвижным). Сюда относятся исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежавшим счету в составных своих частях: *народу, люду, товару, сору, бархату, перцу, супу, во́ску, мёду, са́хару, сыру, гороху, чаю, клею, мелу, дёгтю, песку́, табаку́, огню́, киселю́, миндалю́, фуражу́, коньяку́, мышьяку́*, также *льну, льду* (вместо древнего *ледý*); далее слова со значением отвлеченным (и потому счету не подлежавшие): *вкусу, счету, запаху, цвету, доходу, расходу, страху, жару, ходу, холоду, вздору, без умолку, крику, до зарезу, весу, от роду, с размаху, спросу, духу, слуху, шуму, мору, толку, до верху, с низу;* наконец, слова со значением конкретным при условии подвижности их ударения (многие из приведенных форм на *-у* только в соединении с предлогом): *Дону, из лесу, из дому, до́ дому, с часу, без году, с боку, и́з ряду, с возу, из носу, сряду, ни разу, сразу, ни шагу, с миру, с полу, от роду, с краю;* сюда же относится *и́зо рту;* в этом соединении форма род., потерявшая ударение, не совпадала с формой им.-вин. двойственного *рта*. Итак, определяются следующие группы с господствующим окончанием *-у:* 1) слова со значением вещественным, 2) слова со значением отвлеченным, 3) слова конкретные с подвижным ударением.

Однако полное господство *-у* видим только в первой группе. Но и здесь необходимы оговорки. Если счету подлежат сорта того вещества, которое обозначается одним из рассматриваемых слов, то употребляется форма на *-а*, как форма исключительно господствующая при счете: *два разных табака́*. Слово *о́вёс* по причине неясной не образует *овсу*, а только *овса* (влияние слов как *про́са, пшена́?*). Слово *хлеб* имеет *хлеба* потому, что означает не только вещественное понятие *(у нас нет хлеба)*, но и конкретное *(подали два хлеба)*. Ср. употребление *сыра* при счете: *два сыра*. Также *народа: два народа*. Вообще индивидуализация или конкретизация вещественных понятий ведет за собой появление окончания *-а: лес состоит из ельника* и *березника, очистить лес от хвороста, он вышел из простого народа,*

предание русского народа (ср. Востоков). Сюда же такое словоупотребление: *свойство сахара, пряность аниса, перца* (но возможно и: *вкус коньяку, запах табаку*).

Во второй и третьей группе окончание *-у* не только чередуется с окончанием *-а*, но и вытесняется им. Вытеснение *-у* во второй группе обязано двум причинам: во-первых, влиянию книжного языка, упорно державшегося старого окончания *-а;* ср. *страха* ради Иудейска, *блеска, срама, разврата, возврата* (а под этим влиянием: *доклада, отпуска, смеха* и т. д.). Во-вторых, еще тем, что окончание *-у* не вытесняло вообще окончания *-а* в форме, сопровождаемой определяющим словом: *для виду,* но *для одного вида, от расходу,* но *от большого расхода;* это обстоятельство вело к тому, что слова отвлеченные, более тесно определенные, так сказать, индивидуализированные, систематически стали удерживать *-а: этого вида я не забуду, от этого вкуса, зеленого цвета, от постоянного расхода* и т. д. Вытеснение *-у* в третьей группе обязано тем же двум причинам, но также еще и третьей, а именно употреблению формы на *-а* при счете: *два носа́, ряда́, бока́, года́* и т. д. вытеснены формами *два но́са, ря́да, бо́ка, го́да* и т. д.; эти формы содействовали утрате форм *но́су, ря́ду, бо́ку, го́ду* в родительном, и последние, как мы видели, сохранились отчасти только в положении после предлогов. В современном литер. языке нет ни одного слова с конкретным значением, которое не могло бы образовать формы род. пад. на *-а;* и, напротив, параллельные формы на *-у* все более утрачивают под собою почву.

Местный падеж. Употребление обоих окончаний *-е* и *-у* гораздо строже разграничено, чем употребление обоих окончаний *-а* и *-у* в род. Обычным окончанием местн. ед. является *-е;* нет слова, которое бы не могло образовать в местн. пад. формы на *-е*. Но при этом форма местного падежа является в двояком виде в зависимости прежде всего от предшествующего ей предлога.

После предлогов *о (об), при* господствует, и притом исключительно, форма на *-е: об угле, при саде, о береге, о верхе, о рте, о рае, при бое* и т. д. Возможно, однако, что слово *полк* образует *полку* в соединении с предлогами *о, при*. После предлогов *в, на* в большей части слов держится окончание *-е*. Но в некоторых группах слов находим окончание *-у*. Это окончание имеет всегда на себе ударение, причем переносит его на себя, если другие окончания в склонении являются без ударения.

Окончание *-у* в местн. ед. находим: 1) во многих словах с подвижным ударением: *в гробу, в зобу, на дому, на Дону, в чану, на балу, на пиру, в ряду, на ходу, в цвету, на весу, на носу, на бою, в раю* и т. д. (все эти слова перечислены выше), 2) в некоторых словах односложных в местном падеже: *во рту́, на лбу, на льду, во мху, на дню,* 3) в следующих словах с неподвижным ударением на окончаниях: *в полку́, в посту́, в углу, на плоту́, в уголку* (возможны также, но моему словоупотреблению они чужды: *в песку, в узлу, в полону́,* ср. рядом *в песке, в узле;* слово *полон* вышло из употребления), 4) в наречных выражениях: *на яву, на скаку*.

Многие из этих слов образуют и формы на *-е*. Так, мне, напр., возможно сказать: *в дому* и *в доме, на балу* и *на бале, на холоду*

и *на холоде*, *в цвету* и *в цвете* (только *в цвете лет*), *в глазу* и *в одном глазе*, *на весу* и *убавил в весе*, *в квасу* и *в квасе*, *в посу* и *в посе*, *в кругу* и *в круге моих знакомых*, *на веку* и *в I веке*, *на верху* и *на верхе дерева*, *на смеху* и *в его смехе*, *на острову* и *на острове*, *в жиру* и *в жире*, *в вечеру* и *на вечере*, *в отпуску* и *в отпуске*, *в чаю* и *в чае*, и др. Я говорю только *в пóгребе*, *в тереме*, хотя известны и формы *в погребý*, *в теремý*. При этом бросается в глаза еще и следующее обстоятельство: определяемая форма местн. ед. чаще имеет окончание *-е*, чем неопределяемая; частью это видно из приведенных примеров, хотя необходимо заметить, что окончание *-у* известно и в определяемой форме: *в платяном шкапу*, *на моем веку*, *в высшем кругу*, *в великом посту*. Ср. еще *в моем доме*, *в деревянном гробе*, *на его глазе*.

Скажу несколько слов о происхождении чередования окончаний *-е* и *-у* в местн. падеже. В основах на *-о* было искони известно окончание *-ъ* (переходившее в *-и* после мягких согласных в основах на *-jo*; в основах на *-й* было окончание *-у*. Оба окончания имели некогда длительную долготу и потому перетягивали на себя ударение в словах с подвижным ударением: род. — *сáда*, местн. — **садѣ́*; род. — *дóму*, местн. — *домý*. Но в основах на *-о*, а также вероятно и в основах на *-й*, с течением времени, впрочем, еще в общеславянском праязыке, произошла оттяжка ударения в форме местн. ед. в словах с подвижным ударением; эти слова только в местн. ед. переносили ударение на окончание; влияние ударения других падежей имело последствием перенесение ударения на основу и в местном: *сáдѣ* вместо **садѣ́*. Но после предлогов *въ* и *на* сохранилось старое место ударения, вследствие, быть может, тесного соединения формы местн. ед. с этими предлогами; мы увидим, что такая же оттяжка ударения, вызванная такою же причиной (влиянием других падежей), замечается в местн. ед. слов женского рода на *-ь* (как *речь*, *часть*), причем старое место ударения сохранилось в формах, следующих за предлогами *в*, *на* (я говорю *о ночи*, *о речи*, *о крови*, но *в ночи*, *в речи*, *на крови*). Под влиянием основ на *-й* в основы на *-о* проникало окончание *-у* в местн. ед.; но сохранилось такое *-у* вообще только там, где форма местн. ед. отличалась от формы дат. ед. В древнем языке, напр., находим *на холму*, *во льну*, *в обыску*, *в Смоленску*; но в современном исчезли все те формы местн. падежа на *-у*, которые по звуку тождественны с дат. пад.; остатками старого словоупотребления оказываются приведенные выше односложные формы, а также местные падежи, как *в полкý*, *в постý*, *на плотý*, *в полонý*; *углý* при им. *úгол* предполагает существование ударения *úгла*, *úглу* в дат., а это узаконивает *углý* в местном; *в уголкý* под влиянием *в углý*. Впрочем, данные древнего языка свидетельствуют о том, что самое распространение окончания *-у* насчет *-е* задерживалось там, где форма местн. на *-у* совпала бы с формой дат. ед.; но зато в древнем языке имелись условия, благоприятствовавшие распространению *-у* вопреки указанным задерживающим началам, а именно окончание основы на задненёбную согласную; в совр. литер. языке это условие устранено совсем, и в полную силу вступили задерживающие начала.

Замечательно, что названия одушевленных предметов не знают совсем окончания *-у*. Это объясняется тем, что такие названия могли приходить в соединение с предлогами *в, на* только случайно, в единичных случаях; ср. *в вóроне, в вóлке, на вóре, в бéсе* и т. д.

О некоторых особенностях отдельных слов. Слово *день* обычно склоняется так же, как рассматриваемые основы на твердую и мягкую согласную; но в литературную речь проникают и формы, образованные по другому склонению (ср. слово *путь*); так, находим *двá дни, трú дни* вместо *два дня, к Петровý дни, от Петровá дни*. То же в склонении слова *рубль: двá, трú рубли*. — Слово *господь* имеет при себе зват. форму *господи;* все остальные падежи образуются от основы *господ-:* род. — *господа*, дат. — *господу* и т. д. — О том, что имена мужеского рода на *ий*, как *Василий, Георгий*, образуют местн. ед. на *-ии*, см. выше. — О звательном ед. *боже, Христе, отче* см. выше. Слово *Христос* в других падежах имеет основу *Христ-*.

13. Склонение единственного числа слова *путь*.

Слово *путь* оказывается единственным из многочисленных слов мужеского рода с исконной основой на -Ĭ, которое в ед. числе сохранило старые формы склонения; остальные слова перешли в склонение основ на -о, -jо (напр. *гость, лапоть*); некоторые слова сохранили свои формы склонения, но зато перешли в женский род (и образовали в твор. над. форму на *-jу* вместо *-ем*); сюда относятся, напр., *печать, корь, гортань*. И слово *путь* в народном языке получает женский род.

Слово *пут'* склоняется так: род. — *путú*, дат. — *путú*, вин. — *пут'*, твор. — *путём*, местн. — *путú*. Итак, ударение во всех падежах на окончании. — О формах *дни, рубли* сказано выше.

14. Склонение множественного числа слов мужеского рода на твердую согласную, кроме *ш, ж*, и на *-й* (окончание именительного множественного: *-ы, -ы́, -á*).

Основы, получающие такое склонение, те же, что рассмотренные выше в склонении ед. числа; но из основ на -jо сюда относятся только те, которые в им. ед. оканчиваются на дифтонг с *-й* (*край, бой, воробей* и т. д.); старые основы на -Ĭ исключаются отсюда совсем. Отличием рассматриваемого склонения от склонения основ на мягкую согласную является окончание род. мн.: здесь находим *-ов, -ев* (*-ъ*), там *-ей*.

Падежные окончания мн. числа только отчасти восходят к старому склонению мн. ч. основ на -о, -jо; в им. мн. находим кроме того окончания, восходящие к двойственному числу мужеского рода, а также к им. ед. собирательных слов женского и среднего рода; в дат., твор., местн. находим окончания, заимствованные из основ женского рода на -а. Окончания эти следующие.

Им. мн.: *-ы, (-и), -а*. Род. мн.: *-ов* (*-ев*, т. е. jаf в неударяемых слогах после гласных и мягких согласных), *(-ъ)*, точнее отсутствие всякого окончания. Дат. мн.: *-ам*. Твор. мн.: *-ами*. Местн. мн.: *-ах*. Вин. над. мн. числа сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания в зависимости от фонетических условий, как отчасти указано в скобках, получают различное произношение. Звуку *-ы* в им. после твердых согласных соответствует звук *-и* после *j(i)*: *столы*, но *бо́ји, ча́ји, воробји́*; вместо *-ы* находим *-и* также после *k, г, х*: *волки, полки*. Звук *-а* известен только под ударением: *города́, кра́ја*. Окончание *-ов* произносится под ударением как -of, в неударяемых слогах как -ăf, после *j* находим в ударяемых слогах также -of, а в неударяемых -ăf: bojof, bratjăf. Окончание *-ам* дат. мн. под ударением -am, в неударяемых слогах -ăm. Окончание *-ами* твор. мн. под ударением -ámi, в неударяемых слогах -ămi. Окончание *-ах* местн. мн. под ударением -ах, в неударяемых слогах -ăх.

Во мн. числе резко различаются основы с неподвижным ударением (на корне или окончаниях) и основы с подвижным ударением. Эти последние могут иметь ударение на окончаниях или во всем склонении, противополагаясь ед. числу, где ударение на корне, или только на окончаниях род., дат., местн., между тем как им., вин. мн. имеют, как и формы ед. числа, ударение на корне. Таким образом, в словах с подвижным ударением различаются две группы: в первой ударение переносится на окончания им. мн. *-ы* и *-а*, во второй ударение не переносится на окончание им. мн. *-ы;* объединяются обе группы тем, что ударение переносится в той и другой на окончания, начиная с род. мн. Определение подвижных основ предлагается ниже при рассмотрении соответствующих окончаний им. мн. При этом оказывается необходимым различать следующие три окончания: *-ы (-и)*, перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением, *-а*, всегда имеющее на себе ударение, *-ы*, не перетягивающее на себя ударения в словах с подвижным ударением.

Именительный падеж множественного числа на *-ы (-и)*, перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Это окончание надо признать господствующим; правда, его можно отличить от *-ы*, не перетягивающего на себя ударения, только в словах с подвижным ударением, но сопоставление слов, употребляющих то или другое окончание, доказывает, что первое из них (*ы*, перетягивающее ударение) свойственно преимущественно неодушевленным, между тем как второе (*ы*, не перетягивающее ударения) преимущественно одушевленным. В виду этого *-ы (-и)* в словах с неподвижным ударением одушевленных не отношу к рассматриваемому теперь окончанию. Это окончание по происхождению окончание вин. мн. числа; замена древнего окончания им. мн. *-и* окончанием вин. мн. *-ы* в словах, означающих неодушевленные предметы [1], принадлежит к одним из ранних явлений в области русского склонения; произошла эта замена под влиянием того, что падежи им. и вин. мн. совпадали в склонении основ женского и среднего рода, а также и того, что эти падежи совпали в одной общей для всех родов форме в словах определяющих (прилагательных, местоимениях и т. д.); кроме того особенное значение при замене окончания им. мн. окончанием вин. мн. имело и то обстоятельство, что в ед. числе слов мужеского рода, обозначающих одушевленные предметы, им. и вин. падежи имели

[1] Слово «предметы», очевидно, по описке, в рукописи опущено. (Ред.)

одну общую форму *(воз — воз, дом — дом)*. В словах с основой на *-ъ*, а также с основой на *-й (-і)* находим окончание *-и* (которое после *ъ* перешло в *ы*); это *-и* заменило окончание *-ѣ* под влиянием окончания *-ы* после твердых согласных. Примеры для окончания *-ы* в словах с неподвижным ударением: *столбы, посты, хвосты, плоды, дворы, суды, животы; доходы, размеры, заводы, товары, запосы, выступы, пожики; венцы, пай, лишай.*

Окончание вин. мн. *-ы* имело некогда экспираторную долготу; вследствие этого ударение слов с подвижным ударением переносилось на это окончание. Вот почему окончание им. мн. на *-ы (-и)* в словах с подвижным ударением имеет на себе ударение. Перечислю слова с подвижным ударением, имеющие окончание *-ы (-и)*; это перечисление необходимо потому, что слова с подвижным ударением могут иметь еще и другое окончание *-а*:

балы́, боры́, бои́, валы́, верхи́, весы́, дары́, долги́, дубы́, духи́, жары́, жиры́, зады́, зобы́, квасы́, круги́, лады́, миры́, меды́, мозги́, мехи́, носы́, низы́, паны́, пуки́, пупы́, полы́, пары́, пуды́, переды́, раи́, рои́, ряды́, разы́, сады́, склады́, слои́, сыры́, торги́, фунты́, хлевы́, цветы́, часы́, чаны́, чины́, чаи́, шаги́, шелки́, шкапы́.

Итак, это все двусложные слова (трехсложно только *переды́*, но и оно исконно было двусложно: *перед* из **пердъ*). Повидимому, они могут быть распределены на три группы. К первой относим те, которые вообще не употреблялись при счете, не могли, следовательно, образовать двойственного числа и таким образом получить окончание *-а* (проникшее, как увидим, из формы им.-вин. двойственного числа). Сюда относятся слова с вещественным значением: *меды, чаи, шелки, жиры, квасы, сыры;* далее слова, употребляющиеся только во мн. числе: *цветы* (ед. число — *цветок*), *весы* (*вес* в другом значении), *мозги* (*мозг* стоит отдельно), *переды* (ед. число *передок*), *зады* (ср. *на задах, твердить зады*, где *зад* не стоит в прямой связи с ед. числом *зад*), *верхи* (то же), *низы* (то же), *лады́, лады́, мехи́, склады́, круги́, духи́; жары* (в спец. значении, ср. ед. число *жара́*), *полы* (имеет то же значение, что ед. *пол: полы в этой комнате не годятся*), *торги́* (при счете не употребляется), *долги́* (то же). Сюда же относятся *часы́, разы́, шаги́, ряды́*, ибо *часа́, раза́, шага́, ряда́* не получили значения мн. числа, а употребляются только при числительных *два, три, четыре*. Слова *пуды, фунты* можно признать редко употребляющимися во мн. ч., ибо при счете употребляются или *пуд*, или *пуда*, или *пуд, пудов* (после числительных). Ко второй категории относим книжные и новые слова, как *шкапы, балы, паны* (польск.), *раи, слои*. К третьей категории относятся: *сады, чины, миры, пиры, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады* (последние три слова в других значениях, чем выше). В первых двух категориях появление *-ы* вместо ожидаемого *-а* понятно (ср. или их книжный характер, или отсутствие возможности сочетать их с числительными 2, 3, 4). В третьей категории *-ы* непонятно, если не предположим, что мы имеем здесь дело со старой формой двойственного числа от исконных основ на *-ъ*; *два сады́, три сады́* и т. д. укрепляло за *сады́* значение им. мн., как *два года́, три года́* вызывало в форме *года́* значение им. мн. — В некоторых словах замечается колебание: *возы́, воза́, хлевы́* и *хлева́* (у Востокова *хлева́*, но *хлевы́*).

Именительный падеж мн. числа на *-а*, имеющее на себе всегда ударение. Окончание *-а*, согласно только что сказанному, надо признать обычным и правильным окончанием им.-мн. слов с подвижным ударением. Все слова с подвижным ударением должны образовать им. мн. на *-а*. По происхождению это окончание им.-вин. двойственного; оно исконно имело длительную долготу и, следовательно, перетягивало на себя ударение; из сочетаний с числительными *два* формы двойственного числа переносились и в положение после числительных *три, четыре: два города́, топора́, три города́, три топора́*. Совпадение формы двойственного числа с формой род. ед. в части слов (в словах с неподвижным ударением), в связи с утратой самой категории двойственного числа, привело к синтаксическому употреблению после числительных 2—4 формы род. пад. ед. числа: *два го́рода, топора́, три го́рода, топора́;* замена словоупотребления *два, три города́* словоупотреблением *два, три го́рода* привела к тому, что, во-первых, такие сочетания, как *два, три города́*, исчезли совсем, во-вторых, форма *города́* получила значение мн. числа. С предложенным объяснением согласно то, что слова с неподвижным ударением не могут образовать мн. на *-а* (ибо в них форма на *-а*, по происхождению форма двойственного числа, была по звуку [1] тождественна с формой род. пад.).

Слова, имеющие окончание *-а́* в им. мн., распределяю по следующим трем группам:

1. Слова двусложные или трехсложные вследствие полногласия: *боро́в, берег (брег), бок, ворох, год, город, век, ветер, дом, желоб, глаз, короб, голос, край, луг, лес, мех, рог, снег, стог, терем, хлеб, цвет*. Быть может, сюда же *хлева́* (как у Востокова); также употребительны *раза́, волоса́, воза́*.

2. Слова трехсложные и многосложные; в них ударение, вероятно, перенесено с предпоследнего слога, гласная которого (краткая или прерывисто-долгая) не могла удержать на себе ударения:

жерно́в, счет, погреб, откуп, о́корок, порог, пояс, вечер, повар, остров, пристав, потрох, я́стреб, колоко́л, шелеп, образ. Востоков дает еще: *возраста́*.

3. Иноязычные слова, разновременно заимствованные и подчинившиеся аналогии указанных трехсложных слов; во всех этих словах ударение не на предпоследнем слоге:

парус, купол, сорт; корпус, шампол, орден, ситец, паспорт, ордер; мастер, кучер, катер, кивер, вахтер, доктор, ректор, профессор и пр., *мичман, флагман*. Что до *офицера́*, то *офице́р* отступает от указанного правила об ударении; быть может, надо допустить в старшем языке *офи́цер*, как заимствованное из польского.

Совершенно отдельно стоит *рукава́*, так как *рука́в* имеет неподвижное ударение на окончаниях; здесь видим явный остаток двойственного числа (ср. украинск. *рука́ва* с перенесенным ударением). Без сомнения, со значением двойственного числа употреблялись и слова *глаза́, рога́, бока́* как означающие парные предметы.

---

[1] Т. е. по месту ударяемости (при одинаковой флексии род. ед. и им.-вин. двойственного числа). (Ред.)

Большая часть приведенных слов может образовать им. мн. на *-ы* (без ударения); вероятно, подобные формы представляют книжные образования: *сто́ги, сне́ги, ве́хи, о́бразы, го́ды, жерновы, отку́пы, паруса́, поясы́;* это относится в особенности к иноземным, как *мастеры, профессоры, ордены.* Но особо должны быть оговорены: *ро́ги* (напр. охотничьи), *хле́бы* (с другим значением, чем *хлеба*); о них скажу ниже. — О некоторых параллельных образованиях на *-ы* ударяемое, как *цветы́, разы́, мехи́*, сказано выше.

Именительный падеж множественного числа на *-ы*, не перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Отличить окончание *-ы*, не перетягивающее на себя ударение, от *-ы*, перетягивающего ударение, можно, конечно, только в словах с подвижным ударением. Поэтому поговорим сначала о них, а затем перенесем полученный вывод и на слова с ударением неподвижным. Сначала укажу на те слова с им. мн. на *-ы*, которые с большею или меньшею вероятностью можно признать книжными, представляющими церковнославянское или искусственное ударение, а потому не подлежащими нашему рассмотрению.

Это

гробы (ср. *гроба́*), *громы, долы, домы* (ср. *дома́*), *дубы́, виды́, грады́, слоги́, веки* (ср. *века*), *соки́, снеги* (ср. *снега*), *стоги* (ср. *стога*), *цехи, годы* (ср. *года́*), *роды́, клубы́, сорты́, ветры́.*

Остальные слова делятся на две группы:

1. Слова, означающие одушевленные предметы: *волки́, боги́, бесы́, трусы́, моты́, плуты́, воры́, духи́.*

2. Слова: *волосы, зубы, роги́, хлебы, бо́ки (руки в бо́ки).*

Что до слов второй группы, то они имеют при себе и другие образования в им. мн.: *волоса* (и *волосья*), *зубья, рога, хлеба;* последние три слова отличаются по значению от *зубы* (*зубья* у пилы), *роги* (*рога* у коровы), *хлебы* (*хлеба* в поле); повидимому, множ. на *-ы* индивидуализирует их значение: *волоса, зубья, рога, хлеба* не означают нескольких волос, зубов, рогов, хлебов, а имеют или собирательное или парное значение. И это значение слов *зубы, роги* сближает их со значением множ. в словах одушевленных. Обращаясь к окончанию *-ы* в одушевленных, видим, что выводить его из вин. мн. невозможно; этому препятствует ударение; кроме того при давнем стремлении давать в вин. мн. одушевленных форму род. мн., непонятно было бы, каким образом форма вин. мн., сравнительно редкая, могла вытеснить форму им. мн., тем более, что в ед. числе формы им. и вин. пад. отличались по форме. В виду этого принимаю, что *-ы* в *бесы, моты* и т. д. не есть окончание вин. мн. этих слов; *-ы* заменило окончание им. мн. *-и* под влиянием господствующего в других словах окончания *-ы* (по происхождению окончания вин. мн.); но при переносе этого окончания сохранилось древнее место ударения. Подтверждение такому объяснению, тому, что им. мн. слов, означающих одушевленные предметы, сохраняли окончание *-и* дольше, чем неодушевленных, вижу в том, что некоторые слова мужеского рода сохраняют окончание *-и* до сих пор (причем переходят в другое склонение): *черти, соседи.* Что до форм, как *зуби, волоси, рози* (отсюда *роги*), *хлеби*, то, повидимому, эти формы в известную эпоху жизни русского языка сохраняли

значение нескольких зубов, рогов, волос, хлебов, между тем как формы *зубы́, волосы́, хлебы́* (по происхождению формы вин. мн.) означали совокупность зубов, волос или получили значение собирательное (ср. замену их через собир. *зубья, волосья*), *рога* означало пару рогов; формы *зубы́, волосы́, хлебы́* сменились через *зубья, волоса* или *волосья, хлеба*, а *зуби, волоси, хлеби, рози* через *зубы, волосы, хлебы, роги* (ср. *духи, волки, воры* вм. *дуси, волци, вори*).

Из того обстоятельства, что *-ы* в *бесы, трусы* и т. д. обнаруживает иное происхождение, чем *-ы* в окончании неодушевленных, можно заключить, что иное происхождение имело *-ы* и в одушевленных также с неподвижным ударением, т. е., что, напр., в *игумены, приказчики, греки, попы́, мужики́* — *-ы* (*-и*) заменило окончание им. мн. *-и*.

Родительный падеж множественного числа на *-ов* (*-ев*). Обычным окончанием род. мн. при им. мн. на *-ы* (*-и* после *к, г, х*), на *-а* является *-ов: возов, волков, городов*. Поэтому отношу к рассматриваемому склонению и такие слова, как *чаи, рои, края*; в род. они оканчиваются на *-ов*: *чаёв, роёв, краёв*. Во всех словах с подвижным ударением *-ов* имеет на себе ударение; мы находим ударяемое *-ов* не только при формах им. мн. на *-ы* (*-и*), *-а* ударяемое, но также и при им. мн. на *-ы* (*-и*) неударяемое: *волков, бесов, трусо́в* (так у Востокова; я говорю *тру́сов*), *богов, хлебо́в, рого́в, зубо́в* и т. д. Причиной перенесения ударения на *-ов* было, как кажется, то обстоятельство, что *-ов* произносилось с долгим *о*, удлинившимся вследствие отпадения после *в* звука *ъ*: ср. указанный выше переход *ка́мень̂е* в *каме́нье* в связи с удлинением *е*, вызванным выпадением звука *ь̂*.

Родительный падеж множественного числа без окончания. Такие формы встречаются вообще крайне редко и представляются архаизмами, остатками древней эпохи, когда именно такое образование род. мн. было обычным (древним окончанием род. мн. было *-ъ* в основах на *-о*, а окончание *-ов* свойственно основам на *-й* и из них уже на почве русского языка переносилось в основы на *-о*). При этом выясняются две группы слов с таким образованием род. мн.: 1) слова, часто употребляющиеся при счете и сохраняющие древнюю форму род. мн. после числительных *пять, шесть* и т. д., а также после слов, как *несколько, много*; сюда относятся *аршин, раз, человек*; многие употребляют в род. мн. также еще форму *пуд*; в старинном языке также *алтын* (слово, вышедшее из употребления); 2) многосложные слова, означающие одушевленные предметы, лица, как: *гренадер, драгун, кадет, солдат, турок*. Как указано выше, одушевленные сохраняли в им. мн. окончание *-и* дольше, чем неодушевленные. Быть может, окончание *-ов*, ассоциировавшееся именно с окончанием им. мн. *-ы*, не так легко проникало в слова с окончанием *-и* в им. мн. (понятно, что приведенные иностранные слова подчинялись аналогии своих русских слов). Та же причина удерживала при им. мн. *во́лоси* (выше было указано, как долго держалась эта форма) род. мн. *воло́съ* (ударение *воло́съ* при *во́лоси* зависело от различного качества ударения на сочетания *ол*; *ол* имело ударение нисходящее, но в слоге перед выпавшими *ъ, ь* нисходящее ударение переходило в восходящее; ср. с этим выше: *чере́нья, чере́пья, коло́сья, поло́зья* при *че́рен, че́реп, ко́лос, по́лоз*). Та же причина могла удерживать форму *глаз* при предполагаемом **глази*

(на **глáзи* указывают некоторые диалектические формы, как *глазёх, глазём, в глазях*), существовавшую при двойственном *глазá*. Та же причина могла удерживать форму *сапог* при им. *сапози́* (откуда *сапоги́*), долго державшуюся при двойственном *сапогá* (ср. двойственное число от этого слова в еванг. тексте). Следовательно, та же причина может быть предположена и для *чулок* при им. **чулци* (откуда *чулки*); значение слова *чулок* позволяет допустить наличность формы двойственного **чулка* при более редком мн. **чулци*. Формы *вóлоси, *глáзи, сапози, *чулци* держались, не заменяясь формами *волосы́, глазы́, сапоги́, чулки́*, так как означали собрание нескольких предметов (выделенных из совокупности или из парности волос, глаз, сапог, чулок). Таким образом значение им. мн. на *-и* в именах лиц (*соседи, черти*) и в таких словах, как *волоси, зуби*, объясняется представлением о собрании индивидуальных лиц или предметов и противополагается значению мн. числа, поглощающего единицы: такое значение в словах со значением неодушевленных развивалось, повидимому, только там, где существовало от них мн. число со значением собирательным или парным.

Окончание дательного, творительного, местного множественного числа. Эти окончания *-ам, -ами, -ах* заимствованы из основ женского и мужеского рода на *-а*; они заменили старые окончания *-омъ, -ы, -пхъ*. По общему правилу ударение падает на эти окончания тогда, когда ударение падает на окончание род. мн. *-ов* (см. выше при род. мн.): *богáм, хлебáм, волкáм*.

Замечания о некоторых группах слов. Слова на *-ёнок* образуют им. мн. на *-ята*. Сюда относятся те слова, которые в древнем языке оканчивались в им. ед. на *-я* и представляли во всех других падежах основу на *-ят*: древние *теля, порося, жеребя, козля* и т. д. перешли в *телёнок, поросёнок, жеребёнок, козлёнок*; но эта новообразованная основа удерживается только в ед. числе, во мн. продолжала существовать старая основа, склонявшаяся в среднем роде: *поросята, ребята, козлята*. Понятно, что теперь и эти формы мн. числа под влиянием формы ед. числа перешли в мужеский род. Реже образования на *-енята*: *бесенята, чертенята*. Неправильная форма *бурята* вместо *буряты*, проникающая в газеты, обязана аналогии слов, как *ребята, котята*.

Замечания об отдельных словах. О формах *черти, соседи, холопи* сказано выше; о них скажем и ниже. Слово *друг* образует *друзья, кум — кумовья, сын — сыновья*; см. об этих образованиях ниже в 16-м отделе. — Там же см. образования им. мн. от *брат, холоп, сук, зуб*. — *Тетерев* образует *тетерева*, но в род. *тетеревей*.

15. Склонение множественного числа слов мужеского рода на мягкую согласную и на отвердевшие *ш, ж*.

Главным отличием этого склонения от склонения основ на твердую согласную является окончание род. мн. *-ей*, между тем как в тех основах находим *-ов*.

Сюда относятся слова, принадлежавшие исконно к основам на -Ĭ и к основам на -jo. Падежные окончания им. мн. *-и*, род. мн. *-ей* восходят во всех этих основах к окончаниям -i, -ьi основ на -i; правда, им.

мн. основ на -jo фонетически можно возвести и к старой форме им. мн. основ на -jo: *кони, ключи*, но не забудем, что *ключи* должно было бы вытесниться формой *ключь*, т. е. старой формой вин. мн.; если такого вытеснения не произошло, то, очевидно, под влиянием основ на -ĭ: *ключь* заменено через *ключи* под влиянием *пути, гвозди, ногти* и т. д.; или *ключь* не вытеснило *ключи*, так как окончание *-и* в *ключи* отождествлено было с окончанием *-и* (по происхождению вин. мн.) слов, как *пути, гвозди, ногти*. На тождество окончаний *-и* в *ключи* и *-и* в *пути* указывает и наличность при *ключи* формы род. мн. *ключей*, явившейся вместо старой формы *ключь*. Так же точно им. мн. *черти, соседи, холопи* не вытеснено через *черты, соседы, холопы* под влиянием отождествления их окончания *-и* с окончанием *-и* в *гуси, люди, гости*; ср. новообразования *чертей, соседей, холопей*.

Итак, в рассматриваемом склонении обнаруживаются следующие окончания: им. мн. *-и* (*-ы*), *-а*; род. мн. *-ей*; дат. мн. *-ам*; твор. *-ами*; местн. *-ах*. Вин. пад. сходствует с именительным, но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

В отношении к ударению рассматриваемые формы мн. числа распадаются на группы: 1) неподвижные с ударением на окончании или корне при им. мн. на *-и*, 2) подвижные при им. мн. на *-и* или *-а*. Подвижность ударения второй группы выражается в том, что род., дат., твор. и местн. мн. переносят его на окончание, между тем как в им. оно падает на корень. Мы видели, что в основах на твердую согласную *-ы* обыкновенно перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением; напротив, окончание *-и* в основах на мягкую согласную никогда ударения на себя не перетягивает; это свидетельствует о совершенно различном морфологическом происхождении окончаний *-ы* и *-и*; ошибочно было бы утверждать, что в *ключи* то же окончание, что в *топоры* и различающееся от него только вследствие положения после мягкой согласной. Замечательно, что слово *конь*, исконно с неподвижным ударением на окончании, переносит его в им. мн.: *ко́ни*; очевидно, здесь сказалось влияние слов, как *гости, гуси, лебеди* и т. д. В группе слов с неподвижным ударением большинство слов имеет ударение на окончании; исключение составляют некоторые слова на *-ич* (*Ива́новичи*, название местности *Боровичи*) и *-ищ*, как *това́рищ, государь, родители, камни*. Рассмотрю отдельно окончания и сделаю при этом еще несколько замечаний об ударении.

Именительный множественного на *-и*, никогда не переносящее на себя ударение. В словах с неподвижным ударением: 1) *лучи́, мечи, бичи, богачи, клещи, плащи, ножи, чижи, ковши, торгаши, корабли́, кисели́, псари, олтари, богатыри, угри́, карасй́, дожди́*; 2) *товарищи, государи, попо́вичи*, сюда же *соседи, холопи*. В словах с подвижным ударением (ср. ниже при окончании род. мн.): *голуби, овощи* (но у Востокова *овощи́*, с неподвижным ударением), *гости, лебеди, люди*, сюда же *черти*. То обстоятельство, что слова на *-ь* не образуют им. мн. на *-а*, быть может, служит указанием на то, что в окончании *-и* частью сохранилось старое окончание им. -вин. двойственного от основ на -ĭ: *два, три карасй́* вызывало сохранение формы *карасй́* во мн., ибо рядом в течение долгого времени не существовало соединения *два, три карасй́*. Под влиянием основ на -ĭ

это окончание переносилось в основы на -jo. Ср. *два рубли* вместо *два рубля*.

Именительный множественного на *-а*, переносящее на себя ударение. Сюда относятся преимущественно слова заимствованные, подчинившиеся аналогии слов с основой на твердую согласную. Это слова на *-тель* книжного, церковнославянского происхождения: *учителя, смотрителя*; слова на *-арь*, заимствованные с польского: *лекаря, писаря*; слова *тополь, якорь*; слова на *-ель*: *вексель, вензель, крендель, пе́дель, дупель, штемпель, флигель*; слово *егерь*. — Что до слова *сторожа́*, то, повидимому, оно заменило старшее *сторо́жа* под влиянием слов, как *мужья́, князья́*.

Родительный множественного числа. Окончание *-ей* в словах с неподвижным ударением: *путей, плащей, ключей, голышей, кораблей, государей, роди́телей*. Окончание *-ей* в словах с подвижным ударением имеет ударение всегда на себе. Перечислю эти слова.

Им. пад. мн. числа на *-и* неударяемое: *голубь, гвоздь, гость, груздь, гусь, зять (?), зверь, лебедь, лапоть, коготь, ко́зырь, корень, локоть, окунь, омуль, ноготь, перстень, соболь, тать, уголь, угорь, о́вощ, муж, червь*. — Кроме *муж* и *овощ* — это все исконные основы на ĭ.

Причина переноса — образование сочетания *-ьĭ* с *-ѣ* сильным; ср. перенос ударения на *-ov* из *-ovъ*.

Дательный, творительный, местный множественного числа. Окончания *-ам, -ами, -ах* всегда имеют на себе ударение в словах с подвижным ударением: *голубям, ногтями*. Ср. сказанное выше об ударении этих окончаний в основах на твердую согласную.

Замечания об отдельных словах. Слово *день* кроме *дней* образует форму род. мн. *дён*, редко употребляемую в литер. наречии: *полдни — полдён*.

Муж, зять, князь образуют *мужья, зятья, зятевья, князья; гвоздь — гвоздья*, см. об этих словах в следующем отделе.

16. Склонение множественного числа слов, оканчивающихся в именительном множественного на *-ья*.

Окончание *-ья* в имен. мн. двоякого происхождения. В словах, означающих одушевленные предметы, точнее лица, это окончание восходит к окончанию им. ед. женского рода собирательных; слово *братья* в старом языке склонялось в ед. числе: вин. — *братью*, род. — *братьи* и т. д.; ср. слово *братья* (монастырская *братья*) и в современном языке. Сюда относятся им. мн. *братья, холопья, мужья, друзья, князья, зятья, зятевья, сыновья, кумовья*. Совершенно ясно, что *друзья* заменило древнее *дружья*, известное в памятниках, под влиянием формы им. мн. *дру́зи;* также *князья* вместо *княжья* под влиянием *князи*. Поэтому можно думать, что *зятевья, сыновья, кумовья* заменили *зятья, *кумья, *сынья* под влиянием форм им. мн. *зятеве, сынове, кумове*. Таким образом им. мн. на *-ья* имеют как слова с основой на твердую согласную (при них также *-овья*), так и с основой на мягкую согласную (при них также *-евья*). Слова с неподвижною по ударению основой не переносят ударения на *-ья*:

братья, холопья; напротив, слова с подвижною по ударению основой переносят его на окончание: *мужья, зятья, друзья, князья, сыновья, кумовья;* различие в ударении слов, как *братья* и *зятья*, восходит еще к той эпохе, когда эти слова означали им. пад. женского рода.

В словах, означающих неодушевленные предметы, *-ья* восходит к окончанию им. ед. собирательных среднего рода; окончание это звучало *-ье*, но неударяемое *-е* в конце слова фонетически перешло в *-а* (ср. *меня* вместо *мене*, переход *есме* в *есмя*, *татарове* в *татаровя*); слова, как *листье, гвоздье*, склонялись некогда в ед. числе: род. *листья*, дат. *листью;* но, когда им. *листье* перешло в *листья*, его окончание *-а* стало вызывать представление о мн. числе: ассоциации им. мн. *листья* с *лист* не препятствовал мужеский род этого последнего слова, ибо подобная ассоциация уже существовала в случаях, как *братья — брат, холопья — холоп*. Возможно, что *листья* сменялось и сменилось бы совсем через *листьи*, если бы не влияние слов, как *перья, деревья*, среднего рода. О существовании ед. числа *листье, гвоздье, каменье* и т. д. свидетельствуют не только памятники, но и современные северновеликорусские говоры (*ли́стьё, гвоздьё*). Перечислю формы им. мн. на *-ья* от слов со значением неодушевленных:

1. Двусложные с неподвижным ударением в ед. и мн. числе (на корне или окончаниях): *кол, клок, крюк, лист, сук, гвоздь, — стул, струп, брус, клин.*

Двусложные с подвижным ударением в ед. и мн. числе: *зуб, ком, луб, прут.*

2. Трехсложные, исконно двусложные, с подвижным ударением: *колос, полоз, череп, черен;* сюда же *у́голь.*

Трехсложные с неподвижным ударением: *волдырь, пузырь, пупырь, батог, — кочан, камень.*

Трехсложные с подвижным ударением: *обод, корень, лоскут.*

Итак, приведенные формы образуются как от слов с основой на твердую согласную, так и от слов на мягкую согласную. Ударение никогда не падает на *-ья*, оно падает на слог перед *-ья;* поэтому в двусложных оно ложится на первый слог, а в трехсложных на предпоследний (но *уголья*); в словах, как *обо́дья, коренья, каменья*, явный перенос ударения на удлинившийся слог вследствие выпадения за ним в следующем слоге *ь;* слово *камень*, имеющее неподвижное ударение (ср. род. мн. *ка́мней*), все-таки представляет такой перенос; в слове *уголья* ударение падает не на последний слог потому, что *уголья* восходит к древнему *у́гль̂je;* в словах *коло́сья, чере́пья* имеем другое ударение, чем в *ко́лос, череп*, в зависимости от подобного же процесса, а именно наличности в следующем слоге ослабленного звука, ср. ударение род. мн. *волóс* при род. ед. *во́лоса*. Только *-ья: стулья, колосья*. При *листья* находим *листы* в другом употреблении, с другим значением; *листы* при *листья* ср. *зубы, во́лосы* (следовательно, *-ы* заменило здесь *-и*, старое окончание им. мн.); при *крючья — крюки́*, при *гвоздья — гвозди*, при *уголья — у́гли*, при *коренья — корни* (в другом значении), при *клочья — клоки* (в другом значении), при *колья — колы* (в другом значении), при *зубья — зубы* (в другом значении)

и т. д. Востоков замечает: «когда говорят о предметах в отдельности, как об единицах, тогда употребляют правильное окончание: *струны, батоги, крюки, камни, корни;* когда же рассматривают предметы в совокупности, как собрание единиц, тогда употребляют окончание на *-ья: струнья, батожья, крючья, каменья, коренья*».

Склонение слов, оканчивающихся в им. мн. на *-ья*, распадается на две группы: в первую, обнимающую как исконные собирательные женского рода, так и собирательные среднего рода, входят все те слова, которые оканчиваются на неударяемое *-ья;* в род. пад. мн. они имеют *-ев: братья — братьев, сучья — сучьев, каменья — каменьев;* во вторую, обнимающую только собирательные женского рода, входят слова, которые оканчиваются на ударяемое *-ья;* в род. пад. мн. они имеют *-ей: мужья — мужей, друзья — друзей, сыновья — сыновей.* Таким образом, первая группа примыкает к словам с основой на твердую согласную, а вторая к основам на мягкую согласную. Повидимому, причина дифференциации следующая: при им. мн. на *-ья* (-ja) возникал род. мн. -jев потому, что такое окончание являлось и при форме им. мн. на *-ьи* (-ji): *краснобаи — краснобаев, горностаи — горностаев;* вообще окончание *-ей* не являлось после j; причиной этому было то, что в словах с основой на -І не было таких, которые перед -І имели j, следовательно, представляли р. мн. *-јей;* поэтому при *боји, горностаји* являлись формы *бојов, горностајев;* и так же при им. мн. м. р. *братья* являлось *братьев.* Между тем в ряде слов на *-ья́* с новой формой им. мн. ассоциировалась форма род. мн. на *-ей,* которая принадлежала к старому склонению с им. мн. на *-и:* так, при *мужья́* род. мн. был *мужéй,* относящийся собственно к им. мн. *мужи* (и заменивший форму *мужь,* когда *мужи* ассоциировалось с *гости, тати*), при *друзья* род. мн. *друзей,* относящийся собственно к им. мн. *други* (ср. новообразование *чертей, холопей* при *черти, холопи*), при *зятья — зятéй,* при *князья — князéй;* под влиянием таких слов и новообразования *кумовья, сыновья, зятевья* получили при себе новообразованные формы род. мн. *сыновей, зятевей;* но также являются и формы на *-ёв: кумовьёв, зятьёв* (ср. ниже *шурьёв*). — Что до прочих падежей мн. числа, то в основании их была положена основа им. мн.: поэтому *бра́тьям, сучьям, друзьями, сыновьях.*

17. Склонение множественного числа слов, представляющих в единственном числе основу на *-ин.*

В единственном числе слова на *-ин,* означающие лица мужеского пола, склоняются как все вообще основы мужеского рода на твердую согласную: *боярин, боярина* и т. д. Но во мн. числе окончание *-ин* отпадывается, не является; причиною этого то, что суффикс *-ин* имел значение единичности, ср. *-ин* в *один, ин-* в *инок, иноходец.* Таким образом, для образования мн. числа служила сокращенная основа, основа на согласную. В древнем языке основы на согласную получали особые, свойственные именно им, окончания: им. мн. *-е,* род. мн. *-ъ*; прочие падежи исконно образовывались или по основам на -І, или по основам на -о. Современный язык сохранил эти старые формы в значительной части относящихся сюда слов: *меща-*

нин — мещане, мещан, мещанам, мещанами, мещанах (последние формы по склонению на *-а*, вследствие общего перенесения окончаний основ на *-а* в основы на *-о*). При основах на *-итин* явились новообразованные формы мн. числа на *-итяне*, собственно образованные при формах ед. *-итянин: москвитин* и *москвитянин — москвитяне, тверитин* и *тверитянин — тверитяне*. Но в некоторых словах окончание *-е*, фонетически переходившее в *-а* (ср. сказанное выше относительно *листья, меня, есмя*), получало затем (перед этим *-а*) отвердевшую согласную под влиянием, конечно, твердости согласной во всех прочих падежах мн. числа; так, вместо *бояре, татаре, баре*, откуда *бояря, баря, татаря*, являлось произношение *боярa, барa, татарa*. Окончание *-а* сменилось окончанием *-ы*, напр. в *болгары, татары*. В род. мн. не явилось новообразования на *-ов* по той общей причине, что *-ов* являлось только там, где форма род. мн. совпадала с формой им. ед. Приведу ряд относящихся сюда основ: основы на *-ан*: *мещане, дворяне, римляне, крестьяне, магометане, мусульмане, цыгане, египтяне;* основы на *-ар* с окончанием *-аре: бояре, татаре, болгаре* (форма устаревшая); с окончанием *-ара: татара, бояра, бара* (также малоупотребительные формы); с окончанием *-ары: татары, болгары*. Сюда же относятся им. мн. *хозяева* при *хозяин; хозяева* вместо **хозяевя*, а это из **хозяеве* с окончанием им. мн. *-еве* (ср. предположенное выше *зятеве*, вошедшее в состав *зятевья*).

Особую группу образуют те слова на *-ин*, которые во мн. числе представляли исконные слова собирательные. Прежде всего сюда относится *господин — господа́, госпо́д, господа́м;* слово *господа́* по происхождению собирательное женского рода (род. — *господы*, вин. — *господу*); склонение *господа́, госпо́д* явилось в связи с переходом других собирательных женского рода в формы мн. числа, ср. указанные выше: *мужья, зятья, сторожа;* форма род. мн. *господ*, не *господо́в*, доказывает, что здесь не было влияния со стороны образований, как *города́ — городо́в; господ* не сменилось формой *господов* под влиянием слов как *бояр, мещан* и т. д.; *господ* так относится к *господин*, как *мещан* к *мещанин*. Также при *шурин* является *шурья*, также форма ед. числа с собирательным значением по своему происхождению (род. — *шурьи*, вин. — *шурью*); *шурья* имеет при себе род. мн. *шурьёв*, не *шурей;* очевидно, что здесь почему-то не сказалось влияние слов, как *друзья — друзей*. Слова *русин, литвин, мордвин* имеют при себе собирательные *Русь, Литва, Мордва*. Слова *сербин, турчин, немчин* (теперь уже устаревшие) имеют при себе мн. ч.: *сербы, турки, немцы*.

Некоторые книжные слова на *-ин* образуют им. мн. на *-ины: воины, властелины*. Также искусственно: *русины*. — *Цыганы* ведет к им. ед. *цыган*, а *цыгане* относится к *цыганин;* равным образом *молокане* относится к *молоканин*, а при им. ед. *молокан* можно ждать *молоканы*.

18. Склонение слов женского рода на *ш, ж* и на мягкую согласную.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на *-ĭ*, а также к основам на согласную *-г* и к основам на *-ū* (*-ъv*). Звуки *ш* и *ж* твердые восходят к исконным мягким *ш* и *ж*. Падежные

окончания восходят все к старому склонению. Окончания эти следующие: род. ед. *-и*, дат. *-и*, твор. *-ью*, местн. *-и*, вин. пад. совпадает с им.; им. мн. *-и*, род. мн. *-ей*, дат. мн. *-ам*, твор. *-ами* (реже *-ми*), местн. *-ах*, вин. мн. *-и*.

Основы на исконное *-er* отличаются тем, что основу *-er* представляют во всех падежах, кроме им. и вин., где является более краткая основа на предшествующую звукам *er'* согласную: *мат'*, *доч'*, род. *матери*, дат. *матери* и т. д. Основы женского рода на мягкую согласную могут иметь или неподвижное ударение (всегда на корне, не на окончаниях), или подвижное; к первым относятся, напр., *медь, нить, сладость, юность;* ко вторым, напр., *грязь, лошадь, кровь, мать.*

Замечания об отдельных падежах. В твор. пад. является окончание *-jу* из древнего *-ьjу;* в связи с выпадением *ь* стоит то, что основы, имеющие в слоге перед окончанием *ъ* (или *ь*), заменяют его через *о*: *вош, вошью* (при *вши*), *церковь, церковью* (при *церкви*). Вместо *-jу* является *-ей*, заимствованное из склонения основ на *-а*, в словах *басней, песней*, следовательно, *-сней* вм. *-снjу*; но *-знjу* сохраняется, не заменяясь через *-зней*, напр. *жизнью, казнью* (произносится почти *жизню, казню* или *жизнію, казнію* с долгим *и*).

Окончание местн. ед. *-и* исконно отличалось от окончаний *-и* род. и дат. качеством долготы: в местн. ед. *-и* имело длительную долготу, а в род. и дат. прерывистую. Вследствие этого в словах с подвижным ударением оно переносилось на окончание местн. пад., оставаясь на основе в род. и дат. Как можно заключить из современного литер. языка, а также из того, что сказано было нами раньше об ударении местн. ед. муж. рода, в общеславянском праязыке ударение переносилось в местн. пад. с окончания на основу под влиянием ударения других падежей ед. числа; но перенесение это задерживалось при одном сопровождающем условии: когда форма местного падежа находилась в положении за предлогами *въ* и *на*, она удерживала старое ударение. Поэтому в современном русском языке старое наконечное ударение в словах с подвижным ударением является в местн. ед. только после предлогов *в* и *на;* те же слова после предлогов *при, о* имеют ударение на корне. Перечислю слова с перенесенным ударением в местн. ед. после предлогов *в* и *на: бровь, ветвь, горсть, грязь, глушь, грудь, десть, дробь, дверь, кровь, корь, кость, клеть, ночь, мель, ось, печь, пыль, плеть, речь, сеть, связь, тень, Тверь, шерсть, степь, цепь, часть.* Кроме того: *лошадь, площадь.* Кроме того — *взаперти́.*

Замечу при этом, что известно и произношение в *ре́чи*[1], в *ча́сти*[1] (но непременно в *части́*, когда *часть* употребляется вместо *участок*); *на ло́шади, на пло́щади* употребительнее, чем на *лошади́*[1], *площади́*[1]. Но только *в пыли́, в грязи́, на груди́, в крови́, в кори́, в глуши́, на мели́, в Твери́, в степи́* (рядом: *о пы́ли*[1], *о гря́зи*[1]). Что до предлога *при*, то в моем произношении и он может требовать после себя ударения, но в редких случаях: при *груди́*[1]; по Востокову *при* оказы-

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

вает на форму местного падежа такое же влияние, что предлоги *в* и *на*. В моем произношении предлоги *в* и *на* часто не требуют за собой формы местного падежа с ударением на окончании, когда отделены от этой формы определяющим словом: *в моей крóви*[1], *на слоновóй нóсти*[1], *в мытóй шéрсти*[1], *на железнóй óси*[1]; но — *в моей груди́*[1], *в этой пыли́, грязи́*. — Слова *вервь, зыбь, жердь, масть, трость*, показанные Востоковым как переносящие ударение в местн. пад., в моем произношении его не переносят. Ясно, что в древности подобный перенос был обычнее, чем теперь: так, напр., ряд слов с подвижным ударением, доказанным для род. мн., не переносят ударения в местном ед.: *треть, соль, весть, сласть, вещь, власть, страсть, волость, новость, должность* и др., впрочем, часть случаев, где имеется перенос ударения в род. мн., обязана позднейшему перенесению; но такие слова, как *соль* или *волость*, исконно подвижны в отношении к ударению.

Окончанием род. мн. является *-ей*; только одно слово *сажéнь* имеет при *саженéй* также и форму *сáжен, сáжень*, вероятно, восходящую к основе на *-а*. Окончание *-ей* принимает на себя почти всегда ударение в силу очевидно отмеченного выше закона, по которому еще в общерусском праязыке перетягивали на себя ударение удлинившиеся вследствие отпадения за ними *ъ* и *ь* слоги: итак, *бровей, ветвей, грудей, частей* и также *солей, вестей, помочей, вещей, волостей, новостей, крепостей, мышей, сластей, кистей, смертей* и т. д., равным образом *матерей, дочерей, церквей*. Не переносят ударения лишь несколько слов, повидимому, редко употребляющихся во мн., как *жизнь, сладость, болесть, пажить, горесть, участь, нить, радость*. Слово *свекровь*, кажется, обычно не переносит ударения (*постéлей* к *постеля, басней* к *басня*).

Окончания дат., тв., местн. на *-ам, -ами, -ах*[2] перетягивают на себя ударение, следуя при этом ударению род. мн.: *волостям, волостями, новостях*, но *горестям* и т. д. Некоторые слова сохранили старое окончание тв. мн. на *-ми* (из *-ьми*): *плетьми, лошадьми, дверьми, дочерьми; костьми* только в выражении: *лечь костьми*.

Замечания об отдельных словах. Только во мн. числе употребляются: *гусли, дрожди, отруби, сани, сени*. — Слово *церковь* сохраняет в дат., твор., местн. мн. древнюю параллельную основу *церква-*: *церквáм, церквáми, церквáх;* впрочем, известны и образования *церквя́м, церквя́х*. Востоков указывает на *свекровáм*, но обычно, кажется, *свекрóвям*. — Слово *щель* имеет во мн. не только *щели*, но и *щелья* (из старого собирательного *щелье*), но в других падежах, кажется, только *щелéй, щелям*. — Мн. *дети, детей* получило значение среднего рода под влиянием ед. *дитя́;* множ. *очи, очéй, ýши, ушéй* также под влиянием *око, ухо*. Множ. *слюни* является при ед. *слюна́*. Слово *сажéнь* имеет во множ. *сажéни*, а в род. мн. *сáжен*.

---

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Р е д.)

[2] После «*ах*» в рукописи следовало «всегда», зачеркнутое карандашом. (Р е д.)

19. Склонение слов женского и мужеского рода на *-а*.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на -ā и -jā; слова, как *рана* и *баня* (в случаях, как *душа, кожа, девица*, отвердели согласные исконно мягкие *ш, ж, ц*), отличались раньше в склонении своими падежными окончаниями; но теперь они совпали в одном склонении, причем перевес получили окончания твердых основ. Впрочем, фонетические причины требуют замены некоторых звуков, известных только после твердых согласных, другими соответствующими звуками.

Окончания падежей следующие: род. ед. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), дат. *-е* (из *ѣ*), вин. *-у*, местн. *-е* (из *ѣ*), твор. *-ой* (после мягких согласных *-ȯi̯*), а в неударяемых слогах *-ai̯* (после мягких согласных *-εi̯*). Им. мн. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), род. мн. не имеет окончания (старая форма оканчивалась на *ъ*), а в некоторых основах с мягкою согласною или с *ж, ш* перед окончаниями *-ей*, вин. мн. *-ы* (после мягких согласных *-и*), дат., твор., местн. *-ам, -ами, -ах*.

Обосложненный беглою гласною *о* или *е* вид основы является в форме род. множественного. Сюда относятся многие основы, которые перед окончаниями имеют две согласные, причем в части таких основ между согласными в древнем языке находились звуки *ъ* или *ь*. Так, находим род. мн. *княжо́н, ко́пен, со́сен* (древнее сосн*ъ*), *царевен, гривен, тяжеб, суде́б, сва́деб; спален, вечерен, сотен, песен, дереве́нь, и́гол, кукол, мётел, сабель* (др. сабль), *земе́ль* (др. земль), *кровель* (др. кровль), *капель* (др. капль), *сестёр* (др. сестръ), *овец, денег, серёг, сёмог, розог* (др. розгъ), *досо́к* (др. дъскъ), *ручек, ножек, кошек, нянек* и т. д. В соответствии с сочетанием *i̯* + согласная находим *i̯е: бо́ен, саек, построек, коек, воен*. Повидимому, при *тяжеб, свадеб* обычны *тяжб, свадьб*.

Особо стоят слова на -ja после согласной; в род. мн. перед окончанием *-i̯* (окончанием основы теперешнего слова) является звук *е: се́мей, свине́й, су́дей*. Также *мо́лней*, но обычное правописание требует *молний*. Впрочем, в им. пад. имеем не двусложное *молнi̯а*, а трехсложное *молния* в книжном произношении (?). Книжными являются и формы имен на *-ия* как *Со́фия, Евге́ния;* с ударением на *и: Мари́я*.

Конечная согласная основы *н'* мягкое отвердевает в форме род. мн., напр., *кухон, барышен, башен*, но, как мы видели, только в неударяемом слоге; между тем в ударяемом *н* мягкое сохраняется: *деревен', бан'*. Слово *петля* образует в род. не только *петель*, но и *петел*.

Слова на *-а* имеют исконно подвижные и неподвижные в отношении к ударению основы. Подвижность зависит от того, что некоторые из окончаний имели длительную долготу, перетягивавшую на себя ударение с предшествующей краткой или прерывисто-долгой гласной. Такими окончаниями были -ā им. ед., -āmъ, -āmi, -āхъ в дат., твор., местн., *-ѣ* в местном и отождествившем свое окончание с ним дат.; кроме того перетягивали на себя ударение (под влиянием разных причин) окончания род. ед. -у и твор. ед. -ojǫ (откуда -oju, -oi̯). Не переносят на себя ударение окончание -ǫ (откуда -u) в вин. ед., окончания -у в им.-вин. мн. и -ъ в род. мн. Таким образом, в современном языке

только формы вин. ед., им.-вин. мн. в словах с подвижным ударением сохраняют старое место ударения; что до род. мн., то его ударение по общему правилу стоит на старом месте только в словах двусложных, а в трехсложных оно переносится на предпоследний слог (см. ниже). При этих четырех падежных формах мы и приведем основы с подвижным ударением. Впрочем, влияние им.-вин. мн. числа сказалось и на ударении дат., твор., местн.: оно во многих словах переносится с окончания на основу.

Родительный падеж. Исконными окончаниями были *-ы* в положении после твердой согласной и *-ѣ* после мягкой; это последнее окончание уступило место окончанию *-и*, явившемуся в соответствии с *-ы* после твердой согласной. Чередование *бани — банѣ, души — душѣ*, явившееся следствием этого (и закончившееся вытеснением форм *банѣ, душѣ*), вызвало в свое время формы на *-ѣ* и в положении после твердой согласной: *у женѣ, от избѣ;* до сих пор формы на *-е* (из *ѣ*) держатся в говоре лиц, употребляющих литературное наречие: ср. *у Софье, у Лизе* (и у *Лизи*), *у Марье.*

Дательный падеж. Исконными окончаниями были *-ѣ* после твердой согласной и *-и* после мягкой; последнее окончание вытеснено. В именах женского рода на *-ия* так же, как в иностранных словах на *-ия*, держится окончание *-и: k Марии, администрации, агонии.*

Исконно *-ѣ* в дат. ед. не перетягивало на себя ударение, перетянуло оно его на себя под влиянием местного и родительного. Старое место ударения сохранилось в диалектическом, но не чуждом литературному языку произношении: *k сте́не, k зи́ме.*

Винительный падеж. Слова с подвижным ударением по общему правилу сохраняют ударение в форме вин. пад. на основе. При этом видим две группы слов: в первой не допускается ударения на окончании, во второй такое ударение допускается, причем вероятно думать, что перенос ударения на окончание явление новое, вызванное аналогией, влиянием других падежей.

1. *Зи́му, спи́ну, сте́ну, це́ну, го́ру, ко́су, по́ру, во́ду, сре́ду* (день недели), *ду́шу, но́гу, ру́ку, стро́ку, щёку, со́ху, зе́млю*[1], *до́ску, — голову, бо́рону, сто́рону, бо́роду, бо́розду, се́реду, же́лезу, по́лосу, — ско́вороду.*

2. *Гу́бу, и́збу, сто́пу, зо́лу, по́лу, но́ру, о́су, ро́су, бло́ху, кро́ху, зо́рю, ре́ку, тра́ву, ко́зу, сви́нью, се́мью, о́вцу* (я говорю *ре́ку*, могу сказать: *и́збу, зо́лу*, бьют *зорю*, но в остальных случаях имею ударение на окончании).

Слова *нужда́, гряда́, кора́, скала́, смола́, руда́, семья́* известны мне только с ударением на *у* в винительном. Востоков указывает на *ну́жду, гря́ду* и т. д. *Весна* имеет *весну́*, но встречается и *в вёсну.*

Творительный падеж рядом со старым окончанием *-ою, -ею* получил еще в древнерусском языке *-ой, -ей;* в настоящее время эти новые окончания, явившиеся в силу стремления сделать форму твор. пад. равносложною с формами всех остальных падежей, окончательно вытеснили старые, оставшиеся только на письме. Понятно, что наше письменное *-ей* изображает εi̯, восходящее не к старому -ei̯ (-ei̯u), а

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

к -αi̯ из старшего -oi̯ (-oi̯u); *бан'oi̯* (откуда *бан'εi̯*) вместо *банеi̯у*, ср. *душoi̯* вместо *душеjу*, *земл'oi̯* вместо *земл'еi̯у*.

Местный падеж представляет то же окончание, что дат. В словах на *-ия* держится и здесь в книжном языке окончание *-ии*: *в конференции, аудитории, в Софии*.

Именительный падеж множественного числа и тождественный с ним вин. пад. в основах на твердую согласную сохранили старое окончание *-ы*; ему соответствует окончание *-и* в основах на мягкую согласную: это *-и* заменило под влиянием *-ы* старое окончание *-ѣ*: *земли, души* вместо *землѣ, душѣ* (как звучали эти формы в древнерусском, что видно из памятников и из украинских форм *землі, душі*). Общим, как кажется, правилом можно признать, что окончание *-ы (-и)* в современном языке не имеет на себе ударения; поэтому мы не находим ударения на этом окончании не только в словах со старым подвижным ударением, но также и в тех словах, которые, судя по наконечному ударению вин. падежа, принадлежали к исконно неподвижным по ударению словам. Следовательно, не только в словах, перечисленных выше при вин. ед. числа, как, напр., *го́ры, зе́мли, ро́сы, сви́ньи, ну́жды, ска́лы* и т. д., но также: *лу́ны, у́зды*[1], *слёзы, пи́лы, ску́лы, све́чи, ско́бы, ды́ры, сто́пы, се́рьги, во́жжи, со́пли, но́здри, тю́рьмы*[1], *и́глы, слу́ги, сёстры, со́вы, ме́жи*[1] и т. д. Исключения из общего правила редки; можно указать на несколько слов, уже по самому своему значению чрезвычайно редко употребляющихся во мн. числе, как, напр., *судьбы́* (при *су́дьбы*), *толпы́, парчи́, четверни́, долбни́, клешни́*, далее слова мужеского рода *паши́, ханжи́*. Трехсложные и многосложные слова, переносящие ударение в вин. падеже ед. на первый слог, переносят его также и в им. мн.: *го́ловы, бо́роны, ско́вороды* и т. д.; сюда же употребляющееся только во мн.: *по́хороны* (ср. *похорона́м*). Остальные трехсложные имеют ударение на предпоследнем слоге: *высо́ты, сиро́ты* (но есть и *си́роты*), *тяго́ты, пасти́лы, длинно́ты, седи́ны, стреко́зы*.

Родительный множественного числа в нескольких словах на *-а* с предшествующею мягкою (или отвердевшею) согласною получает окончание *-ей*. Сюда относятся, во-первых, слова с ударением на окончании, как-то: *свеча́* (но и *свеч*), *заря́ (заре́й и зарь?), стезя́, межа́* (и *меж*), *паша, ханжа, вожжа, парча, клешня, долбня, четверня, ноздря, сопля́*; во-вторых, слова на неударяемое *-а*, которому предшествует группа согласных, как-то: *притча, толща, ве́рша, векша, распря, букля, басня, песня, рохля, пе́тля (пе́тлей* и *пе́тель)*, но *капель; туфля* образует: *туфлей* и *туфель*. Особо стоят слова, в именительном оканчивающиеся на неударяемое *-а*, а в род. мн. переносящие его на окончание *-ей*; сюда относятся: *тоня (тоне́й* и *тонь*), *до́ля (долей* и *доль)*, вероятно, можно предполагать для более древнего языка *тоня́, доля́*; при *пе́ня* находим *пе́ней* (но это слово устарело). Слова мужеского рода, как *дядя, юноша, святоша, вельможа*, образуют *дядей, юношей, святошей, вельможей* едва ли не под влиянием слов мужеского рода на *-и, -ей*, как *гости, кони* (впрочем, чаще *вельмож*; также известно *святош*).

---

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

Слова на *-ья* имеют в род. мн. *-ей: бадей, свиней, гостей.* Но слова на *-ия* получают в книжном языке *-ий: мумий, трагедий, келий, орий.* Слова на *-я* после гласной оканчиваются на *-й: змей, верей, колей, стай.*

Как было указано выше, многие слова имеют в род. мн. беглые гласные *е, о*, отсутствующие в других падежах: *трубок, палок, досок, розог, игор, игол, кукол, чухон, гривен, поповен, сосен, сотен, княжон, копен, боен, тюрем, тяжеб, свадеб* и т. д.

Как указано выше, слова на *-ня* с предшествующею согласной имеют в род. мн. окончание *-н* твердое: *сотен, таможен, башен, кухон, барышен, вечерен, спален, боен, обеден, каменоломен,* но известно также произношение с мягким *н* (и мне оно не чуждо): *сотень, башень, вишень, барышень* (baršɛn'), *сплетень, кухонь,* у Востокова: *каменоломень.* Но при ударении на окончании *-н'* сохраняется: *деревень.*

Относительно ударения род. мн. отметим общее стремление сохранять его на последнем слоге (если ударение в им. ед. на окончании *-а*): *голов, хлопот, полос, сторон, сирот, высот, борозд, сковород*; во многих словах ударение падает при этом на беглую гласную: *овец, досок, земель, судеб*, сюда же *свиней, семей* (также: *свиней, семей*), *ножон, княжон, серег, сестер.* Формы на *-ей* имеют ударение на этом окончании, когда в им. оно падает на *-я*: *поздрей, вожжей, свечей;* в словах *долей, тоней* видим перенос ударения, но, как указано, в древнем языке могло быть *доля, тоня.*

Но во многих случаях род. мн. получает ударение им. мн., и это, вероятно, объясняется позднейшим перенесением, зависевшим от того, что в двусложных словах односложная форма род. мн. естественно совпадала по ударению всегда с формой им. мн.: *тюрем, игол, игор, судей, гостей, свиней, семей, икор, сирот, изоб* (и *изб*) и т. д. Слово *деревня* имеет в род. мн. *деревень* (едва ли не указывающее на параллельную форму *деревня*). *Похороны — похорон.*

Дательный, творительный и местный падежи множ. ч. представляют старые окончания. В словах с подвижным ударением, а также с ударением неподвижным на окончаниях, формы названных падежей должны иметь ударение на *а* (*ам, ами, ах*): *гора́м, нога́ми, сторона́х, полоса́ми, зима́м* и т. д. Но многие слова переносят ударение на тот слог, который имеет ударение в им. мн., очевидно, под влиянием ударения им. мн., что особенно ясно обнаруживается из того, что слова с исконно подвижным ударением, имевшие поэтому ударение в им. мн. не на окончании, сохраняют его в значительном числе слов в названных падежах, между тем как слова с исконно неподвижным ударением на окончаниях, переносившие его в им. мн. с окончания на корень по аналогии, весьма нередко представляют такой же перенос в названных падежах. Таким образом, в словах, переносящих ударение в дат., твор., местн. мн. с окончаний на корень, выясняются две группы: 1) слова, переносящие ударение также и в вин. ед., 2) переносящие ударение только в имен. мн.

К первой группе относятся: *земля, цена, изба, душа, оса, роса, стена, нужда, нора, среда́* (день недели), *река, кроха, коза, свинья, семья, овца, спина, сковорода́*. Впрочем, я знаю перенос только в *земля, душа, изба, нужда, среда, свинья, семья, овца*, употребляя, впрочем, формы с наконечным ударением после предлога *по* в случаях *по душа́м, по среда́м, по овца́м*.

Ко второй группе относятся: *вдова́, сова́, труба́, жена́, пчела́, струна́, скала́, нужда́, звезда́, слуга́, дуга́*. Кроме того: *тюрьма́, игла́, игра́, судья, изба, икра́, семья*, переносящие ударение и в род. мн. (см. выше). Далее *сестра́, свинья́* при род. мн. *сестёр, свине́й*.

Как указано выше, перенос ударения в формах дат., твор., местн. вызван влиянием формы им. мн. Замечательно, что старое ударение сохраняется во многих словах исконно подвижных и имеющих ударение не на конце в вин. пад.; таковы: *рука, нога, вода, доска, блоха* и др. Кроме того, старое ударение является в словах, редко вообще употребляющихся во мн., как *луна, узда, скоба́, стопа, весна, пила́*. Наконец, еще и в других словах: *слеза, свеча, вожжа, ноздря, сопля, дыра, скула, серьга*. Большинство слов, допускающих перенос ударения в указанных падежах, могут иметь ударение и на окончаниях: часто здесь сказывается книжное влияние; ср. в *сте́нах замечены трещины*, но в *стена́х обители*; *что творится в их ду́шах*, но *о душа́х наших*; *пойди к о́вцам, к овца́м стада Христова* и т. п. Замечательно, что plur. tantum и употребляемые преимущественно во мн. сохраняют старое ударение: *похорона́м, ноздря́м, вожжа́м*.

Возможно, впрочем, что ударение *ко́зам, слу́гам* и т. п. заменило *коза́м, слуга́м* не под влиянием аналогии, а фонетически; ибо вследствие отпадения ъ на *а* получалось такое ударение (нисходящее), которое переносилось на предшествующий слог.

Некоторые слова женского рода на *-ня, -ля* имеют при себе параллельные образования на *н'*, *л'*: *басня* и *баснь* (поэтому и в род. мн. *басен* и *басней*), *песня* и *песнь* (род. мн. *песен* и *песней*), *туфля* и *туфель* (род. мн. *туфель* и *туфлей*), *постель* и редко *постеля* (род. мн. *постель* и *постелей*). При ед. *слюна* является во множ. *слю́ни*, род. мн. *слюне́й*. — При *дыра́*, им. мн. *ды́ры* известна также форма *дырья*, по происхождению собирательное (род. мн. *дырьев*). Слово *дядя* под влиянием слов мужеского рода образует во множ. *дядья*, при котором в род. мн. *дядей, дядьёв*. При им. ед. *курица* во мн. не только *курицы*, но более обыкновенно *ку́ры*. При *девчонка* во мн. являются: *девчата* и *девченята*.

20. Склонение слов на *-о*.

Склонение этих слов обнимает: 1) старые основы на -o, 2) старые основы на -jo, оканчивавшиеся в им. на -je (-e с предшествующею смягченною согласною), 3) старые основы на -os, -es, оканчивавшиеся в им. ед. исконно на *-о*. Что до основ на -jo, то они приняли во всех падежах окончания основ на -o на почве русского языка; и в им. пад. старое окончание *-е* сменилось окончанием *-о*; в неуда-

ряемых окончаниях это *-о*, как и всякое исконное *-о*, звучит редуцированно, как *-ъ*; на письме это *-ъ* по традиции изображается после мягких согласных, а также после отвердевших *ш, ж, ц*, буквой *е*: *сердце, ложе*; традиция до последнего времени поддерживала написания с *е* вместо *о* даже под ударением: *лице, яйце*; равным образом пишется до сих пор *е* (при *ё*) в положении после буквы *ь* для изображения звуков *jo*: *ружье* (и *ружьё*), *мытье* (и *мытьё*). Основы на *-os, -es* давно уже перешли в склонение основ на *-о*; *тела, слова, небу, чуду* являются уже в древнейших русских памятниках на месте *тѣлесе, словесе, небеси, чудеси*. Впрочем, во мн. числе под влиянием церковной речи держатся формы, как *чудеса, небеса, словеса* (только с особенным оттенком, о словах высокопарных), *телеса* (в значении тучного, жирного тела).

Слова на *-о* вообще все среднего рода. Мужеского — те слова, которые обозначают: 1) лица мужеского пола, 2) животные, 3) уменьшительные и увеличительные при словах мужеского рода. Ср. *Михайло, Короленко, объедало, подмастерье, жучо́к, гнедко́, воронко́; домище, домишко, чиновничишко, воришко, плутишко, сыни́шко*. Впрочем, уменьшительные и увеличительные на *-о* могут получать также и средний род: *этакое сапожи́ще, небольшое топори́шко*. Слова на *-о*, означающие лица мужеского пола, могут переходить в склонение слов на *-а*, заменяя *-о* через *-а* даже в им., или образуя только косвенные падежи по указанному склонению; первый случай видим, напр., в словах, как *верзила, меняла, Михайла*; второй случай имеет место, напр., в именах на *-енко*. Впрочем, правильнее признать, что этот второй случай вызван тем, что имена на *-енко* заимствованы в великорусском языке, а потому сохраняют искусственное свое произношение и нередко совсем не склоняются.

Окончания ед. числа, кроме формы им. пад., тождественны с окончаниями имен мужеского рода на согласную. В им. находим: *-о* (под ударением), *-ъ* (в неударяемом положении); возможно, что рядом с *-ъ* надо принимать окончание *-ѣ* в словах книжного происхождения на *-иѣ*: *знание, желание*. В род.: *-а* (под ударением), *-ъ* (в неударяемом положении). В дат.: *-у*. В вин. те же окончания, что в им.; в одушевленных мужеского рода обязательно является окончание *-у*, заимствованное из слов женского рода. В твор.: *-ом* (под ударением), *-ъм* (в неударяемом положении). В местн.: *-е* (под ударением), *-ѣ* (не под ударением), а также в словах книжных: *-у*.

Во мн. числе: *-а* (под ударением), *-ъ, -ы*, после мягких согласных *-и* (не под ударением), также *-jъ*. В род. мн. является основа без окончания, весьма редко является при этом окончание *-оf* (в неударяемом положении *-ъf*). В дат.: *-ам* (под ударением), *-ъм* (в неударяемом положении). В вин. те же окончания, что в имен., но в словах одушевленных является окончание род. мн. В твор.: *-ами* (под ударением), *-ъми* (в неударяемом положении). В местн.: *-ах* (под ударением), *-ъх* (в неударяемом положении).

Обосложненная вставною гласною *о* или *е* основа является в форме род. пад., не принимающей согласно предыдущему окончания; стечение согласных устраняется вставкой названных гласных,

этимологически восходящих, впрочем, в ряде случаев к гласным ъ и ь; ср. *о, е*, восходящие к ъ, ь, в случаях: *колéц, крылéц, сердец, полотенец, полотен, гумен, писем, брéвен, пятен, суден, окон, сукон, волокон, домишек; о, е* вставлены между согласной и конечными *р, л, н* в случаях, как: *рёбер* (при *рёбр*), *ядер* (и *ядр*), *вёдер, чисел, ремесел, кресел, вёсел, сёдел, зёрен.*

Слова на *-о* имеют или подвижное, или неподвижное ударение. Подвижное ударение находим: во-первых, почти во всех словах, имеющих ударение на окончании *-о* в им. ед. (во мн. ударение переносится на предшествующий слог): *колесó, волокнó, полотнó, ремеслó, кольцó, окнó, зернó, письмó, селó, клеймó, винó, ружьё, плечó, лицó, перó, звенó, крылó, гнездó, числó, жерлó, веслó, сукнó, пятнó, гумнó, бревнó, стеклó, бельмó, тенетó* (слова *житьё, питьё* и т. п. неподвижны потому, что от них вообще не употребляется множ. число). В слове *лéзвеё* ударение переносится не на предпоследний, а на третий от конца слог: *лéзвея.* Во-вторых, в ряде слов с ударением на начальном слоге, причем во мн. числе ударение переносится на окончания: *пúво, прáво, слóво, дéло, тéло, сéно, мы́ло, сúто, мáсло, лéто, пóле, сéрдце, стáдо, чрéво, нéбо (небесá), чýдо (чудесá), прóсо, вóйско, дéрево, зéркало.* При этом отметим: *дéрево* образует не только *деревá*, но и *дерéвья* с ударением на предпоследнем слоге; *óзеро* переносит во мн. ударение на предпоследний слог: *озёра, озёр; крýжево* переносит ударение на последний слог во мн., но в род. мн. сохраняет его на начальном слоге: *кружевá, кружевáм,* но *крýжев* (не *кружóв*).

Неподвижно ударение, во-первых, в словах с ударением на серединном слоге: *болóто, полено, корыто, копыто, окóшко, полотенце, селúшко;* во-вторых, в словах на *-ье* и *-ие* неударяемые: *жалованье, знание, пение, прение;* в-третьих, в словах на *-ко: дрéвко, ушкó, очкó;* в-четвертых, в отдельных словах, как *лы́ко, жáло, я́блоко, сóлнце, прáвило, стойло* (но диалектически: *стоялá*).

Таким образом, видим, что мн. число в значительном количестве слов среднего рода отличается по ударению от ед. числа. В склонениях слов мужеского и женского рода на согласную, а также в склонении слов на *-а* подвижность ударения в склонении зависела, как мы видели, от того, что ударение (обычно предпоследнего слога) переносилось на окончание, если оно имело гласную с долготою длительною, оставалось на основе, если окончание имело гласную краткую или с долготою прерывистою. Впрочем, в склонении слов на *-а* мы видели перенос ударения с окончания им.-вин. мн. *-ы*, имевшего долготу прерывистую и потому не перетягивавшего на себя ударение с предшествующего слога: *жóны* вместо ожидаемого на основании *женá, женý — жены́.* В склонении слов на *-о* видим, с одной стороны, перенос ударения на окончание *-а*: *сенá, летá*, при *сéно, лéто;* с другой, перенос ударения с окончания *-а: сёла, чúсла*, при *селó, числó.* Показания других индоевропейских языков заставляют признать за окончанием *-а* длительную долготу; следовательно, перенос ударения в словах, как *сéно, прóсо* (имевших в предпоследнем слоге гласную прерывисто-долгую или краткую), произошел по той же причине, что и в других случаях, когда длительная долгота

окончания перетягивала на себя ударение предшествующего слога (ср. *вода́*, при *во́ду, во́ды; рога́* им. двойственного при *ро́га* род.). Поэтому причину оттяжки ударения с окончания им.-вин. мн. *-а* нельзя понять иначе, как результат влияния аналогии. Повидимому, слова среднего рода в им. ед. получили ударение на окончании *-о* под влиянием аналогии со стороны слов женского рода, имевших, как мы знаем, ударение на окончании *-а* (говорю о тех словах, предпоследний слог которых имел краткую или прерывисто-долгую гласную): *село́, перо́*, вместо *се́ло, пе́ро*, под влиянием *вода́, нога́*; но эти слова женского рода в им.-вин. мн. имели ударение не на окончании, а на основе, что и повело к тому, что такое же ударение получило мн. число слов среднего рода. Влияние слов женского рода на слова среднего рода было тем естественнее, что первоначально им. мн. женского рода оканчивался на -ā (из индоевропейского -ās), т. е. так же, как им. мн. среднего рода: vodá — vóda вело за собой selо́ — sе́la (вместо более первоначального sе́lo — selá). Замечу еще, что исконное ударение на основе сохранили те слова среднего рода, которые редко или совсем не употреблялись во мн.; это доказывает, что самый перенос ударения на окончание в словах среднего рода стоял в зависимости от мн. числа, точнее от совокупного влияния ед. и мн. числа слов женского рода на склонение слов среднего рода; так, мы находим *про́со, тесто, сено, пиво* (во мн. числе уже под влиянием аналогии являются как новообразования *проса́, теста́, сена́*[1], *пива́*). Слова, как *дело, тело, слово*, сохранили ударение на корне потому, что множ. число при них образовывалось от другой основы: *деле́са, словеса́, телеса́*.

Скажем несколько слов об отдельных падежных формах.

Отмечу сначала ряд слов, представляющих разные основы в ед. и мн. числе. Сюда относятся: во-первых, упомянутые уже выше *чудо* и *небо*, образующие заимствованные из книжного языка формы *чудеса* и *небеса*; во-вторых, *де́рево, звено́, крыло, колено, полено, перо, ши́ло* образуют *дере́вья* (диалект. *дерева́*), *звенья, крылья, коленья* (о дуговатых составах растения или орудия), *поленья, перья, шилья*; по происхождению своему это имена собирательные; раньше они звучали, например, *деревье, перье* и склонялись только в ед. числе: род. *деревья*, дат. *деревью* и т. д.; но фонетическое изменение конечного неударяемого *е* в *а* повело к произношению *дере́вья*; такие формы сближались с формами, как им. мн. *кушанья, платья, одонья, поместья*, и получали вследствие этого значение мн. числа: ср. аналогичный переход *листье, зубье, колье* и т. д. при *листъ, зубъ, колъ* в *листья, зубья, колья*. В-третьих, слово *ухо* образует во мн. *уши* (по происхождению форма двойственного числа); при устаревшем *око* является *очи*, употребляющееся в книжном и церковном языке; слово *колено* имеет при себе (в значении части тела) *колени* (по происхождению форма двойственного числа), но в род. мн. употребляется не только *коленей*, в дат. *коленям* и т. д., но также *колена, колен, коленам*, — последние формы значительно реже; слово

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

плечё имеет при себе *плечи*, но в род. мн. *плеч* (форма, ведущая к им. мн. *плéча*). В-четвертых, при ед. *судно* во мн. является *суда*, род. *судóв* (что ведет к форме ед. числа мужеского рода *суд*).

Винительный единственного. Как указано, слова мужеского рода на *-о*, обозначающие всегда одушевленный предмет, получают в вин. ед. или окончание род. ед. *-а* под влиянием слов мужеского рода на твердую согласную, где вин. ед. тождествен с род., напр.: *на этого подмастерья, позвать сюда подмастерья*, или окончание *-у*, заимствованное от мужских слов на *-а*: *за Михайлу, за этого объедалу*. Впрочем, последняя замена стоит в связи с переходом слов на *-о* в склонение слов на *-а*.

Местный единственного. Слова на *-ье* имеют в местн. ед. два окончания: *-е* и *-и*: *на жалованье, в пенье, при рукобитье* и рядом *на жалованьи, в пеньи, при рукобитьи*. Представляется более обычным употребление *-и* именно в словах на *-анье, -енье*, причем возможно, что здесь сказалось влияние слов на *-ание, -ение*, правильно употребляющих в местном окончание *-и*. Мне лично свойственны формы, как — *на жалованьи, в селеньи, при катаньи*, но я говорю — *в пенье, при рукобитье*. Многие не различают звуков і и ɛ (из *е*, *ѣ*) в таком положении.

Именительный множественного. Отметим, во-первых, что все слова мужеского рода имеют окончание *-ы* (после мягких согласных *-и*): *подмастерьи, объедалы, сапожищи, домúшки*. Во-вторых, по общему вообще правилу все слова с неподвижным ударением (т. е. не оттягивающие его в форме им. мн. с окончания и не переносящие его, напротив, в этой форме на окончание) имеют в им. мн. окончания *-ы (-и)* вместо *-а*; поэтому от *дно — дны*, от *очкó — очкú*, *ушкó — ушкú*, *судно — судны*, *лыко — лыки*, *веко — веки*, *дрéвко — древки*, *яблоко — яблоки*; также *колéчки, сердечки, пёрушки, окошки, крылышки*; почти все приведенные примеры имеют перед окончанием *-о* звук *k*. В этих словах укоренилось *-и* вследствие того, что предшествующая окончанию мягкая согласная препятствовала вытеснению этого окончания через *-а*, перед которым согласная была твердая. После других согласных окончание *-ы* (напр. *железы, жалы, солнцы, полотенцы* и др.) легко вытеснялось окончанием *-а* частью в живом произношении, частью только на письме: *болота, копыта, правила*; вытеснению способствовало то обстоятельство, что в род. мн. являются формы не на *-ов*, а формы без окончаний, устанавливающие связь соответствующих слов со словами среднего рода, как *мест, лет, гнёзд* и т. д. В им. мн. *-ья* решительно держится окончание *-а*, быть может, под влиянием того, что такое окончание известно и в мужеском роде, причем окончание *-а* (*деревья*) при *-ов* (*деревьев*) находило себе соответствие как в тождественных образованиях мужеского рода (*листья — листьев*), так и вообще в том обстоятельстве, что, напр., при *городов, домов, лесов* и т. п. известны формы им. мн. *города, дома, леса*.

Родительный множественного. Обычны формы без окончания. Слова на *-ье* (т. е. *-i̯ɛ* и *-i̯o*) оканчиваются при этом на *-i̯*, а перед *-i̯* является гласная *е* (ср. *е* в случаях как *писем, ядер*, см. выше); так, находим при *ружьё — рýжей, кóпей*. Точно так же

слова на *-ие* оканчиваются в род. мн. на *-ий*: *желаний, сидений, селений*. Некоторые слова на *-ье* имеют окончание *-ьев*: *кушаньев, вареньев, устьев, одоньев, платьев, поместьев;* это окончание перенесено, повидимому, из таких случаев, как *деревья — деревьев, перья — перьев* и т. д.; здесь подобное склонение, как мы видели, возникло под влиянием мужеского рода, т. е. таких случаев, как *листья — листьев, колья — кольев*. — Окончание *-ов* проникло в некоторые слова среднего рода с постоянным окончанием *-и, -ы*: *днов, очков, ушков, яблоков* (но рядом и *яблок, очок;* также *суден, лык, окошек, древок, крылышек, колечек*). — Слова мужеского рода на *-о* по общему правилу получают окончание *-ов*: *подмастерьев, домишков, сынишков, людишков;* впрочем, слова на *-ище* едва ли не сохраняют свои старые формы: от этих *сапожищ*, от таких *каблучищ*. — Слова *море, поле* имеют в род. мн. *морей, полей*, очевидно, под влиянием склонения основ на *-ī*; ср. твор. *польми* в старом языке, образованное от такой же основы.

21. Склонение слов среднего рода на *-а*.

Сюда относятся: 1. Слова на *-мя* с основой на *-мен*. 2. Слова на *-я* с основой на *-ят*.

1. Слова *имя, бремя, племя, семя, стремя, пламя, темя, знамя, вымя* образуют падежи ед. и мн. числа от основ *имен-, бремен-* и т. д. Слово *семя* в род. мн. представляет основу *семян-* (ср. основу *имян-* в *имянинник, племян-* в *племянник*); основа *семян-* заменила *семен-* под влиянием *семя*. Сюда же относится *письмена*, употребляющееся только во мн. числе.

Все эти основы представляют в склонении подвижное ударение, а именно оно переносится в формах мн. числа (впрочем, слова *темя, вымя* и *пламя* мн. числа не образуют): в *имя, бремя, племя, семя, стремя* ударение переносится на окончания мн. числа (*имена́, семена́м, стремена́х*); в *знамя* ударение переносится на предпоследний слог (*знамя — знамёна*, ср. с *озеро — озёра*).

Окончания: им. вин. ед.: *-я*, род.: *-и*, дат.: *-и*, твор.: *-ем*, местн.: *-и*; им. мн.: *-а*, род.: не имеет окончания, дат.: *-ам*, твор.: *-ами*, местн.: *-ах*.

Слово *дитя* образует падежи ед. числа от основы *дитят-*. Сюда же относятся формы мн. числа, как *телята, жеребята, поросята, медвежата, котята* и т. д. (при которых в ед. числе являются: *теленок, жеребенок* и т. д., образования, о которых мы говорили выше).

Ударение во всех этих основах неподвижное.

Окончания в склонении слова *дитя* те же, что в словах на *-мя*, но твор. ед. имеет женское окончание *-ей* вместо свойственного тем словам мужского окончания *-ем:* им.-вин. *дитя*, род. *дитяти*, дат. *дитяти*, твор. *дитятей*, местн. *дитяти*.

Окончания в склонении *телята* и т. п. те же, что в словах *времена* и т. п. Им.-вин. мн. *телята*, род. *телят*, дат. *телятам*, твор. *телятами*, местн. *телятах*. — Слово *дитя* мн. число образует от основы женского рода на *-ī*: *дети, детей, де́тям* (реже *детя́м*), *детьми́* (реже *детями*), *де́тях* (реже *детя́х*).

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Формы именного склонения прилагательных употребляются: 1) в притяжательных прилагательных на *-ов, -ин: Петров, отцов, дядин, сестрин, братнин*, 2) в прилагательных-сказуемых. Склоняются, изменяясь по падежам, только притяжательные; прилагательные-сказуемые изменяются только по родам и числам, образуя, впрочем, твор. падеж.

Об основах прилагательных притяжательных. Основы оканчиваются на *-ов*, когда прилагательное образовано от имени существительного, означающего лицо мужеского рода, оканчивающегося на твердую согласную, на мягкую согласную, на *-й*, на *-о, -е*: *царёв, Михайлов, Семенов, Андреев, Васильев, Пушкаренков, подмастерьев*. Они оканчиваются на *-ин*, когда образованы от имени, означающего лицо мужеского или женского рода на *-а: Данилин, Фомин, Михайлин, царицын, Софьин, кухаркин*. Впрочем, на *-нин* оканчиваются и некоторые прилагательные от основ мужеского рода на твердую и мягкую согласную: *братнин, мужнин*, заменившие более старые формы *братень, мужень*. Ср. при слове *господь* церковное образование *господень*. По происхождению своему к притяжательным относятся и фамилии на *-ов, -ин: Попов, Бубнов, Кормилицын, Никитин, Княжнин, Солнцев* (предполагает прозвание *Солнце*), *Волков* (от прозв. *Волк*), *Овцын, Свиньин*. Равным образом по происхождению своему сюда относятся имена городов, как *Борисов, Лихвин, Камышин, Ардатов, Кадников*.

Основы притяжательных имеют неподвижное ударение. Обыкновенно оно падает на коренной слог на основах на *-ин*, напр. *сéстрин, жéнин*; но фамильные имена на *-ин* имеют ударение на окончаниях, когда такое ударение падает на том имени, от которого они образованы: *Блохúн*, род. *Блохúна, Свиньúна* (*Óвцын*, потому что *óвцу*). В именах на *-ов* ударение падает или на коренной слог, когда оно произведено от имени с таким ударением, или на суффикс *-ов*, когда произведено от имени с ударением на окончаниях (при этом ударение в прилагательных на *-ов* не переходит на окончания): *Семёнов, Гóрев, Мóрев, Вóлков; Петрóв, Попóв; Иванóв* предполагает *Ивáн — Иванá*. Только притяжательное *Петрóв* в выражениях *до Петровá дни, к Петровý дни* переносит ударение на окончания. Ср. сибирскую фамилию *Петровúх*. Прилагательные притяжательные сохранили именные окончания только в им. и вин. падежах всех чисел и родов, а также в род. и дат. ед. мужеского рода. Поэтому им. *отцов, отцова, отцово, отцовы*; вин. — *отцов* или *отцова, отцову, отцово, отцовы*; род. — *отцова*, дат. — *отцову*. Все остальные падежи ед. и мн. числа заимствовали свои окончания у местоименного склонения прилагательных мужеского и среднего рода: твор. ед. — *с отцовым*, местн. *в отцовом*; женского рода: род. — *отцовой*, дат., местн. — *отцовой*, твор. — *отцовой (отцовою)*; во мн. числе: род. — *отцовых*, дат. — *отцовым*, твор. — *отцовыми*, местн. — *отцовых*. Притяжательные *божий, вражий* и др. склоняются как и прочие прилагательные на *-ий*, сохраняя именные окончания только в им. и вин. всех родов и чисел: ср. *божья воля, божью власть, милость*, но *из божьего храма*. Притяжа-

тельное *господень* сохраняет церковнославянское склонение, являясь, очевидно, книжным заимствованием: *о гробе господне, от руки господни;* но во мн. исключительно неименные образования. Кроме род. *Петрова́ дни*, дат. *Петрову́ дни* сохранился и местн. *о Петрове́ дни*.

Существительные, являющиеся по своему происхождению прилагательными притяжательными, а именно фамилии, склоняются так же, как эти прилагательные, с тем лишь отличием, что в местн. мужского рода имеют окончание *-е: Попов*, род. *Попова*, дат. *Попову*, местн. — *в Попове;* им. — *Попова*, вин. — *Попову;* мн.: *Поповы;* в твор. — *Поповым;* в женском роде: род. — *Ивановой*, дат., твор., местн. — *Ивановой;* во мн. ч.: род., местн. — *Ивановых*, дат. — *Ивановым*, твор. — *Ивановыми*.

Названия городов, стоящие в сознании говорящих в прямой связи с тем или другим именем, склоняются так же, как фамилии: *Романов, Борисов, Юрьев, Царицын*, имеют именные окончания во всем склонении (ед. число), кроме, однако, твор. над.: *с Романовым, с Царицыным*. Лишь только такая связь утрачена, именное окончание является и в твор. над.: *под Кашином, с Киевом, с Ростовом, с Гдовом*. Понятно, что тут неизбежны колебания: *с Лихвином* и *с Лихвиным*. Имена городов на *-ск*, представляющиеся по происхождению краткой формой прилагательных, склоняются по именному склонению: *Петровск, Петровска, с Петровском, в Петровске* (в народном языке сохраняются и формы *с Петровским, в Петровском*).

Совершенно единично прилагательное *третéй, третья́*, представляющее краткую именную форму при полной, местоименной *трéтий*. Употребляется в выражении *сам-третéй, сама́-третья́*. Таковы же прилагательные: *други* (*сам-други*), *четвёрт, пят, шост, сём*.

Прилагательные-сказуемые отличаются от прилагательных, склоняющихся по местоименному склонению, тем, что представляют в мужском роде основу, а в женском, среднем и во мн. числе основу, обосложненную соответствующими окончаниями *-а, -о, -ы*. Основа мужского рода отличается в ряде слов от основ женского, среднего рода и мн. числа вставкой беглых гласных *о, е*, из которых часть соответствует исконным *ъ, ь*, а часть вставлена позже или по причинам фонетическим, или под влиянием аналогии. Ограничусь некоторыми примерами для *о, е* в основах мужского рода, отсутствующих в основах женского, среднего рода и мн. числа; *о* восходит к *ъ*, напр., в *зол, ловок, крепок, низок; е* восходит к *ь*, напр., в *болен, славен, силен, горек*. Не восходят к *ъ, ь*, напр., *о, е* в сочетаниях *оло, ере: полон, долог, черен; е* в сочетаниях *ер, ел: остёр, тёпел; о* в сочетании *ов: резов*. В соответствии с дифтонгом *-ой-* находим в мужском роде *-ое: спокоен*, а в книжном слове *достоин* сочетание *-ои-*.

Одни основы прилагательных-сказуемых и только что указанных прилагательных порядковых имеют ударение неподвижное на основе, напр. *рад, виноват, споко́ен, кра́ток, бо́гат;* другие имеют неподвижное ударение на окончаниях (а в мужском роде, понятно, на основе): *мал, бел, сер, мёртв, гол, синь, добр, остёр, хитёр, полон, умён, высок, грешен, горяч, силён, хорош, широк*, — напр., *мала́, мало́, малы́*.

Третьи основы имеют подвижное ударение: в мужском, среднем роде и во мн. числе ударение падает на основу, а в женском роде

на окончание: *нов, прав, груб, глуп, слаб, мил, цел, хил, дик, горд, скор, спор, стар, строг, сыт, твёрд, свят, густ, прост, бос, кос, пуст, наг, туг, глух, плох, сух, крут, худ, прям, нем, туп, скуп, слеп, крив, жив, тих, тощ, чист, зрел, смел, спел, черств, пьян, дряхл, нагл, подл, тускл, бодр, быстр, мудр, храбр, ветх, велик, глубок, далёк, виден, крепок, долог, весел, дёшев, зе́лен, го́лоден, хо́лоден, мо́лод, хо́лост.*

В некоторых случаях видим колебание, а именно там, где ударение склоняемого прилагательного падает на основу: *пьяно́, ново́, старо́, велико́, глубоко́, далеко́, голодно́, холодно́.* Обратно: *си́льно, высо́ко, широ́ко, ма́ло, по́лно.*

Причастия страдательные на *-н, -т* относятся сюда же. С неподвижным ударением: *бро́шен, отпу́щен, оставлен, расчищен, завален, задет, уби́т, обу́т, дан (дано́), несе́н, повелено́.*

С подвижным ударением: *приви́т, взят, на́чат, за́перт, о́тперт, о́тпит, про́жит, про́клят, про́лит; о́тдан, при́знан, про́дан.* Следовательно: *приви́то, приви́ты,* но *привита́; о́тдано, о́тданы,* но *отдана́.*

Как сказано, прилагательные-сказуемые изменяются только по родам. Но они образуют также твор. над. в ед. на *-ым, -ой*, во мн. на *-ыми*: быть *сытым, проклятым; он стал весёлым, она была всегда весёлой, он сделался неподвижным, они становились нетерпимыми.* В старинном языке держался едва ли не до последнего времени дат. на *-у: быть бодру, любиму, веселу.*

Причастия прош. вр. на *-л* (получившие значение прош. вр.) изменяются также только по родам; во мн. числе они имеют окончание *-и: был, была́, бы́ло, бы́ли; берёг, берегла́, берегли́.*

ГЛАВА XIV.

МЕСТОИМЕНИЯ.

Склоняемые местоимения делятся на пять групп: 1) местоимения личные 1-го и 2-го лица и возвратное, 2) местоимение *кто, никто, некто; что, ничто, нечто,* 3) местоимение 3-го лица: *он,* 4) местоимения, не получающие в им. над. мужеского рода особого окончания, 5) местоимения, получающие в им. над. мужеского рода окончание *-ой.*

1. Местоимение 1-го лица: ед. числа *я*, вин. и род. *меня* (заменило более древнее мене), *мне, мной, мне;* мн. *мы*, вин. и род. *нас, нам, нами, нас.*

Местоимение 2-го лица: ед. числа *ты*, вин. и род. *тебя* (вместо тебе), *тебе, тобой, тебе;* мн. *вы*, вин. и род. *вас, вам, вами, вас.*

Форма *те* в «*я те дам*» заменила старшее *ти* под влиянием *тебе.*

Возвратное местоимение: вин. и род. *себя* (вместо себе), *себе, собой, себе.*

Форма *ся* находится только в соединении с глаголом; *ся* под ударением: *взялся́, дрался́, родился́; ся* неударяемое после согласных: *берёгся, бойся, назвался, нашёлся, отрёкся;* после гласных является *-сь*): *остаюсь, прячусь, родила́сь.*

Местоимения 1-го и 2-го лица изменяются по падежам и числам, не по родам, а возвратное местоимение только по падежам.

2. Вопросительное и относительное *кто* из древнего кѣ-то представляет в падежах основу *ко-*. Изменяется только по падежам; относится только к лицам, безразлично какого рода и числа. Склонение: *кто*, род. и вин. *кого* (произносится *ково*), *кому*, *кем* (заменило более древнее цѣмь из **коѣмь* с обосложненною основой *коѣ-*), *ком*. Определительное *никто* склоняется так же. Определительное *некто* в формах склонения получает образования, стоящие в связи с формой им. *некой* (*некий*); что до отрицательных *нъ кого*, *нъ кому*, *нъ кѣмъ*, *нъ о ком* (мы пишем *некого*[1] и т. д.), то при них не употребляется именительная форма.

Вопросительное и относительное *что* из древнего чь-то представляет в падежах основу *че-*. Изменяется только по падежам; относится только к предметам, безразлично какого рода и в каком числе. Склонение: *что*, род. и вин. *чего* (произн. *чево*), *чему*, *чем* (заменило более древнее чимь из **кеѣмь* с обосложненною основою *кеѣ-*), *чём*. Определительное *ничто́* склоняется так же. Определительное *нечто* не склоняется; что до отрицательных *нъ чего*, *нъ чему*, *нъ чѣмъ*, *нъ о чём* (мы пишем *нечего*[1] и т. д.), то при них не употребляется именит. форма.

3. Местоимение 3-го лица представляет две основы: *он-* только в им. пад. всех трех родов и обоих чисел: *он*, *она*, *оно*, мн. для всех родов *они*: эта основа не проникла даже в вин. пад. среднего рода, который вообще и в именах и в местоимениях тождествен с имен. падежом. Вместо *они* употребляется также для всех родов форма *оне* (моему употреблению она чужда). Различие, рекомендуемое грамматиками: *они* для мужеского и среднего рода, *оне* (*онѣ*) для женского[2] искусственное и не оправдывается историей языка. Окончание *-е* в *оне* ср. в *те*, *все*. Прочие падежи образуются от основы *je-*, являющейся в твор. ед. и во множ. числе в виде *ju-* (из *jeѣ-*, представляющегося обосложнением основы *je-*); в мужеском и среднем роде: род. и вин. *его* (произн. *jево*), дат. *ему*, твор. *им* (произн. *jим*), предл. *о нём* (с вставным между основой и предлогом *н*); в женском роде основа *jeѣ-*: род. и вин. *её* (форма *ея* книжная и употребляется вообще только на письме, вторгаясь, впрочем, и в живую речь под влиянием школьной грамматики[3]; *её* заменило древнее ѥѣ), дат. *ей*, твор. *ей* (*ею*), предл. *о ней*; во мн. числе для всех родов[4]: род. и вин. *их* (произн. *jих*), дат. *им* (*jим*), твор. *ими* (*jими*), предл. *о них*. Формы с начальным *н* известны не только в предложном, но также во всех других падежах, как только они употребляются после предлогов: *с неё*, *от него*, *к нему*, *к ней*, *с ним*, *с нею*, *с них*, *к ним*, *с ними*.

4. Местоимения, изменяющиеся по родам и числам и не получающие особого окончания в мужеском роде, по значению своему

---

[1] Т. е. такие написания (с *е*, не с *ъ*) принадлежали уже старой орфографической системе, до ее реформы в 1918 г. (Р е д.)

[2] Имеются в виду написания названной формы по старой орфографии. Реформой орфографии 1918 г. узаконено одно написание *они* как для мужского и среднего, так и для женского рода. (Р е д.)

[3] Реформою орфографии 1918 г. написание *ея* было упразднено и заменено отвечающим произношению вариантом *ее*. (Р е д.)

[4] В рукописи, очевидно, по описке, — «чисел». (Р е д.)

распадаются на притяжательные, указательные, определительные, вопросительные.

Притяжательные. При *я* является *мой* с основой *мой-* (*moi̯-*): в женском роде *моя*, в среднем *моё*, во мн. *мои* для всех родов. Склоняется так: *мой*, род. и вин. *моего*, вин. *мой*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём*; *моя*, род. *моей*, вин. *мою*, дат. *моей*, твор. *моей* (*моею*), предл. о *моей*; *моё*, род. *моего*, вин. *моё*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём*; мн. *мои*, вин. и род. *моих*, вин. *мои*, дат. *моим*, твор. *моими*, предл. о *моих*. Так же склоняются *твой*, являющееся при *ты*, *свой* при возвратном *себя*. При *мы* притяжательное *наш*, *наша*, *наше*; склоняется как *мой*, но ударение удерживает на основе. При *вы* является *ваш*. При *их* находим *ихний*, не получившее полного права гражданства в литер. речи (еще менее употребительно в этой речи *и́хой*).

Указательные. *Тот*, *та*, *то*; форма им. мужеского рода представляет сложение старой формы тъ с основой *то-*; от этой основы образованы все остальные падежи; в твор. ед. мужеского рода и во всем множ. числе основа является в осложненном виде *те-* (из toi̯-); осложненная основа (toi̯-) является также в склонении женского рода, но сохраняется здесь как toi̯- в положении перед гласными окончаниями; в женском роде необосложненную основу представляет только вин. падеж: *ту*. Склонение: *тот*, род. и вин. *того*, вин. *тот*, дат. *тому*, твор. *тем*, предл. о *том*. Женск.: *та*, вин. *ту*, род. *той*, дат. *той*, твор. *той* (*тою*), предл. о *той*. Средн.: *то*, вин. *то*, род. *того* и т. д., как в мужеском. Мн. для всех родов: *те*, *тех*, *тем*, *теми*, *о тех*.

Указательное *тако́в* изменяется только по родам и числам: *тако́в*, *такова́*, *таково́*, *таковы́*; по падежам изменяется *таково́й*, *-а́я*, *-о́е*.

Указательное *этот* склоняется как *тот*, но ударение удерживает всегда на *э*; во мн. *эти*, *этих*, *этим*, *этими*, *этих*. *Сей* устарело; сохраняется в нескольких выражениях: *на сей раз*, *сию минуту*, *сегодня*, *от сих до сих*. В склонении различаются следующие образования: им.-вин. *сей*, *сия*, *сию*, *сиё*, *сии*; основа *се-* только в мужеском и среднем роде: *сего*, *сему*, *о сём*; основа *си-* (из *сеi̯-*) в твор. ед. и во мн.: *сим*, *сих*, *сим*, *сими*, *сих*; основа *сеi̯-* в женском роде: род. *сей*, дат. *сей*, твор. *сей* (*сею*), предл. *сей*.

Определительные. *Весь*, *вся*, *всё*; от основы vьs'ā- еще только в женском роде *всю* и мн. *вси* (по форме вин. мн.). Остальные падежи: от основы *вьс-* (из vьsoi̯-); таковы твор. ед. *всем* и все косвенные падежи мн. числа: *всех*, *всем*, *всеми*, *всех*; от основы *всей-* (vьsei̯-) косвенные падежи женского рода: род. *всей*, дат. *всей*, твор. *всей* (*всею*), местн. *всей*; от основы *все-*: *всего*, *всему*, *о всём*.

Сам, *сама́*, *само́*; мн. *са́ми*; от основы *сама-* только вин. женского рода *саму́* (редко употреб.). От основы *само-*: род. *самого́*, дат. *самому*, предл. *о самом*; от основы *сами-*, заменившей *самъ-* (из samoi̯-): твор. *сами́м*, род. мн. *сами́х*, дат. *сами́м*, твор. *сами́ми*, предл. *о сами́х*. От основы *самой-* (samoi̯-) с гласными окончаниями: род. и вин. *самоё* (вместо стар. самоѣ), вин. *само́*, дат. *само́й*, твор. *само́й* (*само́ю*), предл. *о самой*.

Некой сохраняет отчасти старое склонение: мужеский и средний род: *некоего*, *некоему*, *о некоем*, но *с некиим* вместо *с некоим*,

В женском роде *некая* вместо старшего *некоя, некую* вместо *некою;* род. *некоей*, дат. *некоей*, твор. *некоей* (*некоею*), предл. *о некоей;* также во мн.: *некие, некихъ, некимъ, некими, о некихъ.*

Несложное *кой* (на *кой* чорт) употребляется редко: *коего, коему, о коемъ*, твор. *с коимъ;* мн. *кои, коихъ* и пр. В женском роде ед. число не употребляется.

Чей, чия, чіе. В мужеском роде *чьего́, чьему́, чьи́мъ, о чьёмъ*. В женском роде *чьей* и т. д. Во мн.: *чьи, чьихъ, чьимъ, чьими, о чьихъ.*

Каковъ, какова́, каково́, каковы́. По падежам не изменяется. Рядом склоняемое *каково́й*. Так же: *одинаковъ, одинакова, одинаково, одинаковы.*

Всякъ употребляется только в им. ед. мужеского рода; *всяко* — это наречие (напр. *всяко бываетъ*).

5. Местоимения, склоняемые как прилагательные. В только что рассмотренной группе ударение переносится на окончания (кроме *кой, некой*); в этой же группе ударение на окончания не переносится. Одни из таких местоимений имеют ударение на окончании основы, другие на коренной ее части. К первым относятся: *то́й, како́й, таково́й, каково́й, друго́й, никако́й, сякой* (употребляется только в им. мужеского рода).

Ко вторым: *каждый* (новообразование вместо *кажьдо*), *оный, который, никоторый, самый, некоторый, всякой* (пишется *всякий*), *одинаковый.*

ГЛАВА XV.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Различаются два склонения. В первом окончаниями являются в им. падежах ед. числа: *-ой, -ая, -ое*. Во втором: *-ий, -ja, -je*. Об изменении этих окончаний им. падежа и о прочих окончаниях скажу ниже.

По происхождению своему местоименное склонение прилагательных (об именном мы говорили выше) есть сложное склонение. Некогда в сложном склонении склонялись обе части сложения: самое прилагательное по именному склонению и присоединенное к нему относительное местоимение (основа jo-). Но в большей части падежей старое склонение систематически вытеснено новыми формами, заимствованными из склонения местоимений. Старые формы сохранились в им. и вин. падежах ед. числа: *добрый* (из *добръ-jь*), *добрая* (*добра-ja*), *доброе* (*добро-je*); вин. женского рода *добрую* (*добру-jу*); им. мн. *добрые* (т. е. *добры-jь*, по форме вин. мн.). Об им. формах второго склонения (*лисий, лисья, лисье*) скажу ниже. Кроме того, старые формы сохранились (со стяжением двух гласных окончания первой части сложения и начала второй) в твор. ед.: *добрым* (вместо *добры-имь*, а это еще в общеславянскую эпоху вместо *добромь-имь*) и во мн. числе: *добрых* (вместо *добры-ихъ* из *добръ-ихъ*), *добрым* (из *добрыимъ*, вместо *добромъ-имъ*), *добрыми* (из *добрыими*), *добрых* (из *добрыихъ*, вместо *добрѣхъ-ихъ*). — Остальные падежи представляют новообразования: род. *доброго* вместо *добраго* (а это из *добраго*), дат. *доброму*, вместо *добруму* (а это из *добру-ему*), местн.

добром вместо *добрѣмь* (а это из *добрѣемь*), род. женского *доброй* вместо *добрыѣ* (из более древнего *добрыеѣ*), дат. и местн. женского *доброй* вместо *добрѣи* (из более древнего *добрѣей*). Форма твор. пад. женского рода *доброю* (откуда позже *доброй*) может быть признана старой формой, ибо уже в старом языке *доброю-ею* заменено было через *доброю*. На появление новых форм повлияло склонение местоимений, напр. *того, тому, самого, всего* и т. д.

Первое склонение. В состав его вошли: 1) основы на *-о*, склонявшиеся по сложному склонению, 2) основы на *-jо*, склонявшиеся по тому же склонению. Ударение может падать или на коренную часть основы: *ста́рый, бе́лый, кру́глый, го́лый, весёлый, бога́тый, си́льный*, или на окончание основы: *босо́й, живо́й, морско́й*.

Об окончаниях замечу следующее. Окончанием им. ед. является *-ой*, вытеснившее старое *-ый* фонетически как в ударяемом, так и в неударяемом слоге; современное правописание требует сохранения *-ый* в неударяемом положении и замены его через *-ой* в ударяемом; основанием для этого является историческая традиция, до сравнительно недавнего времени удерживавшая *-ый* также под ударением *(вторы́й, слепы́й)*. В силу той же традиции, а частью и искусственного правила грамматики, после *k, г, х* пишется *и* вместо *о* в неударяемом положении: *легкий, строгий, крепкий, тугоухий;* между тем мы произносим здесь тот же звук, что в *добрый, старый*. Это не звук *ы*, а звук, изображавшийся нами в отделе фонетики через *ɑ*; он явился на месте *о* в результате его редукции в неударяемом положении. Из основ на твердую согласную *-ой* передалось и в основы на мягкую согласную: вместо *чужий, синий, горячий* явились *чужой, *синёй, *горячёй*; понятно, что в неударяемых слогах *о* редуцировалось и после мягкой согласной перешло в *ɛ*, откуда *i* или почти *i*; наше *синий, горячий* не тождественно поэтому с древнерусскими *синий, горячий*, а, как указано, ведет к формам *синёй, горячёй*. После отвердевших согласных вместо *ɛ, i* такого происхождения является *ы*: *свежый, пригожый, похожый*.

В род. ед. мужеского рода является под ударением *-о́вɑ*, в неударяемых слогах *-ɑвɑ* (после твердых согласных) и *-ɛвɑ* (после мягких): *худовɑ, добрɑвɑ, син'ɛвɑ*. На письме *-овɑ* изображается через *-ого (худого)*, а *-ɑвɑ* и *-ɛвɑ* через *-ɑго, -яго (добрɑго, синягo)* [1]. Написания *-ɑго*, господствовавшие лет двадцать пять тому назад и при ударении на предпоследнем слоге, объясняются книжною традицией, сохранившею церковнославянские написания; что до окончания *-го* вместо произносящегося *-вɑ*, то и здесь имеем дело с книжною традицией, поддерживавшеюся тем обстоятельством, что значительное число русских говоров (украинских, белорусских, южновеликорусских), между прочим и некоторые северновеликорусские говоры удерживали в этом окончании старое γ, h; переход *-ого* в *-ово* можно считать великорусским явлением по преимуществу.

В дат. пад. находим *-о́му* под ударением, *-ɑму, -ɛму* в неударяемых слогах: *худо́му, добрɑму, синɛму*; в местном *-о́м* под ударением, *-ɑм*,

[1] Имеются в виду соответственные написания по старой орфографии. (Р е д.)

-ем в неударяемых слогах: *худо́м, добрам, син'ем*; в твор. *-ым* после твердых согласных, *-им* после мягких: *худы́м, до́брым, си́ним.*

В им. ед. женского рода под ударением *-а́ä* (пишется *-а́я*), а в неударяемых слогах *-аä* после твердых согласных (пишется *-ая*), *-еä, -іä* после мягких согласных (пишется *-яя*): *худая, добрая, синяя.*

В вин. ед. женского рода под ударением -úi̯u (пишется *-у́ю*): *худу́ю*; что же касается неударяемых слогов, то господствующим в московском произношении окончанием является -аi̯u (после твердых согласных), -еi̯u, іi̯u после мягких согласных, но известно также окончание -ui̯u (вместо чего после мягких согласных -ü̯i̯u или почти üi̯u), на письме только *-ую: добрую, синюю.* Окончание -аi̯u, -еi̯u заменило -ui̯u на почве грамматической аналогии; *а*, *е* проникло из прочих падежей ед. числа: род. *добрай*, дат., местн., твор. *добрай.* Это видно из древнего языка, представлявшего и на письме формы вин. ед., как милою, больною и т. п. Ближайшим образом влияние могло быть оказано формой род. падежа, которая совпадала с вин. в личных местоимениях женского рода: *её* при *ею*, передаваясь и в указательные и определительные: *тоё и тою, всеё* и *всею, самоё* и *самою.*

Форма род. ед. женского рода на *-о́i̯* под ударением (пишется *ой*), *-аi̯* (после твердой согл.), *-еi̯* (после мягкой) в неударяемых слогах произошла из двух более древних форм *-уi̯* и *-оi̯*, которые в свою очередь заменили на почве грамматической аналогии *-уѣ, -оѣ*; а именно здесь сказалось влияние других падежей — дат. и твор., имевших более краткое окончание, чем род.; то же влияние еще раньше повело к переходу окончания твор. ед. *-оi̯u* в *-оi̯*. Окончание *-уѣ* это остаток сложного склонения прилагательных: *xudyѣ, s'ińiѣ* (вместо *śińѣѣ* под влиянием грамматической аналогии); окончание *-оѣ* явилось под влиянием местоименного склонения *xudoѣ, śińeѣ*; ср. сказанное выше о замене окончаний сложного склонения окончаниями склонения местоименного.

Об окончании твор. женского рода -оi̯ (*-аi̯, -еi̯* и *-іi̯*) сказано выше; старые формы *-о́i̯u, -аi̯u, -еi̯u* едва ли известны в живом употреблении. В дат. и местн. находим *-о́i̯* при *-аi̯, -еi̯* и *-іi̯* в неударяемом положении.

Во множ. числе окончанием им. пад. является *-уі*, после мягких согласных *-іі*: xudyi, śińii; эти окончания восходят фонетически к *-уѣ, -іѣ*, так как *ѣ* в неударяемом положении может переходить в *і* (напр. *колѣни, двѣсти*); возможно, впрочем, что *-уі, -іі* заменили непосредственное *-уе, -іе*, причем *е* на месте *ѣ* в неударяемом положении. На письме удерживается *-ые, -ие*, что́ указывает на старшие *-ыѣ, -иѣ*. Формы *-ыѣ, -иѣ* (вместо *-ѣѣ*) представляются по своему происхождению формами имен. и вин. мн. женского рода и формами вин. мн. мужеского рода; эта форма вытеснила как старое окончание имен. мн. м. рода *-ии* (хꙋдии, добрци), так и окончание им.-вин. мн. среднего рода -ꙗ (хꙋдаꙗ, добраꙗ); вытеснение всех форм одною общею стоит в связи с общим совпадением форм всех трех родов во мн. числе; ср. то же в местоимениях. В нескольких книжных выражениях удерживается окончание им.-вин. мн. *-ая*, напр. *во вся тяжкая.*

В род.-местн. общим окончанием для всех родов является *-ых*, после мягких согласных *-их: худых, синих.* В дат. мн. *-ым, -им: худым, синим.* В твор. мн. *-ыми, -ими: худыми, синими.*

Отмечу здесь ряд прилагательных, получивших значение существительных, но не утративших своего старого склонения: *Верный* (название города), *сотской* (пишется *сотский*), *прохожай* (пишется *прохожий*), *лешай* (пишется *леший*), *лесничей* (пишется *лесничий*); в женском роде *горничная, столовая, передняя, гостинная*; в среднем роде *жаркое, пирожное, мороженое, Бологое.*

Второе склонение обнимает старые основы на *-ĭjo*; звук *ĭ* был в общеславянском языке в таком положении полукратким, а потому подлежал в позднейшее время выпадению. Сложное склонение представляло первоначально такие окончания: им. ед. liśĭjiĭ, liśĭjaja, liśĭjeje, вин. женского liśĭjuju; род. liśĭjabo (из liśĭja-eho), liśĭjěě; дат. liśĭjumu, liśĭjiĭ; твор. liśĭjijimь, liśĭjeju; местн. liśĭjijimь, liśĭjiĭ; им. мн. liśĭjiji, liśĭjěji, liśĭjaja; род. мн. liśĭjijixъ и т. д. В формах им. и вин. над. ед. числа русский язык получил новообразования; вместо двух тождественных сочетаний jaja, jeje, jiji, jěji явилось одно ja, je, ji, jě: *liśja, liśje, liśji, liśjě*; это вызвало новообразование и в им. ед. мужеского рода: вместо liśĭjiĭ здесь явилось liśiĭ. Также: *козий, медвежий, человечий, божий* вместо *козьий, медвежьий, человечьий, божьий*. В остальных падежах видим те же окончания, что в первом склонении. Фонетически liśiĭ, откуда liśji, должно было измениться в liśei; наше liśji, вероятно, непосредственно заменяет liśei.

ГЛАВА XVI.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

Склонение числительных количественных должно быть рассматриваемо особо в виду некоторых явлений, свойственных только этому склонению. Впрочем, мы видим здесь вообще смешение склонений, свойственных существительным и местоимениям. Одни числительные склоняются как существительные, другие склоняются как местоимения, образуя некоторые формы по именному склонению.

1. Как существительные, склоняются все вообще числительные, оканчивающиеся на мягкую согласную, как *пять, шесть, десять, одиннадцать, двадцать, тридцать* и т. д. Они склоняются только в ед. числе как имена женского рода на мягкую согласную (напр. *кость*), отступая только тем, что здесь (исключая, впрочем, те, которые оканчиваются на *-надцать*) переносится ударение на окончание: *пять*, род., дат., местн. *пяти*, твор. *пятью, тридяти, тридятью*; между тем имена женского рода, как мы видели, переносят ударение на окончание только в местн. ед. после продлогов *на, в*. Старое ударение сохранилось в твор. над., употребленном как наречие: *пятью-пять, вóсемью-восемь*. В склонении *восемь* является вставная гласная в формах им. и твор.: *восемь, восемью*.

В сложных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* склоняются обе части сложения: *пятидесяти, шестьюдесятью, семьюдесятью, восьмидесяти*. Впрочем, в твор. над. известны и новообразования, как *пятидесятью, семидесятью*. Очевидно, в сознании говорящих утрачено представление о том, что *-десят* это форма род.

мн.; но замечательно, что в им. над. держится твердая согласная, причем, следовательно, старая форма род. мн. не отождествлена с им. ед. — В сложениях, как *пятьсот — девятьсот*, точно так же склоняются обе части; форма род. мн. *сот* держится только в им. над. (и, конечно, также в род.).

Сорок склонялось некогда как существительное мужеского рода на *-о*, но теперь сохранилась только одна форма род. ед. *сорока́*, которая получила функции всех остальных падежей; мы говорим: *от сорока рублей, к сорока рублям, с сорока рублями, в сорока рублях*, равным образом — *по сорока рублей*.

Девяносто в нашем языке во всех падежах звучит одинаково; но в косвенных падежах наше d'ɛvénósta восходит, вероятно, к форме *девяноста*, ср. выше *сорока* и ниже *ста*.

Сто является формой им. и вин. над., в других падежах — одна общая форма *ста*, заменившая древние *сту* (дат.), *сте* (местн.), *стом* (твор.); ср. *от ста рублей, к ста рублям, в ста рублях*. Дат. *сту*, напр. *по сту рублей*, моему словоупотреблению чуждо, я говорю *по ста рублей*, ср. *по сорока* (и *по сто*, ср. *по сорок*).

В *пять сот, шесть сот* и т. д. сохраняется, впрочем, только в формах им. и вин., форма род. мн. от *сто*. В других падежах склоняются одновременно обе части сложения: *от пяти сот, к пяти стам, в пяти стах, пятью стами, о пяти стах*.

Тысяча склоняется как существительное женского рода: *тысячу, от тысячи, к тысяче, в тысяче;* но в твор. — *тысячью*, как от основы на *-ĭ*; в виду этого возможно, что и в дат.-местн. существует форма *тысячи*, а не *тысяче*. Быть может, *тысячи* только в сложении с существительным: *о тысячи рублях, к тысячи рублям*, но об этой *тысяче*, к той *тысяче*.

Сто, двести, триста, пятьсот и т. д. *тысяч* в косвенных падежах склоняют все части сложения: *со ста тысячами, в ста тысячах, в трех стах тысячах, с тремя стами тысячами, о пяти стах тысячах, в четырех стах тысячах*. Возможно, впрочем, и сохранение *тысяч* род. мн. без изменения, напр., *в пяти стах тысяч* экземпляров, *на пяти стах тысяч* рублей; мне, однако, такое словоупотребление не свойственно.

Миллион склоняется как существительное мужеского рода.

Существительное *пол* можно рассматривать как числительное. Подобно числительным *сорок, сто* слово *пол* для всех косвенных падежей образует одну форму *полу́*. *Пол* употребляется в сложениях как с существительными, так и с числительными. В соединениях с существительными находим в им. над. ед. числа и мн. или *пол-* или *полу-*: *пол-* в редких случаях, как *полдень, полночь; полу-* в остальных: *полустанок, полушинок, полукруг, полуостров;* в косвенных падежах и в тех и в других случаях только *полу-;* итак, с одной стороны: *к полудню, от полуночи, с полуднем*, с другой стороны: *на полуострове* и т. д. Кроме того известны и такие соединения, где за *пол-* следует существительное в род. над. ед. числа: *полгода, полминуты;* склоняются обе части таких сложений: *к полугодам, с полуминутами*. — *Полтора*, т. е. полъ-тора, в женском роде *полторы* — образуют: *полу́тора* (так во всех косвенных падежах: *к полу́тора*

годам, в полутора верстах); в старом языке было бы *к полутору году, в полуторе версте.*

В *полтора, полторы* видим во второй части сложения старые формы порядкового числительного *второй*, а именно формы именного склонения. Такое склонение имели некогда и другие порядковые; в современном языке они сохранились только в им. пад. ед. мужеского рода в соединении с предшествующим *сам-: самдруг, самчетверт, самшост* и т. д. Едва ли известны в обычном языке соответствующие формы женского рода: *она явилась сам шост, пшеница уродилась сам пят*, а не *сама шеста, сама пята.* При *трéтий* именной формой является *третéй* в выражении *сам третéй.*

2. Числительные *один, два, оба, три, четыре* склоняются как местоимения. *Один* образует падежи как *тот*, но вместо *е* имеет в окончании основы в соответствующих падежах *и: одного, одному — одним, одни, одних* и т. д. Что до форм *одне, однех*, которые школьная грамматика рекомендует как формы женского рода [1], то в живом языке они употребляются вместо *одни, одних* без отношения к роду. В моем словоупотреблении *одне* является только при женском роде (непоследовательно) под влиянием школьной грамматики.

Два в мужеском и среднем роде, *две* в женском образуют остальные падежи от основы *дву-*, причем в твор. падеже имеется окончание *-мя*, отсутствующее у местоимений (диалектически известны: *имя, темя*): *двух, двум, двумя.*

Так же склоняется *три*, образующее падежи от основы *тре-: трёх, тремя. Четыре* образует падежи от старой основы на *-ĭ*, являющейся в закрытых слогах в виде *четыре-*, а в открытых в виде *четыр-: четырём, четырёх* при *четырьмя.*

Оба образует падежи от основы *обойи-: обóих, обоим, обоими.* В женском роде *обе* — от основы *обейи-: обеих, обеим.*

Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро и более редкие *вóсьмеро, девятеро, десятеро* склоняются только во множ.: *двоúх, семерых, пятерым.* В твор. мн.: *двоими, троими* (*четверыми, пятерыми* и т. д. чужды моему словоупотреблению). *Двое, трое, четверо* и т. д. употребляются также в соединении с именами, знающими только мн. число: *двое ворот, к двоим воротам, двое саней, на двоих санях* (но также *к двум воротам, на двух санях, трем воротам*).

Порядковые числительные *первый, второй, третий, четвертый, сороковой* и т. д. склоняются как прилагательные.

ГЛАВА XVII.

СПРЯЖЕНИЕ.

В отделе, посвященном глаголу, необходимо рассмотреть, во-первых, глаголы в собственном смысле, во-вторых, спрягаемые имена прилагательные и причастия, в-третьих, склоняемые глагольные имена с атрибутивным значением (причастия), в-четвертых, несклоняемые

---

[1] Реформою орфографии 1918 г. эти формы изъяты из практики письма. (Ред.)

глагольные имена с неатрибутивным значением (инфинитив), в-пятых, глагольные наречия (деепричастия). Все эти слова объединяются частью тем, что образуются посредством определенных окончаний от общей основы (глаголы, причастия спрягаемые и склоняемые, деепричастия, инфинитивы), частью тем, что изменяются по общим всем им категориям, чуждым другим частям речи (категории времени, залога и вида объединяют глаголы, причастия, деепричастия; категории залога и вида объединяют с указанными формами и инфинитив; категории лица и времени объединяют глаголы, спрягаемые имена прилагательные и причастия). Признав категорию лица наиболее характерною при определении глагола, ибо она неотъемлема от собственно глагольных (не именных) образований, мы называем изменение глагола по лицам спряжением. Сообразно с этим рассмотренные выше слова распадаются на две группы: а) слова спрягаемые (сюда относятся глаголы в собственном смысле, а также неспрягаемые имена и причастия), б) слова неспрягаемые (инфинитив; причастия склоняемые и деепричастия). Сначала остановлюсь на спряжении, т. е. на изменении слов по категории лица; затем перейду к изменению спрягаемых слов по другим глагольным категориям; наконец, займусь неспрягаемыми глагольными словами.

В русском языке различаются, как это было видно и при обзоре местоимений, три лица: первое лицо, обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), ведущее речь от себя; второе — обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), к которому обращена речь; третье — обозначающее лицо или предмет, о котором идет речь. То обстоятельство, что речь может вестись не только одним лицом, но и несколькими, причем она может быть обращена не только к одному, но и к нескольким лицам, является основанием тому, что 1-е лицо определяется или как 1-е лицо ед. числа, или как 1-е лицо мн. числа, и так же определяются 2-е лицо ед. и 2-е лицо мн. числа. Лицо говорящее так же, как лицо, к которому обращена речь, может быть мужеского или женского рода; сообразно с этим 1-е лицо может быть 1-м лицом мужеского или женского рода, 2-е лицо 2-м лицом мужеского или женского рода. Равным образом предметом речи может быть не только один предмет, но и несколько предметов, поэтому при 3-м лице ед. числа является и 3-е лицо мн. числа. Предмет, о котором идет речь, может принадлежать к одному из трех родов: мужескому, женскому или среднему; сообразно с этим 3-е лицо ед. и мн. числа может быть 3-м лицом ед. числа мужеского рода, 3-м лицом ед. ч. женского рода, 3-м лицом ед. числа среднего рода, 3-м лицом мн. числа мужеского рода и т. д. Теоретически возможны еще и другие определения для всех трех лиц; так, возможно определение лица еще и двойственным числом, а именно речь может вестись от имени двух лиц, может быть обращена к двум лицам и может идти о двух лицах или предметах; во всех этих случаях возникало бы представление о 1-м, 2-м и 3-м лице двойственного числа. Но современному русскому языку чужда категория двойственного числа в именах; понятно, что ее нет (она не сохранилась) и в глаголах. Относительно различения рода (мужеского, женского и среднего) в лицах отметим, что категория рода

возникла собственно в именах и притом путем грамматическим, формальным (а не реальным, ибо, напр., к мужескому и женскому роду принадлежат слова, которые обозначают такие предметы, которые по реальному своему значению не могут быть отнесены ни к тому, ни к другому роду). Вследствие этого проникновение родовых различий в категорию лица глаголов могло произойти только под влиянием имен; в русском языке это влияние сказалось только на спрягаемых именах и причастиях. Как мы знаем, русский язык во мн. числе частью утратил совсем (в именах атрибутивных), частью утрачивает постепенно (в именах существительных) различия родовые; вследствие этого и в спрягаемых именах родовые различия наблюдаются только в ед., но не во мн. числе.

Из сказанного ясно вытекает необходимость рассмотреть отдельно спряжение глагола от спряжения имен и причастий.

1. В спряжении (изменении по категории лица) глаголов различаются шесть лиц: три лица ед. числа и три лица мн. числа. Различия эти образуются особыми окончаниями. Окончаниями 1-го лица ед. числа являются *-у (несу, прошу, гор'у, играју)*, а в некоторых редких глаголах *-м (ем, дам)*. Окончанием 2-го лица ед. числа является *-ш (берёш, ходиш, играјеш, еш, даш)*, а для повелительного наклонения *-и*, которое в неударяемом положении переходит в *-й* после гласной и вообще отпадает после согласной *(несй, просй, дай, устрой, вынь, брось, реж, ляг)*, сохраняясь, однако, после группы согласных: *почисти, отсохни, тресни*, а также в сложенных с *вы-*: *вынеси, вырази;* в глаголе *есть* окончанием 2-го лица и повел. накл. является *-ш (еш)*. Окончанием 3-го лица ед. числа является *-т (плетёт, водит, сядет, даст, ест)* и архаическое *-т'* в *есть, бог весть*. Окончанием 1-го лица мн. числа служит *-м (гребём, носим, знајем, едим, дадим, дајом*, повел. накл. *идём)*. Окончанием 2-го лица мн. является *-те (стережете, хвалите, дајоте, поспејете;* повел. накл. *идйте, хвалйте, дайте, выньте, лягте)*. Окончанием 3-го лица мн. является *-т (несут, носят, горят, строят, спят, хотят, тревожат)*. Способы присоединения указанных окончаний в основном будут рассмотрены ниже при обзоре спряжения глагольных основ. Здесь отметим, что указанные окончания свойственны только настоящему и будущему времени, а также повелительному наклонению.

2. В спряжении имен прилагательных и причастий различаются десять лиц, семь для ед. числа и три для мн., причем в ед. числе три лица мужеского рода, три лица женского рода и одно (3-е) лицо среднего рода. Различия между этими формами образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм (*я* для мужеского и женского, *ты* для мужеского и женского, *он, она, оно, мы, вы, они*): 1-е лицо мужеского *я весел, я был*, 1-е лицо женского рода *я рада, я ходила*, 2-е лицо мужеского *ты стар, ты носил*, 2-е лицо женского рода *ты молода, ты играла*, 3-е лицо мужеского *он прост, он собрал*, 3-е лицо женского *она бедна, она ушла*, 3-е лицо среднего *оно хорошо, оно упало*, 1-е лицо мн. *мы обижены, мы упали*, 2-е лицо мн. *вы виноваты, вы устали*, 3-е лицо мн. *они счастливы, они отказали*. Повторим сказанное выше при обзоре местоимений: *они* употребляется безразлично для муже-

ского и женского рода; вместо *они* известно также *оне* также для мужеского и женского рода; различение *они* и *оне* как формы мужеского и женского рода искусственно и не оправдывается ни историей, ни современным употреблением. Понятно, что вместо местоимения 3-го лица *он, она, оно, они* может быть употреблено имя существительное: *женщина вышла, дети веселы.*

Рассматриваемое спряжение распадается на два резко друг от друга отличных отдела. К первому принадлежит спряжение причастия на *-л: я был, ты крала, оно прошло* и т. д. Формы на *-л* в настоящее время утратили свое первоначальное причастное значение прош. вр. и употребляются только как спрягаемые формы прош. вр. Ко второму отделу принадлежит спряжение всех остальных причастий (на *-т, -м, -н*), а также и прилагательных. Формальным отличием спряжения второго отдела от первого является следующее: окончанием мн. числа в первом отделе служит *-и: были, ходили, ели, несли,* между тем как во втором отделе таким окончанием является *-ы: веселы, биты, любимы, брошены* (*-и* является только в простор.: *ради, виноваты, квиты*). Относящиеся ко второму отделу спрягаемые слова изменяются, в противоположность причастиям на *-л*, по временам; простое соединение их с указанными выше местоимениями, а также с существительными обозначает настоящее время: *я молода, женщина убита, солдат ранен;* но соединение их с формами прошедшего или будущего времени вспомогательных глаголов (о них скажем ниже) служит для выражения этих двух времен, напр. *я был весел, она была рада, мы будем довольны, они будут брошены, они бывали неисправны* и т. п. В подобных сложных образованиях вместо формы на согласную в мужеском роде, на *-а* в женском, на *-о* в среднем, на *-ы* во мн. числе употребляются не после вспомогательного глагола *был, буду* и формы на *-ым* в мужеском роде, *-ой* в женском, *-ым* в среднем, *-ыми* во мн. числе; по происхождению своему это формы твор. пад.: *я стал веселым, она бывала веселой, небо стало пасмурным, он сделался серьезным.* Равным образом при помощи вспомогательных глаголов образуются этими спрягаемыми именами наклонения повелительное и сослагательное: *будь весела, было бы скучно.*

В целом ряде глаголов окончание 3-го лица ед. числа *-т* в настоящем и будущем времени не вносит в глагольную форму категории лица: эти глагольные формы, хотя и говорят о том или другом действии или состоянии, но не содержат указания на то, чтобы это действие или состояние производилось определенным субъектом. Ср. безличные глаголы как *шумит, морозит, меня тошнит, чешется, думается.* Аналогично с этим окончание *-о* в форме прошедшего времени не вносит категории лица, напр. в формах как *морозило, рассвело, чесалось, думалось.* И точно так же безлично употребляются именные формы (причастия и прилагательные) на *-о: здесь весело, мне тошно, ему больно.*

От этих безличных форм отличается употребление 3-го лица мн. глаголов и причастий на *-л* без определенно выраженного субъекта; при безличных глаголах субъект не только не выражен определенно, он даже не подразумевается, между тем при формах 3-го лица мн. (на *-ут, -ат* и *-ли*) субъект подразумевается и притом

во мн. числе: *пишут, говорят, твердили, смеялись* (подразумевается: *люди*).

Форма повел. накл. на *-и* (или на согласную, за которой отпало *-и*), при употреблении с существительным или местоимением 3-го лица или местоимением 1-го лица, утрачивает значение 2-го лица и получает значение 3-го лица или 1-го лица условного наклонения: *приди он раньше, знай я это раньше, ничего бы не было; скажи он это, было бы все исполнено; будь он посмелее, его бы не тронули; вспомни я раньше об этом, все было бы хорошо; будь я там, этого бы не случилось; будь мы там.* Также реже при 1-м и 2-м лице мн.: *будь мы, будь вы.* Отмечу еще употребление формы повел. на *-и* в значении 3-го лица ед. повел. накл.: *помилуй бог, помоги ему бог, провались он на месте* (также и во мн. *провались они все*), *пропадай моя головушка, сохрани его господь.*

1. Категория времени.

Глагол и прочие спрягаемые слова посредством тех или иных формальных средств образуют различные времена. Действие или состояние предмета представляется или продолжающимся в настоящем времени, или относящимся к прошедшему времени, или, наконец, относящимся к будущему времени. Наст. вр. глаголов определяется теми личными окончаниями, которые рассмотрены выше: *иду, хожу, просишь, видим, даёте, носят, ем, едим.* Наст. вр. прочих спрягаемых слов определяется отсутствием вспомогательного глагола при спрягаемом слове: *они веселы, он убит, он задушен, он тронут, она ранена, книга найдена* (наст. вр., состоящее из причастия совершенного вида, в противоположность другим формам наст. вр., можно определить как наст. вр. совершенного вида). Прош. вр. глаголов образуют формы спрягаемого причастия на *-л: он был, он убил, она пришла, она веселилась.* Прош. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в прош. вр.: *она была рада, они были удивлены, они были тронуты.* (Прошедшее время от глаголов совершенного вида, а также от спрягаемых причастий совершенного вида можно определить как прош. вр. совершенного вида.) Буд. вр. образуется от глаголов двояким способом: или оно по форме основы и по своим окончаниям тождественно с наст. вр. (будущее совершенного вида), напр. *съем, сыграет, набросит, залезет, заставим;* или оно представляет соединение инфинитива с вспомогательными глаголами *буду, стану* (будущее несовершенного вида): *буду играть, стану сказывать,* причем это образование возможно только от тех глаголов, основа которых не имеет значения совершенного вида (нельзя сказать *буду поиграть, будет сказать*). Буд. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в буд. вр.: *я буду полезен, я буду избит, она станет сильной.* (Соединение с причастием совершенного вида образует будущее совершенное.)

Наст. вр. от глаголов совершенного вида имеет не только значение будущего совершенного, но также и наст. вр. при рассказе о часто

повторяющихся событиях: *он встанет, оденется и выйдет в сад погулять, походит по дорожкам и вернется домой.*

Таким образом, если примем во внимание обнаруживающиеся видовые отношения, видим, что в нашем языке различаются следующие шесть времен: настоящее несовершенного и совершенного вида, прошедшее несовершенного и совершенного вида, будущее несовершенного и совершенного вида.

2. Категория наклонения.

Наклонениями называются те различия в глагольных формах, которыми обозначается отношение субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; действие или состояние может представляться связанным с субъектом непосредственно, в этом случае глагольная спрягаемая форма определяется как изъяв. накл.; действие или состояние может представляться связанным с субъектом только при известном условии или определяться как нечто желаемое: сослаг. накл., наконец, действие или состояние связывается с субъектом только в акте воли говорящего лица: повел. накл. Выражения для сослаг. и повел. накл., равно как и для других наклонений (напр. условного, желательного), могут быть даны разнообразными синтактическими сочетаниями (напр.: *если он скажет, пошел бы ты, да будет, молчать* и т. п.), но в морфологии мы останавливаемся только на тех различиях, которые даны в самой грамматической форме. С этой точки зрения различаем в русском языке только три вышеназванные наклонения. Данное выше определение наклонения исключает возможность признать инфинитив наклонением хотя бы неопределенным: в нем не выражается отношения субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; поэтому неопределенную форму, представляющуюся простым названием действия или состояния, удобнее назвать иностранным термином инфинитив.

Признаком изъяв. накл. являются наличность в глагольной и вообще спрягаемой форме возможности сочетаться с субъектом в каждом из шести лиц и отсутствие частицы *бы* за формами прошедшего времени: *я иду, ты несёшь, они хотели, они дадут, они будут сидеть, она молода, она была больна.*

Признаком повелительного наклонения является отсутствие возможности сочетать глагольную форму с 1-м лицом ед. числа и 3-м лицом ед. и мн. числа; обычно она сочетается только со 2-м лицом ед. и мн. числа: *сядь, посиди, проси, будьте любезны, играйте, давайте;* в глаголах совершенного вида, а также определенно-моторных (см. ниже) форма повел. накл. может относиться и к 1-му лицу мн., выражаясь при этом формой 1-го лица мн. наст. вр., но не сочетаясь с местоимением 1-го лица мн.: *идём, бросим, несём, скажем.* Форма *пошол*, не сочетаемая с местоимением 2-го лица ед. или принимающая за собой это местоимение только постпозитивно (*пошол ты вон*), служит также для выражения повел. накл. Повел. накл. являются и частицы *на, нате.* Особою разновидностью повел. накл. является его предостерегательное значение. Оно образуется двояким способом: во-первых, из соединения отрицания *не* с повел. накл. глагола

совершенного вида (который вообще с отрицанием не соединяется): *не потеряй, не усни, не урони, не убейся, не попадись, не упади, не укради, не убей* (из заповедей), *не уколись, не прозевай;* во-вторых, из соединения повел. *смотри, прошу, пожалуйста* с повел. накл. (несо ершенного и совершенного вида), сопровождаемых отрицанием: *смотри не выброни, смотри не шали, не откажитесь, прошу вас, смотри не выпь* (несчастливого жребия), *смотри не проиграй, не рассердись пожалуйста.*

Сослаг. накл. (согласно предыдущему, имеющее значение условного и желательного накл.) определяется наличностью частицы *бы* при формах прош. вр. на *-л: я бы сел, она хотела бы, они бы вышли, она была бы* добрее. Впрочем, как мы видели, для выражения этого накл. (точнее накл. условного) употребляется и форма 2-го лица ед. повел. накл. в сочетании с 1-м и 3-м лицом ед. числа, реже мн. числа: *приди он раньше, послушайся я его совета, догадайся я, что это так.*

3. Категория вида.

Видами называются те различия в глагольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой. Учение о значении видов принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии. Но вопросы об образовании и форме видов рассматриваются в морфологии, причем значение видов затрагивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов.

В русском глаголе различаются следующие два главные вида: вид несовершенный (имперфективный) и вид совершенный (перфективный). Несовершенный вид означает действие или состояние, длившееся в прошедшем или продолжающееся (не в своем результате, а в самом действии или состоянии) в настоящем или имеющее длиться в будущем: *смотрю, я ходил, буду читать, поговаривают, ты нёс, он бежит.* Совершенный вид означает или законченность длительности действия (состояния): *посмотрю, похожу, посидит, побегал* (т. е. длительность была налицо, но говорящий говорит о ней, как о прекратившейся, законченной в прошедшем или будущем); или он обозначает результат действия (состояния) как нечто законченное в прошедшем, настоящем или будущем: *он прибежал, он принёс, он ранен, он наказан; она крикнет, он уйдет.*

В подавляющем большинстве случаев форма совершенного вида отличается от соответствующей формы несовершенного вида; в редких случаях формы совершенного и несовершенного вида совпадают в звуковом отношении. Во всех, однако, случаях формы обоих видов отличаются друг от друга в грамматическом употреблении, а именно: во-первых, форма, имеющая в глаголах несовершенного вида значение наст. вр., в глаголах совершенного вида получает значение буд. вр., напр. *говорю, наговорю, несу, принесу, смеюсь, засмеюсь; доношу начальству, доношу старое платье; она телеграфирует мне сегодня, она телеграфирует мне завтра.* Во-вторых, в глаголах несовершенного

вида буд. вр. образуется посредством соединения вспомогательных глаголов *буду, стану* с инфинитивом; в глаголах совершенного вида такое соединение не допускается: *буду говорить, буду слушать;* следовательно, в соединении *буду телеграфировать* глагол несовершенного вида. В-третьих, от глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего времени: *играющий;* от глаголов совершенного вида не может быть образовано причастие на *-щий*. В-четвертых, от глаголов совершенного вида не употребительно причастие наст. страдательного залога, между тем его образуют глаголы несовершенного вида: *любимый, уважаемый, это не произносимо, он всеми видим*. В-пятых, повел. накл. совершенного вида по общему правилу не соединяется с отрицанием *не*, а если соединяется (иногда с *смотри, пожалуйста, прошу*), то имеет значение предостерегательное: *не промахнись, смотри не уступи, пожалуйста не отопрись*.

Перехожу к формальным отличиям совершенного вида от несовершенного. Как указано, в подавляющем числе случаев форма совершенного вида глагола отличается от соответствующей формы несовершенного вида. Отличие это выражается или 1) в обосложнении основы несовершенного вида предлогом *браню — побраню, выбраню,* или 2) в самом строении основы. Рассмотрю отдельно тот и другой способ образования совершенного вида.

1. По общему правилу глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности. Приведу ряд примеров с различными предлогами: *за: забарабанить, зарезать, застрелить, задрожать, задремать; воз: воспылать, вознегодовать; по: полететь, побежать, побрести, повалить, погнать; от: отсидеть, отстоять, отпеть; на: напáдать, накурить, написать, напутать; из: испачкать, испортить, истолочь, изжарить; вы: высечь, выкрасить, выругать; про: прогреметь, пробормотать, прождать, прозвучать, проездить; у: украсть; с: сделать, сыграть, снести, слетать, слукавить; раз: разбудить, разбогатеть, развеселить; о, об: остолбенеть, осиротеть; по: повенчать, построить, покраснеть*. Для выражения прекращения длительности глагола употребляется предлог *по: поговорить, поиграть, полечиться, походить, почесаться, поторопиться*.

2. Различие в основах, означающих совершенный и несовершенный вид, образуется разными способами и восходит к разным эпохам. Необходимо иметь в виду следующие четыре группы глаголов совершенного вида: а) несложенные с предлогами основы на согласную и на *-и*, имеющие при себе в несовершенном виде основы на *-а;* б) основы, несложенные с предлогами, при которых исчезли соответствующие основы несовершенного вида; в) несложенные с предлогами основы на *-ну;* г) сложенные с предлогами основы.

1) Число основ, несложенных с предлогами, оканчивающихся на согласную и на *-и* и имеющих значение совершенного вида, весьма ограниченно. Сюда относятся: *дам* (основа *дад-*) при основе *дава-*

в несовершенном виде (но в наст. вр. основа *дајо-*), *паду* (основа инфинитива *пад-*) при основе *пáда-* в несовершенном виде (*падаю*); основы на *-и*: *благословлю* при *благословляю* в несовершенном виде, *брошу* при *бросаю* в несовершенном виде, *кончу* при *кончаю*, *лишу* при *лишаю*, *пленю* при *пленяю*, *прощу* при *прощаю*, *пущу* при *пускаю*, *рожу* при *рождаю*, *решу* при *решаю*, *ступлю* при *ступаю*, *хвачу* при *хватаю*, *явлю* при *являю*. Сюда же относится *куплю* при *покупаю* в несовершенном виде. Глагол *хватить* (ударить) не имеет при себе несовершенного вида, но ясна связь его с *хватать*.

2) При *сяду — сесть*, *лягу — лечь*, *стану — стать*, *дену — деть* не известны теперь соответствующие формы несовершенного вида (впрочем, известен инфинитив *девать*), но раньше при них существовали образования как **сьдать* (украинск. *сідати*), *лягать*, **ставать*, **дьваю*.

3) Несложенные с предлогами основы на *-ну* принадлежат все к совершенному виду, за исключением тех, которые обозначают не активное действие предмета, а пассивное его состояние (как *тонуть*, *виснуть*, *киснуть*, *пухнуть*, *мокнуть*, *сохнуть*), а также еще глагола *тянуть*. Соответствующие глаголы несовершенного вида производятся от основы на *-а*. Примеры для глаголов совершенного вида на *-ну*: *зевнуть*, *крикнуть*, *шагнуть*, *чихнуть*, *ахнуть*, *хлопнуть*, *топнуть*, *резнуть*, *кольнуть*, *толкануть*, *кашлянуть*, *бацнуть*, *вернуть*, *кинуть*, *минуть*.

4) Глаголы совершенного вида, сложенные с предлогами, сохранившими реальное свое значение, имеют при себе по общему правилу глаголы несовершенного вида, сложенные с теми же предлогами, но образованные от другой основы. При этом различаются две группы: а) основа несовершенного вида не является основой производной от основы совершенного вида; б) основа несовершенного вида производная от основы совершенного вида.

а) Глаголы несовершенного вида со значением моторным производятся от родственной основы с неопределенно-моторным значением, когда совершенный вид (сложенный с предлогом) содержит основу с соответствующим определенно-моторным значением. Так, при *отнести* является *относить*, ср. *нести — носить*; так же: *завезти — завозить*, *донести — доносить*, *залететь — залетать*, *привести — приводить*. Сложенный с предлогом глагол *лезть*, напр., *залезть*, *вылезть*, рядом с *лазить — залазить*, *вылазить* может иметь и образование с производною основой: *залезать*, *вылезать*. Только с производною основою образует соверш. вид глаголов *плыть*, *ехать*, *бежать* соответствующие основы несоверш. вида: *приплыть — приплывать* (не **приплавать*), *приехать — приезжать* (не **приездить*), *набежать — набегáть* (не **набéгать*).

б) Остальные глаголы совершенного вида образуют несовершенный вид от соответствующей производной основы. При этом известны производные основы на *-а*, производные основы на *-ја*, производные основы на *-ывать*, *-ивать*. Рассмотрю отдельно все эти производные основы.

Производную основу на *-а* (после гласных на *-ва*) находим от всех глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на согласную и на гласную при односложности основы совершенного вида: *прода-ть — продавать*;

напеть—напевать, нажить—наживать, задуть—задувать, забить—забивать, покрыть—покрывать, обуть—обувать, сознать—сознавать; также: *отпадать, оседать, отсекать, запасать.* При этом в древнейшем периоде краткие, исконно краткие, гласные в корне подвергались растяжению: *о* переходило в *а*, *е* в *ѣ*, *ѵ* в *ы*, *ь* в *и*; в русском языке, в частности в великорусском, такие *а*, *ѣ* заменены были с течением времени под влиянием аналогии через *о*, *е* (напр. *погребать* вместо *погрьбать, налегать, помогать*), но *ы*, *и* на месте старых *ѵ*, *ь* сохранились: *умирать* (ср. основу настоящего ѵ̆мьр- в *умру*), *простирать* (наст. простьр- в *простру*), *натирать* (наст. натьр- в *натру*), *считать* (наст. сьчьт- в *сочту*), *начинать* (наст. начьн- в *начну*), *пожирать* (наст. пожьр- в *пожру*), *пробирать* (ср. бьр- в пробьрати). Производную основу на *-а* находим (с таким же растяжением исконно кратких гласных) и при глаголах с инфинитивом на *-нуть: увянуть — увядать, утонуть — утопать, заснуть — засыпать, закинуть — закидать, передвинуть — передвигать.* Производную основу на *-а* находим в редких случаях при основе наст. вр. на *-je* и основе инфинитива на *-а*: *насыплю — насыпáть, обрежу — обрезáть.* Производная основа на *-а* является далее в соответствии с основой на *-и* в совершенном виде в том случае, если в соответствующих глаголах несложенных соверш. и несов. вида известны те же обе основы: *наступить — наступать* (ср. *ступить — ступать*), *запустить — запускать;* сюда же *закупить — закупать* (ср. *купить* совершенного вида, не имеющее, впрочем, при себе *купать*). Производная основа на *-а* является еще в нескольких случаях: *загораться, пригорать, закипать.*

Производную основу на *-ja* находим при основе на *-и* по общему правилу, однако, только тогда, когда в основе настоящего времени ударение падает на это *и*: *обвиня́ю — обвинять, успащать, отвращать, наделять, угощать, объявлять, отличать, упрощать, устремлять, усыплять, укреплять;* также еще и там, где ударение в наст. вр. колеблется, но где в инфинитиве оно падает на *и*: *отучáть, умолять, провожать, погружать, выгружать, переменять.* В словах книжных, заимствованных из церковнославянского, образование на *-ja* при основе на *-и*, независимо от ударения основы настоящего и инфинитива, составляет общее правило: *украшать* при *украсить, управлять, наставлять, прославлять, приготовлять, отвечать, отправлять, замечать, отмечать.*

Производную основу на *-ыва* с ударением на корне находим в других неотмеченных выше глаголах в положении после твердой согласной. Так, при основе инфинитива на *-ну*: *заглядывать, притискивать* (здесь *и* вместо *ы* после *k*), *запихивать* (то же после *х*), *отстёгивать* (то же после *г*), *затрогивать, подуськивать, проскальзываю, улепётывать, отпрядывать.* При основе инфинитива на *-а* и *-о* с основой настоящего времени на *-je: заказывать, срезывать, слизывать, помазывать, отклёвывать, отплёвываться, закалывать.* При основе инфинитива на *-а* с основой наст. вр. на *-aje: забрасываю, запугиваю, учитываю, отмежовываю, заламываю, упитывать, закусывать, закутывать, зарабатывать.*

Производную основу на *-ива* с ударением на корне находим в положении после мягкой согласной. При основе наст. вр. и инфинитива на

-и, когда ударение в инфинитиве или наст. вр. (здесь кроме 1-го лица ед.) падает на корень: *расцвечивать, отпячивать, разукрашивать, подзадоривать, унавоживать, условливаться, замораживать, запрашивать, отваживаться, отплачивать, позванивать, отращивать, отсрочивать, замаливать, загораживать, отсвечивать, покучивать, отвинчивать, залечивать, охорашивать, вынашивать, высушивать, выменивать, выучивать, выколачивать, выпиливать, обнаруживать, отшучиваться, озадачивать, обнадёживать, удерживать, открещиваться, усваивать, удваивать.*

При основе наст. вр. на *-jaje: увенчивать, замешивать.* При основе наст. на *-и* и основе инфинитива на *-ть* (*-а*): *высиживать, полёживать, вылёживаться, просиживать* (несмотря на удар. *просидит*), *замалчивать, отстаивать.*

3. Некоторые сравнительно немногочисленные глаголы имеют одну общую форму как для совершенного, так и для несовершенного вида. Сюда относятся глаголы: *женю, крещу, казню, велю, дарую, образую, организую, телеграфирую* и, повидимому, *обещаю.* Глаголы *организую* и *телеграфирую* представляются новообразованиями; *обещаю, дарую, образую, крещу* несомненно слова книжные, заимствованные из церковнославянского; значение слова *женю* дает основание предположить, что и оно такого же происхождения; понятно, что и *казню, велю* можно признать церковнославянизмами. Следовательно, совмещение двух значений видовых имеет место а) в словах, заимствованных из церковнославянского, б) в новообразованиях. Оба видовые значения перенесены из самого церковнославянского языка; здесь, в силу необходимости создавать неологизмы, а другой раз в силу невозможности прибегнуть к новообразованиям, в ряде случаев, как увидим, стирались первоначальные отношения между обоими видами. Быть может, сюда же должно отнести следующие глаголы, в настоящее время известные только со значением совершенного вида, но еще недавно употреблявшиеся и со значением несовершенного вида: *молвлю, раню.* Отдельно стоят русские по форме глаголы *ворочу́* и *полоню́*, известные только в совершенном виде, причем, однако, *ворочу́* употребляется в виде несовершенном, напр. в выражении *он рыло воро́тит*; эти глаголы, в особенности *полоню* (вместо *ворочу́* чаще *возвращу, верну*), представляются устаревшими.

Из предыдущего выясняется, что бо́льшая часть глаголов совершенного вида представляет сложение глагола с предлогом. Мы можем указать на сравнительно немного глаголов с основой на согласную и на *-и* в инфинитиве, имеющих значение совершенного вида; возможно, что такое значение они получили позже под влиянием того, что при них были однозначащие глаголы с основой на *-а*, которым было присвоено значение соответствующего несовершенного вида; при этом вероятно думать, что, напр., *явить* при *являть* получило значение совершенного вида вследствие именно того, что рядом с несовершенным *объявлять* (с производной основой) существовало *объявить*; ср. еще *ступить — ступаю* при *наступить — наступаю; купить* совершенного вида под влиянием *накупить — накупаю; родить — рождаю* под влиянием *зародить — зарождаю.* Как мы только что видели, число глаголов, несложенных с предлогами, где значение совершенного

вида не связывается с только что указанными условиями, совершенно незначительно (*женю, раню* и т. п.). Итак, сложение с предлогом по общему правилу вызывает замену несовершенного вида глагола видом совершенным[1]: *видеть — увидеть, красть — накрасть, бросать — забросать* и т. д. Это общее положение нуждается, однако, в более подробном исследовании, в виду того, что ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняет свое первоначальное значение несоверш. вида. Сюда относятся следующие группы глаголов.

Во-первых, те глаголы, сложенные с предлогами и имеющие значение несоверш. вида, которые не имеют при себе простых беспредложных глаголов; эти глаголы рассмотрены выше, причем указано, что они образованы от производной основы при сложенных с теми же предлогами глаголах совершенного вида, образованных от основы непроизводной. Так, находим со значением несовершенного вида: *замечать, забавлять, украшать, угощать, укрощать, заворачивать, заколачивать, разламывать* при отсутствии простых беспредложных **мечать*, **ворачивать*, **ламывать;* ясно, что перед нами новообразования, явившиеся при глаголах совершенного вида: *заметить, добавить, заколотить* и т. п.

Во-вторых, группа глаголов с основой производной на *-а*, сохраняющих значение несовершенного вида в сложении с предлогами, несмотря на наличность при них простого, беспредложного глагола с тою же основой; сюда относятся: *бывать: забываю, отбываю, убываю, добываю* и др. (но в соединении с *по* совершенный вид: *побываю*); *давать: подаю, отдаю, продаю, раздаю* (но в соединении с *на* совершенный вид: *надаю*); *кидать: покидаю* (но в соединении с другими предлогами совершенный вид: *закидаю, накидаю, выкидаю*); *девать: одеваю, задеваю, продеваю* (но в соединении с *по*: *подеваю*); *пускать* и простор. *пущаю: отпускаю, выпускаю, попускаю, запускаю; рождать: порождать, зарождать; решать: отрешаю; ступать: заступать, отступаю, наступаю, приступаю, выступаю, поступаю; рыгать: изрыгаю, отрыгаю; являть: заявлять, объявлять, изъявляю.* Едва ли может подлежать сомнению, что несовершенный вид в глаголах этой группы сохранялся под влиянием глаголов первой группы; при всех этих глаголах имеются родственные образования совершенного вида в сложениях с теми же предлогами: *забыть, подам, покину, одену, отпущу, зародит, отрешит, наступлю, изрыгнет, изъявлю* и т. д. Глаголы *забывать, подавать, отрешать,* ассоциируясь с *забыть, подать, отрешить,* представлялись такими же производными, как, напр., *затевать* при *затеять, покрывать* при *покрыть, увядать* при *увянуть;* вследствие этого они и получили значение несовершенного вида. Ср. с одной стороны несовершенный вид в сложениях, как *забываю, подаю, покидаю* при сложных *забуду, подам, покину;* а с другой совершенный вид в сложениях *побываю, надаю, подеваю, накидаю* в виду отсутствия сложных **надам*, **подену* и другого значения таких сложных, как *побуду, накину.*

В-третьих, группа глаголов, обозначающих движение, как *ходить, носить, водить, возить, летать,* в сложении с предлогами сохраняют

[1] В рукописи: «Замену совершенного вида глаголов видом несовершенным». (Ред.)

несовершенный вид: *отношу, заношу, завожу, привожу, перелетаю* (но рядом с совершенным видом сложение, как *поношу ребенка по комнате, слетаю в город, схожу за ним*). Сохранение несовершенного вида вызвано здесь тем, что сложенные совершенного вида, как *отнести, завести, привезти, налететь*, получили при себе в качестве несовершенного вида образования, как *относить, заводить, привозить, налетать*, — и это в виду существования при *нести, везти, вести, лететь* производных основ *носить, возить, водить, летать*. Появление совершенного вида в указанных выше *поносить, слетать, сходить* объясняется тем, что сложенные *понести, слететь, сойти* не ассоциировались с ними по значению. Поэтому *заносить платье* — совершенного вида (ибо нельзя *занести платье*), *заводить кого до усталости* — совершенного вида (ибо *завести* имеет другое значение). Сравнивая ударение глаголов *выноси́ть, выводи́ть, выходи́ть, вывози́ть* и глаголов *вы́носить, вы́ходить, вы́возить*, видим, что в несовершенном виде оно непервоначально, ибо по общему закону оно переносится на предлог *вы*; следовательно, это ударение явилось под влиянием производных с ударением на примете *-а*; отсюда видно, что не только *выходить* и т. д., но и *доходить, заводить, привозить* со значением несовершенного вида надо рассматривать как новообразование.

В-четвертых, ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняющих несовершенный вид, оказываются заимствованными из церковнославянского языка, где, как указано, были нарушены первоначальные условия различения видов вследствие неологизмов, новых искусственных образований, нарождавшихся при переводе на славянский язык греческих текстов. Ср. с этим аналогичное явление в русском языке, где глагол *выглядеть*, образованный по образцу немецкого языка, сохраняет значение несовершенного вида. Церковнославянские глаголы этого рода или имеют при себе простые беспредложные, или известны только в сложении с предлогами. К первым относятся, например: *предвидеть, провидеть, подлежать, надлежит, принадлежать, прилежать, содержать, отстоять, состоять, предстоять, настоит* нужда, *сожалеть, поносить* (бранить), *предчувствовать, сочувствовать, наследовать, преследовать, разуметь, прообразует*. Ко вторым относятся, напр.: *зависеть, изволить, заимствовать, завидовать, обожать, обуревать, ожидать, опасаться, осязает, поборать, упрожать, поблажать, подобать, подозревать, подражать, подразумевать, отрицать, порицать, созерцать, увещевать, управлять, упражнять, изобиловать, повиноваться, приветствовать, приличествовать* и др.

Сказанное убеждает нас в том, что первоначально все сложенные с предлогами глаголы получали значение совершенного вида. Несовершенный вид в таких глаголах вызывался или необходимостью иметь новообразование несовершенного вида при соответствующем глаголе совершенного вида, или искусственным подражанием другим языкам — греческому (в церковнославянском), немецкому (глагол *выглядеть* в русском).

Совершенно ясно, что указанное происхождение совершенного вида — путем сложения глагола с предлогом — ведет к следующему положению: совершенный вид образовался не самостоятельно, а путем

противоположения сложенного с предлогом глагола простому, беспредложному. Когда в ряде случаев (как *несу — занесу, прошу — попрошу, курю — накурю* и т. п.) возникло соотношение несовершенного вида с совершенным, такое же соотношение переносилось и в другие случаи. А именно, во-первых, сложенные с предлогами глаголы совершенного вида стали нуждаться в соответствующих, содержащих те же предлоги (с определенным реальным значением), глаголах несовершенного вида; для образования их, как мы видели, прибегли к производным основам (*занесу — заношу, упрошу — упрашиваю, закурю — закуриваю*); во-вторых, видовые отношения переносились и в глаголы простые, беспредложные, причем, под влиянием аналогии сложенных с предлогами, несовершенный вид получали из сходных по значению чередующихся между собою основ основы на *-а*, а значение совершенного вида основы на согласную или на *-и* в инфинитиве (так явились: *явить — являю, ступить — ступаю*). Отмечу, напр., что еще недавно *кончиться* употреблялось в несовершенном виде; теперь это только совершенный вид под влиянием глагола *кончаться*. Также глагол *решить* употреблялся в несовершенном виде. В церковнославянском языке и в образовавшемся под его влиянием книжном русском языке два видовые значения стали различаться и в некоторых единичных глагольных основах (*крещу — крещу, дарую — дарую*).

Из предыдущего следует, что значение совершенного и несовершенного вида соотносительное. Вследствие этого при данном глаголе совершенного вида существует обыкновенно соответствующий глагол несовершенного вида; глагол несовершенного вида обыкновенно имеет при себе соответствующий глагол совершенного вида. Однако из обоих этих положений имеются исключения.

При некоторых глаголах совершенного вида неизвестны соответствующие образования несовершенного вида[1]. Мы видели такие глаголы среди беспредложных. Сюда относятся: *купить* (несовершенный вид при нем: *покупать*), *хватить* (в значении ударить), *сесть* (несовершенный вид *садиться*), *лечь* (несовершенный вид *ложиться*), *стать* (в значении сделаться, несовершенный вид *становиться*), *вернуть* (несовершенный вид *возвращать*), *бацнуть, ринуться, хлынуть, грянуть*; далее сюда же относятся теперь: *полонить, воротить, молвить, ранить* (см. выше). Среди глаголов, сложенных с предлогами, не образуют совершенного вида ряд глаголов на *-ся*, по значению своему ассоциирующиеся непосредственно с простыми, беспредложными, так как предлоги в этих глаголах не сохранили своего реального значения (а мы знаем, что новообразования несовершенного вида возникают только при тех сложенных с предлогами глаголах, в которых предлоги сохранили свое реальное значение); так, находим совершенный вид *насидеться, насмотреться, наглядеться, накричаться, наспаться, наволноваться, належаться, докричаться, расплакаться, разговориться, разнежиться, разъехаться* (в значении распасться), *разоспаться, развеселиться;* они относятся к несовершенным: *сидеть, спать, веселиться*. Кроме того находим: *уснуть, укусить* (при *спать, кусать*), *уронить* (при *ронять*), *положить* (при *класть*).

---

[1] В рукописи: «Образования совершенного вида». (Ред.)

Укажу теперь на такие глаголы несовершенного вида, которые не образуют при себе вид совершенный. Сюда относятся, во-первых, некоторые несложенные глаголы, как *удить, силиться (усилиться?), значить*, книжный глагол *долженствовать*. Во-вторых, ряд сложенных глаголов церковнославянского происхождения: *обожать, полагать, обуревать, ожидать, поблажать* и т. д. (см. перечень таких глаголов выше). В-третьих, глагол *перекоряться*. В-четвертых, несколько глаголов на *-ивать*, как *заискивать, отсвечивать, отцвечивать, ухаживать, охорашиваться*. В-пятых, глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие: *приплясываю, подпеваю, припеваючи, присвистывать*. В-шестых, глаголы, обозначающие действие, «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (определение Востокова): *разговариваю, разгуливаю, распеваю, расхаживать*.

4. Категория залога.

Формами залога называются те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту. Таким образом, под понятие залога подходят те формы, которые может принять тот или иной глагол для выражения указанных отношений. Определение залогов составляет предмет морфологии постольку, поскольку при этом выясняются те формальные средства, к которым для указанной цели прибегает язык.

В русском языке существует два формальные способа для выражения различий в отношениях действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту: 1) в причастиях искони различались причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие или состояние, проистекающее от самого субъекта *(уважающий, убежавший, принесший, зеленеющий)*, и причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие, переходящее с другого (психологического) субъекта на субъект предиката *(уважаемый, принесенный)*; первые из этих причастий принадлежат к действительному залогу, а вторые к страдательному; благодаря употреблению спрягаемых форм причастий страдательного залога для выражения форм времени и наклонения частью в соединении с вспомогательным глаголом, частью самостоятельно, в нашем языке могут быть образованы, напр. от глаголов *уважать, принести*, формы страдательного залога: *я уважаем, я был уважаем, он принесен, был, будет принесен, будь уважаем, был бы принесен, быть уважаемым, принесенным;* они противополагаются формам: я *уважаю, уважал, принес, принесу, уважай* и т. д., которые таким образом относятся к действительному залогу; 2) к разным глаголам, выражающим как действия, так и состояния, может присоединиться в русском языке частица *-ся* (по происхождению и по первоначальному значению это возвратное местоимение 3-го лица); прибавление этой частицы вносит различия в основное значение глагола, и большая часть этих различий суть различия залоговые, ибо ими вносится изменение в значение той связи между предикатом и субъектом, которая дана в основном глаголе. В противоположность

основным глаголам без *-ся*, относящимся к действительному залогу, глаголы на *-ся* можно определить, как глаголы недействительного залога; но, имея в виду, что одни из них имеют значение страдательного залога, а другие такого значения не имеют, мы эти последние обозначим общим термином — глаголы среднего залога.

Итак, различаем в русском языке следующие залоги:

1. Действительный, обозначающий действие или состояние, проистекающее от самого субъекта, производимое или осуществляемое им: *нести, ходить, глохнуть, богатеть*. Формально этот залог отличается от среднего отсутствием окончания *-ся* в произведенных от соответствующего глагола формах.

2. Страдательный, обозначающий действие, переходящее на субъект предиката с другого (психологического) субъекта. К страдательному залогу принадлежат причастия наст. вр. на *-м* (*-мый*) и прошедшего времени на *-н* (*-ный*) и *-т* (*-тый*). Спрягаемые формы образуются: а) спрягаемыми формами указанных причастий, причем отчасти при помощи вспомогательных глаголов могут быть выражены все те глагольные категории, которые выражаются и действительным залогом: *я любим, ты разорён, он будет убит, они были бы позваны, будь любим* (повел. накл. вообще редко в подобных образованиях); б) посредством присоединения частицы *-ся* к формам глаголов с переходным значением; наст. вр.: *эта песня распевается нами*; прош. вр.: *книги мною не продавались и не покупались, комната отпиралась подобранным ключом*; сослаг. накл.: *такие продукты вывозились бы на рынок, если бы...*; буд. вр.: *этот человек будет вами цениться;* причастие: *предполагающаяся нами постройка, привозившиеся окрестными торговцами товары*; повел. накл. таким способом не образуется; это зависит от того, что вообще формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице ед. и мн.; для выражения 1-го и 2-го лица прибегают к первому способу образования страдательного залога. От глаголов совершенного вида может быть образовано вообще только буд. вр., но ни прош. вр. (нельзя сказать: *эти дети полюбились нами*, а в выражении «*полюбились нам*» *полюбились* не страдательный, а средний залог), ни также причастие наст. и прош. вр.: *скатерть зальется чернилами* (но не *залилась чернилами*, а только *была залита чернилами* и не *зальющаяся* или *залившаяся чернилами*).

3. Средний залог, обозначающий, что действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся: моется, чешется, она оделась, они бранятся, ссорились, он учится, интересуется, снег белеется, он плакался, стучался*. На значениях, вносимых в действие или состояние глагола, мы остановимся ниже.

Частица *-ся* способствовала сохранению в глаголах среднего залога некоторых форм, исчезнувших в глаголах действительного залога; так, в глаголах на *-ить* деепричастие совершенного вида на *-я* исчезает, но в глаголах на *-иться* сохраняется *-ясь* (*простив его проступок*; но — *простясь с ним*).

В некоторых случаях средний залог не может быть образован одной частицей *-ся*, а только одновременною приставкою предлога.

Сюда относятся глаголы, как *выспаться, наговориться, расплакаться, насидеться* и т. п., обозначающие полноту действия и вызванную ею удовлетворенность субъекта.

Не все глаголы на *-ся* принадлежат к глаголам среднего залога, при многих из них нет соответствующих глаголов действительного залога, причем, следовательно, частица *-ся* не отделима от этих глаголов: *бояться, смеяться, побираться, толпиться, осунуться, расстаться, разъесться, належаться, напиться, дозваться.* В этих глаголах таким образом нет формы залога. Отсюда следует, что русские глаголы распадаются на два класса: 1) глаголы, обозначающие залоговые различия, 2) глаголы, такого различия не обозначающие; в этом последнем классе одни имеют ту же форму, что глаголы действительного залога, но не могут соединяться с частицей *-ся: идти, долженствовать, телеграфировать, возненавидеть, вознегодовать;* а другие ту же форму, что глаголы среднего залога, но не могут быть отделены от частицы *-ся: бояться, взгромоздиться.* Эти последние глаголы можно обозначить термином отложительные.

5. Прочие значения глагольных основ.

В предыдущих отделах мы имели дело с двумя категориями значений глагольных основ: видовыми и залоговыми. Кроме этих значений, необходимо иметь в виду еще некоторые другие грамматические значения, частью совершенно независимые от рассмотренных, частью однородные с ними. Остановлюсь на некоторых из них.

1. Глаголы могут иметь или переходное значение, или непереходное. Переходными глаголами называются те, которые выражают действие, переходящее с субъекта действия на объект: *он ест грушу, она рвала цветы, они принесли письма.* Непереходными называются остальные глаголы. Переходные глаголы это те, которые могут иметь за собой прямое дополнение в вин. пад. Грамматически переходные глаголы отличаются от непереходных тем, что могут образовывать причастия страдательного залога, а соединяясь с *-ся* давать формы страдательного залога: книга *читается, читана.* Глаголы переходные все принадлежат действительному залогу; между тем непереходные могут быть как стоящими вне залога, так действительного залога и среднего *(ходить, торговаться);* следовательно, глаголы на *-ся* не могут иметь переходного значения, а только непереходное.

2. Глаголы несовершенного вида обозначают вообще действие или состояние, продолжающееся в настоящем или продолжавшееся в прошедшем. Течение такого действия может быть различное. Оно может быть непрерывным, не разлагающимся на отдельные моменты: *говорю, веселюсь, завидую, плету, тону, сижу, просматриваю, съедаю* и т. п.; это значение назовем длительным. Течение действия может быть непрерывным, но при этом указывающим на отдельные неопределенные моменты: *он носит ребенка взад и вперед, он ежедневно носит нам булки, он ходит по комнате, птица летает* (т. е. имеет свойство летать, или летает в определенном пространстве, но не в определенном направлении; *он уж ходит* — означает, что он может ходить и двигаться в разных направлениях; *он ходит по комнате* —

означает, что двигается по комнате в разных направлениях, быть может, временами и останавливаясь и прерывая движение; *он ездит по этой дороге*, не теперь, не сейчас, а в разное время).

Такое значение, свойственное глаголам движения (*гонять, летать, бегать, ползать, лазить, плавать, ездить, ходить, водить, косить, возить, бродить, катать, таскать*), назовем неопределенно-моторным. Ему противополагается такое значение тех же глаголов движения, которым обозначается, что оно протекает в том или ином определенном направлении и притом в определенный, данный момент; *он несет мне письмо, он вез* (т. е. в то время он вез) *всю сумму денег, он ехал* (т. е. именно тогда) *не один* (он ездил не один, но в этот раз ехал без обычного своего проводника). Значение глаголов *лететь, плыть, ехать, бежать, гнать, брести, катить, тащить, идти, нести, вести, везти* назовем определенно-моторным. Заметим, что определенные глаголы движения соотносительны с неопределенными: определенность их значения зависит от наличности при них глаголов со значением неопределенным. Эта соотносительность особенно ярко обнаруживается из того, что некоторые сложенные с предлогами определенные глаголы (получающие при этом значение совершенного вида) образуют при себе соответствующие глаголы несовершенного вида от основы неопределенных глаголов: *довезти — довозить, приходить — придти, улететь — улетать* (но *ехать* образует несовершенный вид от производной основы *-езжать, бежать* от производной основы *-бегáть, ползти* от *-ползáть, лезть* от *-лезáть, плыть* от производной основы *-плывать*). Это обстоятельство, как мы уже видели, было причиной того, что соединение неопределенно-моторных с предлогами не изменяет их несовершенного вида в совершенный; основы неопределенно-моторные заменили ожидаемые по общему правилу основы производные. В связи с этим отметим, что соединение их с такими предлогами, с которыми не сочетаются определенно-моторные основы, влечет за собой переход их несовершенного вида в вид совершенный; напр., предлог *по* в соединении с определенно-моторными означает начало действия, выраженного несложенным глаголом: *понести — нести;* между тем тот же предлог в соединении с неопределенно-моторными означает прекращение непрерывного действия, прекращение длительности глаголов: *поношу ребенка — ношу ребенка;* вследствие этого *понести* и *поносить* не соотносительны между собой; *понести* — совершенный вид при *нести*, а *поносить* — совершенный вид при *носить*. Равным образом предлог *за* в *заездить, забегать, завозить, заводить, заплавать* не сохранил того реального значения, которое имеется, напр., в *заехать, забежать, завезти, завести;* вследствие этого они, будучи совершенного вида, ассоциируются с *ездить, бегать, возить, водить, плавать*, как с глаголами несовершенного вида, между тем как *заехать, забежать* вызывают при себе новообразования *заезжать, забегать*, а *завезти, завести — завозить, заводить*, в значении несовершенного вида. Отмечу еще одно формальное отличие определенно-моторных как от неопределенно-моторных, так и вообще от длительных: они для обозначения 1-го лица мн. повел. накл. могут употребляться (так же, как глаголы совершенного вида) в форме 1-го лица наст. вр. изъяв.

накл.: *несём, едем, идём*. Кроме того 1-е лицо ед. числа этих глаголов может получить значение будущего времени: *иду, еду, лечу, бегу, несу*.

Глаголы, обозначающие действие или состояние, повторяющееся в настоящем или повторявшееся не раз в прошедшем, определяем в их значении как глаголы многократные: *он к нам хаживает, владыка говаривал, что..., я его не видывал, мы здесь отроду не кашивали, он видывал и не такие виды*. Все такие глаголы производятся от производных основ на *-ива, -ыва, -ва*, реже *-ja, -а*, возникающих при основах длительных или неопределенно-моторных: *петь — певать, ходить — хаживать, гостить — гащивать, стоять — стаивать, платить — плачивать, кутить — кучивать, пить — пивать, ездить — езжать, есть — едать*. Ввиду этого ясно, что многократные вообще представляют несложенную с предлогами основу, ибо сложенные с предлогами основы вообще имеют значение длительно-производное; впрочем, от сложенных с предлогами глаголов неопределенно-моторных может быть также произведен соответствующий многократный глагол: *заходить — захаживать, заносить — занашивать (он частенько занашивает к нам письма;* в выражении «*он занашивает свое платье*» глагол имеет значение длительно-производное, ибо при этом имеется в совершенном виде *он заносит свое платье*). Вообще же многократные основы, соединяясь с предлогами, получают значение длительно-комитативных: *певать — припевать*, длительно-дистрибутивных: *говаривать — разговаривать*, длительно-прерывистых: *хаживать — похаживать*, или вообще длительно-производных: *певать — напевать, распевать; кашивать — накашивать; шучивать — вышучивать*. Впрочем, здесь, как и в случаях *принести — приносить*, имеем, собственно, дело не со сложением многократных основ с предлогами, а с совпадением новых производных основ с старыми производными основами, бывшими известными вне сложений. Многократные глаголы имеют чрезвычайно ограниченное употребление; в современном языке они известны почти только в прош. вр.; исключение составляет глагол *хаживаю, захаживаю*, повел. *захаживайте*, инфинитив *захаживать*; не употребляется также причастие наст. вр. и деепричастие.

Глаголы несовершенного вида, произведенные от соответствующих глаголов совершенного вида, сложенных с предлогами, имеют значение длительное; ассоциация их с глаголами совершенного вида вносит, однако, известный оттенок в их значение (значение интенсивной длительности): *наливать, накашивать, направлять, закусывать*. Определяем эти глаголы как длительно-производные. Глаголы, означающие действие, сопровождающее другое действие, сложенные с предлогами *при* и *под*, но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-комитативные: *приплясывать, припеваючи, присвистываючи*. Глаголы, сложенные с предлогом *раз* и обозначающие действие, «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (Востоков), но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-дистрибутивные: *разговариваю, расхаживаю, распеваю*.

Глаголы, обозначающие действие или состояние «учащаемое или перемежающееся» (Востоков) и сложенные с предлогом *по*, определяем

как глаголы длительно-прерывистые (Фортунатов: прерывисто-кратные): *посиживаю, они подумывают, он побаливает, покашливает, понашивает.*

Отмечу, что между определенно-моторными и неопределенно-моторными существует отношение, сходное с тем, которое имеется между длительными и многократными. Так, после отрицания *не* определенно-моторные глаголы заменяются неопределенно-моторными; мы говорим: *я не носил, я не ходил сегодня в школу* (между тем: *я иду сегодня в школу*, а не *хожу*); равным образом после отрицания особенно часта замена длительных многократными: *я не кашивал, не видывал* вместо *я никогда не косил, никогда не видел.*

3. Глаголы совершенного вида представляют два основных значения: а) результативное: его имеют почти все глаголы совершенного вида, б) детерминативное (термин Ульянова): оно принадлежит сложениям глаголов длительных с предлогом *по: посидеть, поиграть;* детерминативное значение ограничивает или прекращает длительное значение, данное в простом глаголе. В результативных глаголах выделяются следующие две группы: группа результативных, имеющих при себе соответствующий глагол в несовершенном виде, как *ступить — ступаю, принести — приносить, выхвалить — выхваляты;* группа результативных (а именно сложенных с предлогами), имеющих при себе в несовершенном виде другой глагол (несложенный с предлогами). Этот вид результативных *понести — нести, закричать — кричать* представляется более первоначальным, чем второй вид; мы назовем его поэтому, вслед за Ульяновым и Фортунатовым, результативным 1-го вида; результативность вносится, очевидно, предлогом, вошедшим в сложение, причем предлог не вносит в глагол нового реального значения, указывая только на начало, конец или полноту его проявления; так, начало указывается предлогами *за, по: заговорить* (т. е. начать говорить; рядом *заговорить* кого-нибудь представляет результативный 2-го вида, ср. *заговаривать*), *понести, закричать, забить* (тревогу), *полететь;* конец действия — предлогом *от: оттанцовать, отсидеть, отстоять* (но *отстоять* известно и как результативный 2-го вида, ср. *отстаивать*); полноту проявления действия вносят, напр., предлоги *на, с, про, вы, из, раз: нападать, покормить, написать, сделать, снести, съездить, слетать, сварить, сконфузить, прогреметь, проездить* (весь день), *прослабить, прозвучать, высечь, выругать, выкупать, испачкать, испугать, испортить, исковеркать, истолочь, разбудить, разбогатеть, разгромить, развеселить.* Результативные 2-го вида, как указано, отличаются от результативных 1-го вида тем, что имеют при себе соответствующий глагол несовершенного вида, тождественный с ними по значению: *ступить — ступаю, залить — заливаю;* предлоги в сложенных глаголах этого вида вносят в значение глагола особый реальный оттенок, и потому, не ассоциируясь с простым, беспредложным глаголом, образуют при себе соответствующий глагол в несовершенном виде: *просить — выпросить — выпрашивать: лить — вылить — выливать; лить — полить* (цветы) — *поливать* (цветы).

К результативным значениям относится и то значение, которое определяется, как однократное или моментальное: оно указывает

на то, что результат совершился или совершится в один из моментов того действия, которое выражается соответствующим длительным глаголом несовершенного вида. Сюда относятся глаголы *бросить, хватить* (ср. *бросать, хватать*), а также большая часть глаголов на *-нуть*, напр., *крикнуть, дрогнуть, ахнуть*. Это все несложенные с предлогами глаголы. В сложении с предлогом они удерживают свое однократное значение: *вздрогнуть, вскрикнуть*.

Относительно детерминативных надо заметить, что они образуются в результате соединения *по* с глаголами длительного значения. В соединении *по* с определенно-моторными не получается детерминативных: *понести* значит начать нести. Детерминативные в противоположность результативным не вносят в повел. накл. с отрицанием предостерегательного значения: *смотри не донеси, смотри не повенчай*, но нельзя сказать: *смотри не поиграй, не полечи, не помолись*.

4. Различение реальных значений глагола, связанных с его переходностью и непереходностью, не находит себе формального выражения ни в словообразовании, ни в грамматических формах. Впрочем, как указано выше, переходные глаголы, требующие за собой вин. пад. объекта, не могут оканчиваться на *-ся* и в противоположность другим глаголам образуют формы причастий страдательного залога. Замечу еще, что переходные глаголы не имеются в том классе глаголов, которые оканчиваются в основе инфинитива на *-е (-ѣ)*, а в основе наст. вр. на *-еје;* равным образом нет переходных глаголов и в том классе глаголов, которые в основе инфинитива оканчиваются на *-ну*, а прош. вр. образуют от основы на согласную, предшествующую этому *-ну*. Оба эти класса содержат глаголы, обозначающие подвижное состояние предмета: *богатеть, толстеть, краснеть, желтеть* и т. д., т. е. становиться богатым, толстым, красным; сюда же такие глаголы, как *дорожать, крепчать, мельчать*, где *а* вместо *ѣ* после смягченной согласной; *глохнуть (глох), пухнуть (пух), гаснуть (гас), чахнуть (чах), стынул (стыл)*. Такие глаголы мы будем называть глаголами подвижного состояния.

5. Средним залогом, как указано выше, обозначаем ту форму глаголов, которая содержит частицу *-ся*, видоизменившую значение соответствующего простого глагола, образованного без этой частицы; простому глаголу присвоивается таким образом особое залоговое значение действительное. Глаголы среднего залога распадаются на несколько классов по своему формальному значению, причем классы эти частью отражают различия, замечаемые в глаголах действительного залога. Основное различие между глаголами среднего залога зависит от того, произведены ли они от переходных или от непереходных глаголов. Присоединяясь к глаголу переходному, частица *-ся* видоизменяет основное свойство такого глагола, способность переносить его действие на объект; но результаты такого видоизменения могут быть весьма разнообразны; вместе с тем они сводятся к тому, что переходное значение заменяется непереходным, или, пользуясь употребительным в данном случае термином, **возвратным**. Присоединяясь к глаголам непереходным, частица *-ся* усиливает значение этого глагола: мы определим его термином **усилительно-определительное** значение.

Возвратное значение глаголов среднего залога распадается на следующие оттенки: а) возвратно-непереходное значение, когда действие субъекта только обнаруживается, но не переходит ни на объект, ни на субъект: *собака кусается* (ср. *собака кусает прохожих*), *крапива жжется* (ср. *крапива жжет мне руки*), *бык бодается, народ строится, ты понапрасну тратишься, она целый день убирается, он просится в город, он бранится, он обещается придти;* б) возвратно-переходное значение, когда действие субъекта переходит на него же, захватывая или часть его (напр. внешность), или его всего, выдвигая его, выставляя его определенным образом: *он моется, я чешусь, ты купаешься, она одевается, завивается, румянится, — он защищается, бросается, кидается, крадется, лошадь плетется, упирается, он носится с мыслью, превозносится, он собирается, готовится, направляется, берется, забывается, занимается, присоединяется, твое отсутствие кидается в глаза.* Глаголы возвратно-переходного значения в ряде случаев совпадают по форме с глаголами страдательного залога: ср. *он моется* и *шерсть моется, он готовится* и *урок готовится, я направляюсь* и *выстрел направляется;* но в форме прош. вр. совершенного вида совпадения нет; ср. возвратно-переходные: *она оделась, вымылась, бросилась;* страдательные: *она была одета, была вымыта, была брошена;* в) возвратно-взаимное, когда действие двух или нескольких субъектов переходит взаимно с одного на другой или когда действие субъекта и объекта взаимно переносится друг на друга: *они познакомились, он встретился с ним, он виделся с ними, они бранились, ссорились, торговались.* Формально глаголы с этим значением отличаются от глаголов возвратно-переходных тем, что по форме не совпадают с страдательным залогом на *-ся;* г) возвратно-общее, когда действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта: *радоваться, печалиться, горячиться, веселиться, влюбиться, сердиться, учиться, заботиться, беситься, томиться, хвалиться, обидеться, баловаться, интересоваться, любоваться, решаться, томиться.* Формально и эти глаголы отличаются от возвратно-переходных тем, что не совпадают по форме со страдательным залогом на *-ся.*

Усилительно-определительное значение глаголов среднего залога развивает из себя следующие два оттенка: а) усилительное, когда действие субъекта совершается в его интересах: *плакаться, хвастаться, стучаться, звониться;* б) определительное, когда состояние субъекта ограничивается одним определенным моментом или определенными условиями: *снег белеется, что-то чернеется, вишня краснеется на дереве* (ср. *белеет парус:* продолжительное время, уже давно; *вишня краснеет* — в значении становится красною); сюда же *загораться, загореться.* Как указано выше, глаголы с этим значением производятся от глаголов непереходных, и в этом их отличие от глаголов возвратных, которые все произведены от глаголов переходных.

6. Отложительными глаголами, как указано, называем все те глаголы на *-ся,* которые не имеют при себе простых глаголов и в которых, следовательно, частица *-ся* не вносит значения залога. По значению своему отложительные глаголы близко совпадают с глаголами среднего залога, причем и здесь наблюдаются те самые оттенки, которые мы только что рассмотрели. Так, отложительные *мчаться, побираться, толпиться, осунуться, взгромоздиться* имеют значение,

совпадающее со значением возвратно-переходным; *бояться, улыбаться, поститься, чваниться, каяться, надеяться* ср. со значением возвратно-общим; *бороться, расходиться, расстаться* ср. со значением возвратно-взаимным. Сходство значений отложительных глаголов и глаголов среднего залога зависело во многих случаях от перехода глаголов среднего залога в отложительные благодаря утрате соответствующего глагола действительного залога. — Особенный класс отложительных глаголов составляют те сложенные с предлогами глаголы, которые имеют при себе простые беспредложные глаголы не на *-ся*. Глаголы эти можно было бы отнести к глаголам среднего залога только в том случае, если бы при них являлись простые сложенные с предлогами. Значение их по сравнению с наличными простыми глаголами усилительно-определительное, причем, следовательно, такое значение вносится, во-первых, частицей *-ся*, во-вторых, предлогом; так при *пить, кричать, звать, ждать, будить* и т. д. находим *напиться, накричаться, докричаться, дозваться, дождаться, добудиться;* при *плакать, говорить, спать* и др.: *расплакаться, разговориться, разоспаться;* при *есть, сидеть, лежать: насидеться, разъесться, належаться*. При *плыть* находим *расплыться* и далее несовершенный вид *расплываться*, при *бежать — разбежаться* и далее несовершенный вид *разбегаться*. Оставляя в стороне последние глаголы, видим, что в приведенных выше (как *добудиться* и т. д.) одновременно внесены две категории: категория вида (совершенного) и залога (среднего).

7. Частица *-ся*, присоединяясь к глаголам переходным, делает их, как мы видели, или безобъектными (непереходными), или превращает в объект самый субъект действия. Замечательно, что та же частица, присоединяясь к форме 3-го лица ед. числа глаголов действительного залога, превращает их в глаголы бессубъектные, безличные. Можно при этом различать следующие два случая: в одном из них частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге переходное значение; в этом случае безличный глагол не трудно было вывести из страдательного залога, причем безличною формой становится 3-е лицо ед. числа страдательного залога, за опущением грамматического субъекта: *думается, предполагается*, здесь *упоминалось;* возможно, однако, что безличность вызывалась просто самой частицей *-ся: естся сытно, торгуется хорошо, как здесь говорится, ему не терпится, ему нейметься, не работается*. В другом случае частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге непереходное значение; здесь исключена возможность какого-либо иного объяснения кроме того, что бессубъектность внесена частицей *-ся: ему сладко спится, не сидится, икается, хочется, хорошо живется, ей не можется, ему не приходится, не пришлось, ему достанется*. Замечательно, что исконно бессубъектные глаголы являются в действ. залоге (*морозит, гремит, меня тошнит*); но новые бессубъектные, при которых известны исконно личные глаголы, образуются посредством *-ся*. Таким образом, в языке выработалась категория личности и безличности: личный глагол может быть превращен формальным способом в безличный. Все эти бессубъектные глаголы относятся к среднему залогу.

6. Неспрягаемые глагольные формы.

Сюда относятся: инфинитив, причастия и деепричастия.

1. Инфинитив по своему происхождению представляется именною глагольною формой. В русском языке инфинитив заменил и достигательное наклонение, оканчивавшееся в общеславянском праязыке на *-тъ* и употреблявшееся в древнерусском языке. Окончаниями инфинитива являются *-ти* и *-т'*; *-т'* заменило более древнее *-ти* с *и* полукратким в неударяемом положении. Вследствие этого в современном языке *-ти* является только тогда, когда ударение падает на *и*: *нести́, пасти́, трясти́, сойти́*, но *дать, взять, играть, ходить*. Рядом с окончанием *-ти* иногда от тех же глаголов употребляется и *-т'*: ср. *отнести* и *отнест', понести* и *понест'*. Впрочем, последние формы мало употребительны в литер. языке. В *вынести, вымести, выйти, вытрясти, вывести* сохраняется конечное *и* неударяемое под влиянием несложных: *нести, мести* и т. д. В основах на согласную вместо *-ти, -т'* является *-ч'*, когда основа оканчивается на задненёбную согласную: *сечь, мочь, стричь, течь, лечь, жечь*. Основа *греб-* оканчивается в инфинитиве на *-сти: грести*. Зубные *д, т* переходят перед *-ти, -т'* в *с*: *вести, мести, красть*.

Инфинитив весьма редко встречается от глаголов многократных; *хаживать, захаживать* представляются исключениями. — Как указано, инфинитив может при особенно сильном на нем ударении получать значение повел. накл., но далеко не от всех глаголов, ср. *молчать, сидеть, лежать, замолчать, перестать, встать, отвечать*. — Широкое употребление имеет инфинитив в сложной форме буд. вр., причем, однако, как мы знаем, в этой форме известен инфинитив только от глаголов несовершенного вида: *я буду лежать, говорить, разговаривать, захаживать, хаживать*.

2. Причастия настоящего времени нестрадательного залога принадлежат все к неспрягаемым глагольным формам; но они изменяются по родам и по падежам (склоняются). По происхождению своему, как видно из звукового состава их суффикса, все эти причастия не русские, они заимствованы в русский язык из церковнославянского. Суффиксом является звук *щ* (*-ащ-* и *-ущ-*). Причастия употребляются только в формах сложного, местоименного склонения. Глаголы среднего залога, а также отложительные глаголы, образуют также это причастие. Примеры: *несущий, горящий, пылающий, отказывающийся, веселящийся, едущий, борющийся, носящий* и т. д. Замечательно, что *-ся* никогда не заменяется в причастии через *-с́* (в неударяемом положении). Не образуют причастия на *-ущ-, -ащ-* глаголы совершенного вида; *последующий* явилось под влиянием *следующий*. Не образуют его также многократные глаголы, за исключением *хаживающий, захаживающий*. Склонение причастий наст. вр. рассмотрено выше в отделе, посвященном сложному склонению. — Как увидим, именные формы причастий наст. вр. получили значение деепричастия.

От причастий на *-ущ-, -ащ-*, церковнославянских по своему происхождению, должны быть отделены прилагательные на *-уч-, -ач-*; по происхождению своему это русские причастные образования: *живучий,*

могучий, тягучий, висячий, горячий, сидячий, лежачий, стоячий, ср. еще прилагательные на *-уч-* от глагольных основ, которые по правилу должны были бы образовать прилагательные на *-ач-* или *-аюч-*: *вонючий, линючий, горючий, трескучий, плакучий*. Такие прилагательные известны и в краткой форме: *горяч, живуча*.

Причастия прошедшего времени нестрадательного залога образуются от основы инфинитива; к окончанию его на согласную присоединяется *-ш-*, а к окончанию на гласную *-вш-*. Так, с одной стороны: *несший, ведший, увезший, несшийся, нашедший* (основу *шед-*, неизвестную теперь в инфинитиве, ср. в прош. вр.: *шел, шла*); с другой стороны: *бывший, говорившееся, тонувший, говоривший, давший, проклявший, резавший*. Некоторые основы на зубную согласную (по правилу выпавшую перед *л* в прош. вр.) образуют причастие прош. вр. не на *-ш-*, а на *-вш-*, напр. *севший, съевший, укравший, павший* (*падший* употребляется уже как прилагательное), *кравший*. В виду очевидного церковнославянского происхождения причастий наст. вр. на *-ущ-, -ащ-*, можно думать, что такого же происхождения и причастие прош. вр. Это причастие не образуется вообще от глаголов многократных, за исключением *хаживавший, захаживавший*. Краткие (именные) формы этих причастий употребляются, как увидим, в значении деепричастия.

Причастия настоящего времени страдательного залога образуются от основы наст. вр. посредством суффикса *-м-*: *ведомый, несомый, творимый, уважаемый, направляемый, видимый*. Повидимому, все такие причастия церковнославянского происхождения; этим объясняется их редкость. Чаще всего они образуются от основ на *-а*. Ср. ряд прилагательных на *-мый*, образованных от глагольных основ, по происхождению своему причастий: *зависимый, непроходимый, недостижимый, неуловимый, неукротимый* (и т. п. сложенные с *не-*), *терпимый, любимый*. Краткие формы таких причастий (а также прилагательных) спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и вспомогательными глаголами: *он направляем, он был видим всеми* и т. д. В соединении с *быть* в старом языке употреблялась форма дат. пад. с именным окончанием *-у* (для выражения инфинитива страд. залога): *быть любиму, уважаему*. Теперь такая форма окончательно вытеснена и из литературного языка. — Понятно, что причастие на *-мый (-м)* образуется только от основ несовершенного вида, так как основы совершенного вида утратили значение наст. времени.

Причастия прошедшего времени страдательного залога по общему правилу образуются от основы инфинитива; суффиксами являются *-н-* и *-т-*; суффикс *-н-* присоединяется к основе инфинитива при помощи соединительной гласной *е*, когда основа оканчивается на согласную или на *-і (-ї)*. Суффикс *-н-* употребляется для образования причастий, во-первых, от основ на согласную: *погребен, занесен, запряжен, острижен, прочтен;* во-вторых, от основ производных на *-і (-ї)*: *прославлен, учен, говорен, удалён;* в-третьих, от основ на *-а: дан, продан, узнан, воспитан, отрезан, выстрадан, убран, замаран, вымазан;* в-четвертых, от основ на *-е (-ѣ)*: *виден, удержан*. Суффикс *-т-* употребляется для образования причастий от

основ на гласную *-у (-ну), -о*, а также односложных на *-и, -у, -ы, -е (-ль)*, и еще *-а* (восходящее к малому юсу): *пролит, обут, прикрыт, отпет, одет, проклят, снят, взят, приколот, смолот, тронут, кинут, двинут, сунут;* наконец, от основы на *-ер: припертый, простёртый*. Повидимому, и эти причастия церковнославянского происхождения (в их полной, склоняемой форме); это видно, во-первых, из общих соображений о том, что русский язык утратил склоняемые причастия (ср. выше), во-вторых, из того, что причастия на *-н* образуют полную форму свою по церковнославянскому образцу (позднейшего времени) с удвоением *н: отрезанный, убранный, данный* и т. д., в-третьих, из того, что формы на *-ный*, с одним *-н*, имеют в русском языке значение прилагательных: *варёный, печёный, солёный, моченый, плетеный, калёный*. Таким образом, выясняется, что все причастные формы на *-ный* должны писаться с двумя *н* (*читанные им книги, подмоченная репутация*), а прилагательные на *-ный* с одним *н* (*раненые* как прилагательное с одним *н*, а *раненные злодеем прохожие* — с двумя).

Причастия прош. времени страд. залога образуются преимущественно от основ совершенного вида, но известны также и от основ вида несовершенного: *битый* (также в значении прилагательного), *краденный* (и *краденый* прилагательное), *читанный, невиданное зрелище, неслыханное злодеяние*. Производные основы несовершенного вида, являющиеся при основах вида совершенного, не могут образовать такого причастия: не **бросанный*, а только *брошенный* (однако от совершенного вида: *разбросанный*), не **покупанный*, а только *купленный*, не **находенный*, а только *найденный*, не **отвечанный*, а только *отвеченный*, и т. д. По той же причине не **бранный*, а *взятый*, не **кладенный*, а только *положенный*. — Глаголы многократные могут образовать это причастие в соединении с отрицанием: не *слыхивано*, не *видывано* (только в краткой форме). — Как мы знаем, краткие (именные) формы причастия на *-н-, -т-* спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и с вспомогательным глаголом: *я одет, мы тронуты, они ранены, она брошена* и т. д. Форма дат. пад. на *-у* от такой краткой формы, употреблявшаяся в соединении с инфинитивом *быть*, теперь исчезла из литер. языка: *быть брошену, одету, помилованну* — формы устаревшие.

Итак, общим для причастий явлением в русском языке был переход их в прилагательные в полной (сложной) форме; в виду этого книжный язык сохранил с значением причастий соответствующие церковнославянские образования.

3. Деепричастие несовершенного вида по происхождению своему представляет краткие формы причастия настоящего времени, потерявшие свою связь как с родом, так и с числом и падежом; одно из окончаний деепричастия *-а* (после *j* и мягких согласных) представляет старое окончание им. ед. мужеского рода: *идя, ходя, делая;* другое *-учи* представляет старое окончание им. мн. мужеского рода (*-учи* при и вместо *-уче*): *идучи*. Господствующим в литер. языке окончанием является *-а*. Оно присоединяется к основе наст. вр., таким образом, деепричастие образуется только от основ несовершенного вида. Впрочем, обычно деепричастие образуется только от тех основ наст. вр., которые звуковой стороной своей не отличаются

существенно от основы инфинитива: *ведя, неся, плетясь, кроя, дуя, плывя, видя, неся, водя, таща, учась, играя, страдая.* Но основы наст. вр. на *-je-*, имеющие при себе основу инфинитива на *-а*, деепричастие не образуют; таковы глаголы *пишу, режу, мажу, вяжу, лижу, пашу* и т. д.; равным образом не образуют деепричастий глаголы *беру, тру, мру, жну, кляну, мну, кую, плюю,* так как в инфинитиве являются основы, отличные от основы наст. вр.: *брать, тереть, мереть, жать, клять, мять, ковать, плевать.* Впрочем неодносложные основы на *-уje-* при инфинитиве на *-ова-* образуют деепричастие: *торгуя, волнуясь, горюя, милуя.* Основы на задненёбную согласную не образуют вообще деепричастия; таковы, напр., глаголы *стригу, могу, секу, влеку.* Глагол *могу* образует причастие несовершенного вида (?) *могши* (но *могши* имеет значение прош. вр.).

Деепричастия на *-учи* представляются с точки зрения современного литер. языка устаревшими; держится форма *идучи*, реже — форма *живучи; припеваючи, играючи, крадучись* употребляются только в определенных выражениях.

Деепричастия несовершенного вида образуются только от основ несовершенного вида. — Утратив значение наст. вр., они сохранили однако временное значение. Это видно из того, что большая часть их может быть заменена описательными выражениями с *в то время как* с последующими формами наст. или прош. вр. Но некоторые деепричастия, теряя временное значение, становятся простыми наречиями; ср. отмеченные выше *играючи* (учиться), *жить припеваючи;* также *лёжа, сидя, стоя* (но те же деепричастия могут сохранять и свое временное значение), *судя* (напр., *судя по всему), не взирая, находя, полагая* и т. д.

Деепричастие совершенного вида образуется трояким способом: 1) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную, посредством окончания *-а* со смягчением предшествующей согласной, напр.: *пройдя, пронеся, прочтя, отвезя;* 2) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на гласную, посредством окончания *-в: открыв, дав, узнав, поговорив, улетев, поспев, толкнув, двинув;* 3) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную посредством окончания *-ши: промокши, нанесши;* от основы на гласную посредством *-вши: давши, купивши.* От этого основного правила видим следующие отступления: 1) некоторые основы на согласную *д* (опускаемую перед окончанием прош. вр. *-л*) образуют деепричастие на *-в* и *-вши* с опущением этой согласной: *украв, упав, упавши;* 2) глаголы на *-иться* могут иметь окончание *-ась: устремясь, простясь, перекрестясь;* 3) глаголы на *-уться, -аться, -аться, -еться (-ьться), -иться* оканчиваются обыкновенно на *-увшись, -овшись, -авшись, -евшись (-ювшись), -ившись: уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, заперевшись, видевшись, устремившись, простившись;* 4) основы инфинитива на задненёбную не образуют деепричастия на *-а*, а только на *-ши: высекши, остригши, не смогши;* 5) основы на *-ну*, означающие подвижное состояние, рядом с окончанием *-нув* могут образовать деепричастие на согласную *-ши: оглохнув* и *оглохши, поникнув* и *поникши, вымокнув* и *вымокши, высохнув* и *высохши;* 6) глаголы с основой на согласную перед окончанием *-ся* образуют деепричастие на *-ась*, если деепричастие простого глагола

оканчивается на *-а: пронесясь, пройдясь*, и на *-шись*, если простой глагол оканчивает его на *-ши: остригшись, отрекшись*.

Кроме того, замечу, что в языке старинном при *-в* было известно *-вши*, но в настоящее время это окончание, восходящее к форме им. мн. причастия прош. вр. (*видевши* вместо видѣвъше), вообще вытесняется. Сохранение *-вшись* при *-в* ср. с сохранением *-ась* при *-ив*, о чем выше.

Некоторые деепричастия совершенного вида в наречных выражениях, где они потеряли значение временное, сохраняют старое окончание *-а* от основ на *-и;* напр. *спустя рукава, сломя голову, сложа руки, положа руку на сердце, отступя на шаг, свеся ноги, заломя шапку;* также от основ на *-ну: разиня рот, высуня язык*. Сюда же деепричастие *походя (учиться, делать что-нибудь походя)*.

7. Обзор глагольных основ.

Различные формы одного и того же глагола могут быть образованы или от одной основы, или от двух разных основ: от одной основы, основы наст. вр., образуются наст. вр. или буд. совершенное (с повел. накл., причастием наст. вр. нестрад. залога, причастием наст. страд. залога и деепричастием несовершенного вида), от другой основы, основы инфинитива, образуется инфинитив (с прошедшим временем, причастием прошедшего времени на *-вший*, причастием страд. прош. на *-н, -т*, деепричастием на *-в, -вши*). Распределение глаголов по основам представляет известные трудности в виду несоответствия, замечаемого в спряжении многих из них между основами наст. вр. и инфинитива. Считаю наиболее удобным распределять в русском языке глаголы по основам наст. вр., так как это время представляет вследствие изменения по лицам и числам наибольшее количество разнообразных форм; кроме того, практически удобно различать три главных вида основы наст. вр., из которых первый оканчивается на *е — о (ведёт, плачет)*, второй на *-и (точит, сидит)*, третий на согласную *(дад-ут, ед-ят)*. Основа наст. вр. на *-е* может образовать следующие разновидности: 1) основа на *е — о* с предшествующею окончанию основы исконно твердою согласною, ставшею впоследствии мягкою и частью позже отвердевшею, напр.: *веду — ведёт, плюну — плюнет, могу — может*; 2) основа на *е — о* с предшествующею мягкою согласною, частью позже отвердевшею: *мелю — мелет, колю — колет, плачу — плачет, пашу — пашет;* 3) основа на *е — о* с предшествующим *j (i)*: *вьёт, кроет, плюёт, знает, сеет, богатеет, читает, празднует*. Сообразно с этим и комбинируя еще различия в соответствующих основах инфинитива, делю наши глаголы на следующие классы и образцы.

Первый класс. Основа настоящего времени на *е — о*.

Разряд А: окончанию основы предшествует исконно твердая согласная.

1-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на согласную: *веду — ведёш*, инфинитив *вести* (из **вед-ти*).

2-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы носовою согласною, основа инфинитива на гласную *а* из носового *ѧ*, восходящего к *ен, ем: жну — жнёш*, инфинитив *жать* (из **жен-ти*).

3-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *в*, основа инфинитива на гласную *ы, и: живу — живёш*, инфинитив *жить, плыву — плывёш*, инф. *плыть*.

4-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н*, основа инфинитива на *-ну: двину — двинеш*, инфинитив *двинуть*.

5-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н*, основа инфинитива на гласную *а, е (ъ): надену — наденет*, инфинитив *надеть, стану — станет*, инф. *стать*.

6-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на гласную *а: беру — берёш*, инфинитив *брать, лгу — лжеш*, инф. *лгать*.

Разряд Б: окончанию основы предшествует исконно мягкая согласная.

7-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкою согласною, основа инфинитива на *оро, оло: борюсь — борешься*, инфинитив *бороться, мелю — мелеш*, инфинитив *молоть*.

8-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкою согласною (теперь частью отвердевшею), основа инфинитива на *а* с предшествующею исконно твердою согласною: *плачу — плачет*, инфинитив *плакать, пашу — пашеш*, инф. *пахать, стелю — стелеш*, инфинитив *стлать, режу — режет*, инф. *резать*.

Разряд В: окончанию основы предшествует *і (j)*.

9-й образец, основа наст. вр. односложна или двусложна, основа инфинитива на гласную односложна: *крою — кроет*, инфинитив *крыть, мою — моеш*, инфинитив *мыть, лью — льёш*, инф. *лить, пою — поеш*, инф. *петь, знаю — знаеш*, инф. *знать*.

10-й образец, основа наст. вр. на *-аје* или *-аваје*, основа инфинитива на *-ава: даю — даёш*, инфинитив *давать, сознаю — сознаёш*, инфинитив *сознавать*.

11-й образец, основа наст. вр. двусложна, основа инфинитива двусложна и оканчивается на *ја: чаю — чаеш*, инфинитив *чаять, сею — сеешь*, инфинитив *сеять, лаю — лаеш*, инф. *лаять*.

12-й образец, основа наст. вр. на *-еје*, осн. инфинитива на *е: богатею — богатеет*, инфинитив *богатеть, спею — спеет*, инф. *спеть*.

13-й образец, основа наст. вр. на *-аје*, основа инфинитива на *а: читаю — читает*, инфинитив *читать, стращаю — стращает*, инф. *стращать*.

14-й образец, основа наст. вр. на *-ује* многосложна, основа инфинитива на *-ова, -ева: зимую — зимует*, инфинитив *зимовать, горюю — горюет*, инфинитив *горевать*.

15-й образец, основа наст. вр. двусложна и оканчивается на *-ује*, основа инфинитива на *-ова: плюю — плюёт*, инфинитив *плевать, жую — жуёт*, инфинитив *жевать*.

Второй класс. Основа наст. вр. на *-и (j)*.

16-й образец, основа инфинитива на *-е*, а после *j, ж, ч, ш, щ* на *-а: горю — гориш*, инфинитив *гореть, стучу — стучит*, инф. *стучать, боюсь — боишься*, инф. *бояться*.

17-й образец, основа инфинитива на *-и: хожу — ходи-ти*, инфинитив *ходить*.

Третий класс. Основа наст. вр. оканчивается на согласную.

18-й образец, основы *дад-, ед-;* глагол *есмь*.

Четвертый класс. Основы неправильные и недостаточные.

19-й образец, глаголы *идти, ехать, обретать, реветь, ошибить, ошибиться*.

20-й образец, глаголы *гнать, спать*.

21-й образец, глаголы *хотеть, бежать, чтить*.

Перехожу к обзору спряжения глагольных основ, располагая их по указанным образцам. В русском языке различаются три спряжения, соответствующие трем отмеченным классам глаголов: в первом спряжении соединительными гласными между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончаниями основы) являются *е* и *о: е* во 2-м и 3-м лице ед. числа, 1-м и 2-м лице мн., *о* в 1-м лице ед. и 3-м лице мн., причем *о* перед первоначальными окончаниями *-он* и *-нть* изменилось в носовое *о*, откуда *у*. Во втором спряжении соединительною гласною между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончанием основы) является *и*, причем, однако, в 1-м лице ед. числа *и* перед первоначальным окончанием *-он* исчезло совсем, а в 3-м лице мн. окончанием является теперь *-ат* из более древнего *-ять*. В третьем спряжении личные окончания приставлены непосредственно к основам на согласную (поскольку, однако, первоначальные формы не заменены новообразованиями). Сообразно с этим распределяем наши образцы по трем спряжениям, а после обзора их даем обзор неправильных глаголов.

8. Первое спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ет — ут*.

1-й образец. Перед *-ет — -ут* является исконно твердая согласная; основа инфинитива оканчивается на согласную. Пример: *несёт — несут*, инфинитив *нес-ти*.

Основа наст. вр. Согласные задненёбные перед *е* переходят в шипящие: *стережош, жжош, бережот, можем, напряжош, увлечош, течот, сечом, печоте, печотесь, ляжете, толчоте* и т. д. Вместо *жжош* употребительно и *жгёш*. — В повел. накл. окончания *-и, -ите* только под ударением, а в неударяемом положении находим мягкую согласную во 2-м ед., мягкую согласную с последующим *-те* во 2-м мн.: *неси, пеки, секи, толките, жгите*, но *сядь, сядьте, лезь;* от *лягу — ляг, ляжте* с твердыми *г*; но неударяемое *и* сохраняется в *вынеси, выпеки, выжги*. Повелительное от *могу* не употребительно; не *моги*, не *могите* — только в просторечии. — Деепричастие несовершенного вида на *-а* со смягчением предшествующей согласной: *неся, ведя, ростя, грызя, гребя;* окончание *-учи* только в *крадучись;* после согласных задненёбных окончание *-а* в деепричастии неизвестно; неупотребительно также деепричастие от *мру, пру, тру*, что зависит от особого вида основы инфинитива при этих глаголах. — Причастие наст. нестрадательное на *-ущий: несущий, пекущийся* и т. д.

Ударение во всех формах, образованных от основы наст. вр., падает на окончание основы, следовательно, в наст. вр. на *е* (которое переходит при этом в *о*) и *у*, в повелительном на *и*, в деепричастии на *а*, в причастии наст. вр. на *у*: *несёт, несу́, неси́, неси́те, неся́, несу́щий*. Только в *лезу, сяду, лягу* ударение сохраняется всегда на корне. При *краду, кради́* и т. д. является в деепричастии с другим ударением: *кра́дучись. Могу́, могу́щий*, но — *мо́жеш, мо́гут* и т. д. Но приставка *вы-* перетягивает ударение на себя: *вынесу*.

От основы инфинитива образованы формы инфинитива: с окончанием *-ти́*, напр. *нести, вести, везти, грести, плести, скрести, пасти, расти* (собств. *расти́*), *брести, блюсти, трясти, приобрести, спасти, ползти* (рядом менее употребительны в сложных *привесть*); с окончанием *-т'*: *грызть, лезть, сесть, красть, счесть, пасть, прясть*; с окончанием *-ч'* (восходящим к *кт, гт*): *мочь, стричь, беречь, волочь, толочь, лечь, отречься, сечь, запрячь* (произносится *запреч'*); основы на *-ер, -ол* изменяют *-ер, -ол* в форме инфинитива в *-ере, -оло*: *мереть, отпереть, простереть, толочь*. Основы на губную оканчиваются в инфинитиве на *-сти*: *гребу́* — *грести* (из *гребс-ти*), *скребу́* — *скрести* (из *скребс-ти*); *с* представляется вставкой.

Далее от основы инфинитива произведены: прошедшее время на *-л*; зубные *т, д* выпадают перед *-л*: *клал, вёл, упала, плели, росла*; в форме мужеского рода *-л* сохраняется только после гласных: *прочёл, крал, набрел, вымел*; после согласных *-л* отпадает: *жог* (из *жегл*), *сгрёп, грыз, сек, берёг, мок, умер, припер, простёр, рос* (из *ростл*) и т. д. Основа *толк-* (инфинитив *толочь* можно объяснить из *толчи*, как результат так называемого второго полногласия) образует в мужеском роде *толок* (а рядом: *толкла, толкли*). От той же основы произведены: причастие страдательное на *-ен*: *плетён, выметен, остриженъ, украденъ, натолчён, приобретён*; от основ на *-р* производится то же причастие с суффиксом *-т*: *приперт, простёрт, натёрт*. Далее от основы инфинитива произведено причастие прош. вр. нестрадательное на *-вший* после гласных и *-ший* после согласных: *укравший, севший, напавший, стершийся, могшие, умершие, лёгшие, росшие*. Затем деепричастие совершенного вида, которое после гласных по общему правилу оканчивается на *-в* (следовательно, в основах на выпавшие *д, т*, а также в основах на *-ере*): *украв, напав, присев, умерев, простерев, приперев*, реже на *-вши*: *укравши*, но правильно на *-вшись*: *усевшись, оперевшись, заперевшись* (рядом *запершись*, форма более простонародная); после согласных находим вообще окончание *-ши, -шись*: *остригшись, обжегшись, проползши, стёрши, опершись, подпершись, помогши, отвлёкши, отрёкшись, вылезши, напрягши*. Реже окончание *-а* в деепричастии совершенного вида; оно также производится от основы инфинитива: *приобретя, везя, занеся, наскребя, прочтя, зачтя*.

Ударение основы инфинитива. Одни глаголы имеют ударение всегда на коренной гласной основы: *сесть, грызть, пасть, стричь, прясть, красть, класть, тереть, простереть, сечь*; поэтому *сели, грызла, остри́жен, клала, крала, укра́ден, пряла, пала, натёрла, простёрла, секла*. Другие глаголы имеют ударение вообще всегда на окончаниях: *брели́, росла́, плетён, метено́, могло, берегли́сь, приволокли́*,

В инфинитиве от глаголов с основой на задненёбную согласную является окончание *-ч'*, а не *-чи́*: *влечь, волочь, толочь, течь, напрячь, запрячь, жечь, мочь, стеречь, беречь.* В деепричастии ударение не переходит на окончание *-ши: отползши, привлёкши.* Глаголы *переть, мереть* точно так же в форме инфинитива не переносят ударение на окончание (*-т'*, не *-ти́*); в прош. вр. и в причастии страдательном глаголов *мереть, переть* ударение переносится на окончание в женском роде: *заперла́, умерла́, заперта́, припёрта́;* в мужеском, среднем роде ед. и во мн. числе ударение остается на корне: *мёрли*, а в сложенных с предлогами оно переносится на предлог: *за́пер, о́тперли, за́мерли, у́мерли, за́перт, о́тперт, ро́сперт.* Глаголы на *-ся* следуют ударению простых: *секлись, грызся, натёрлась, оселась;* в прош. вр. в мужеском роде ударение переносится на *-ся* после предшествующих *л, р: завелся́, блюлся, обрелся́, приплелся, заперся́, оперся́* (но конечно: *натёрся, простёрся*, ибо в этих глаголах ударение неподвижно); ср. рядом: *берёгся, остерёгся, запрёгся, увлёкся* (редко: *отрекся́*). В противоположность глаголам без *-ся*, глаголы на *-ся* переносят ударение на *-шись* после *р* в случаях, как *запершись, отпершись, подпершись* (формы преимущественно просторечные).

По значению своему большая часть относящихся сюда основ несовершенного вида; совершенного вида глаголы *сяду — сесть, ляг(у) — лечь, паду — пасть*, а также все сложенные с предлогами: *приобресть, украсть, загрызть, спасти, припереть, увлечь, натолочь.* К определенно-моторным относятся: *везу, несу, веду, ползу, лезу, бреду.* Большая часть глаголов этого образца переходные; непереходны: *ползу, лезу, бреду, ляг(у), сяду, росту, могу, паду.* Глагол *пещись — пекусь* из церковнославянского языка.

Не во всех глаголах замечается полное звуковое соответствие между основами наст. вр. и инфинитива; так, благодаря носовому инфиксу, при *сесть, лечь* находим *сяду, ляг(у)* (из sędo. legǫ); при основе с коренным *ь* (впоследствии выпавшим) перед *р* в наст. вр. находим основу с *-ер* в инфинитиве: *умру, простру, натру, запру* при *умереть, простереть, натереть, запереть;* относительно *толку — толочь* выше указана возможность объяснять *толочь* как второе полногласие вместо *толчь — толчи* (ср. *толкла*). В *жгу — жечь* видим в инфинитиве основу *жег-*, а в наст. вр. *жы-*; но при *жег-* в инфинитиве было известно и *жы-* (*жгли*, а в *жог* из *жегл* гласная восходит к *ь*); в *зачесть — зачту* видим в инфинитиве обычную замену *ь* через *е* (восходит к *зачьсть*).

2-й образец. Перед *-ет — -ут* являются носовые *н, м;* основа инфинитива оканчивается на *а* (из носового *е*).

Сюда относятся сложные с **иму — *ять*, далее: *жму — жать, жну — жать, мну — мять, кляну — клясть, распну — распять, начну — начать.* Относительно этих глаголов заметим: в сложных с **иму* звук *и* сохраняется после *н* с предшествующей согласной: *подниму, сниму, отниму;* после предлогов, содержащих гласную, *и* переходит в *й*, выпадая в положении за предлогом *при: найму, пойму, дойму, займу, приму;* после согласных находим *-му* со смягчением предшествующего звука (из *-ьму*): *возьму;* после предлога *вы-* вместо *-му* является *-ну* под влиянием глаголов на *-ну, -нуть.* В инфинитиве

видим *-нять* после всех вообще предлогов, *кроме вз-: снять, поднять, принять, донять*, но *взять*; вместо *вынять* — *вынуть* под влиянием указанной аналогии. Форма *кляну* заменила более древнее *клену* (из кльнѹ), а вместо инфинитива *клять* под влиянием аналогии явилось *клясть*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, находим: повел. накл. *кляни, жни, жмите*; причастия наст. вр. *мнущий, жмущий, клянущий, жнущий*. Деепричастие: только *кляня*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы.

От основы инфинитива произведены формы прош. вр. *жал, клял, начал, распял, мял*. Деепричастия совершенного вида: *начав, зажав, смяв, заняв, проклявь, распяв; начавшись, смявшись, занявшись, прижавшись*. Причастия страдательные на *-т: начат, снят, зажат, распят, помят*. — Ударение основы инфинитива в одних глаголах с неподвижным ударением: *нажал, пожал, смяла, замят, примята*. В других глаголах ударение подвижное: в женском роде прош. вр. и причастии страдательного залога оно переносится на окончание: *начала, сняла, клята, взята, начата, проклята* (исключение только: *распяла, распята*); в мужеском роде, среднем роде и мн. в прош. вр. и причастии страдательном ударение в несложенных с предлогами и двусложных формах на коренной гласной: *клял, сняло, взяли*, а в сложенных с предлогами на предлогах: *проклял, распял, подняли, начат, начато, начаты*. В сложенных с *-ся* ударение в глаголах с ударением подвижным переносится в мужеском роде на *-ся*, а в среднем роде и во мн. ч. на окончание: *взялся, взялось, взялись, началось, снялись, поднялся*.

Относящиеся сюда глаголы, несложенные с предлогами, все несовершенного вида, а сложенные с предлогами совершенного.

3-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является согласная *в*; основа инфинитива оканчивается на гласную *ы* или *и*.

Сюда относятся *живу, плыву, слыву*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, повел. накл.: *живи, плывите*; причастие наст. вр.: *живущий, плывущий, слывущий*; деепричастие: *живя, плывя, слывя*, и также еще *живучи*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы, кроме только что указанного деепричастия.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *жил, плыли, слыл*; причастие прош. вр. *живший, слывший*; деепричастие совершенного вида: *нажив, прожив, прослыв*; причастие страдательное: *зажито, прожито*. — Ударение этих основ подвижное: в женском роде оно падает на окончание: *жила, плыла, слыла, прожита*; в других формах прош. вр. и причастии страдательном ударение на корне, а в сложенных с предлогами на предлоге: *жили, прожили, заплыли, прожито*, но *прослыл*. В глаголах на *-ся* ударение переносится в мужеском роде прош. вр. на *-ся: нажился*, а в прочих формах на окончание: *нажились, сплылось*.

Рассмотренные глаголы несовершенного вида; *плыть* с определенно-моторным значением.

4-й образец. Перед *-ет* — *-ут* согласная *н*; основа инфинитива оканчивается на *ну*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, а также будущего совершенного *(тону, кину, верну, успéм)*, образуются формы повел. накл.: *кинь, тронь, двинь, тяни́, тони́, верни́*; *-и* неударяемое после двух согласных: *сохни, зябни, крикни*. Причастие наст. вр.: *тянущийся, сохнущие, гнущийся*. Деепричастие на *-а* совсем неизвестно.

Ударение основы настоящего времени может лежать или неподвижно, на корне: *ки́ну, сту́кну, привы́кну*, на окончании: *зевнёт, ущипну́, толкнёт, качнём;* или подвижно, падая на окончания *-у* в 1-м лице ед., *-и* в повел. накл., *-ущий* в причастии, но переносясь на корень при других окончаниях: *тону, тянущийся, тони, тони́те, тяни́те*, но *то́нет, тя́нут, взля́нет*. Подвижных по ударению основ очень немного.

От основы инфинитива производятся: прош. вр. *тяну́л, верну́л, отпря́нул, тро́нул, отве́рнул;* причастие прош. вр. *тронувший, тянувшийся, вернувший, кинувший;* деепричастие *потяну́в, ки́нув, столкну́в, почерпну́в;* деепричастие *кинувшись;* причастие страдательное *подтя́нут, перевёрнут, покинут*. — Ударение этой основы лежит неподвижно или на корне, или на *-ну;* только в причастии на *-т* оно переносится всегда на корень: *тянул, натя́нут, натя́нута, повёрнуты*. Односложные переносят при этом ударение на предлог: *подо́гнут, за́мкнут, взо́ткнут*.

Особая группа глаголов, отличающаяся от прочих и по своему значению, образует прош. вр. (обязательно), а также причастие прош. вр. и деепричастие совершенного вида (с колебаниями) не от основы инфинитива на *-ну*, а от основы на согласную, предшествующую в инфинитиве окончанию *-нуть*. Так, в прошедшем от *чахну — чахнуть* находим *чах;* также *оглох, озяб, прилип, высох, повис, прокис, протух;* от основы на зубную: *завял*. Причастие прош.: *оглохший, озябший, высохший, прокисший*. Деепричастие: *заглохши, оглохши* и *оглохнув, прокиснув*.

Отдельно стоят *отвергнуть*, которое образует *отверг* и *отвергнул, подверг* и *подвергнул, подвергшийся* и *подвергнувшийся*. Также *достигнуть* при *достичь*, ср. *достиг, достигший*.

Глагол *вынуть — выну*, как мы видели, восходит к более древним формам: *вынять, выму*.

Среди глаголов этого образца значительная часть совершенного вида: сюда относятся, во-первых, все сложенные с предлогами; во-вторых, несложенные с однократным значением, как *крикнуть, топнуть, плюнуть, коснуть, вильнуть, ка́нуть* и т. д.; в-третьих: *верну́ть, минуть, вынуть*. Несовершенного вида та особая группа, о которой сказано выше, имеющая особое значение глаголов подвижного состояния: *глохнуть, виснуть, дрогнуть* (рядом *дрогнуть* совершенного вида с неоднократным значением), *мёрзнуть* и т. д.; также еще глаголы: *гнуть, тянуть, тонуть, дрыхнуть*.

5-й образец. Перед *-ет — -ут* согласная *к*; основа инфинитива оканчивается на гласные *а, е (ѣ), ы*.

Сюда относятся немногочисленные глаголы, как *стану — стать, дену — деть, стыну — стыть, застряну — застрять*.

От основы наст. вр. с неподвижным ударением на корне: *надену, остыну, надень, стань;* причастие наст.: *стынущий*.

От основы инфинитива с неподвижным ударением на корне: *одел, стал, остыл, застрял* (мы ожидали бы *застряп*, от *стряпать*). Деепричастие: *устав, надев, застряв*. Причастие прош.: *надевший, застрявший, остывший*.

Глаголы *стать, деть* совершенного вида; *стыть* несовершенного. Сложные — все совершенного вида.

6-й образец. Перед *-ет — -ут* являются исконно твердые согласные; инфинитив содержит производную основу на *а*.

Сюда относится ряд корней, содержавших исконно звуки *ъ, ь*: *тку — ткать, лгу — лгать, рву — рвать, вру — врать, жду — ждать, жру — жрать*. Иногда такому корню в инфинитиве соответствует корень с *о, е* в наст.: *зову — звать, беру — брать, деру — драть*. Единичны: *стону — стонать, ору — орать*.

Перед окончанием *е* в основе настоящего заднеёбные переходят в шипящие: *лжош, тчёш* (но и *ткёш*).

От основы наст.: *врёт, ври, ждите*. Деепричастие: *зовя*. Причастие наст.: *дерущий, берущий, зовущий* и т. д. — В основе настоящего ударение всегда на окончании. Только при *стону, стони́* является *сто́нешь, сто́нет* и даже *сто́нущий*.

От основы инфинитива: прошедшее *лгал, звал;* причастие прош. страдательное на *н: по́зван, при́врано, при́бран*. Деепричастие соверш. *солгав, набрав, призвав, соткáв*. — В *стонать, орать* ударение неподвижно; во всех остальных оно подвижно: в простых ударение переносится на окончание женского рода *-а: звала́, звана́;* в сложенных с *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *звался́, брался́, брали́сь, брало́сь;* в сложенных с предлогами глаголах не на *-ся* ударение (кроме формы женского рода) переносится на предлог: *со́ткан, по́зван, при́званы, на́браны, обо́дран, по́жран, взо́рван, про́жден;* в глаголах на *-ся* ударение остается на окончании: *назвался́, дождался́, собрали́сь, продрало́сь;* но *взорва́лся, порва́лся, залга́лись*.

В деепричастии ударение всегда на корне.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида; они совершенного вида в сложениях с предлогами.

7-й образец. Перед *-ет — -ут* исконно мягкая согласная; в инфинитиве основа оканчивается на *оро, оло*.

Сюда относятся: *мелю — молоть, колю — колоть, порю — пороть, борюсь — бороться, полю — полоть*.

От основы настоящего: *колет, порют, боремся, борись*. Причастие наст.: *ко́лющий, ме́лющий*. Деепричастия на *-а* неупотребительны; малоупотребительно: *ме́лючи*. В основе наст. вр. ударение подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. наст. вр. и в повел. накл.: *мелю́, мели́, мели́те*, но *ме́лет, ме́лют, ме́лющий*.

От основы инфинитива образуются: прош. *коло́л, моло́л;* причастие прош. *боровшийся, коловший;* деепричастие соверш. *наколов, смолов;* причастие страдательное на *-т: смо́лот, прико́лот*. Ударение основы инфинитива неподвижно на корне, но в причастии страдательном вместо *оло́* находим *о́ло* в *смо́лот, ко́лот*.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида: они совершенного вида в сложениях с предлогами.

8-й образец. Перед *-ет — -ут* исконно мягкие согласные; производная основа инфинитива оканчивается на *а*.

Относящиеся сюда глаголы довольно многочисленны. Согласная перед окончанием представляется в наст. вр. в смягченном виде: вместо *г, к, х* являются *ж, ч, ш*: *плачу — плакать, пашу — пахать*; вместо *с, з — ш, ж*: *мажу — мазать, лижу — лизать, чешу — чесать*; вместо *т* в исконнорусских словах — *ч*, а в заимствованных из церковнославянского *щ*: *мечу, топчу, шепчу, скрежещу, ропщу, клевещу, трепещу*; вместо *д* в русских словах *ж*, в церковнославянских *жд*: *гложу — глодать, страждy — страдать, созижду — созидать*; вместо *ст — щ*: *свищу — свистать*; вместо *ск — щ*: *ищу — искать*; вместо *зг — жж* (пишется *зж*): *брызжу — брызгать*; вместо *п, б, в, м — пл, бл, вл, мл*: *дремлю — дремать, колеблю — колебать, сыплю — сыпать*; *р, л, н* переходят в мягкие *р, л, н*: *глаголю — глаголать*.

Вместо ожидаемого *ржу — рзать* находим *ржу — ржать*; аналогично вместо *жажду — жадать* находим *жажду — жаждать*; вместо *слю — слать* является *шлю — слать*. Единично *стелю — стлать*.

От основы наст.: *плачет, плачь, чеши, чешите* (от *жажду, страждy, зижду* повелительное не употребляется); причастие наст. *плачущий, пашущий, страждущий, ищущий*. Деепричастие на *-а*: *плача, дре́мля, колебля, скрежеща, клевеща*; но вообще они мало употребительны (не говорят: *чеша, мажа, ропща, пиша́, паша́, режа* и т. п.). Вместо *сыплю — сыплеш* весьма обычно *сыплю — сыпиш*. — Ударение основы настоящего может быть неподвижно на корне: *а́лчу, пою́, коле́блю, глаго́лю*; в некоторых основах оно подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. и в повел. накл.: *клевещу́, ищу́, ропщу́, дремлю́, пишу́, паши́, топчи́те, лижи́те*.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *лиза́л, пла́кал*; причастие прош. *плакавшие*; деепричастие соверш. *запла́кав, сма́зав, задрема́в*; причастие страдательное на *-н*: *нарезан, оклеветан, обглодан*. — Ударение в одних основах лежит неподвижно на корне: *пои́сать, кли́кать, ма́зать*, в других на *-а* в окончании основы, причем, однако, в причастии страдательном оно переносится на корень: *отыскан, обгло́дан, оклевета́н*. Основы *стла-* и *сла-* переносят ударение на предлог: *по́слан, разо́стлан*.

При *поколебать* причастие страдательное *поколе́блен* (указывающее на **поколеби́ть*). При *двигать* причастие наст. страдательное *движи́мый*, но рядом *недвижи́м*.

Все относящиеся сюда несложенные глаголы несовершенного вида, а сложенные с предлогом совершенного.

9-й образец. Перед *-ет — -ут* является *і(j)*, причем основа наст. вр. односложна или двусложна; основа инфинитива односложна и оканчивается на гласную.

Коренная гласная в основе наст. вр. и инфинитива одна и та же по происхождению, но в основе наст. многие из этих гласных под влиянием особого своего положения подверглись изменениям. Так, гласная *е* (*ѣ*, по происхождению дифтонг *оі*) в основе *пе-* (*петь*) является в основе наст. вр. в виде *оі*: *пою́*. К более поздним изменениям относится выпадение гласной *и* в этой основе: *пью, шью, вью, лью, бью* (но в *гнию* и сохранилось в связи с наличностью перед ним двух

согласных; в *почию* сохранение обязано церковнославянскому происхождению; в *брию*, откуда *брею*, сохранение обязано той же причине, что в *гнию*). Еще позже произошло изменение *ы* в основе настоящего в *о*: *крою, мою, рою, вою, ною*; аналогично изменение *и* в *е* в *брею*. Без изменения сохранились гласные *а* (*знаю*), *у* (*дую, обую*), *е* (*ѣ*) из *ē* (*грею, спею*).

Основа наст. вр.: *бью, бьёт, кро́ю, гнию́, пою́*; повел. всегда на *-й, -йте: пойте, грейте, дуйте, знай*; на месте *ы*, понятно, *о*: *крой, мойте*; на месте *и* — *е* не только в *брей, брейте*, но также в *лей, шей, вей, бейте* и т. д. (*гнию* не образует повел. накл., при *почию* является *почий*). Причастие наст. вр.: *бьющий, гнющий, поющий*. Деепричастие только не от глаголов, выпускающих *и* в основе наст.: *пои́, рои́, бре́я, гния́, дуя* (но не *лья, вья, бья* и т. п.). — Ударение форм, образованных от основы наст., обычно на корне; на окончании только в *пою́* и в глаголах с коренным *-и*, как *гнию́, гнию́т, вьёт* (исключается глагол *бре́ю*, а также книжное *почию*).

Основа инфинитива образует прош. вр.: *бри́ла, крыла, пела, била*; причастие прош. вр.: *бивший, почивший*; деепричастие совершенного вида: *накрыв, пролив, запев, прибив*; причастие страдательное от основы на *-а* оканчивается на *-н*: *знан, узнан*; от всех прочих на *-т*: *пропет, накрыт, сбрит, про́лит*. Ударение основы инфинитива в одних глаголах неподвижно: *бить, шить, крыть, рыть, обуть, петь, брить*; в других оно подвижно: сюда относятся только глаголы *пить, вить, лить* — в них ударение в прош. вр. переносится на *-а* в женском роде: *пила́, вила́, лила́*; в сложенных с предлогами так же: *пролила́, свила́, запила́*, причем в других формах прош. вр. ударение переносится на предлог: *про́лил, за́пили, за́вили*. В этих глаголах на *-ся*, сложенных с предлогом, ударение вообще переносится на окончания: *развился́, впила́сь, залили́сь, полился́*. Те же глаголы имеют такое же, как в прош. вр., колебание в причастии страдательном прош. вр.: *развита́*, но *ра́звит, пролита́, про́литы, о́тпито, о́блит* и т. д. В причастии страдательном от *знать* в сложенных с предлогами ударение в формах мужеского рода и мн. числа переносится на предлог: *у́знан, при́знаны, опо́знан*.

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида, но в сложении с предлогами они вида совершенного: *обую, почию, узна́ю, пропою́, зашью́*.

10-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в наст. вр. является *aj*, в повелительном наклонении, деепричастии и причастии наст. страд. сохраняется основа на *аваје*; инфинитив представляет двусложную основу на *ава*.

Сюда относятся: *сознаю́, признаю́, узнаю́, настаю́, достаю́, даю́*.

В наст. вр.: *даю, даёт, настаю́т*; причастие наст. вр.: *дающий, достающий, сознающий*; в повел.: *признавай, доставай, давай*; деепричастие: *признавая, доставая, давая*; причастие наст. страдательное: *даваемый, сознаваемый*. Ударение в основе наст. вр. на окончании; в основе повел. и деепричастия на слоге *ва*.

Основа инфинитива имеет ударение на слоге *ва* и притом неподвижное: *давал, дававший*.

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида; они представляются производными при соответствующих глаголах совершенного

вида (*сознать, достать, дать*), причем в наст. вр. отступают от обычного вида производных; в виду этого *даю́, сознаю́* и т. д. можно признать позднейшими новообразованиями вместо *дава́ю, сознава́ю, доставáю*. Что до сложных с *даю́*, то они остаются несовершенного вида, ибо, напр., *задаю́* такое же производное несовершенного вида при *зада́ть*, как *даю́* при *да́ть*. Повидимому, *давай, давая* извлечено из глаголов, сложенных с предлогами.

11-й образец. Перед *-ет — -ут* в настоящем является *j(j)*, причем основа настоящего двусложна; двусложна также основа инфинитива, оканчивающаяся притом на *ja*.

Сюда относятся: *лаять, чаять; чуять; сеять, веять, блея́ть* (и *блея́ть*).

Основа наст. вр.: *лает, чаю, чуют;* повел.: *сей, вейте;* деепричастие: *сея*. Ударение основы обычно на корне, но только при *блею́* известно *блею́*.

Основа инфинитива: *чуял, сеял, посеяв, чаявшие*. Ударение обычно на корне, только при *блея́ть* известно и *блея́ть*.

Сюда же относится многосложная основа *лелеять*.

Сюда же относится *вопиять;* основа наст. вр. *вопије-*: *вопиют* (глагол этот церковнославянский и известен только в книжной речи).

12-й образец. Перед *-ет — -ут* в настоящем является *ej*, причем основа настоящего многосложна; основа инфинитива также неодносложна.

Сюда относятся глаголы со значением подвижного состояния: *богатею, стареюсь, краснею* и т. п., также *болею*. Ударение основы наст. вр. и инфинитива неподвижно и обычно лежит на *е*. Все эти глаголы несовершенного вида; совершенный вид они получают только в сложениях с предлогами: *устарею, состареюсь; забере́менею*.

При *стареюсь, состареюсь* употребляется с другим ударением: *ста́реюсь, соста́реюсь*.

13-й образец. Перед *-ет — -ут* является окончание производной основы *aj*; основа инфинитива на *а*.

Сюда относятся две группы глаголов: а) глаголы несложенные несовершенного вида и соответствующие сложенные совершенного вида; б) глаголы сложенные с предлогами несовершенного вида. В первой группе основа может иметь ударение на корне или на примете *а*: *слу́шаю, пры́гаю, ло́паюсь, ду́маю, ку́таю, па́даю, запры́гаю, меряю, отмеряю, воро́чаю, ку́шаю; чита́ю, игра́ю, ступа́ю, сажа́ю, стара́юсь, пострада́ю;* во второй группе ударение падает всегда на примету *а*: *отпада́ю, отмеря́ю, отвлека́ю, отсыла́ю, отставля́ю, покупа́ю, полага́ю, отреша́юсь*. В этой второй группе сравнительно небольшое число глаголов известно с тою же основой без сложения (следовательно, с основой, относящеюся к первой группе), напр., *объявляю — являю, отрешаю — решаю, наступа́ю — ступаю, отпускаю — пускаю, зарождаю — рожаю* (при всех этих глаголах несложенных несовершенного вида известны глаголы на *-ить* совершенного вида: *явить, решить, ступить, пустить, родить*); большая же часть таких глаголов не имеет при себе соответствующих глаголов несложенных.

Основа настоящего: *па́даю, па́дай, па́дающий, па́дая*. Ударение неподвижное или на корне или на примете *а: па́даю, гада́ю*.

Основа инфинитива: *падать, пáдал, пáдавший, выпадáл, выпадáвший, прочитáв*; причастие страдательное: *читан, взволнóван*. Ударение неподвижное или на корне или на примете *а: пáдал, гадáл, гадáла, погадáв*. Но в причастии прош. страдательном ударение переносится с *а* (*-ан, -ана, -ано, -аны*) на предшествующий слог: *чúтана, воспúтаны, закóпаны, отúдан, освúстан, замáран, повéнчан, взволнóван, отпúхан, замóтан, отпýган* и т. д. Понятно, что такое причастие образуется только в первой группе и совсем неизвестно от глаголов второй группы.

О видовых значениях глаголов этого образца сказано выше.

К этому же образцу относятся производные основы на *-ываю, -ывать, -иваю, -ивать*, которые являются в простых глаголах: *хаживаю, сиживаю* (с многократным значением) и в сложенных: *попиливаю, навёртываю, угадываю*.

14-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является окончание производной основы *уj*; основа инфинитива оканчивается на *ова, ева*.

Большая часть относящихся сюда глаголов представляет многосложные основы; двусложная стала такова благодаря выпадению *ь* в глаголе: *днюю* — *дневать*. Обычно перед *-у* в наст., *-ова* в инфинитиве согласная тверда, но в некоторых глаголах видим мягкую согласную, причем *-ова* переходит в *-ева*: *днюю, горюю* — *горевать, ночую* — *ночевать*.

От основы наст. вр. производятся формы: *зимýю, советует, прáздную́т;* повел.: *горюй, советуй, зимýйте;* причастие наст.: *чувствующий;* деепричастие: *празднуя, зимýя*. Ударение основы наст. вр. неподвижное на корне или на примете *у: совéтую, прáздную, избалýю, зимýю, образýю*.

От основы инфинитива: прош. *зимовáл, горевáла;* причастие прош. вр. *советовавший, почивавший;* деепричастие соверш. *почувствовав, отпраздновав*. — Ударение неподвижное или на корне или на слоге *ва: поименовáл, зимовáла* и т. д. Но в причастии страд. на *-ан* ударение со слога *ва* переносится на предшествующий: *поименóван, избалóван, налинóвана*.

По общему правилу глаголы несложенные несовершенного вида, а сложенные совершенного: *зимую, зазимую*. Но некоторые несложенные употребляются в значении несовершенного и совершенного вида; сюда относятся, во-первых, русские глаголы: *ночýю, минýю, зимýю* (?), во-вторых, иностранные по происхождению своему глаголы, как *телеграфúрую, аранжирýю, ассигнýю, абонирýюсь, арестýю*. Церковнославянские сложенные с предлогами глаголы, как *образýю*, употребляются и в совершенном и в несовершенном виде. Простой церковнославянский *дарýю* совершенного вида, сложенный *обнарóдую* также совершенного вида; *прообразýю* несовершенного вида.

15-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в двусложной основе является *уj;* основа инфинитива оканчивается на *ова, ева*.

Сюда относятся: *кую, сую, жую, клюю, плюю*. Отличием от предыдущего образца является двусложность основы настоящего и инфинитива, а также ударение на окончании основы в настоящем.

От основы настоящего: *кую́, куй, кую́щий, жующий, плюю́щийся;* деепричастие: *жуя́, плюя* (но *куя* не употребительно). Основа инфинитива: *клевал, жевал, плевавший, жóванный*. Ударение в основе инфинитива неподвижно на *ва*, но в причастии страдательном прош. оно переносится на предшествующий слог: *кóван, заплёван, разжóвано*.

9. Второе спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ит* — *ат*.

16-й образец. В наст. вр. *-ит* — *-ат*; в инфинитиве основа оканчивается на *е* (*ѣ*), которое после исконно мягких согласных (*j*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*) переходит в *а*.

Таким образом, благодаря звуковому изменению *ѣ* в *а* в основе инфинитива, глаголы этого образца распадаются на две группы глаголов: на *-еть* и на *-ать*; к первой относятся, напр.: *сидеть*, *висеть*, *видеть*, ко второй — *лежать*, *дрожать*, *держать*, *пищать*, *слышать* и т. д. Обе группы отличаются и в наст. вр.; в первой перед *и*, *а* исконно твердые согласные, во второй исконно мягкие, восходящие к смягчившимся *г*, *к*, *х*. *Кишеть* заменило ожидаемое *кишать*.

Основа наст. вр. В 1-м лице ед. числа согласные перед *i* (*j*) основы смягчились и перешли при этом: *п*, *б*, *м*, *в*, *ф* в *пл*, *бл*, *мл* (*терплю*, *скорблю*, *шумлю*), *д*, *т* в *ж*, *ч* (*гляжу*, *сижу*, *верчу*, *лечу*), *с* в *ш* (*вишу*). В некоторых глаголах такого смягчения нет: при *бдеть* не является *бжу*. Формы наст. вр.: *вижу*, *видят*, *дрожу*, *дрожит*; причастие наст.: *сидящий*, *лежащий*, *кишащий*, *вертящийся*, *терпящий*; деепричастие: *сидя*[1], *лёжа*, *боясь*, *стоя*, *терпя́*, *глядя*; причастие наст. страдательное: *держимый*, *терпимый*, *слышимый*. Повел. накл. *сиди́*, *лежи́*, *терпи́*, *вели́*, *держи́*, *дрожи́те*; от *видеть* повел. не употребительно; от *слышать* употребляется *слышь* в выражении *слышь ты*; от *бояться* — *бойся*, от *стоять* — *стой*. Ударение основы наст. вр. или неподвижно: а) на корне: *ви́дя*, *ви́димый*, *слы́ша*, *ви́дящий*, б) на окончании: *бои́тся*, *боя́сь*, *вися́*, *вися́т*, *вишу́*, *стучи́т*, *дрожа́т*, *велиш*, *велят*, *веля*, *кипя́т*, *ворчи́т*, *кишат*, *кишащий*, *торча́т*, *торчи́ш*, *торча́*, *пища́т*, *пища́*, *скрипя́*, *скрипи́т*. Или оно подвижно, причем в одних глаголах подвижность ударения замечается в наст. вр., а именно в 1-м лице ударение падает на окончание, а в остальных лицах оно ложится на корне: *смотрю́* — *смо́тришь*, *терплю́* — *те́рпишь*, *держу́* — *де́ржит*, *верчу́* — *ве́ртит* (в деепричастии: *смотря́*, *терпя́*, *держа́*, *вертя́*); в некоторых же глаголах перенос ударения замечается только в деепричастии, где оно ложится на корне: *си́дя*, *лёжа*, *сто́я*, *гля́дя* (при *глядя́*).

От основы инфинитива: *видеть*, *видел*, *увидев*, *смотревшие*, *насмотревшись*, *стуча́л*, *стуча́ла*, *державшийся*; причастие прош. страдательное: *виденный*, *слышанный*, *де́ржанный*, *рассмотренный*, *повелено́*, *умолчано*. Глагол *вертеть* образует *ве́рчен*, как бы от основы *верти-*; от *сидеть* в известных выражениях употребляется *си́жено*, *насиженное гнездо*, от основы *сиди-*. Ударение основы инфинитива неподвижное или на корне, или на примете *а*, *е*: *ви́деть*, *слы́шать*, *держать*, *мчать*, *смотре́ть*, *сиде́ть*, *сиде́л*, *сиде́ла*, *висе́л*, *висе́ла*. В причастии страдательном ударение переносится с *а* на предшествующий слог: *де́ржан* от *повелеть* в причастии страдательном находим с окончным ударением: *повелено́*, а от *велеть*: *ве́лено*. О причастиях *ве́рчен*, *си́жен*,

---

[1] В рукописи: *сижа* (очевидно, по описке; ср. ниже, в конце данного абзаца форму *си́дя*). Ред.

образованных не от основы инфинитива, сказано выше. Отметим ударение *зави́сеть* при *висе́ть*.

От глагола *видеть* известна еще форма *вишь* (*ишь*) в выражениях *вишь ты, вишь как, вишь оно* и т. п.; *вишь* восходит к первоначальному *вижь* 2-го лица повелительного при существовавшем некогда *вимь (подобно как при дамь существовало дажь).

Глагол *обидеть*, сложенный от *видеть* с предлогом *об;* причастие страдательное *обижен*, ср. указанное выше *верчен*.

При *стоя́ть* явилось *сто́ить* с другим значением; возможно, что новообразование это исходило из форм наст. вр. *стою́, сто́иш, сто́ит, сто́ят;* отсюда 1-е лицо ед. *сто́ю* и затем неизбежное новообразование *стоить*. О глаголе *бежать* см. образец 21-й. Быть может, *зна́чить* заменило *знача́ть* так же, как *сто́ить* заменило *стоя́ть*.

Большая часть относящихся сюда глаголов в несложенном виде представляет вид несовершенный, а в сложениях с предлогами вид совершенный. Однако совершенный вид имеет глагол *велеть*, употребляющийся и в несовершенном виде (*я этого ему не велю, хозяин не велит;* но — *я велю принести, ве́лено не пускать*). Замечательно, что *зависеть* имеет несовершенный вид; также *ненавидеть*; вероятно, оба глагола книжные, церковнославянские.

17-й образец. В наст. вр. *-ит* — *-ат*; основа инфинитива оканчивается на *и*.

Звук *и* переходит в *j* и влияет таким образом на смягчение согласной в двух формах в спряжении глаголов на *-ить*: в первом лице ед. ч. наст. вр. перед окончанием *-у* (из *ǫ*) и в причастии прош. страдательном перед суффиксом *-ен*; напротив, перед *-е* во 2-м лице ед. и мн., 1-м лице мн. и в 3-м лице мн. наст. вр. *и* не переходит в *j*; *ие, иǫ* (откуда *иę*) сливаются в *и, ę* (отсюда в русском языке *а*); итак, *носи-ǫ* дало *ношǫ, носи-ен* — *ношен*, а *носиеши, носиеть, носиемъ, носиете* — *носиши, носить, носимъ, носите; носи-ǫть* дало *носиęть* и далее носѧть (по-русски *нос'ать*). Мне неясна причина такого различия: возможно, что оно зависело в некоторых глаголах от различия в ударении и отсюда переносилось в другие глаголы: в *учу́, учён* ударение падало на *ǫ, е*, между тем как в *у́чиш, у́чат* оно падало (как и теперь) на предшествующий окончанию основы слог. Смягчаясь перед *j* из *i*, согласные подвергались таким изменениям: *п, б, м, в* (*ф*) переходили в *пл, бл, мл, вл* (*фл*), напр. *куплю, влюблён, сломлен, резвлюсь, славлю* (*потрафлю*); только в глаголах церковного происхождения находим в причастии страдательном сохранение *в, м* перед *-ен: затмен, благословен;* в позднейшем по времени появления глаголе *клеймить* находим также *клеймённый* и даже *клеймю* (?); *с, з* переходят в *ш, ж: вожу, ношу, поражу, прошу; д, т* в русских глаголах переходят в *ж, ч: рожу, хожу, сужу, шучу, колочу, сколочен, огорожен; д, т* в глаголах и формах церковнославянского происхождения переходят в *жд, щ: осуждён, предупреждён* (но *предупрежу* под русским влиянием), *освящу, упрощу, рождён, прекращу, запрещён, прекращён, огражден, вознаграждён, просвещён* и т. д.; *ст* переходят в *щ: прощён, перемещён, пущу; зд* в *жж* (пишется *зж, жд*): *езжу, заезжен,*

привождён, нагромождён. Что до задненёбных, то они изменяются в соответствующие шипящие во всех формах от обеих основ в положении именно перед звуком *и: лечу, лечить, тужить, порóчат, перечишь* и т. д.

От основы наст. находим: *хорóнят, молóтишь, прошý;* в повел. наклонении *и* под ударением: *хорони́, учи́те, носи, вози́те, предупреди,* реже в неударяемом положении после двух согласных: *чисти, кончи* (но, понятно, систематически в сложенных с *вы-: вы́проси, вы́учи* и даже *вы́броси, вы́краси,* однако, *вы́ставь*); *и*, не имеющее на себе ударения, отпадает, оставляя след на мягкости предшествующей согласной: *славь, прославьте, брось,* не *ванься, покрась* (от *украсить* едва ли употребляется повел. наклонение), *упрочь, поставь.* После гласных *и* обычно заменяется через *й: устрóй, успокóй, удвóй, присвойте;* но под ударением находим *и́: утаи́, скрои́, скройте* (но *заклéй*). Причастие наст. вр.: *говорящий, носящий, ставящий* и т. д. Деепричастие: *нося́, любя́, судя́, ценя́, куря́* и т. д., *носясь, переносясь.* От глаголов совершенного вида образуется деепричастие совершенное на *-ясь: перекрестясь, устремясь, простя́сь, пленясь, лишась;* деепричастия совершенного вида на *-я* вышли из употребления, сохранившись только в некоторых наречных выражениях (*положа, потупя, сломя, спустя* и т. д.).

Ударение основы наст. вр. может быть неподвижным: а) на корне, напр.: *мóлвлю, стáвлю, прослáвлю, брóшу, трáчу, покрáшу, кóнчу, сúлиться,* б) на окончаниях: *грубя́т, резви́тся, черни́т, весели́т, сочиня́ть, дари́м, прости́м, морю́, порази́т, огради́м, моря́т, тужи́т, роди́ть, лиша́т, храня́т, реша́т, греша́т.* Оно бывает и подвижным, а именно падает на окончания в 1-м лице ед. наст. вр., а также в деепричастии и причастии, и еще в повел. накл. — переносится на предшествующий слог во 2-м и в 3-м лице ед. и мн., а также в 1-м лице мн.; итак, *хожу́, ходя́, ходя́щий, ходи́,* но *хóдиш, хóдят;* сюда же: *ношу́, учу́, хороню́, брожу́, курю́, чиню́, лечу́, служу́, поручу́сь, тащу́, ворочу́, пущу́, заявлю́, куплю́, наступлю́, потружу́сь, положу́, загорожу́, прошу́, кучу́, хвачу́, колочу́, молочу́, торóплю́, варю́, укорочу́, заплачу́* и т. д. Группа глаголов с подвижным ударением многочисленнее группы глаголов с неподвижным ударением на окончании и, быть может, первоначальнее ее; в глаголах *платить, садить* при переносе на него ударения звук *а* заменяется через *о; заплóтит, пасóдим* (в простор. и областном языке это явление еще более распространено: *падóрим,* вместо литер. *подари́м, навóрим,* вместо *нава́рим*).

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *носи́л, носи́ла;* причастие прош.: *носивший, учи́вший;* деепричастие совершенного вида: *поносив, подарив, научившись, окрасившись, сохранившись, накури́вшись, набро́сившись.* Причастие страдательное прош.: *ношенный, захвачен, заморóжен, застрелен, прощён, учинено, ку́плено, обесчéщен.* — Ударение в формах, произведенных от основы инфинитива (кроме, однако, причастия страдательного), неподвижное или на корне или на примете *и: слáвил, слáвила, прослáвив, прослáвившие; учил, учи́ла, научи́в;* только при *роди́л, роди́ли, роди́ло* находим *родила́* (и также: *родился́, родили́сь, родило́сь*). В причастии страдательном ударение или

переносится на предшествующий суффиксу *-ен-* слог: *понóшен, похорóнен, замéчен, наýчен, запýщен, заявлен, кýплен, загорóжен, запрóшен, прихвáчен, поколóчен, обмолóчен, завáрен, укорóчен, задáвлен, завáлен, заплáчен* (произносится *заплочен*), *посáжен* (произносится *посожен*), *порýчен, слóмлен, надлóмлен;* в женском роде то же ударение: *запýщена, заявлена, запрóшена, заколóчена, укорóчена* и т. д. Или же ударение причастия падает на *е* в мужеском роде, переносясь на окончания в женском, среднем роде и во мн. числе: *влюблён, влюблены́, похоронён, похоронена́, прощена́, научён, научена́, лишóн, лишена́, рождён, рождены́, осуждён, осуждена́, освящён, освящена́* и т. д. Неясно, как, по какому основанию распределяются глаголы в обеих указанных группах.

Относящиеся к настоящему образцу глаголы по общему правилу вне сложения с предлогами имеют вид несовершенный, а в сложении с предлогами совершенный. Но при этом оказываются и исключения. Во-первых, ряд глаголов, несложенных с предлогами, имеют вид только совершенный, или, сохраняя вид несовершенный, могут иметь значение и совершенного вида; к глаголам, имеющим только совершенный вид, относятся: *решу, лишу, ступлю, явлю, куплю, брошу, кончу, прощу, хвáтит* (напр.: *нó лбу, до весны*), *пущу, пленю;* к глаголам, употребляющимся и в совершенном и в несовершенном виде, принадлежат: *ворóтит (он ворóтит деньги,* но — *он рыло ворóтит), родúт, женит, родúтся, женится, мóлвит* и, кажется, *крéстит.* Во-вторых, некоторые глаголы, сложенные с предлогами, сохраняют вид несовершенный: сюда относятся сложенные с предлогами глаголы моторно-неопределенного значения, как *относить, выносить, заводить, выводить, привозить, вывозúть, залáзить, вылáзить.*

10. Третье спряжение: 1-е лицо единственного числа на *-м.*

18-й образец. Основа наст. вр. оканчивается на согласную. Сюда относятся: *дам — дать* (основа наст. *дад-*, основа инфинитива *да-*): *дам, дашь* (вместо исконного *даси* из *дад-си*), *даст* (из *дас-ть*), *дадúм, дадúте* (основа *дади-* извлечена из повел. накл., которое, как увидим, производится теперь от основы *да-*), *дадýт* (вместо ожидаемого *дадят*, из дадать). — В повел. накл.: *дай, дайте* (ср. не *дай* бог, *подай;* от *даю́* имеем *давай*). — От основы инфинитива: *дал, далá, дáло, дáли, прóдал;* причастие страдательное: *дан, данá, данó, даны́; рóздано, прóдано;* деепричастие совершенного вида: *задáв;* причастие прош. вр.: *отдáвший, дáвший.* Подвижность ударения основы инфинитива выражается в том, что в прош. вр. и причастии страдательном оно переносится в несложенных на окончание, а в сложенных переносится на предлог в мужеском, среднем и во мн. числе, оставаясь на окончании в женском роде; в глаголах на *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *дался́, удался́, удалóсь, задалúсь.*

Ем — есть (основа настоящего *ед-*, основа инфинитива также *ед-*): *ем, ешь* (вместо исконного ѣшь из *ѣд-си*), *ест* (из *ѣс-ть*), *едúм, едúте* (основа *еди-* извлечена из повел. накл.), *едят.* — В повел. накл.: *ешь, ешьте* (вместо *ежь, ежьте*). От основы инфинитива: прошедшее: *ел, ела, ело, ели, съел, поели, наелся;* причастие прош.: *евший;* деепри-

частие: *поев, заев;* причастие страдательное: *съеден, изъедена.* — Ударение в наст. вр. на окончаниях; основа инфинитива имеет неподвижное ударение на корне.

Есмь — быть. Формы наст. вр. вышли из употребления. Сохранились только формы 3-го лица ед. и мн. в весьма редких, впрочем, выражениях, напр.: *а есть а,* также в значении — имеется: *там всё есть, у нас есть все, что вам нужно;* 3-е лицо мн. *суть* изредка употребляется и в значении 3-го ед.: *это не суть важно.* Повел. накл. образуется от основы *буд-: будь, будьте, забудь.* Деепричастие: *бу́дучи.* От основы *буд-* образуется также и *буду, будеш* и т. д. в значении будущего времени: *забуду, побуду, добуду.* Причастие буд. вр.: *будущий.* — Основа инфинитива *бы-;* от нее, кроме инфинитива, произведены: *был, была́, бы́ло, бы́ли, забы́л, вы́был;* причастие прош.: *бывший;* деепричастие: *быв, забыв, забы́вшись.* — Ударение основы инфинитива подвижное: в прош. вр. оно ложится на окончании в женском роде: *была́,* сохраняясь в других формах на корне: *бы́ло, бы́ли;* в сложенных с предлогами такой же перенос в женском роде: *добыла́, прибыла́, отбыла́, пробыла́;* в прочих формах ударение переносится на предлоги: *до́был, при́были, о́тбыл, про́были;* но в *забы́л* ударение неподвижно: *забы́ла, забы́лся.*

11. Неправильные глаголы.

Некоторые отступления от обычных отношений нам пришлось отметить уже выше. Здесь мы рассмотрим преимущественно те глаголы, которые образуют основы наст. вр. и инфинитива от разных вообще несочетающихся основ, а также и те, которые в пределах наст. вр. представляют формы, образованные от разных основ.

19-й образец. Относим сюда те глаголы, которые в наст. вр. изменяются по первому спряжению.

Глагол *иду́ — идёт, идут;* ту же основу находим в повел. *иди́, иди́те,* в причастии наст. вр. *идущий,* в деепричастии *идя, и́дучи.* После предлогов *иду* изменяется в *йду: найду, зайду, уйду, пойду, сойду, выйду, отойду;* после *и й* отпадает: *приду́;* в этих сложениях деепричастие на *-а: найдя, выйдя, придя, сойдя́сь.* — Основа инфинитива *и-: ити́,* однако, заменилась формой *идти,* этимологически восходящей к *ид-ти,* причем *ид-* из основы наст. вр., ср. *найти, вы́йти;* отметим в сложных причастиях страд. *на́йден, про́йдено.* — От этой основы не могут быть произведены те формы, которые обычно восходят к основе инфинитива; эти формы производятся от основы шьд- (*шед-* в одном положении, *ш-* в другом); ср. *шол, шла, шло, шли, пошол, вышел;* причастие прош. *шедший, вышедший, нашéдшие;* деепричастие: *ушедши* (диалектическое произношение: *ушодши*), *нашедши, вышедши.* — Глагол *идти* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *еду, едет, едут;* формы повел. от этой основы не образуются (в противоположность областному языку) и заменяются формами *поезжай, поезжайте* (от вообще не употребительной основы *поезжа-*); прич. наст.: *едущий;* деепричастие *едя* не употребительно,

выходит из употребления также *едучи*. — Основа инфинитива *еха-*: прошедшее *ехал, ехала;* причастие прош. *ехавший;* деепричастие: *съехав, съехавшись, въехав*. — Глагол *ехать* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *обрящу, обрящется* (*обрести, обрестись*) церковнославянского происхождения, что ясно из звука *щ* в наст. вр. Сходствуя по образованию основы настоящего и инфинитива с глаголами 8-го образца, приведенный глагол представляет в этих основах два разных вида корня (ср. *сяду — сесть*). Глагол этот совершенного вида.

Глагол *реву — ревёт, ревут;* повел. *реви;* причастие: *ревущий;* деепричастие не употребительно. Инфинитив от основы *реве-;* отсюда же *ревел, ревела, ревевшие, заревев.*

Глагол *сшибу, ошибусь — сшибёт, ошибутся;* повелительное: *ошибись.* Основа инфинитива *ошиби-*, от нее образован инфинитив *ошибиться, сшибить*, а также деепричастие *ошибившись;* причастие прош.: *ошибившиеся;* от этой же основы причастие прош. страд.: *сшиблен, зашиблен.* Рядом основа *ошиб-*: от нее произведены прош. вр. *ошибся, сшиб, ошиблась, сшибли, ушибся.*

20-й образец. Относим сюда глаголы, изменяющиеся в наст. времени по второму спряжению.

Глагол *гоню́, го́нит, го́нят;* повел. *гони́, загони́те, прогони́те;* причастие наст.: *гонящий, гоня́щийся;* деепричастие *гоня́*. Основа инфинитива *гна-* (из *гьна-*): прош. *гнал, гнала́, гна́ло, гна́ли, гнался́, гнало́сь, гнали́сь;* причастие прош.: *гнавший, прогна́вший;* деепричастие: *прогнав, нагнав, погнавшись;* причастие страдательное: *про́гнан, загнана́, за́гнаны.* Эта основа с подвижным ударением, как видно из приведенных форм; но в прош. вр. ударение не переносится на предлог (*прогна́л, прогнала́, прогна́ли, загна́ли, погнался́*); в причастии страдательном ударение в формах не женского рода на предлоге (*ото́гнан, ото́гнаны*, но *отогнана́*). Значение *гоню, гнать* определенно-моторное.

Глагол *сплю, спишь, спят;* повел. *спи, спи́те;* причастие наст.: *спящий.* Основа инфинитива: *спа-*: прош. *спал, спала́, спа́ли;* причастие прош.: *спавший,* деепричастие: *поспа́в, вы́спавшись;* причастие страдательное: *за́спанный.* Эта основа имеет подвижное ударение: оно переносится на окончание женского рода *-ла́*, также на *-лся́, -ла́сь, -ло́сь, -ли́сь* в прош.; на предлог в других формах: *проспала́, проспался́, проспала́сь, проспали́сь;* но *про́спал, про́спали;* а также в причастии страдательном *за́спанный.*

21-й образец. Сюда относим глаголы, представляющие в наст. вр. две основы, одну, изменяющуюся по первому, другую по второму спряжению.

Глагол *хочу, хочешь, хочет* с основой *хоче-* в ед. числе, *хотим, хотите, хотят* — от основы *хоти-* во мн. числе; повел. не употребляется, заменяясь формой *захоти́;* старая форма *хоти́* исчезла (2-е лицо наст. *хошь* едва ли не вместо *хочи́, хочь*, проникших в наст. вр.). Причастие наст. вр. *хотящий.* Деепричастие: *хотя* (употребляется как союз).

Основа инфинитива *хоте-*: *хотел, хотела; хотевший; захотев.*

Глагол *бегу́*, 3-е л. мн. *бегу́т;* остальные формы наст. вр. от основы *бежи-*: *бежишь, бежи́т, бежи́м, бежи́те;* повел. накл. от основы 1-го

лица и 3-го лица мн.: *бегu* (вместо первоначального *бези*), *бегúте*; причастие наст.: *бегýщий;* едва ли употребительно деепричастие *бежá*.

Основа инфинитива *бежа-*: *бежáл, бежáла; бежáвший: забежáв*. Значение *бегу, бежать* определенно-моторное.

Глагол *чту*, 3-е лицо мн. *чтут;* остальные формы наст. вр. от основы *чти-*: *чтишь, чтит, чтим, чтите;* причастие наст.: *чтущий*. Основа инфинитива *чти-*: *чтил, чтúла, чтивший*. Рядом основа *чт-* (из *чьт-*): причастие страдательное *почтён*. В сложенном *почтить* в наст. вр. *почту*, а во всех остальных лицах основа *почти-*: *почтишь, почтят*. (Рядом известен другой глагол *почесть: почту, почтёт, почтýт;* прошедшее *почла* и т. д.)

В заключение своего курса я назову несколько сочинений, полезных при изучении грамматики современного литер. языка.

1. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 4-е, Казань, 1913.
2. В. А. Богородицкий. Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными, Казань, 1909.
3. Ол. Брок. Очерк физиологии славянской речи, см. Энцикл. слав. филологии, выпуск 5, 2, СПБ, 1910.
4. Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX в.), в 12-м выпуске Энциклопедии славянской филологии.
5. Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, вып. I, II и III, СПБ, 1901, 1902 и 1904. См. Сборник Отд. р. яз. и слов., т. LXXVII.
6. Е. Ф. Будде. Из истории русского литер. языка конца XVIII и начала XIX в., см. «Журн. М. нар. пр.», 1901, № 2.
7. Е. Ф. Будде. Значение Гоголя в истории русского литер. языка, см. «Журн. М. нар. пр.», 1902, № 7.
8. С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литер. и народном русском языке, СПБ, 1893.
9. А. Х. Востоков. Русская грамматика.
10. Я. К. Грот. Филологические разыскания, изд. 4-е, СПБ, 1899.
11. A. Mazon. Morphologie des aspects du verbe russe, Paris, 1908.
12. Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола.
13. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПБ, 1912.
14. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I, Введение; II, Составные части предложения и их замены, Харьк., 1888; III, Об изменении значения и заменах существительного, Харьк., 1899.
15. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, СПБ, 1907.
16. А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии.
17. А. И. Томсон. Общее языковедение, изд. 2-е, Одесса, 1910.
18. Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I, Варшава, 1891, ч. II, Варшава, 1895.
19. Ф. Ф. Фортунатов. Разбор сочинения Г. К. Ульянова, см. Сборник Отд. р. яз. и сл., т. LXIV.
20. Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, см. «Изв. Отд. р. яз. и сл.», 1899, кн. 1-я.
21. В. И. Чернышев. Законы и правила русского произношения, изд. 2-е, СПБ.
22. В. И. Чернышев. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению.
23. В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК, ЕГО ОСОБЕННОСТИ. ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ НАРЕЧИЙ. ОЧЕРК ОСНОВНЫХ МОМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Древнейшие судьбы русского языка тесно связаны с жизнью других славянских наречий. У нас нет достаточных данных для возведения главных особенностей русской речи к эпохе общеславянского единства, т. е. к тому времени, когда славянская семья еще не распадалась на те диалектические группы, к которым восходят современные славянские языки. Само собою понятно, что и в общеславянском праязыке[1] существовали диалектические различия, разнообразные говоры, но не эти разновидности, перешедшие и в отдельные славянские языки, послужили основанием для позднейшего обособления отдельных славянских наречий. В состав этих новых языков, в частности и в состав русского, вошли разные говоры общеславянского праязыка, частью слившиеся, частью смешавшиеся между собою. Таким образом историю русского языка можно проследить только с момента выделения его из общеславянской семьи.

Впрочем, сравнительное изучение славянских языков устанавливает следующее любопытное наблюдение. Общеславянская семья распалась сначала на две диалектические группы: западную и южную. В состав западной входили предки всех современных западных славян, т. е. поляков, кашубов, лужичан, чехов и словаков; в состав южной вошли предки не только современных южных славян, т. е. сербов, болгар и словенцев, но также и русских. Наблюдение это основывается на следующих данных: во-первых, в западной группе сохранились, сохраняются и теперь звуки *т*, *д*, в сочетаниях с последующим *л* (ср. польск. *mydlo, plotla,* чешск. *sádlo, vedli*), между тем в южной — *т, д* выпали (ср. древнеболг. *плела, вели,* сербск. *мило, вели,* русск. *мыло, плела, сало, вели*); во-вторых, в западной группе сохранялись сочетания *кв, гв* перед звуком *ѣ* (ср. польск. *kwiat, gviazda,* чешск. *kvet, hvezda*), между тем как в южной эти сочетания в указанном положении переходили в *цв, дзв,* или *зв* (ср. древнеболг. *цвѣтъ, звѣзда,* сербск. *цвијет, звијезда,* русск. *цвет, звезда*).

[1] Термином «праязык» обозначаем язык, не дошедший до нас в письменных памятниках, а восстановляемый предположительно сравнительно-историческим методом.

Приведенное наблюдение наводит на мысль, что такому делению славянских языков соответствовало разделение некогда единого славянского племени на группу племен западных и группу племен южных. Но сначала скажу о термине южная группа. Отчего не назвать ее восточною, раз в ее состав вошел русский язык? Термин южная группа представляется более подходящим, в виду того, что распространение русского племени на восток по имеющимся в распоряжении науки данным произошло довольно поздно, частью уже на памяти истории. На севере, в области великих озер, на востоке, в Поволжье, русские — несомненно новые насельники среди финских племен; колыбель русского племени естественно искать в среднем и частью южном Поднепровье и в Поднестровье, т. е. в непосредственном соседстве с болгарскою отраслью южных славян. На некоторые данные в пользу исконности ю ж н о й родины русского племени я укажу ниже. Здесь же ставлю в связь наличность общих явлений в языках русском и южно-славянских с исконным, засвидетельствованным историей соседством русских и болгар в области нижнего течения Днестра и Дуная.

Были ли однако славяне автохтонами, т. е. коренными жителями, на Балканах, в бассейнах Дуная, Днестра, нижнего и среднего течения Днепра? Едва ли можно усомниться в том, что на Балканский полуостров и в бассейн Дуная славяне вступили сравнительно поздно. Историческими свидетельствами их пребывание в этих странах может быть подтверждено только для конца V и начала VI века. О древности поселения славян в Поднепровье и Поднестровье судить труднее, но невероятным представляется допустить существование здесь славян в эпоху готского владычества, сломленного в IV веке нашествием гуннов. Восточногерманское племя готов, течением Днестра разделенных на остготов и вестготов, прочно основалось в южной России с конца II века по Р. Хр. Совершенно невероятно, чтобы готы насели на славян; допустив это, мы не поняли бы, почему славяне не двинулись вместе с готами на запад под напором гуннов, почему им пришлось остаться на своих местах в ожидании новых поработителей. Славян не могло быть в южной России в IV в.; они пришли сюда позже и, очевидно, после падения гуннов, не раньше, следовательно, второй половины V века.

Но если славяне в указанных областях не были автохтонами, то ясно, что они пришли сюда с севера. Спорным остается вопрос, пришли ли они на Дунай и Днепр с северо-запада, т. е. из Повислинья, или с северо-востока, т. е. из северного Поднепровья. Более вероятным представляется, что они шли из Повислинья. Во-первых, Повислинье уже издавна было славянскою территорией, занятою одной из отраслей западных славян, а мы знаем, что некогда западное и южное славянство жили вместе, в одной области; расселение западных славян пошло из Повислинья; почему не допустить, что оттуда же распространились к югу и юго-востоку южные славяне? Во-вторых, сравнение славянских языков между собою показывает, что на общеславянской их прародине среди прочих деревьев произрастал и бук; слово *бук* оказывается общеславянским,

между тем известно, что бук не растет восточнее полосы, идущей от Кенигсберга через Польшу и Подолью к Черному морю; правда, доказано, что *бук* — слово, по происхождению своему не славянское, а заимствованное из германского, но ясно, что заимствование произошло там, где бук был известен, следовательно, не в северном Поднепровье, а в Повислинье. В-третьих, славяне, заняв Повислинье, владели таким образом территорией, принадлежавшею некогда восточным германцам, готам; появление славян в Повислинье могло стоять в прямой связи с опущением Повислинья готами; последние, как достоверно известно, оставили Повислинье для того, чтобы овладеть более южными областями, причем они осели, в силу невозможности пробиться дальше, в бассейнах нижнего течения Дуная, Днестра и Днепра; естественно предположить, что оттуда же, из Повислинья, попали в бассейны Дуная, Днестра и Днепра также и южные славяне, распавшиеся затем, как и готы, на восточную и южную группы. В-четвертых, славяне южные и восточные сохранили в своем языке ряд следов сильного влияния на них германцев; те же следы имеются в западнославянских языках; поэтому они восходят к общеславянскому периоду; отсюда видно, что в общей своей прародине славянство тесно соприкасалось с германским миром; Повислинье граничит с областью распространения германцев, между тем как в северное Поднепровье германское влияние могло бы проникать с гораздо большими трудностями.

Определение древнейших культурных связей славян имеет большое значение при разрешении вопроса об их первоначальной родине. Связи же зависели прежде всего от того культурного района, в сфере которого находилась первоначальная территория славян. В восточной Европе резко выделялись два таких культурных района: во-первых, район Балтийского моря, во-вторых, район Черноморский. Мы не имеем основания думать, чтобы славянство занимало промежуточные области между сферами обоих указанных культурных районов. Ниже увидим, что такое промежуточное место позже заняло действительно восточное славянство, но это явилось результатом поступательного движения восточных славян с юга на север и имело последствием сближение, общение обоих культурных районов; следов такого общения в эпохи древние мы не имеем: южное Поднепровье Геродота не знало о балтийцах и о других сидевших рядом с балтийцами народах. Трудно сомневаться в том, что славяне исконно принадлежали к сфере балтийской культуры: это объясняет нам культурное воздействие на них германцев, это тесно связано с овладением западным славянством южных прибрежий Балтийского моря, это, наконец, необходимо вытекает из того близкого родства, которое замечается между славянами и так называемыми балтийцами, т. е. литовцами, латышами и древними пруссами. Правда, можно указать уже в общеславянском праязыке некоторое количество слов, заимствованных из иранских языков (а иранцы в лице скифов и сарматов занимали некогда южную Россию), а также из греческого (влияние греческой культуры на южную Россию восходит к глубокой древности), но, во-первых, заметим, что таких заимствований, ведущих к Черноморскому культурному району, сравнительно весьма

мало (достоверным общеслав. заимствованием из греческого является слово *корабль*); во-вторых, посредниками между славянами и иранцами могли быть финны, сидевшие как раз в сфере воздействия двух культур — балтийской, с одной стороны, черноморской, с другой; ср. сильное влияние балтийских языков на финские, влияние, шедшее с севера и северо-запада; — влияние на эти же языки иранцев, шедшее с юга и юго-востока. И действительно, некоторые из слов иранского происхождения, попавшие к славянам, находят себе место и у финнов (таковы, например, слова: *бог, топор*).

Итак, наиболее вероятною представляется такая схема: славяне свою исконную прародину имели где-то на северо-западе России, в районе балтийской культуры; всего вероятнее, что они известною своею частью примыкали к Балтийскому морю, ибо только этим можно объяснить существование в общеславянском праязыке слов для плюща и для тиса, которые не растут восточнее прибрежьев Лифляндии. Оставление готами Повислинья дало славянам возможность двинуться из своей прародины на их место; Повислинье стало второю общеславянскою родиной. Из Повислинья южная группа славянского племени двинулась после падения гуннов к Дунаю. Здесь в преддверии к Византийской империи произошло распадение южного славянства на восточную группу, которую современники называли антами, и на южную, занявшую бассейны нижнего и частью верхнего течения Дуная, а со временем овладевшую и всем Балканским полуостровом. Анты — предки русских славян — были отброшены своими соплеменниками (южными славянами) на восток. Здесь они заняли Поднестровье, далее южное, а затем и среднее Поднепровье.

Условия, при которых восточные славяне попали в южную Россию, не были для них так благоприятны, как те условия, при которых готам, попавшим в Поднепровье, удалось в III веке создать здесь сильное государство. Нашествие гуннов открыло тюркам путь в южную Россию. Черноморские степи были заняты остатками гуннов; с востока двигались сюда же болгары и хазары. Восточное славянство в силу естественной колонизации распространялось из Поднепровья на восток, в область Донца и Дона, но оно, если можно так выразиться, прозябало здесь, испытывая чужеземное иго и не выходя за пределы узких, племенных интересов. Историческое свое призвание восточное славянство нашло только тогда, когда, отступая к северу, уходя от тяжелой руки кочевников, оно двинуло колонизационные волны на север — прежде всего в северное Поднепровье.

Как было указано выше, Черноморский район, в котором очутилось восточное славянство, в древности не общался с районом Балтийским; это зависело между прочим от различия в этнографическом составе населения обоих этих районов: на севере сидели некогда балтийцы и предположительно славяне; на юге иранцы (скифы, сарматы), позже, как мы видели, готы. Возможно, что уже с очень отдаленного времени финны тянули частью к Черноморскому району, частью к Балтийскому, но по различным условиям внутреннего их быта финнам не удалось объединить оба эти района

С уходом славян в Повислинье, западные финны приблизились к Балтийскому морю и заняли побережья Финского залива; восточные финны вероятнее всего, по крайней мере в некоторых своих частях, продолжали тяготеть к Черноморскому району. Появление восточных славян в южной России в первое время ничего не изменило в исконном разобщении обоих культурных районов, но напор хазар, потом мадьяр и снова хазар побудил восточных славян к движению на север, вверх по Днепру. Сначала наиболее северные поселения восточного славянства не переходили области современной Черниговщины: здесь сидели северяне по реке Десне, название которой указывает на поступательное движение славян не с севера на юг, а с юга на север. Но с течением времени восточные славяне пробиваются дальше, откидывая на восток и юго-восток восточно-финские племена, а на северо-запад некоторые отрасли литовско-латышского племени. Славяне вдвигаются к северу клином. Захватив северное Поднепровье, они переходят в бассейны Западной Двины, Волхова и Верхнего Поволжья.

Осевши в бассейнах Западной Двины и великих озер, Ильменя и Ладоги, северные славяне оказываются в сфере балтийской культуры. Это ведет к временному их разрыву с славянами днепровскими. О таком разрыве помнит в начале XII в. летописец, сообщающий, что южные племена платили дань хазарам (господствовавшим в Черноморском районе), между тем как северные славяне вместе с западно-финскими племенами платили дань варягам. Варяги, т. е. скандинавы, норманы, уже давно основали свое господство на Балтийском побережье. Появление славян в сфере их влияния естественно ставило варягам новые задачи. Во-первых, в их руках, в лице словен и кривичей, оказалась новая материальная сила; во-вторых, этнографическое родство представителей этой силы с населением юга устанавливало общение севера с югом, ибо славяне тянулись теперь непрерывно от южного Поднепровья до Новгорода и Ладоги, а племя кривичей было связующим звеном между бассейном Западной Двины и средним Поднепровьем.

Путь, пройденный славянами с юга на север, открывал варягам и подвластным им племенам виды на юг. Скученность населения в неплодородных местностях балтийского района, экономическое тяготение новых насельников-славян к родному Поднепровью, нарушение ими старых укладов, привычных покоренным варягами племенам, завоевательные стремления самих северных славян, пробившихся силой в новые места, предприимчивость норманов — все вместе взятое привело к движению северных племен, славян и финнов, на юг. Организованные варягами полчища ставили себе конечной целью овладение черноморскими городами, богатыми культурными центрами Пропонтиды, самим Царьградом. Таким образом видим здесь те самые стремления, которые в различные эпохи, в течение двух тысячелетий, приводили в движение народы северной и средней Европы: некогда греки и италы, позже иллирийцы и фракийцы, затем кельты, еще позже германцы, за ними южные славяне поддались этому самому стремлению, более или менее удачно осуществляя однородную в общем программу.

Но длинный путь из варяг в греки вел прежде всего в южную Русь; по всему этому пути почти вплоть до Черного моря сидели восточные славяне. Северное движение должно было считаться с этим обстоятельством. Очередною задачей являлось обладание Киевом и южным Поднепровьем, для того чтобы уже оттуда двигаться дальше, к заветной цели. Таким образом мы подходим к эпохе образования русского государства. Сначала остановимся на некоторых вопросах этнографических и языковых.

Движение части восточного славянства к северу, появление славян у Ильменя, на Ладоге и в верхнем Поволжье указывает на широкую полосу их распространения. Может ли быть речь об языковом единстве народа, растянувшегося в те мало культурные времена от Черного моря до Финского залива? Но осевши в Поднепровье, славянское ядро выделило из себя еще одну ветвь: некоторые арабские писатели, современники хазарского владычества в южной России, сообщают о поселениях славян в бассейнах Дона и Донца; в историческое время видим восточных славян в Тмутаракани. Очевидно, что из Поднепровья потянулась длинная колонизационная полоса на восток или точнее — юго-восток. Совершенно невозможно допустить, чтобы даже в весьма раннюю эпоху жизни русского народа, скажем в IX в., на Дону говорили бы так же, как на Днестре или Волхове. Расселение восточного славянства повело к раздроблению и его языка. При этом естественно намечаются три племенные и языковые группы, которые должны соответствовать наличности восточных славян в трех географических областях, столь удаленных одна от другой, как южное и среднее Поднепровье, с одной стороны, северное Поднепровье, с другой, и южное Подонье, с третьей. Итак, априорные соображения побуждают нас делить русскую семью уже в эпоху, предшествовавшую образованию киевского государства, на три группы: южную, восточную и северную. Эти соображения находят себе подтверждение в том, что анализ современного русского языка открывает три резко одна от другой отличные языковые группы: севернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. Севернорусская группа покрывается еще и другим термином — группа северновеликорусская, южнорусская — термином группа малорусская. Среднерусская группа в только что предложенном делении соответствует двум другим группам, известным под названием белорусской и южновеликорусской: языки белорусский и южновеликорусский сильно между собою различаются, но, как увидим, предполагают общее для них обоих основание; это основание мы и называем среднерусскою языковою группой, допуская ее позднейшее распадение или точнее, как увидим ниже, ее позднейшее распределение на группы белорусскую и южновеликорусскую. Если севернорусская группа соответствует той предположенной нами выше, по соображениям априорным, северной группе IX—X в., а южнорусская группа соответствует южной группе, то среднерусская группа должна соответствовать той группе, которую мы назвали восточною, предположив, что район ее распространения — это юго-восток, южное течение Дона и Донца. Мы остановимся пока на предположении, что русский язык уже в IX в. распадался на три наречия, на три языковые группы: южную, восточную и северную.

Прежде чем перейти к более подробным указаниям, считаю необходимым обосновать свой взгляд на общерусскую семью, на процесс выделения из нее названных трех ветвей. Сравнительная древность этого выделения многих исследователей наводит теперь, наводила и раньше на вопрос: не с исконным ли делением восточного славянства мы имеем дело? Есть ли вообще основание допускать существование общерусской эпохи, общерусского праязыка? Не выделились ли так называемые северновеликорусы, южновеликорусы, белорусы и малорусы непосредственно из общеславянской семьи? В настоящее время различие, например, между галицкими говорами малорусского языка и рязанскими языка южновеликорусского настолько значительно, что родственная связь между ними представляется как будто не более тесною, чем родственная связь между отдельными славянскими языками, скажем — между чешским и польским, словенским и сербско-хорватским. Но историк языка должен высказаться решительным образом против возможности связать отдельные русские языки (малорусский, белорусский, южновеликорусский и северновеликорусский) непосредственно с общеславянским праязыком. Между современными русскими языками и общеславянскою эпохой научное изучение истории русского языка открывает промежуточную эпоху, когда существовало общерусское единство, — определяет посредствующее звено между русскими языками и общеславянским праязыком в виде общерусского праязыка.

Скажу несколько слов о тех методах, которых обязан держаться исследователь при разрешении относящихся сюда вопросов. При сравнении русских языков между собой и сопоставлении их с общеславянским праязыком (последний восстанавливается путем сопоставления всех славянских языков) необходимо брать русские языки в их истории: история же отдельных русских языков строится, во-первых, на сопоставлении всех входящих в состав их говоров, во-вторых, на изучении письменных памятников. Историческое изучение отдельных русских языков показывает, какие из их особенностей можно признать более древними и какие сравнительно более поздними. Только древнейшие особенности отдельных русских языков могут быть сопоставляемы с особенностями других славянских наречий; что до особенностей позднейших, то сопоставление их с особенностями других славянских языков приведет нас не к той цели, которую ставит себе исследователь взаимных родственных отношений славянских языков; совпадение в жизни отдельных славянских наречий некоторых позднейших явлений доказывает лишь, что вызвавшие их языковые процессы основывались на общем унаследованном из древнейшей эпохи основании и что эти процессы по той или иной причине приводили с течением времени к одинаковым результатам. Поясню сказанное примером: в отдельных славянских языках мы находим на месте общеславянского звука *ъ* звук *о;* сюда относятся языки русский, лужицкий, словацкий и древнеболгарский (ср. русское *сон,* лужицкое *moch*, словацкое *rož*, древнеболгарское *вонъ,* на месте общеславянских *сънъ, мъхъ, ръжь, въпъ*). Было бы ошибочно заключать отсюда, что указанная звуковая черта роднит названные языки между собою, и это — прежде всего потому,

что переход *ѣ* в *о* — явление новое: в общеславянском праязыке во все время его существования сохранялся звук *ѣ;* этот звук перешел и в отдельные славянские языки, что ясно доказывается памятниками древнеболгарского и древнерусского языка; кроме того переход *ѣ* в *о* оказывается только диалектическим в языках древнеболгарском (ср. отсутствие такого перехода как во многих древних памятниках, так и в современном болгарском языке), лужицком (ср. рядом *е* вм. *ѣ*: *sen*), чешско-словацком (ср. в чешском *е* вм. *ѣ*: *sen*).

Определение того, какие особенности отдельных современных русских языков считать древнейшими, какие позднейшими, достигается, как сказано, историческим изучением всего состава этих языков. Так аканье можно признать явлением исконным в южновеликорусском наречии, ибо оно свойственно всему составу входящих в это наречие говоров; памятники, писанные в южновеликорусской области, известны, правда, и без отражения в них этой звуковой черты (напр., некоторые рязанские грамоты XIV в.), но это не остановит нашего утверждения, ибо древнерусская письменность была вообще консервативна, придерживаясь унаследованных начертаний и неохотно допуская передачу на письме диалектических явлений. Равным образом признаем исконною для северновеликорусского наречия чертой мену *ч* и *ц*, ибо отсутствие этой мены в современных говорах северновеликорусских может быть объяснено влиянием другого наречия (а именно средневеликорусского, сложившегося вокруг Москвы и еще некоторых великорусских центров); кроме того древнейшие новгородские памятники, напр., служебные книги конца XI века, уже обнаруживают эту диалектическую черту.

Выделяя таким путем исконные диалектические (сравнительно с общеславянским основанием) черты из отдельных русских языков, увидим, что только одна часть этих черт оказывается типичною для данного русского языка (напр., аканье для южновеликорусского, мена *ч* и *ц* для северновеликорусского), между тем как другие исконные черты являются общими для всех русских языков. Они отличают все русские языки от общеславянского основания, но, сближая их между собою, ведут, очевидно, к другому более близкому основанию, уже отличному от общеславянского: это основание мы и признаем общерусским праязыком. При определении таких общих всем русским языкам черт требуется однако известная осторожность; для выяснения их необходимо руководствоваться данными истории языка, извлекаемыми и из древних наших памятников. Так, например, общим для всех русских языков явлением оказывается замена при известных условиях общеславянских звуков *ѣ* и *ь* через *о* и *е*, например, великор., белор. и малор. *сон, дей'* вместо общеслав. *сънъ, дьнь;* но совокупных показаний всех современных русских языков недостаточно для возведения произношения *сон, дéй'* к общерусскому праязыку. Дело в том, что русские памятники XI и первой половины XII в., и притом даже и такие, которые не могут быть признаны копиями с древнеболгарских оригиналов, еще не знают перехода *ѣ* в *о, ь* в *е* и сохраняют всюду исконные написания с *ѣ* и *ь* (*сънъ, тѣрнъ, дьнь, вьрхъ*). Следовательно, переход *ѣ, ь* в *о, е* — черта не общерусского праязыка (ибо общерусский праязык, согласно сказан-

ному выше, распался уже в IX—X в. вследствие расселения восточного славянства), а черта, свойственная отдельным русским языкам в отдельном их развитии. Равным образом мы не признаем явлением общерусского праязыка замену окончаний *-омъ, -ы, -пхъ* в склонении множ. числа имен муж. и ср. рода через *-ам, -ами, -ах*, несмотря на то, что такая замена произошла во всех русских языках; древнерусские памятники доказывают, что древние окончания держались весьма долго, а новые стали пробиваться только с XIV в., следовательно, уже тогда, когда об единстве в языковой жизни русских племен не могло быть и речи.

После этих предварительных замечаний, выясняющих метод исследования, я укажу на те древние черты, которые сближают между собою все русские языки, причем отнесение их к эпохе общерусского единства не встречает препятствий в истории языка. Сюда относятся следующие звуковые явления: 1) потеря носовых и переход их в звуки *у, а*, а также в *ъ* в некоторых грамматических окончаниях: *судъ, мясо, пять*, древнерусский род. *душъ*, малор. *душі*; это явление засвидетельствовано уже древнейшими памятниками, напр., Остромировым евангелием; 2) переход общеслав. сочетаний *tj* и *dj* в *ч* и *ж* (диалектически и спорадически в малор. вместо *ж* также и *дж*): *свѣча, одежа* (ср. древнеболг. *свѣщта, одежда*); 3) систематическое изменение сочетаний *бj, пj, вj, мj* в *бл', пл', вл', мл'*: *люблю, земля, ставлю* (ср. польск. *lubię, ziemia, stawię*, древнеболг. диалект. *земя* и *земья*); 4) смягчение согласных перед гласными переднего ряда: *с'естра, п'изъко* (позже в малорусском мягкие согласные отвердели перед *е* и *и*, в связи с переходом *е* и *и* в гласные среднего ряда); 5) переход исконного звука *е* после исконно мягких согласных и перед следующими твердыми согласными в *о*: *жона, щока, щоку*; 6) переход звука *е* после вновь смягчившихся согласных и перед твердыми согласными в *ӧ*: *н'ӧсу, м'ӧду* (отсюда позже в велико. и белор. *о*: *н'ос, м'оду*, а в малор. *е*, исключая однако те случаи, где удлинившееся *ӧ* распалось на дифтонг *йӧ*, отсюда *уо*, ср. *нюос* и далее *н'йс, н'іс*); 7) переход начального сочетания *је* в *о* при известных условиях, данных в следующем слоге: *озеро, овинъ, осень* (ср. древнеболг. *езеро, есень*, белор. *евня*); 8) переход начального сочетания *jу* в *у*: *уха*, древнерусск. *унъ, угъ* (ср. древнеболг. *юха, юнъ, югъ*); 9) изменение общеслав. сочетаний *ьл* и *ел* в *ъл* и *ол* (ср. ниже); 10) изменение общеслав. сочетаний *ьр, ър, ел, ьл*; с полукраткими *ь, ъ* и долгими *р, л* в сочетания *ьр, ър, ьл* с краткими *ь, ъ* и краткими *р, л*: *вьрхъ, пърти, вълкъ, мълва* (в древнеболг. с перестановкой: *врьхъ, прьти, влькъ, млъва*); 11) перестановка в сочетаниях *ор, ол* в начале слова: *роба, локъть* (в древнеболг. также перестановка, но с удлинением гласной *о* в *а*: *раба, лакъть*); 12) полногласие в сочетаниях *ер, ор, ол* после согласной: *берегъ, городъ, волосъ, молоко* (в древнеболг. перестановка и удлинение гласных *о* и *е*: *брѣгъ, градъ, власъ, млѣко*).

Этот длинный ряд явлений, сильно изменивших весь звуковой состав, унаследованный из общеславянского праязыка, доказывает, что сожительство восточнославянских племен в одной общей семье было весьма продолжительно. Общерусский период оставил глубокие

следы на звуковом составе всех русских языков. Поэтому утверждаем, что распадение восточного славянства, выделение из него северной и восточной ветви случилось после того, что в течение не одного века все восточное славянство сосредоточивалось на такой сравнительно необширной территории, которая позволяла поддерживать языковое его единство. Итак, возвращаясь к высказанным выше соображениям, предполагаю, что восточные славяне, оторвавшись от южного славянства у нижнего Дуная, жили долго скученно в бассейне Днестра и среднего течения Днепра; только впоследствии, быть может, не раньше конца VIII, начала IX в. восточные славяне распространились, с одной стороны, на юго-восток, а с другой, на север.

Древнерусские племена, о которых сообщают Повесть временных лет и другие древние летописные своды, жили до образования русского государства раздробленно и обособленно. Однако, соседство, общность экономических условий, а частью, быть может, и политические причины имели следствием соединение этих племен в более обширные группы, в которых поддерживалось племенное их единство и общность языка. Сообразно со сказанным выше, мы должны думать, что древнерусские племена распадались на три группы: 1) южную, 2) северную и 3) восточную. К южной группе принадлежали поляне с городом Киевом; волыняне, бужане, древляне, занимавшие современную Волынскую и южную часть Минской губернии; угличи, сидевшие некогда между Днепром и южным Бугом, а потом перешедшие в область между Бугом и Днестром; тиверцы, жившие по Днестру до Черного моря; наконец, северяне, заселявшие современную Черниговщину. Южнорусы заходили, повидимому, и за Припять, где находим дреговичей, бывших всего вероятнее северным отпрыском древлян. К северной группе относились кривичи, сидевшие в верхнем Поднепровье и в бассейне верхнего течения Западной Двины, а также словене с городом Новгородом, захватившие, повидимому, и верхнее Поволжье. Восточная группа осталась как будто вне кругозора киевских летописцев; они, правда, знают на северо-востоке, на Оке и на Волге, вятичей, но о таком северном поселении вятичей сообщает составитель Повести вр. лет, работавший в начале XII в., между тем как более ранний летописец помещал их поселения гораздо южнее, где-нибудь у Дона, ибо на них натолкнулся Святослав, идя из Киева на хазар по направлению к Белой Веже (Саркелу). Во всяком случае ясно, что вятичи — это предки современных южновеликорусов; следовательно, они не могли быть ни севернорусами, ни южнорусами: южновеликорусское наречие слишком отличается от северновеликорусского и малорусского для того, чтобы была возможность отнести вятичей к северной или южной группе. Вятичи были, конечно, восточнорусами. Предполагаю, что некогда их поселения были гораздо южнее, чем в XII в., и что вятичи попали в Рязанскую, Тульскую и Калужскую губернии с Дона; разгром хазар, которым вятичи платили дань, появление в XI в. на юго-востоке могущественных половцев были причиной удаления вятичей к северу и северо-западу.

На юго-востоке, благодаря своей оторванности от Поднепровья, вятичи успели обособиться от южнорусов и в своем языке. Самым

значительным звуковым явлением, видоизменившим старый унаследованный из общерусского праязыка уклад, была редукция (т. е. сильное сокращение, сопровождавшееся изменением самой природы) звуков *а, о, е* в неударяемых слогах. Это стояло в зависимости, повидимому, от усиления самого ударения. В слоге предударном на месте сократившейся гласной (гласной неполного образования) после твердой согласной являлся звук *а*; отсюда начало так называемого аканья. Вместо первоначальных *водá, красотá, полосá, малá* явилось произношение *вăдá, пăлăсá, крăсăтá, мăлá*, сменившееся затем на произношение: *вадá, пăласá, крăсатá, малá;* вместо *сóлó, несú* явилось *сĕло, нĕси*.

В силу своего движения на север, в бассейн Оки, вятичи оказались в ближайшем соседстве и в тесном сожительстве с северянами, проникавшими в ту же область с севера, из верхнего Поволжья. Оттеснение с юго-востока повело вятичей к центростремительному движению; оно сменило центробежные стремления старшей эпохи; в силу тех стремлений произошло расселение восточного славянства на далекие пространства и раздробление его на три группы. Движение вятичей с юго-востока объединило восточнославянские племена в области средней России. Вятичи, как указано, двинулись не только к северу, но и к северо-западу; они заняли часть старой Северщины и, перекинувшись через Днепр, наводнили современную Белоруссию. Здесь, как мы видели, сидели южнорусские племена; соединившись с ними, слившись с ними в одно целое, вятичи вошли в состав новой обособившейся народности — белорусской. Вот почему белорусская речь оказывается столь близкою к речи южновеликорусов. В основании своем — это южнорусское наречие, но оно испытало на себе влияние тех самых восточнорусов, которые были предками южновеликорусов; ср. аканье как звуковую черту, общую белорусскому и южновеликорусскому наречиям.

К вопросу об образовании великорусского племени и великорусского государства, явившихся последствием объединения восточнорусских племен, северного и восточного, в бассейне Оки, мы вернемся ниже. Укажу здесь, что центростремительные движения вятичей, успех и целесообразность их, зависели в значительной степени от тех новых явлений во внутренней жизни восточного славянства, которые были связаны с появлением в его среде государства, с самого момента своего возникновения поставившего себе целью объединение всего восточного славянства. Это государство имело своим центром Киев; оно возникло в результате завоевательных стремлений северных племен, стихийно направлявшихся по пути из варяг в греки на юг для овладения Царьградом и богатыми черноморскими городами. Киев был необходимым аванпостом в этих походах севера на юг. Здесь должна была сосредоточиться материальная сила завоевателей, прежде чем пускаться южнее, к устью Днепра и в Черное море. Народные предания, занесенные в летопись, связывают имена первых киевских князей с их походами на Царьград: это Аскольд и Дир в шестидесятых годах IX в., Олег в начале X в., Игорь в сороковых годах X в.; основателями киевского государства

были предводители северных полчищ, увлекавших за собою и южные племена в морские походы против Византии. Походы эти, как об этом свидетельствуют греческие источники, были неудачны (чего не хотят, однако, знать наши народные предания): частью природные стихии, частью военное искусство ромеев отражали эти нападения. Разбитые полчища возвращались назад и, прочно осаживаясь в южном Поднепровье, в Киеве, готовились для новых нападений на Царьград. Однако, для того, чтобы обеспечить себе возможность нового похода, приходилось бороться с особыми обстоятельствами, складывавшимися неблагоприятно для Киева и его новых властителей: во-первых, север оказывался во власти уже иных князей, иных предводителей, во-вторых, вследствие этого материальную силу, нужную для нового похода, приходилось собирать на юге; и эта сила прежде всего должна была оградить Киев от других северных полчищ, накапливавшихся в балтийском районе. Борьба севера с югом становилась неизбежной: это была борьба из-за пути из варяг в греки, но — пути не торгового общения между Балтийским и Черным морем, а пути завоевания, по которому народы севера двигались на Византию. Эта борьба имела чрезвычайное значение в смысле объединения восточного славянства: его разъединили потянувшиеся из первоначального ядра колонизационные движения; отошедшие на север племена начинали обособляться и в области материальной культуры и в языке от племен среднего и южного Поднепровья. Но борьба севера с югом, вызванная появлением в балтийском районе восточных славян, повела к тесному общению между разошедшимися далеко друг от друга восточнославянскими племенами, и единение их нашло себе яркое выражение прежде всего в создании русского государства. Оно складывается окончательно в середине X века; в состав его входят все восточнославянские племена: Новгород, Ростов, Полоцк, Смоленск, Чернигов, Киев, Переяславль оказываются под одной политической властью; она распространяется и на ушедших далеко на юго-восток вятичей, покоряющихся Киеву после сокрушения Киевом хазарского владычества. Киевское государство ставит себе первою целью объединение восточного славянства — цель эта унаследована им из предшествующего периода, когда восточнославянские племена объединялись в военные полчища для добывания Царьграда. Второю целью киевского государства было приобщение Руси к византийской культуре — и эта цель является также видоизменением тех прежних стремлений, которые приводили полчища восточных славян к воротам Царьграда; стремление к овладению благами цивилизации, к насильственному их захвату приняло иные формы.

Крещение Руси и политическое сближение с греками, закрепленное между прочим и брачным союзом Владимира, были видными результатами развития государственной мощи, создавшейся в X в. в южной России. Киев, благодаря этому, стал не только политическим и административным центром восточного славянства, но также и его культурным средоточием. Факт получения христианства из Греции ясно указывает на происхождение и основные элементы южнорусской цивилизации. Но официальному признанию христианства, приобщению к нему князя, предшествовало, конечно, распро-

странение его в городских слоях южнорусского населения, в его верхах; из договора Игоря 945 года видно, что многие из послов и купцов, участвовавших в его заключении, были уже христианами. Весьма вероятно, что они получили христианство частью из Византии и из греческих городов Крыма, с которыми их связывали торговые интересы; ср. сообщение летописи о том, что варяг, ставший в 983 году первым христианским мучеником, прибыл в Киев из Царьграда. Но христианство могло найти себе в южную Русь еще иной путь — путь через Болгарию. Связь восточного славянства с болгарами можно назвать исконною: нижнее течение Дуная, бассейны Днепра и Прута служили пограничными областями южного и восточного славянства. Могущественный рост Болгарии в первой половине X века не мог не отразиться и на северных ее соседях: духовному развитию Болгарии в век Симеона сопутствовало, конечно, и развитие материальной культуры; она естественно распространялась и в соседние страны, между прочим в Поднестровье, а отсюда в Поднепровье. Христианство в Киев должно было естественно проникнуть из одноязычной Болгарии, откуда шла на славянском языке проповедь, согласно завету наших первоучителей. Лучшим доказательством в пользу активного влияния Болгарии в деле приобщения Киевской Руси к христианству может служить то, что во времена Владимира христианское богослужение совершалось в Киеве на древнеболгарском языке и что со времени официального крещения Руси языком церкви стал язык древнеболгарский. Об этом свидетельствует вся дальнейшая история нашего просвещения.

Считаю вероятным, что древнеболгарский язык стал распространяться в Киевском Поднепровье не только как язык церкви и духовного просвещения. Болгары были нашими естественными посредниками в деле усвоения византийской цивилизации. Они сообщали нам и светскую образованность, и блага материальной культуры. Увлечение Болгарией, как культурным центром, вместе с Святославом разделяли, конечно, и его дружина и верхи киевского общества. Тот факт, что договоры с греками, Олегов и Игорев, дошли до нас в древнеболгарском переводе, указывает на то, что древнеболгарская письменность проникала в Киев и до 988 года. Тщательные филологические исследования покажут в будущем ряд заимствованных в древнерусском языке слов, имеющих своим источником язык древнеболгарский и восходящих к эпохе более древней, чем та, когда Русь стала христианскою. Сюда относятся, во-первых, слова, как: *плащь, овощь, товарищь, праща, виноградъ, сладкий, плынь, шлемъ* и т. п., самой формой своей обличающие болгарское происхождение, но обозначающие понятия светского характера; во-вторых, сюда принадлежат и многие греческие слова, проникшие в русский язык через посредство болгар, как *кровать, коромысло, баня, полаты, теремъ, парусъ, уксусъ, пардусъ* и т. п. Возможно, что вместе с материальной культурой Киевская Русь получила из Болгарии также и произведения народной словесности. Предположение покойного В. Ф. Миллера о том, что к нам мог перейти болгарский народный эпос, сложившийся под влиянием византийского, заслуживает полного внимания. Как будто даже в наших преданиях о Святославе, походы

которого так тесно сблизили нас с Болгарией. сказалось влияние болгарской среды, болгарской народной песни. Искусственный язык наших былин, пестрящий болгаризмами, тесным образом связывает киевский эпос с недошедшим до нас болгарским.

История русского литературного языка — это история постепенного развития русского просвещения. Просвещение зародилось в самостоятельных, оригинальных формах, легших в основание дальнейшей его жизни, в Киевской Руси. Главным орудием его распространения был перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык. Богатство этой почвы, ее жизненная сила ярко сказались в том, что уже Киевская Русь претворила древнеболгарский язык в свой национальный. Русские люди стали писать и говорить на нем, приближая его в своем произношении к родному языку. Звуки древнеболгарской речи были заменены русскими: вместо носовых звуков они произносили звуки *у* и *а*, вместо болгарского *ѣ* (звука, в одних говорах близкого к *а*, а в других к *ä*) произносили *е* или отожествляли его со своим *ѣ* (т. е. дифтонгом *ие*); сочетание *жд*, чуждое русскому языку, заменялось систематически через *ж*; сочетания слоговых *р* и *л* с последующими *ъ* и *ь* русские заменяли своими сочетаниями *ьр*, *ър*, *ъл* (напр. *скрьбь* стали произносить *скьрбь*, позже *скербь*, ср. русское *скърбь*, откуда *скорбь*); звук *г* (взрывный) они передавали своим (южнорусским) *г* фрикативным (*h*), и т. д. Подобные изменения были необходимы для возможности усвоения древнеболгарского языка более широкой средой; только они могли привести к его национализации. Постепенно в воспринятый для целей культурных язык врывались и другие особенности; они проникали и в морфологию и в синтаксис. Образованные люди в своих беседах и писаниях в скором времени не могли уже отличить родного от заимствованного: так близко стало им это заимствованное. Имеем все основания утверждать, что уже в XI в. произошло это преобразование древнеболгарского языка, это претворение его в русский литературный язык. Понятно, что указанный процесс имел место прежде всего в Киеве, в южной Руси. Письменность в скором времени распространилась и в другие области, попадая и в другие племенные центры; но она попадала сюда уже из Киева; древнеболгарский язык в Новгороде, Смоленске, Рязани произносили с приемами, усвоенными в южной Руси; севернорусы и восточнорусы получили в свое распоряжение не древнеболгарский язык в чистом, первоначальном его виде, а южнорусский письменный язык. Понятно, что здесь, в иной диалектической среде, этот язык подвергался дальнейшим изменениям, приспособляясь к местному наречию того или иного центра. Новгородцы не стеснялись вносить свое оканье при переписке богослужебных книг, а язык своих юридических актов они, конечно, еще менее подчиняли требованиям южнорусской или древнеболгарской фонетики. Тем не менее литературный язык оставался единым. Киевская письменность переходила беспрепятственно во все русские города; но и киевлянин мог без всякого затруднения воспользоваться новгородскими памятниками; когда в Печерском монастыре зародилась мысль об общерусском летописном своде, в состав его были внесены известия, заимствованные из Новгородского летописца.

Единый литературный язык стал могущественным орудием внутреннего единения между всеми русскими племенами. Появление государства, распространение просвещения противопоставили центробежным движениям предшествующей эпохи новые условия — центростремительные. Единение русской семьи не было только внешним; главными носителями просвещения были, как и везде, народные верхи; но князья, бояре, княжеская дружина и княжеские слуги, духовенство и купцы переходили из одной области в другую, пользуясь политическим единством русской земли, ее удельным укладом. Киев стал государственным центром, стягивавшим для своей защиты лучших мужей и от словен и от вятичей; его монастыри и святыни привлекали к себе и курян, и смольнян, и новгородцев; но и сам он посылал своих людей для целей административных в Новгород, на Белоозеро, в Суздаль, Туров, отпускал иерархов в Ростов, Полоцк, Смоленск, Тмутаракань. Городское население, даже при том слабом развитии, которое оно имело в древнейшую эпоху, заметно отделялось от сельского; одним из существенных отличий была его цивилизованность, его культурность; а эта культурность тесно сопрягалась с влиянием Киева, а через него с более далеким влиянием Болгарии. Можно думать, что горожане, купцы, бояре и князья успели уже в то отдаленное время сильно видоизменить свою речь под влиянием книжного языка, пошедшего из Киева. Они усваивали себе ряд слов и понятий, ведущих к древнеболгарскому источнику. К XI веку можно с уверенностью возвести многие из заимствованных слов, дошедшие и до нашего времени: слова, как *власть, съдравъ, страна, благо, срамъ, вредъ, время* и т. п., издавна вошли в разговорную речь верхов русского населения. Единение верхов способствовало единению вообще всего русского народа. Можно утверждать, что уже в историческое время, в XI—XII в., язык всех трех групп, на которые восточные славяне распались в предшествующую эпоху, переживал ряд общих явлений в области морфологии и синтаксиса, частью даже фонетики. Явления эти не доказывают единства языка в ту эпоху, когда они возникли, но свидетельствуют о тесной близости между отдельными его частями, а эта близость была следствием указанных выше условий. В области фонетики отметим общие процессы при падении глухих: исчезновение из произношения полукратких *ъ* и *ь* и превращение в *о* и *е* кратких *ъ* и *ь*; в области морфологии — потерю аориста и давнопрошедшего, смешение окончаний в склонении разных основ, вытеснение вин. падежа родительным в одушевленных именах муж. рода; замена имен. мн. муж. рода винительным; потерю категории рода во множ. числе местоимений и прилагательных; в области синтаксиса — появление оборотов, как *двѣ чюдныхъ церкви, два родныхъ брата* вместо *двѣ чюдныи церкви, два родная брата*, и мн. др.

Быстро однако приближалось время окончательного распадения русской семьи и новой группировки ее наречий. Главную роль сыграли при этом не внутренние, а внешние факторы. Киевская цивилизация с ее пышным расцветом основалась на почве мало надежной. Южное Поднепровье видело уже возникновение и гибель многих государств: скифы, сарматы, бастерны, за ними готы, потом гунны, авары, наконец хазары становились поочередно хозяевами в этих странах,

но владычество их падало, притом не столько вследствие внутреннего своего бессилия, сколько под напором более сильных врагов. Гунны открыли путь в Европу длинному ряду тюркских народностей Азии, естественным образом втянутых раньше в сферу китайской цивилизации и некогда направлявших к Китаю свои вожделения и стремления, подобно как в Европе народы севера и северо-востока рвались к овладению средиземноморскими центрами культуры. Владычество хазар сломили печенеги. Уже в десятых годах X столетия печенеги доходят до Дуная: ясно, что их не удержали восточные славяне ни у Дона, где они сидели во времена хазарского владычества, ни также в южном Поднепровье, где некогда жили уличи. Прохождения мадьяр, а затем печенегов через южные русские окраины были первыми предостережениями восточнославянским племенам, дошедшим до Черного и Азовского моря. За печенегами двинулись тюрки. Во второй половине XI века в южнорусских степях появились еще более могущественные половцы; их нашествие решило вопрос о судьбе восточной отрасли русского племени и внесло существенные изменения в жизни южной его ветви. Восточнорусы, уступая шаг за шагом занятую ими на юго-востоке территорию кочевникам, двинулись к северу, в бассейн Оки; южнорусские уличи перешли за южный Буг и осели в Днестровском бассейне, к северной части которого двинулись и тиверцы, сидевшие некогда «оли и до моря». Киев стал еще более открыт для нашествия кочевников. Он оказался почти на окраине русского государства, в тесном соседстве со степью. Жизнь стала отливать в другие менее опасные места. «Мати градом русским» долгое время сохраняет еще ценность культурного и торгового центра, но самостоятельного политического значения она, начиная со второй половины XII в., уже не имеет. Это зависело не столько от того, что на западе, севере и северо-востоке образовались другие политические центры; это вызвано прежде всего внутреннею слабостью Киева, его беззащитным положением в отношении к степи, которою для своих целей во внутренних своих раздорах пользуются и русские князья. Новые политические центры вызываются к жизни падением Киева. Наше внимание останавливают на себе преимущественно северовосточные центры, возникшие в бассейне Оки.

Верхнее Поволжье и нижнее течение Оки как будто еще на памяти летописца начала XII в. находятся во владении восточнофинских племен мери и муромы. Первые завоеватели этого края словене и кривичи, севернорусы двинулись сюда с запада и с северо-запада. В современной Ярославской, а частью также во Владимирской губернии находим потомков этих севернорусских насельников, доказывающих свое происхождение оканьем. Но в соседстве с ними, к югу, видим теперь еще другой язык, южновеликорусский: Рязань, а на юго-западе — часть Московской губернии, Тула и т. д. акают. И эти акающие говоры тянутся длинною полосой на запад, захватывают Калужскую, Смоленскую, северную часть Черниговской губернии и переходят дальше в Белоруссию. Перед исследователем возникает вопрос: откуда попало в Рязань и Тулу теперешнее их население? Выходцы ли это с запада, следовательно, прежде всего из северного Поднепровья?

утвердительный ответ на такой вопрос встретился бы с целым рядом затруднений. Трудно было бы понять, как могло образоваться это — назовем его среднерусским — наречие в полосе между севернорусами, с одной стороны, южнорусами, с другой. Днепр — это путь, по которому севернорусские племена, отделившись от южных, проникли в область великих озер и верхнего Поволжья; северное Поднепровье не представляло никаких благоприятных условий для образования самостоятельного наречия, резко, как видим, разошедшегося и с севернорусским и с южнорусским. Искать ли образование такого наречия западнее, в современной Белоруссии, на границах с польским племенем? Думаю, что и на это надо ответить отрицательно, ибо в указанных этнографических границах решительно не могло бы возникнуть какое-нибудь оригинальное наречие; можно было бы скорее ожидать, что здесь появится смешанный диалект, где особенности русского языка сочетаются с польскими; ср. полонизмы в белорусской речи (каковыми являются цеканье, дзеканье и др.). В силу указанных соображений, а также еще и того, что аканье в западной части Белоруссии является не в первоначальном, а измененном (чтобы короче выразиться, скажу утрированном) виде, я считаю более вероятным, что акающее наречие, господствующее и в Белоруссии и в средней полосе России, образовалось на юго-востоке России; удаление оттуда, вызванное переменами в господствовавших над степью кочевниках, привело восточнорусов частью на север, частью на северо-запад. В XII в. видим «мятущихся» вятичей в средней России: ими населяются рязанские волости, а также земли в верхнем Подесенье. Искание безопасности и свободных земель загнало часть вятичей в Белоруссию, где они смешиваются с сидевшими здесь южнорусами и ляшскими племенами.

Таким образом, согласно сделанному предположению, движение восточнорусов из старых мест их поселения на север и северо-восток повело к разделению их на восточную и западную отрасли: восточная осела в бассейне Оки, западная двинулась в северное Поднепровье и далее в глубь современной Белоруссии; восточная легла в основание современной южновеликорусской народности, а западная составила часть народности белорусской. Близкая связь между языками южновеликорусским и белорусским объясняется их общим происхождением из восточнорусского наречия.

В бассейне Оки восточнорусы оказались в тесном соседстве с севернорусами. Мы видели, что эти последние заняли верхнее Поволжье. Сдавленные напором русских племен, северных и восточных, восточнофинские племена меря, мурома, мордва уступают русским свою территорию, частью смешиваясь с ними, частью выселяясь к северо-востоку и востоку. Бассейны Оки и верхнего Поволжья становятся средоточием численной и могущественной русской силы. Неведомые раньше в Киеве и южнорусской колыбели русского племени — Рязань, Ростов, Суздаль, позже Владимир, Москва и Тверь быстро вырастают до видных центров. Северовосточная Русь перетягивает к себе способных, даровитых князей, за ними тянутся дружинники; в их руки с течением времени переходят и материальные и духовные богатства юга. Уже в середине XII в., благодаря

указанным причинам, суздальский князь становится угрозой для Киева, домогаясь завладения им; во второй половине этого века государственный ум Андрея Боголюбского, верно оценивая соотношение сил, закрепляет новый политический уклад; он остается на северо-востоке и подводит Киев под свою руку. В бассейне Оки выдвигается новый политический центр: это Владимир, к северу от которого сидят севернорусы, а к югу осаживаются восточнорусские вятичи. Новый политический уклад покоится всецело на племенных отношениях, на этнографических началах. Перевес восточнорусских элементов должен был неминуемо передвинуть политический центр к западу и северо-западу. Москва и Тверь — эти два центра, окруженные с одной стороны севернорусами, а с другой восточнорусами, борются между собой за гегемонию на северо-востоке и кладут основания новым образованиям — этнографическим и лингвистическим. Вокруг этих центров возникают смешанные говоры, сочетающие особенности севернорусские с восточнорусскими; Москва и Тверь создаются сами совокупными усилиями обоих названных племен; их население естественным образом смешанное, ибо эти города служат с юга оплотом для северян, а с севера для восточнорусов. Таким образом в верхнем Поволжье и на Оке вырастают великорусские города и великорусские государства: великорусскими по преимуществу их можно назвать потому, что они явились в результате усилий двух (из трех) русских племен и что самое происхождение их, основанное на встрече этих двух этнографических групп, открывало для новых политических организаций широкую цель объединения всего северного и всего восточного русского племени, т. е. собирания и созидания Великой России.

С конца XII и начала XIII века начинается новая эпоха и в жизни севернорусского и восточнорусского наречий: их сожительство дает возможность образоваться общим языковым явлениям, проникающим и в северную и в южную (восточнорусскую) области; эти явления получают распространение благодаря влиянию воспринявших их центров. Поэтому они могут быть определены прежде всего как явления великорусские, общевеликорусские. Часть этих явлений получает почти всеобщее в территории восточнорусов и севернорусов распространение: сюда относится, например, переход дифтонгов *ый* и *ий* в *ой* и *ей* (*простой, самъ третей, пей* вместо *простый, самъ третий, пий*); далее вытеснение *ц, з, с* в склонении и спряжении звуками *k, г, х*, проникавшими из родственных образований (*рукъ, ногъ, пеки, сохъ*); замена формы им.-вин. дв. числа через форму род. падежа (*двѣ сестры, два города, три села*); приобретение значения множ. числа теми формами им.-вин. дв. числа, которые по ударению отличаются от соответствующих форм род. падежа ед. ч. (мн. ч. *города, паруса, года*). Другая часть относящихся сюда явлений остается достоянием отдельных великорусских диалектов в более или менее обширных языковых районах: таков почти общевеликорусский переход *h* в род. пад. м. рода местоимений и прилагательных в *в* (*тово, простово*); далее почти общевеликорусский переход конечных звонких согласных в глухие (*сут, гроп*, севери. *сапок*, южновеликор. *сапох*); более ограничена территория распространения

k, г, х средненёбных мягких на месте заднепёбных *k, г, х* в положении после мягких согласных.

Рядом с такими общевеликорусскими явлениями тесное сожительство севернорусов и восточнорусов сказалось еще и в образовании особых смешанных или переходных говоров сначала в самых центрах, а затем в зависящих от них непосредственно районах. Средняя полоса великорусской области представляет несколько подобных говоров. Наиболее типичным является говор московский, язык Москвы, получивший широкое распространение сначала во всем московском государстве, а потом и во всей России, благодаря тому, что его усвоили себе господствовавшие в этом государстве верхи; эти носители власти, богатства и просвещения передавали свой язык населению всех других городских центров, а каждый из этих центров имел особую периферию для своего влияния.

Московское наречие представляет сочетание особенностей севернорусских с восточнорусскими. Его вокализм восточнорусский: в слогах неударяемых его гласные редуцированы, в предударном слоге находим здесь *а* на месте *а* и *о* после твердых согласных; его консонантизм севернорусский: это видно из произношения *г* как взрывной согласной, из перехода *h* в род. падеже местоимений и прилагательных в *в*, из отвердения конечного *т* в 3-м лице глаголов; впрочем, рядом восточнорусское отвердение звука *ц* и отсутствие смешения его с *ч*. Можно думать, что в основании своем московское наречие — говор севернорусский; он подвергся влиянию восточнорусского наречия, благодаря постепенно образовывавшемуся перевесу восточных элементов.

Свое общевеликорусское, а затем и общерусское значение язык Москвы получил благодаря прежде всего тому, что он передал свои звуки и свои формы тому письменному языку, который северо-восточная Русь унаследовала от Руси юго-западной; язык Москвы, московских посадских и черных людей, был усвоен и правящими верхами, которые облекли в его звуки искусственный, книжный язык, сложившийся при указанных выше условиях в Киеве. Вместе с просвещением и материальною культурою на северо-восток перешел и язык южнорусских образованных классов: его принесли с собой и князья, и бояре, и высшее духовенство. И Ростов, и Владимир, и Тверь, и Москва воспринимали его как нечто для себя близкое и родственное, а потому не стеснялись тою чуждою им звуковою оболочкой, которую на этот язык наложила южнорусская среда. В Ростове и Москве читали и говорили *глас, грат*, а не по-киевски *hлас, hрад*. Русско-славянский письменный язык получал в различных центрах разные оттенки. Будущность и широкое развитие были обеспечены тому оттенку, который стал достоянием главного, получившего перевес перед другими, центра. Таким центром на северо-востоке явилась с течением времени Москва.

Наш письменный язык по своему происхождению и в своих основаниях оказывается, согласно предыдущему, древнеболгарским. Его словарный состав и даже грамматические формы обличают до сих пор его иностранное происхождение. Исследователи словарного состава нашего письменного языка, руководствуясь не только внешними

звуковыми признаками, установят со временем все те элементы, которые искони были чужды русскому языку и заимствованы им из древнеболгарского. И при теперешнем состоянии науки мы с полной уверенностью признаем инославянскими многие сотни слов и некоторые грамматические формы, входящие в состав нашего письменного языка. Эти инославянские элементы обнаруживаются их звуковою оболочкой. Мы видим, что древнеболгарскими оказываются все те слова, которые выражают понятия, сколько-нибудь выходящие из сферы обыденных интересов, имеющие отношение к церкви, управлению, духовному просвещению. Так древнеболгарскими оказываются слова, представляющие сочетания *ра, ла, ре, ле* на месте русских *оро, оло, ере, ело: ограда, страница, облако, пламя, стража, нрав, праздник, трезвый, среда, член, плен, чрево;* сюда же относится приставка *пре-*, затем *пред-* и *чрез-*. Далее — слова, имеющие *жд* и *щ* на месте русских *ж* и *ч: нужда, одежда, невежда, прежде, между, гражданин, чуждый, осуждать, мощь, вещь, пища, пещера, запрещать.* Далее — слова, начинающиеся с *ра, ла* на месте русского (областного или простонародного) *ро, ло: разум, распря, растение, раб, разве.* Далее — слова с *е* вместо ожидаемого *о* после мягкой согласной: *небо, крест, падеж, лев, жертва, дерзкий, мерзость, отместка, вертеп.* Слова *юг, юноша, юн* (ср. выше). Слова с *о, е* вместо ожидаемого пропуска соответствовавших им в старом языке звуков *ъ* и *ь: восток, восход, возраст, возглас, совет, содержать, союз, вопить, уповать, естество, рождество.* Слова на *-ние* вместо русского *-нье: воскресение, спасение, погребение.* Из грамматических форм древнеболгарскими оказываются все причастия на *-ущий, -ащий* (ср. русские окончания *-учий, -ачий* в прилагательных и *-уча* в деепричастиях); далее причастия страд. прош. на *-нный*; еще не так давно письменный язык имел формы род. ж. р. на *-ыя* (напр. *добрыя жены*), ср. наше книжное *ея*; также формы им.-вин. мн. на *-ыя*, которые теперь на письме, согласно искусственному правилу, употребляются для обозначения этих форм в женск. и ср. роде *(красивыя, высокия);* до сих пор держится на письме древнеболгарское окончание *-аго*, употребляющееся теперь в результате совершенно искусственного ограничения только в неударяемом положении *(сильнаго, далекаго)* [1].

В современном нам произношении сохранилось лишь очень немного следов той южнорусской оболочки, которую принял письменный язык в Киеве. Но все-таки они есть. Сюда относится *h* вм. *г* в словах *Бога* (имен. *Бох*), *господь, господин*; в старших периодах таких слов было несомненно больше; и в конце слышалось *х*, не *k*, в языке образованных лиц: *порох, сапох, друх.*

Необходимо заметить, что древнеболгарские элементы, обнаруживаемые ныне в русском языке, могли проникнуть на русскую почву не все одновременно и не все через южнорусскую среду. Многие из них обязаны, повидимому, позднейшему южнославянскому влиянию. Во второй половине XIV в. и в XV веке балканские славяне испытали умственное возрождение; сильное напряжение просвети-

---

[1] Последние три особенности устранены из русского правописания реформой 1918 года. (Р е д.)

тельных центров, усилия многих выдающихся светских и духовных деятелей содействовали временному оживлению церковнославянской литературы. В этом движении мы не видим, правда, того участия здоровых национальных элементов, которое обеспечило бы новый рост умственным силам страны, но это самое обстоятельство открывало новым явлениям в области южнославянской письменности широкое распространение и за пределами Сербии и Болгарии, прежде всего в единоверной Руси. Галиция и южная Русь были той непосредственной средой, куда стали проникать южнославянские выходцы с их книгами; отсюда им открывалось два пути: к северу, в Белоруссию, и к северо-востоку, в Москву и во Владимир. Под влиянием вновь появившихся южнославянских рукописей с новыми приемами письма вводится новое правописание и у нас; возрождается давно забытый *большой юс*, восстанавливается написание *оу* вместо уже укоренившегося *у*, вместо *я* пишется *а*, а в искусственной речи, очевидно, также произносится *а* (напр. *моа* вм. *моя*, и также *моеа* вм. *моея*, русск. *моей*). Церковнославянский язык наших книжников стремится к обновлению и обогащению новыми элементами, отличающими их от русской простонародной речи и сближающими их с церковною речью южных славян. Можно думать, что некоторые слои церковнославянских элементов нашего книжного языка ведут свое начало к этой эпохе, эпохе искусственного возрождения церковнославянского языка. Так, напр., мы видели, что сочетание *жд* в заимствованных из церковнославянского языка словах заменилось в XI—XII вв. через *ж*; в современном книжном языке слова с *жд* должны, повидимому, восходить к числу заимствованных в указанную, позднейшую эпоху.

Московская Русь XVI в. успела внести известное согласование между своим книжным языком и живым народным произношением; русские люди без труда усваивали книжную речь, отличавшуюся от живой только обилием слов, особыми оборотами и некоторыми грамматическими формами. Книжная речь вследствие этого оказывалась естественным и единственным органом литературного творчества. В нее открывалась широкая дверь для живых народных элементов; она могла входить с ними в самые разнородные сочетания: перевес книжных или народных элементов зависел от содержания, от предмета речи. Все это придавало сильную устойчивость нашему книжному языку. Попытке оторвать его от народной почвы, облечь его в инославянское произношение и искусственное правописание было противопоставлено все дальнейшее его развитие, которое сблизило его с народною речью. На пути к этому сближению, в результате которого предвиделось полное совпадение разговорного языка образованных классов и их письменной речи, могли встретиться только искусственные преграды: они создавались иноземным влиянием. В XVII веке единение с Малой Россией привлекло в Москву многочисленных представителей южнорусской образованности; одно время они оказались главными руководителями умственной жизни в московском государстве; их язык становится предметом подражания; они обновляют ту южнорусскую стихию, которою был некогда окружен книжный язык, с течением времени успевший однако заглушить ее

и затереть. Но и это уклонение в жизни русского книжного языка было только кратковременным; в XVIII веке следы его исчезают почти бесследно.

Югозападные ученые были посредниками между Москвой и польской культурой; последняя представляла для нас большую ценность, как проводница западноевропейской образованности. Сближение с Европой представлялось для московской Руси насущною потребностью; иначе ей грозил упадок и прежде всего духовная гибель. Польша стояла преградой между Москвой и Европой; предстояло прежде всего использовать польское влияние. Следы его имеются до сих пор в нашем книжном языке, ибо лексический состав его обогащался одновременно с вторжением в жизнь новых культурных понятий, заимствованных извне: слова, как *опека, пекарь, позволить, забияка, постромка, дрожки* и др. польским своим происхождением доказывают наличность польского влияния на разные области материальной и духовной культуры. В старинном языке, XVII и XVIII вв., подобных польских элементов было в русской речи гораздо больше: *власно, вóзникъ, катъ;* многие западноевропейские слова перешли в него в польской оболочке: *музыка, кляшторъ, шпиталь, коштъ* и т. д.

Реформы Петра Великого связали нас с Европой непосредственно и открыли доступ в русский язык немецким, голландским, английским и другим западноевропейским словам. Заимствования эти были необходимы; они все соответствовали тем иноземным понятиям, с которыми нас свело знакомство с Европой. Русский язык пестрит с тех пор чужими словами, лишь временами освобождаясь от излишнего иноземного груза. Реформы Петра имели зато и другое значение в развитии нашего литературного языка: они проложили путь к освобождению от церковнославянского ига. Введение гражданской азбуки было в этом отношении весьма знаменательно: сначала обновилась письменная оболочка письменной речи, она приноровилась к потребностям живой русской речи и к новым культурным условиям, создавшимся благодаря общению с Европой, а затем с течением времени стало изменяться и самое существо нашего книжного языка. Он стал неудержимо приближаться к разговорной речи, толкая одновременно живую речь образованных классов к сближению с речью народною. Теоретическая мысль грамматиков XVIII века отчетливо представляла себе взаимное отношение боровшихся в литературной речи элементов: Ломоносов сознательно вступает на путь, который приведет к перевесу в ней народной стихии. Во второй половине XVIII в. русский литературный язык получает тот вид, который он сохраняет до сих пор. Карамзин и позже Пушкин своим высоким авторитетом завершили великую реформу, обеспечившую нашему книжному языку национальное значение.

АКАД. А. А. ШАХМАТОВ.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ К УЧЕНИЮ О ПРЕДЛОЖЕНИИ.

(Из „Синтаксиса русского языка“, вып. I, стр. 1—31, Л., 1925.)

§ 1. Предложение — это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим, как грамматическое целое, и служащая для словесного выражения единицы мышления. Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологическою же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем коммуникацией [1].

§ 2. Определение сущности коммуникации извлекается из анализа данных, представляемых мышлением, или же путями, какими определяется, например, значение того или иного слова, следовательно, путем сопоставлений и отвлечений. Пути эти приводят к тому очевидному положению, что простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь. К коммуникациям относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведенных нами в связь, напр., сочетания, нашедшие

---

[1] Следую при этом Сведелиусу; см. его интересный трактат, вышедший в Упсале в 1897 году под заглавием «L'analyse du langage appliquée à la langue française». Это дает мне основание отметить здесь, что ниже я для психологических понятий пользуюсь латинскими терминами, в целях более резкого отграничения их от понятий грамматических, которым даю более или менее последовательно русские термины. Субъект, предикат, объект и т. д. — это понятия психологические; подлежащее, сказуемое, дополнение — понятия грамматические. Термин **коммуникация** предпочитаю термину **пропозиция**, ибо **пропозиция** термин логики, не покрывающий собою вообще всех видов коммуникаций и соответствующий только тому их виду, который содержит утверждение или отрицание чего-нибудь (суждение). Вопрос надо также признать коммуникацией, ибо он является одним из обнаружений того, что в мышлении говорящего явилось определенное сочетание представлений; говорящий ищет получить от собеседника подтверждение или отрицание верности такого сочетания. Это относится не только к такому вопросу, как *дома ли Коля?* но также *кто дома?* ибо предполагает в последнем случае сочетание представления о доме с представлением о лицах или лице, в нем находящемся.

себе выражение в словах, как *дома ли отец? уходите! выпить бы чего, посидел бы ты с нами!* Эти сочетания отличаются от суждения тем, что в них представления приведены в связь нарочитым актом не для утверждения чего-либо или отрицания, а в одном случае для вынуждения собеседника к тому, чтобы он высказал суждение, сочетав оба названных в вопросе представления, в другом случае для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие *(уходите! посидел бы ты с нами)*, в третьем — для обнаружения желания говорящего (*выпить бы чего*).

§ 3. Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит себе выражение, является внутренняя речь, т. е. облеченная в слуховые, частью зрительные знаки мысль; во внутренней речи впервые конкретизируются те сложные, расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации; внутренняя речь главный материал свой заимствует из звуковых представлений о словах, оперирует, следовательно, слуховыми знаками, но вызвавший ее психологический акт (коммуникация) может сообщить ей не только эти слуховые знаки, в той или иной степени воспроизводящие сочетавшиеся представления, но также и ряд других элементов, в виде представлений об отношениях и чувствах, вызываемых таким сочетанием; эти элементы стремятся прорваться наружу в внешнюю речь через посредство той же внутренней речи. Таким образом в самом мышлении (в внутренней речи) происходит разложение сочетавшихся образов, и только благодаря такому разложению их на соответствующие элементы приобретает определенность и возможность обнаружения сама коммуникация. Поэтому психологический акт коммуникации приходится признать результатом сложного процесса, состоящего в начале из движения воли, направленной к сообщению собеседнику сочетавшихся двух представлений, а затем в психическом анализе этих представлений; из сложных комплексов, возникших в начале коммуникации, выделяются посредством ассоциации со знаками внутренней речи те или иные существеннейшие или важнейшие в данном случае для говорящего признаки; это дает возможность упростить зародившийся у говорящего психологический процесс и довести его до обнаружения в слове. Следовательно, начало коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь. Отсюда видно, что ошибочно было бы отождествить внешнюю речь, в частности предложение, с коммуникацией: являясь посредницей между психикой говорящего и тем проявлением ее в слове, к которому он стремится, сама коммуникация отражает на себе, с одной стороны, глубочайшие недра человеческой психики, а с другой те внешние средства, которыми она обнаруживается, т. е. звуковые представления о словах.

§ 4. Прежде чем перейти к доступному нам, ввиду только что указанной природы коммуникации, ее анализу, разложению ее на составные части, члены, я должен сказать несколько слов об общем характере тех переживаний, которые являются содержанием человеческой психики. Все наши представления являются представлениями о признаках и отношениях; носителями, производителями признаков

мы представляем себе субстанции (лица, предметы), причем одни из признаков (качества, свойства) оказываются неподвижными, пассивными, а другие (действия) подвижными, активными. Таким образом рядом с представлениями о предметах имеем представления об их качествах и состояниях, а также представления об отношениях [1]. Каждая из указанных групп представлений образует определенные разновидности, о которых нам придется говорить неоднократно в дальнейшем изложении, в особенности о разновидностях в отношениях, изучение которых в их языковых обнаружениях составляет одну из задач синтаксиса. Здесь ограничиваюсь данными общими указаниями, но прибавлю, что к названным представлениям присоединяются еще представления о чувствах и ощущениях, которые, однако, конкретизируясь и определяясь в их отношениях к предметам, переходят в представления о признаках. Появление всех этих представлений относится к пассивному состоянию нашего сознания; активное его проявление обнаруживается, впрочем, в создании тех ассоциативных групп, определяемых природой отдельных представлений, которые ведут к распадению названных классов представлений на известные разновидности. Но определенная активность сознания сказывается в процессе зарождения, дальнейшего развития и обнаружения коммуникации. И эта активность выразилась в создании новых психологических категорий в отношении к самой природе коммуникации. Перехожу в связи с этим к вопросу о членах коммуникации, отметив теперь же, что эти члены явились в сознании как результат существования психического акта коммуникации.

§ 5. В каждом суждении должно быть то, о чем что-либо утверждается или отрицается, а также и то, что именно утверждается или отрицается. Первое называется в логике *подлежащим суждения*, а второе — *сказуемым суждения*. Те же самые названия вслед за логикой усвоила для этих частей суждения и *психология* [2].

Оставляя русские термины *подлежащее* и *сказуемое* для известных грамматических категорий (о которых ниже), мы для психологического суждения будем держаться латинских терминов *субъект* и *предикат*. Субъект и предикат имеются налицо не только в психологическом суждении, но и в других психологических коммуникациях: одно из обоих сочетавшихся представлений будет субъектом, а другое — предикатом. Такое распространительное употребление терминов субъект и предикат требует иного определения обоих понятий сравнительно с тем, какое им дано для суждения; определяю психологический субъект как представление, господствующее над другим, сочетавшимся с ним представлением, которое определяется как психологический предикат: такое определение согласовано с данным выше определением коммуникации как сочетания двух представлений, приведенных движением воли в причинную или зависимую связь; следовательно, термин *господствующее представление* указывает на то, что второе представление стоит к нему в зависимой или причинной связи; дело идет о действительном

---

[1] Ср. Sigwart, Logik, Tübingen, 1873, § 6; W. Wundt, Die Sprache, II², § 6.
[2] А. И. Введенский, Психология, 178—179.

господстве, обусловленном самою природой первого представления, и о действительной зависимости, обусловленной природой второго представления. Ниже укажу, что в ряде случаев имеет место совпадение субъекта и предиката коммуникации (а в особенности того вида ее, который соответствует суждению) с подлежащим и сказуемым предложения; ввиду этого данное определение психологического субъекта и предиката может быть освещено некоторыми предложениями и отношением в них подлежащего к сказуемому: *собака убежала, книга исчезла, мы поедем, мальчик проснулся, дети спят* и т. п. предложения представляют в соответствующем подлежащему психологическом субъекте представления, господствующие в отношении признаков, выраженных в соответствующем сказуемому психологическом предикате; действительно, эти активные по своей природе признаки являются производными в отношении к производящим их субстанциям; правда, книга исчезла не сама, — ее спрятали, утаили или затеряли люди, но в данном суждении производителем признака выставлена она. То же скажем относительно предложений, как *мать больна, обед готов, ночь лунная, погода пасмурная, экипаж не надежный*; соответствующие подлежащим субъекты являются носителями признаков, выраженных соответствующими сказуемым предикатами, что ясно из того, что эти же субъекты можно мыслить в соединениях, как *больная мать, готовый обед, лунная ночь* и т. д. То же, наконец, ясно и в отношении предложений, как *Иванов офицер, он портной, неклен дерево, шведы германцы:* правда, *офицер, портной, дерево, германцы* такие же независимые сами по себе представления, как *Иванов*, мой знакомый, обозначенный мною выше словом *он, неклен, шведы,* но в данных суждениях мы представляем их себе не субстанциями, не носителями признаков, а совокупностью известных признаков (напр., в отношении к представлению *германцы* — происхождение, характер, общность языка, культуры), и как признаки, мы и приводим соответствующие представления в зависимое отношение от представлений о самых носителях признаков. Как указано, господствующее положение одного представления над другим вытекает из самой природы соответствующих представлений; отсюда ясно, что между теми группами представлений, о которых говорено было выше, должны существовать определенные отношения к возможности стать выразителями субъекта или предиката. «Основную часть нашего мироздания (мира сущего) образуют представления об единичных предметах, которые в языке обозначаются конкретными именами существительными; эти предметы мыслятся всегда как носители качеств и как производящие из себя, благодаря движениям и изменениям, такие действия, которые находят себе выражение в прилагательных и глаголах» (Sigwart, Logik, § 6, 2). Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке первое из них, как господствующее в отношении признака по самой своей природе, будет всегда субъектом, а второе предикатом. Выставляя такое утверждение, мы в полном праве сослаться на факты языка: название предмета (разумеется, данное в независимой форме, т. е. в именительном падеже) будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся

с ним глаголу или прилагательному; ни при каких условиях невозможно нарушение такого положения; эта последовательность коренится, конечно, не в свойствах грамматических форм, как таковых, а в свойстве тех представлений, которым они соответствуют и от которых никогда не оторвутся в силу самого грамматического их значения. Здесь особенно ярко сказывается тесная, внутренняя связь между языком и мышлением, между грамматическими и психологическими категориями. Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации; но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений. Таким образом мы можем утверждать, что подобно тому, как в предложениях *птица летит* или *мать больна* подлежащим всегда при всяких условиях останется *птица* и *мать* (хотя бы на словах *летит* или *больна* лежало усиленное ударение, хотя бы такое усиленное ударение сопровождалось перестановкой: *лети́т птица, больна́ мать*), так же точно в соответствующем психологическом суждении субъектом или господствующим представлением будет всегда представление о птице, о матери, а зависимым — представление о признаках *летит, больной*.

§ 6. Это обстоятельство мне приходится подчеркнуть в виду того, что существуют другие взгляды на природу психологического субъекта и предиката. Впервые фон-дер-Габеленц (G. von der Gabelentz) установил различие между логическими или грамматическими субъектами, с одной стороны, психологическими, с другой; оставив за логическими субъектом и предикатом приведенное выше определение (то, о чем что-либо утверждается или отрицается, то, что именно утверждается и отрицается), названный ученый определил психологический субъект как комплекс представлений, появляющийся в сознании говорящего или слушающего первым, а психологический предикат как содержание, примыкающее к этому первому представлению, или по иной формулировке того же ученого: психологический субъект — это то, о чем говорящий заставляет подумать слушающего, то, на что он хочет направить его внимание, психологический же предикат — это то именно, что слушающий должен мыслить по отношению к субъекту. Точка зрения фон-дер-Габеленца нашла себе сочувствие среди языковедов; в Германии укажем на Пауля [1], а у нас на Ф. Ф. Фортунатова [2]. Определяя взаимные отношения психологического субъекта и предиката так же, как фон-дер-Габеленц, Пауль говорит, что среди прочих членов предложения наиболее резко выделяется психологический предикат, как важнейший член, выявление которого является конечною целью предложения, почему на нем ложится сильнейшее ударение. В предложении *Карл едет завтра в Берлин* предикатами могут стать слова *Карл, едет, завтра, в Берлин*, смотря по тому, на что именно

[1] H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte [4], 124—127; 283—286.

[2] Лекция «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», напечат. в «Трудах первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях» (СПб, 1904) и перепечат. в Русск. Фил. Вестнике за 1905 г.

обращает внимание говорящий в своем сообщении: так, напр., если уже известно, что завтра кто-то едет в Берлин и остается только сомнение относительно лица, которому предстоит поездка, грамматический субъект *Карл* станет психологическим предикатом (мы могли бы ведь выразиться и так: *тот, кто завтра едет в Берлин — это Карл*, или *это Карл едет завтра в Берлин*). Вундт и другие психологи не последовали за новой терминологией и новым определением членов психологического суждения: Вундт признал нецелесообразным перенесение в психологию логических терминов субъект и предикат (употребление которых в грамматике может быть так или иначе оправдано, хотя представляется необходимым различать грамматические субъект и предикат от логических субъекта и предиката), — и это в особенности с таким несогласованным с логической терминологией значением; приведя предложение *сегодня день моего рождения*, Вундт говорит, что даже при сильнейшем ударении на *сегодня*, такое сообщение не имеет целью вызвать в слушающем мысль о сегодняшнем дне; в основании, в центре сообщения как в логическом, так и в психологическом смысле может быть только представление о дне рождения; ввиду этого и в согласии с другими терминами, принятыми в психологии, Вундт предложил назвать представление, соответствующее тому слову, на котором сосредоточено особое внимание, «господствующим представлением» (die dominierende Vorstellung). Не признавая, конечно, вопроса терминологического особенно существенным в развернувшемся между некоторыми языковедами и психологами споре, ибо это в конце концов вопрос условного соглашения, я думаю, что главное внимание в споре должно быть обращено на то, следует ли вообще говорить в психологии о субъекте и предикате; как мы видели, психологи употребляют эти термины в том же значении, что исследователи логики (см. выше ссылку на А. И. Введенского). Мне представляется возможным дать этим терминам в психологии более широкое значение, распространив их на все виды психологических соотношений, не ограничиваясь только одним психологическим суждением; при этом психологический субъект определяется как представление, по самой природе своей господствующее над представлением, поставленным в предикате. Соображения фон-дер-Габеленца и его последователей побуждают однако допустить в мышлении наличность таких представлений, которые, не будучи господствующими по своей природе, становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, того или иного направления, данного им его сообщению. Таким образом рядом с господствующими по природе своей представлениями (которые мы смело можем называть психологическими субъектом и предикатом, ввиду соответствия их в тысячах конкретных случаев с теми же логическими терминами), приходится допустить в мышлении наличность представлений, господствующих по воле или настроению говорящего; эти представления мы и назовем господствующими, определяя представления, господствующие в силу их природы, как психологические субъекты. В самом возникновении рядом с господствующими по природе представлениями представлений, господствующих по воле и по настрое-

нию говорящих, видим указание на естественный конфликт между основаниями человеческой психики и ее изменчивым, неустойчивым настроением; но важно указать, что в некоторых случаях такой конфликт, даже при особом напряжении воли говорящего, должен разрешиться все-таки не в пользу случайного настроения говорящего, а в пользу основных отношений, лежащих между различными группами представлений; так, например, грамматическая невозможность сделать *портной* подлежащим при слове *Иванов* (ср. в предложении *Иванов портной* — подлежащее *Иванов* и сказуемое *портной*) коренится, конечно, в невозможности психологической [1].

§ 7. Как указано, название предмета в предложении будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному. Отсюда, из этой последовательности выводим заключение, что и в мышлении представление о предмете будет всегда психологическим субъектом в отношении к представлению о признаке, которое мыслится при этом как психологический предикат. Уместно вспомнить при этом замечание г. Пауля (op. cit. § 180): «каждая грамматическая категория возникает на основании категории психологической. Грамматическая категория является в известном смысле окаменевшею психологическою категорией». В сочетаниях двух названий предметов, поставленных в предикативные отношения, грамматическим подлежащим будет название конкретного, индивидуального предмета, а сказуемым название общего, родового понятия, название предмета, с которым сочетаются представления о признаках, о совокупности признаков; об этом

---

[1] Впрочем, утверждение, что *портной Иванов* (где по терминологии Фондер-Габеленца и Пауля психологическим субъектом является *портной*) имеет смысл, если слово *портной* означает здесь того определенного портного, о котором была только что речь. И точно так же в предложении *Карл едет завтра в Берлин — едет завтра в Берлин* может стать по этой терминологии психологическим субъектом именно потому, что уже существовало раньше в сознании говорящего и слушающего, как уже готовое, сложившееся представление (у Пауля: ist endlich bekannt, dass morgen jemand nach Berlin fährt, § 197, c. 283). Определяя значение такого предложения, как *умна твоя сестра* (именно с таким порядком слов), или такого, как *больна мать*, мы можем утверждать, что произнесению этих предложений предшествовал разговор в первом случае о сестре, а во втором о чьей-то болезни; таким образом нельзя признать *умна* и *больна* первыми возникшими в сознании говорящего представлениями. Можно поставить под сомнение и такой пример, как *летит птица* (es fliegt der Vogel); вполне вероятно, что с представлением *летит* уже перед произнесением слова *летит* сочеталось представление о какой-то субстанции, которое затем (при более внимательном рассмотрении летящего предмета) заменено представлением о птице. Равным образом в повествованиях, где так часто сказуемое предшествует подлежащему, напр. *жили старик и старуха, шли по дороге два мужика, прибежали собаки*, мы не найдем подтверждения тому, чтобы в соответствующей коммуникации представление о признаке (*жить, идти, прибежать*) занимало господствующее положение над представлением о субстанциях, ибо возможно предположить, что данная коммуникация (в частности данное суждение), представлявшая сочетание субъекта с предикатом (а именно представление о субстанции с представлением о признаке), разлагаясь в речи, приняла инверсивную форму. Способы обнаружения мышления зависят от языковых возможностей, от принятых в языке оборотов: коммуникация *птица летит* может подвергнуться при передаче ее словами перестановке в русском и немецком языках, но не может ей подвергнуться, напр., во французском.

было сказано выше по поводу такого предложения, как *Иванов портной*, а также таких предложений, как *неклен дерево, шведы германцы*. Только там, где утверждается тождество одного предмета представления с другим, можно безразлично употребить то или другое название в качестве субъекта или в качестве предиката: *Нестор отец русской истории, Отец русской истории Нестор* (но только *Нестор летописец*, а словосочетание *летописец Нестор* уже не может составить предложения).

§ 8. Перехожу к вопросу, может ли быть и при каких условиях психологическим субъектом представление о признаке. Согласно предыдущему, это невозможно там, где произошло сочетание представления о признаке с представлением о субъекте. Но там, где представление об одном признаке сочеталось с представлением о другом, вполне естественно допустить, что одно из них может занять по отношению к другому господствующее положение. Но подобно тому как при сочетании двух представлений о предметах предикативные отношения между ними возникают только в том случае, если одно из этих представлений мыслится как признак или как совокупность признаков, так же обратно возможность предикативной связи между двумя представлениями о признаках в некоторых случаях обусловлена тем, что одно из обоих представлений мыслится как совокупность признаков, в числе коих может быть сочетавшееся с ним представление о признаке. Заключаем об этом из фактов языка; повидимому, именно это, т. е. возможность мыслить признак в его сочетании с другими признаками, повело к появлению таких отвлеченных существительных, как существительные отглагольные и прилагательные субстантивированные; сочетания признаков, как *лететь* и *хороший, белый* и *марк|ий*, расчленяясь, переходят в *полет хорош, белое марко*, в силу именно того, что в языке обычно расчленение типа, содержащего название представления о предмете, т. е. существительное, в сочетании с названием признака (ср. расчленение *зеленая трава* в *трава зелена*); ср. еще подобные же предложения: *поездка была утомительна, страдания были невыносимы, пение было очаровательно, полезное не всегда приятно; стирка нас утомила, учение ему не давалось, отъезд не состоится* и т. п. В некоторых, впрочем, случаях предикативное сочетание двух признаков возможно и вне указанного условия, т. е. без перехода одного из сочетавшихся представлений в представление о носителе признаков. Это имеет место там, где представление о признаке активном или пассивном сочетается с представлением о бытии, наличности, существовании признака; признак бытия, наличности, существования является настолько отвлеченным, что, сочетаясь с другим конкретным признаком, он становится к нему в зависимое состояние и не вызывая представления о конкретном признаке, как о носителе признаков вообще; это зависит именно от того, что каждый вообще конкретный признак включает в себе и выделяет из себя представление об этом отвлеченном признаке. Коммуникации, имеющие в предикате представление о признаке бытия, существования, наличности, можно назвать коммуникациями (суждениями) экзистенциальными. Существование таких коммуникаций доказывается фактами языка, а именно предложениями безлич-

ными, как *морозит, дует, заволокло,* и односоставными безглагольными, как *скучно, морозно, скука, мороз.* В соответствующих коммуникациях субъектами являются конкретные признаки *мороз, скука,* а предикатами отвлеченный признак бытия, наличности. Наконец, третьим случаем, где возможно предикативное сочетание двух признаков, является сочетание двух тождественных или отождествляемых признаков: в русском языке подобные коммуникации выражаются сочетанием двух названий признаков: *учение-мучение, забыто-потеряно, жениться-перемениться.*

§ 9. Мы рассмотрели коммуникации, в которых субъект и предикат выражены или представлениями о предмете и признаке, или представлениями о признаке и признаке. Отметим тот вид коммуникации, где субъектом является представление о признаке, а предикатом представление об отношении. Отношениями называем те временные, пространственные, причинные соответствия, в которые могут стать те или иные признаки и субстанции. Представление о времени проявления того или иного признака, представление о месте, куда направлено движение, и т. п. представления являются представлениями несамостоятельными и соотносительными: они предполагают наличность двух представлений, поставленных в соответствующее отношение; ввиду этого нельзя допустить законченности мысли при наличности в ней представления о признаке и представления об отношении; представление об отношении не может стать в предикативное отношение к другому представлению. В коммуникации, соответствующей предложению *морозит,* видим не сочетание признака *(мороз)* с представлением о времени, а, как указано, сочетание конкретного признака *(мороз)* с отвлеченным признаком (наличности, бытия); представление же о времени сопутствует представлению об этом отвлеченном признаке. Равным образом не могут быть предметами самостоятельного представления наши чувства и волевые акты: они сопутствуют представлениям о тех или иных признаках, но не могут стать в предикативные к ним отношения.

§ 10. Подводя итог сказанному о природе коммуникации и ее членов, видим, что в каждой коммуникации имеется субъект и предикат, господствующий и зависимый член мысли; субъектом коммуникации является представление о субстанции при наличности в предикате представления о признаке или комплексе признаков; субъектом коммуникации может быть представление и о конкретном признаке при наличности в предикате представления о признаке отвлеченном; наконец, в предложениях тождества субъектом и предикатом могут быть представления о субстанциях и о конкретных признаках. Наши заключения основываются на данных языка, на обнаружении коммуникации в слове. Предложение соответствует коммуникации, ни в коем случае, впрочем, не воспроизводя ее сколько-нибудь точно; это дает основание думать, что по существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, но конечно не в отношениях материальной природы первого к психологической природе второй, а в отношениях смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации. Дальнейших заключений о коммуникации и ее членах мы не решаемся предложить на основании анализа предложения.

Существеннейшим различием их между собой являются конкретизм членов коммуникации и расчлененность предложения: предложению *испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* соответствует коммуникация, субъектом которой является *испуганная нами ворона*, а предикатом *взлетела на высокую липу*; двум членам коммуникации противопоставляется семь слов, причем эти слова соответствуют шести членам предложения. Образование членов предложения основывается, несомненно, на психологических категориях, но образовались они путем длинного эволюционного процесса, настолько отдалившего их от их основания, что неосторожно было бы пытаться анализировать коммуникацию по данным языка слов. Если бы наука имела в своем распоряжении какую-нибудь другую систему знаков, кроме языка, стремящуюся обнаружить мысль, быть может, мы могли бы мечтать о достижении положительных результатов в анализе психологической природы коммуникации, но такой системы нет, так как язык жестов, употребляемых глухонемыми, так же как язык жестов некоторых первобытных по культуре племен, находится в сильнейшей зависимости от языка слов, является или прямо от него производным или в сильной степени от него зависимым [1]. Кроме того всякая выработанная система отразила бы на себе этапы исторического развития, а они отдалили бы ее от основания — человеческой психики. Ввиду этого нам приходится ограничиваться анализом явлений самого языка и уже по ним делать те или иные заключения о некоторых психологических основаниях этих явлений.

§ 11. Прежде чем перейти к анализу членов предложения, отмечу, что из сказанного выше о природе коммуникации следует, что, сочетаясь между собой, представления могут становиться в предикативные отношения: предикативными отношениями называем, как указано, изъяснительные, т. е. содержащие утверждение или отрицание чего-либо. Кроме этих отношений, существующих между субъектом и предикатом, между представлениями могут быть отношения аттрибутивные, т. е. такие отношения, которыми одни представления определяются как свойства или качества других представлений, аттрибутивными являются отношения между представлениями, входящими в состав одного сложного нерасчлененного представления, ибо расчленение ведет к выделению из него субъекта и предиката, стоящих между собой в предикативных отношениях. Такие сложные, нерасчлененные представления находят себе в языке выражение не в предложении, а в определенных словосочетаниях: ср. такие словосочетания, как *зеленая трава, больная мать, скучная книга, жаркий день*, противополагаемые предложениям, как *трава зелена* или *трава зеленеет, мать больна* или *мать болеет, книга скучна, день жаркий*. Наконец, между представлениями возможны отношения предикативно-аттрибутивные: это такие отношения, которые существуют между частями одного общего неразложившегося представления, причем ими утверждается или отрицается связь одних сочетавшихся при

---

[1] Ср. между прочим в соответствующих отделах книги А. Л. Погодина, «Язык, как творчество» в IV томе Вопросов теории и психологии творчества, Харьков, 1913.

этом представлений с другими, но не расчлененных, не ставших между собой в отношения предикативные; наличность подобных отношений между представлениями вытекает из таких словосочетаний в составе предложения, в которых сочетавшееся с представлением о субстанции представление о признаке выражает утверждение или отрицание его связи с тем представлением: *добрый человек не мог бы так поступить, мальчики ленивые причиняют преподавателю немало огорчений, начальник нераспорядительный может легко запутать все дело*, и т. п.

§ 12. Предложение и его члены. Согласно предыдущему, предложение это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации. Предложению можно дать и такое определение: это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям простым или сложным. Из предложенного определения видно, что между предложением и психологической коммуникацией наблюдается прямая связь, такая же связь, как между словом и его значением; предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка. Отсюда, как мною уже указывалось, не следует, однако, чтобы предложение было сколько-нибудь точным отображением коммуникации. Мы видели, что коммуникация состоит из нарочитого сочетания двух представлений: соответствующее ей предложение может состоять и из одного слова, и из двух, и из трех и более слов; эти слова и образующиеся ими словосочетания по самому основному их значению должны быть таковы, чтобы они соответствовали коммуникации, т. е. сочетанию субъекта с предикатом; если же по своему основному значению они и не таковы, то особенное значение, нужное для соответствия их коммуникации, слова и словосочетания приобретают путем особого их произнесения в составе предложения; так одно слово *мороз*, составив предложение (*мороз!*), произносится так, что соответствует коммуникации, в которой представление о конкретном признаке (*мороз*) сочеталось с представлением об отвлеченном признаке (бытия, наличности). Элементы предложения, его части, его члены не могут быть отвлечены от членов коммуникации, но во всяком случае прямого соответствия между ними нет, и это в противоположность целому составу предложения, находящему себе прямое соответствие в коммуникации. Тем не менее расчленение предложения должно исходить из несомненной связи его с коммуникацией. В каждом предложении (насколько, впрочем, оно не является предложением сокращенным) должны быть члены, соответствующие основным элементам коммуникации, выражающие словесно сочетание психологического субъекта и предиката. Как увидим, предложения русского языка распадаются в этом отношении на две главные разновидности: к первой принадлежат предложения, в которых указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения (выражением большею частью одним словом) — это предложения односоставные, ср. предложения, как *вчера морозило, прекратите разговор,*

прошу войти, где сочетание субъекта и предиката подлежащей коммуникации находит себе соответствие в словах *морозило, прекратите, прошу* (*морозило* соответствует сочетанию конкретного признака с отвлеченным признаком в прошедш. времени; *прекратите* соответствует сочетанию субъекта 2-го лица с активным признаком в повелит. накл. в предикате, *прошу* соответствует сочетанию субъекта 1-го лица единств. числа с активным признаком в настоящ. времени в предикате); член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях таким образом не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации; двучленной коммуникации соответствует односоставное (нередко одночленное, односоставное) предложение. Ко второй разновидности принадлежат предложения, в которых субъект и предикат находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные, причем главный член одного из обоих составов соответствует субъекту, а главный член другого состава предикату; как увидим ниже, в значительном числе случаев эти главные члены двусоставных предложений находятся между собой в грамматической связи; такие грамматически между собой связанные (согласованные) члены двусоставных предложений называются подлежащим и сказуемым, причем подлежащее это главный член господствующего, а сказуемое — главный член зависимого состава; но, как увидим, есть и такие виды двусоставных предложений, в которых оба состава грамматически не связаны, не согласованы между собою; их главные члены назовем главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава. Двусоставные предложения в противоположность односоставным представляются по своей форме более близкими к психологической природе коммуникации, так как в них обе расчленившиеся части коммуникации нашли себе особое словесное выражение. Примерами двусоставных предложений согласованных могут служить предложения, как *на дворе лает собака* (*собака* подлежащее, *лает* сказуемое), *дети вернулись из школы* (*дети* подлежащее, *вернулись* сказуемое); примерами двусоставных предложений несогласованных могут служить предложения, как: *у меня есть деньги* (*деньги* главный член господствующего состава, *есть* главный член зависимого состава), *в кошельке осталось пустяки* (*пустяки* главный член господствующего состава, *осталось* главный член зависимого состава).

§ 13. Прежде чем перейдем к рассмотрению других второстепенных членов предложения, мы должны несколькими дополнительными сообщениями разъяснить то, что сказано в предыдущем § о природе предложения и о распознании главных его членов. Мы определили предложение, как одно грамматическое целое, отметив, что слова, словесные элементы, составляющие предложение, сливаются в нем в одно целое благодаря или согласованию их между собою или соответствующей интонации, являющейся, впрочем, и в первом случае непременным объединяющим началом. Согласование двух или несколь-

ких сочетавшихся слов является средством выразить цельность сложного представления: *растущая на дворе зеленая трава* соответствует одному сложному представлению; мы выразили его расчленение несколькими словами, но его единство, его цельность обнаруживается между прочим в той грамматической связи, в которой находятся слова *трава, зеленая, растущая;* все они представляются формами именит. падежа, единств. числа, женск. рода; приведенное сочетание слов может быть названо благодаря этому грамматическим единством, причем к этому единству относится и *на дворе,* внешним образом несогласованное со словом *растущая,* но внутренне с ним связанное, грамматически от него зависящее. В каждом грамматическом единстве имеется одно господствующее слово; при нем может быть одно или несколько зависимых слов; в приведенном выше словосочетании господствующим является слово *трава,* зависимыми *зеленая* и *растущая на дворе.* Господствует то или иное слово в силу прежде всего своего значения: здесь так же как в отношениях между психологическими членами коммуникации обнаруживаются некоторые постоянные отношения: существительное (т. е. название субстанции и вообще носителя признаков) является всегда господствующим над прилагательным и глаголом; в данном примере *трава* господствует над прилагательным *зеленый* и причастием *растущий;* господство же глагола или прилагательного над существительным возможно только там, где глагол и прилагательное сочетались с представлением о субстанции *(трава растет на дворе, хожу в школу, мальчик потерял книгу),* или где слово, означающее конкретный признак, сочеталось с представлением об абстрактном признаке *(видно кулика по полету, отца ранило в ногу)* [1]. Господствующее и зависимое положение слова обнаруживается несколькими способами: во-первых, морфологическою формой слова, причем зависимое слово является в зависимой форме; во-вторых, относительным положением слова в словосочетании, причем зависимое слово занимает определенное место в отношении к господствующему; в-третьих, интонацией (более сильным или более слабым произношением слова); в-четвертых, ослабленным или измененным значением слова.

§ 14. Относительно морфологической формы слова отмечу прежде всего, что некоторые слова являются всегда только в господствующей форме, другие слова рядом с господствующей формой образуют зависимую, третьи являются только в зависимой форме, наконец, четвертые слова неизменяемы, почему не обнаруживают ни господствующей, ни зависимой формы. Оставив в стороне эти последние слова (сюда относятся наречия, союзы, предлоги, частицы и междометия), укажем, как на формы всегда господствующие, на спря-

[1] Ниже увидим кажущиеся исключения: существительное является в зависимом положении от числительного, напр., *пять рублей,* или от количественного наречия: *много народу;* родит. падеж в положении за числительными явился под влиянием существительных, означающих количество (в древнем языке *пять, шесть* и т. д. были существительными, ср. *пяток, сотня*), и сохранился после них, несмотря на утрату ими значения существительных; в положении за количественными наречиями родит. падеж явился под влиянием оборотов с числительными, ставшими наречиями. Вот почему такие сочетания я признаю сочетаниями грамматически неразложимыми.

гаемые формы глагола в 1-м и 2-м лице единств. и множ. числа (эти формы означают сочетание субъекта с предикатом, субстанции с признаком). К словам, образующим рядом с господствующей формой форму зависимую, относится имя существительное, местоимение-существительное, а также субстантивированные прилагательные, местоимения-прилагательные и числительные: господствующая форма их обнаруживается в именит. падеже (единств. и множ.), зависимая форма в косвенных падежах; форма 3-го лица множ. в одних соединениях имеет значение господствующего слова, означая сочетание неопределенного лица во множ. числе с глагольным признаком, в других — зависимого слова, а именно в сочетании с подлежащим; числительные имеют независимую форму в подлежащем и прямом дополнении, зависимую — в косвенных дополнениях. Словами, употребляющимися только в зависимой форме, являются прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, числительные-прилагательные, также в литературном языке только в зависимой форме употребляется 3-е лицо единств. спрягаемого глагола, как сочетающееся с подлежащим в качестве сказуемого (в древнем и областном языке 3-е лицо единств. употребляется и в независимой форме, означая сочетание неопределенного лица в единств. числе с глагольным признаком). Что касается 3-го лица единств. безличных глаголов, то их форма (в настоящем и будущем на *-т*, в прошедшем на *-ло*) является неизменяемой. Равным образом неизменяемы формы инфинитива и деепричастия. Зависимые формы указанных частей речи возникают под влиянием господствующих над ними слов или путем согласования с ними, или путем подчинения им. Путем согласования возникают зависимые формы прилагательных, местоимений-прилагательных, числительных-прилагательных и причастий, причем эти формы являются результатом уподобления формам определяемых ими существительных (позже именные формы склонения прилагательного заменены, благодаря сложению с членом, местоименными формами); равным образом путем согласования возникают зависимые формы спрягаемого глагола: формы 3-го лица единств. и множ. получают свои окончания, согласуясь с числом сочетающегося с ними подлежащего, причем формы прошедшего времени согласуются с подлежащим не только в числе, но и в роде. Путем подчинения возникают зависимые формы существительных и местоимений-существительных, причем падеж существительного определяется значением господствующего слова (глагола, прилагательного, существительного).

§ 15. Порядок слов в словосочетаниях определяется в большей части случаев взаимным отношением господствующих и зависимых слов. Сложный вопрос о порядке следования в предложении подлежащего и сказуемого рассмотрим ниже. Зависимые слова, заимствующие свою форму из уподобления господствующим, следовательно, прилагательные (местоимения и числительные) и причастия предшествуют определяемым ими существительным: *красивая картина, скверное перо, отчаянное предприятие, горячая молитва, проезжавшие по дороге телеги, исковерканные здания, дымящиеся развалины*; во всех этих сочетаниях обнаруживаются аттрибутивные отношения; но там, где отношения аттрибутивно-предикативные (§ 11), прила-

гательное и причастие может занимать и второе место, т. е. следовать за господствующим словом. Зависимые слова, возникающие в результате подчинения господствующим словам, следовательно, косвенные падежи существительных, следуют за управляющими ими словами: *дом отца, роспись книгам, потеря заработка, нос крючком, он любит сестру, он не встретил брата, он радуется моим успехам, они боятся грозы, она едет в город*; только при особом ударении на косвенном падеже существительного возможна постановка его перед управляющим словом: *он сестру́ любит, а не жену; он брата не встретил; моим успехам он радуется, а к своим равнодушен; волков бояться и в лес не ходить; пуганая ворона куста* (т. е. *даже куста*) *боится*. Косвенные падежи местоимений существительных предшествуют управляющему слову: *он меня любит; они никого не боятся; ты кому-нибудь это отдал; бог его знает*. Впрочем, повелит. наклонение требует после себя косвенного падежа как существительных, так и местоимений: *оставьте меня; дайте стакан чаю*. Косвенные падежи как существительных, так и местоимений-существительных предшествуют управляющему слову, когда оно выражено безличным глаголом: *отца ранило в голову; мальчику нездоровится; мне не спится; лодку унесло бурей*. Инфинитив следует за управляющим глаголом: *хочу есть; перестаньте сердиться; прошу войти*; также за управляющим прилагательным и существительным: *готовые услужить; охотники повздорить; любитель кататься*. Отсюда видно, что в русском языке порядок употребления зависимых и господствующих слов далеко не свободный; как видим, он может нарушаться; но нарушение вызывается определенными причинами и вносит особый смысл в соответствующее предложение; нарушение обычного порядка следования слов называется инверсией. Что до слов неизменяемых, то употребление предлогов и союзов строго определенное: предлоги за немногими исключениями (*ради*, в области. языке *для*) предшествуют косвенному падежу существительного и местоимения-существительного, а также определяющему существительное прилагательному и причастию: *в этом году, на левом боку, с малых лет, на худой конец*; союзы *же* и вопросительное *ли* постпозитивны; все остальные союзы препозитивны, предшествуя непосредственно слову или предложению, к которому относятся, которое они вводят в речь: *отец и мать; не позволю; а мы ушли домой; скажите хоть вы; хотя мы и одни*; некоторые союзы предшествуют каждому из сочетавшихся слов или каждому из сочетавшихся предложений: *хоть говори, хоть нет; или вы, или я; и он и она*. Что до наречий, то обычно они предшествуют тому слову, к которому относятся: *он очень хорош собой; я сильно грущу; весьма своеобразный план; скоро проходящие ощущения; недавно прочитанная книга; она отлично владела собой*. Но при употреблении наречий постоянно встречаем и уклонения от этого общего порядка, ввиду особенного значения их в предложении, с одной стороны (они являются здесь обстоятельствами), их независимой формы, с другой: *она поет хорошо; мы гуляли повсюду*.

§ 16. Интонация, разумея под этим и ударение предложения, и словоударение, и темп речи, может дать ряд указаний на взаимные

грамматические отношения слов в предложении. Отмечу прежде всего неударяемость таких служебных частей речи, как союзы и предлоги; односложные союзы неударяемы совсем; двусложные могут быть также неударяемы в положении после ударяемого слога (*двýх или тр́ёх*), в другом положении они слабоударяемы: *брáтец ѝли сестри́ца*; *корóва ѝли лóшадь*. Предлоги вообще неударяемы, но в некоторых случаях на них переносится ударение с следующего за ними существительного: *на травý, на мосту́, по у́лице, от дру́га* (ср. *по́ носу, и́з дому, на́ воду*); двусложные предлоги могут иметь слабое ударение: *и́з-под полы́*. Местоимения *я, ты, мы, вы, он, они* как в именит. падеже, так и в косвенных являются слабоударяемыми; но они могут иметь на себе и полное ударение, когда этого требует смысл предлагаемого утверждения или отрицания: *он меня́ оби́дел; о́н меня́ не обижа́л; о́н меня́ не обижа́л*. Существительное как в именит. падеже, так и в косвенных имеет на себе полное ударение; некоторые существительные (в зависимости от акцентных условий древнего языка) переносят ударение на предшествующий предлог, о чем сказано выше; некоторые существительные в обращении (в древнем языке этому соответствовал бы звательный падеж) становятся слабоударяемыми и неударяемыми, когда такому обращению не придается особого значения, когда оно вводится в речь без прямого побуждения со стороны говорящего сделать такое обращение: *ну́, брат, ты горя́ч;* ср. появление *су* и далее *с* вместо *сударь;* некоторые существительные в приложении, т. е. в зависимой форме аттрибутивной, являются также в положении слов, лишенных ударения и произносящихся с ударением второстепенным; ср. несклоняемое *князь* в *князь Петр, князь Петру* и т. д. Становясь наречиями или попадая в наречные выражения, существительные могут также терять свое ударение и подвергаться поэтому звуковым изменениям, но это касается уже интонации наречий (ср. *покамест* вместо *пока́места, спасибо, в ту́ пор у*, области. *сево́ году*). Спрягаемые глагольные формы в вводных предложениях могут терять свою полную значимость и становиться энклитиками, получая затем значение наречий и союзов. Ср. 3-е лицо единств. *говорит* (отсюда *грит, гыт*) при передаче чужих слов в областном языке; *ска* вместо *скаже, скажет; каэ* вместо *кажет; бог знает* изменилось в *бо́знать;* перешли в союзы повелительные наклонения *дьи* (отсюда *де*), *молвь* (отсюда *мол*). Вспомогательный глагол *быть* является энклитикой, что объясняет нам и некоторые его древнерусские формы, напр., переход *есме, есте* в *есмя, естя;* ср. неударяемое *бы*, ставшее союзом; ср. также неударяемое *было* в сочетании с формами прош. времени (*сказал было*, что восходит к первоначальному *сказалъ былъ);* возможно, что *ста* в *пожалуйста, спасибоста, здоровоста* восходит к форме 2-го лица двойств. *еста*, как предполагал Потебня («Из зап.», I—II, 251). Наречия склонны к энклизе; ср. слабоударяемые наречия односложные, как *здесь, там, тут, так* (при *та́к*); потерю ударения двусложных наречий видим в случаях, как *он таки ушел, всё-таки.*

§ 17. Ослабленное или измененное значение слова может быть последствием его зависимого положения. Во многих случаях это ведет к переходу знаменательных частей речи в служебные. Ср. пере-

ход существительных в местоимения в случаях, как *друг друга* (областное *ду-друга*); ослабленное значение слова *человек* в сказуемых, как *он человек хороший;* ослабленное значение слова *люди* в сочетании со сказуемым в случаях, как *люди говорят, его здесь и не было; люди отпахались, а он все еще собирается;* ср. существительные в наречных выражениях, как *натощак* (вместо *на тощах*), *намедни* (вместо *онамедни — онамь дьни*). Спрягаемые формы глагола *быть*, означавшего и продолжающего означать существование, бытие, ослабляя свое значение, получали уже в древнейших стадиях языка значение простой связки между подлежащим и сказуемым, а также служебной частицы, означающей формальные глагольные категории, как в указанном употреблении, так и в соединении с названиями пассивного признака (в односоставных предложениях, как *скучно, морозно*), разным образом в соединении с названиями активного признака (в односоставных предложениях, как *не видать, вам сдавать;* также при образовании сложных форм глагольных: *буду просить, он был убит;* древнее *есмь былъ, еси былъ, есть былъ*, откуда современное *был*). Кроме глагола *быть*, в языке развились и другие вспомогательные глаголы в результате ослабления основных значений; ср. вспомогательное значение глагола *стать* (как в междуименном положении: *он стал человеком*, так и при образовании сложных времен: *стану сказывать я сказки*), *сделаться, казаться* и др.

§ 18. Указав в предыдущих четырех §§ формы обнаружения зависимого положения слов, возвращаемся к словосочетаниям. Словосочетанием называем всякое грамматическое единство, грамматическим же единством является такое соединение слов, в котором они находятся в грамматической между собой связи; соединения слов, как *лисица свой, поле рожью, с возом горшки, сколько вы* не представляют грамматических единств (они выхвачены из таких предложений, как *всякая лисица свой хвост хвалит; красно поле рожью; хвалилась кобыла, что с возом горшки побила; сколько вы доставили мне радости*); но соединения *растущая на дворе, свой хвост, доставили мне, вчерашний мороз, белой бумаге* и т. п. должны быть признаны грамматическими единствами по той связи, какая существует между входящими в их состав словами. При этом обнаруживается, что одни из грамматических единств являются самостоятельными, другие несамостоятельными; самостоятельными называем такие грамматические единства, которые в своих формах не обнаруживают того, чтобы они были частями другого словосочетания; несамостоятельными — такие, которые обнаруживают это, которые в своих формах могут быть объяснены только из других словосочетаний: *растущая на дворе, белой бумаге* являются несамостоятельными единствами, ибо зависимые слова *растущая, бумаге* свидетельствуют, что такие единства извлечены из других словосочетаний, напр., *трава, растущая на дворе; белой бумаге недостает лоску;* напротив, грамматические единства, как *вчерашний мороз, зеленая трава* представляются единствами самостоятельными. Для того, чтобы единство было самостоятельно, необходимо, чтобы главное слово, господствующее над другими, являлось в форме независимой (ср. *мороз, трава*); но, кажется, существенно еще одно условие: между сочетавшимися словами могут

быть только аттрибутивные, релятивные или объективные отношения, ибо предикативные отношения обнаруживают уже наличность предложения, а аттрибутивно-предикативные показывают, что данное грамматическое единство неполно, а потому несамостоятельно: *растущая трава, страшный холод, ленивый ученик* — это самостоятельные грамматические единства, между тем как *холод страшный* — предложение; *трава растущая, ученик ленивый* обнаруживают в своей форме, что они выхвачены из соответствующих предложений. Как отдельное слово, так и самостоятельное грамматическое единство может быть членом предложения, но при известных условиях и при определенном значении может быть предложением: условием для перехода отдельного слова и словосочетания в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличность в таком словосочетании сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой объединяющей члены словосочетания в одно целое интонации.

§ 19. **Второстепенные члены предложения.** Расчленение предложения приводит, как мы видели, к определению в нем, если оно состоит не из одного слова, одного или двух словосочетаний, которые мы называем составами предложения; расчленение словосочетаний приводит к обнаружению в них грамматических единств, каковыми могут быть и отдельные слова и соединение нескольких слов; расчленение неоднословных грамматических единств обнаруживает в них наличность одного господствующего, относительно независимого слова, и другого или нескольких других зависимых от господствующего слов. При этом окажется, что в составе словосочетания среди нескольких грамматических единств одно является господствующим, другие — зависимыми. Предложение: *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички* расчленяется на два словосочетания: 1) *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда* и 2) *какие-то прелестные птички*. Первое из этих словосочетаний расчленяется на четыре грамматических единства: 1) *в нашем саду*, 2) *на высоких деревьях*, 3) *ближе к пруду*, 4) *свили себе гнезда;* из них господствующим является последнее грамматическое единство, ибо предыдущие три оказываются зависимыми от него. Главными членами предложения оказываются господствующие слова в составе господствующих грамматических единств, составляющих словосочетание, равное предложению, или обоих словосочетаний, обоих членов предложения. Все остальные слова предложения, входящие в состав как господствующего, так и зависимых грамматических единств, являются второстепенными членами предложения.

§ 20. Согласно сделанным в § 11 указаниям, отношения между членами предложения могут быть предикативными, аттрибутивными, аттрибутивно-предикативными, объективными и релятивными. Предикативные отношения имеют место только между двумя главными членами предложения — подлежащим и сказуемым, главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава; эти отношения остаются невыраженными в односоставных предло-

жениях, главный член которых выражает сам собой сочетание субъекта с предикатом. Остальные указанные выше отношения имеют место между господствующими и зависимыми членами предложений; ими определяется характер, природа зависимости зависимых членов предложения от господствующих его членов. Прежде чем на основании указанных отношений выяснять природу отдельных членов предложения, я кратко повторю данные в § 11 указания на природу отмеченных выше отношений. Аттрибутивными называются те отношения, которыми одни представления определяются, как свойства или качества других представлений, следовательно, отношения между пассивным признаком и его носителем. Аттрибутивно-предикативные — те отношения, которыми нарочито утверждается или отрицается связь признака с его носителем, мыслимых притом нерасчлененно в составе одного сложного представления. Объективные отношения — это те отношения, которые устанавливаются в результате зависимости одного носителя признака от другого, причем зависимость эта может быть или непосредственная, или осуществляемая через посредство признака как активного, так и пассивного; объективными являются и те отношения, в которые становится представление о носителе признака к субъекту, соответствующему представлению о признаке; следовательно, это вообще обнаружение зависимого состояния носителя признака. Релятивные отношения — это те, которые имеют место между признаками и представлениями об отношениях.

§ 21. Свойства и качества находят себе словесное выражение в прилагательном, означающем то или иное отдельное свойство или качество, а также в существительном, означающем носителя свойств и качеств и таким образом могущем выразить то или другое свойство-качество. Прилагательное, употребленное в качестве аттрибута к господствующему над ним, управляющему им существительному, соответствует тому члену предложения, который называется определением: *хорошая погода благоприятствовала вылазке; на лужайке показались красные цветы; надо взять железный молоток; стальные перья недоступно дороги.* Равным образом определениями являются местоимения-прилагательные и числительные-прилагательные: *чей это платок? мои родные вызвали меня из деревни; весь город в волнении; второй день как не стали выдавать хлеба; говорю вам это в сотый раз.* Существительное, употребленное в качестве аттрибута к другому существительному, называется приложением: *князь Петр Иванович уехал за границу; женщина-врач принимает по вторникам; господина Белова нет дома.* Из приведенных примеров уже видно, что под качеством-свойством разумеем также состояние, должность, общественное положение лица; также родовые отношения, как, например, *дерево неклен имеет широкое распространение в России; рыба пескарь водится в нашем пруду.* Но, как увидим в особом отделе, посвященном приложению, нередко представляется затруднительным решить, которое из двух сочетавшихся для выражения одного представления слов является господствующим, и которое зависимым от него, т. е. приложением; ср., напр.: *напишите исправнику Сундукову: к нам подошел Иван Иванович Иванов;* признаем ли мы *исправнику*

приложением? Не соответствует ли это слово самостоятельному и господствующему в нас возникшему представлению, причем *Сундукову* мы прибавили в виде разъяснения, для развития этого представления? Что является приложением: имя и отчество *Иван Иванович* к фамилии *Иванов* или фамилия *Иванов* к имени и отчеству *Иван Иванович?* Несомненно, возможна и та и другая точка зрения на эти сочетавшиеся между собой существительные. Ввиду этого приложение можно охарактеризовать как название существительного, определяющего другое существительное; решение того, которое из обоих существительных определяющее, которое определяемое, предоставляется говорящему и слушающему за исключением однако случаев, где определяющее существительное является действительно названием признака (ср. пример, как *дурак лакей, негодяйка Матрена, козырь девка, добряк Семенов, шалунишка Коля*).

§ 22. Как определение, так и приложение, оставаясь таковыми, не отделяясь от определяемого ими существительного, не становясь его сказуемыми, могут сопровождаться таким актом воли говорящего, которым утверждается или отрицается их связь с определяемым существительным; ставшие в аттрибутивно-предикативные отношения к определяемому существительному определение и приложение должны быть охарактеризованы особым грамматическим термином. Останавливаюсь на терминах предикативное определение и предикативное приложение, не находя удобным назвать их аппозицией, как называл их, напр., Потебня («Из зап.», I—II, 103, 104, 181, 505 и др.), ввиду того, что аппозиция — это латинское название для приложения, а также и того, что, различая определение и приложение в аттрибутивном их употреблении, у нас нет основания не различать их в употреблении аттрибутивно-предикативном.

Примеры для предикативного определения: *Старый и одряхлевший князь перестал выезжать из дома и почти не выходил из кабинета. Жизнерадостный и веселый, он рассеял скверное расположение, в котором мы находились. Занятый этой мыслью, он вышел в поле.*

Примеры для предикативного приложения. *Петр, вечный работник на троне, проявил себя и в этом деле. Мы проехали Кирсанов, важнейший пункт ссыпки хлеба. Это напомнило Париж, бесспорно столицу Европы.*

§ 23. Словесными знаками для представлений о носителях признаков (субстанций, но также и явлений) служат в языке существительные, местоимения-существительные, числительные-существительные и вообще все субстантивированные слова. Они обозначают не только субъект, но также и объект, т. е. носителя признака в его зависимом положении от субъекта. Зависимое слово, связанное с господствующим словом объективным отношением, называется в грамматике дополнением. Дополнение может зависеть от другого существительного непосредственно: *деньги сестры, ворота желтого дома, кусок хлеба, роспись книгам, торговля маслом;* оно может зависеть от него через посредство названия признака (глагола, прилагательного): *на столе стоял графин, полный водки; ученики, неспособные к учению, удаляются из школы; вошел красный от волнения Володя; я нашел свою тетрадь;*

Катя любит свою подругу; мы прочли эту книгу; я дам ему понять; я обласкан вами; дети обрадовались игрушкам; мальчик попросил воды; школьники кидали друг в друга камушками; наконец, дополнение может зависеть от безличного глагола, следовательно, от субъекта, соответствующего признаку: *его ранило осколком бомбы; бумажку унесло ветром; мне не спится; отцу нездоровится;* также от других бесподлежащных выражений: *мне скучно, нам ее жалко, города не видно.* Подробнее о дополнении скажу в учении о словосочетаниях. Здесь замечу только, что дополнение, показывающее, что данное действие глагола перешло на зависимое представление во всей своей полноте, подчинив себе лицо, предмет или другого носителя признаков в полном их объеме, называется прямым дополнением, между тем как дополнение, отразившее действие глагола или свойство прилагательного лишь косвенно, равно как служащее орудием, посредством которого осуществляется или проявляется признак, называется косвенным дополнением. Прямое дополнение выражается винит. падежом и имеет место только после глаголов, называемых именно поэтому переходными, и частью после безглагольных бесподлежащных выражений; косвенное же дополнение выражается родит., дат. и творит. падежом, завися при этом как от глагола, так и от прилагательного, от наречия и от другого существительного.

§ 24. Кроме дополнений, непосредственно зависящих от существительного, прилагательного, глагола, наречия, в предложении могут быть и такие дополнения, которые присоединяются к господствующему слову при помощи названия отношения. Такие названия соответствуют наречиям; наречия, принявшие на себя функцию ближайшим образом определять дополнения, называются предлогами. В предлогах различаются, с одной стороны, такие, которые сохранили свое особенное значение выразителей отношений; с другой стороны, такие, которые настолько сливаются с зависящими существительными, что не сохраняют самостоятельного от них значения. Ср. с одной стороны: *он пробежал мимо него* (ср. *он шел мимо*), *они шли сзади него* (ср. *они стоят сзади*); с другой стороны: *едем в город, он взлез на крышу, крышка от коробки, отец с матерью, вход в аудиторию.* Наконец, возможно еще сочетание предлога с предшествующим ему наречием: *мы ехали вслед за ними, рядом с ним, вместе с ним.* Дополнения, сопровождающиеся предлогами, наречиями-предлогами или наречиями и предлогами, мы назовем дополнениями реляти вными, или относительными.

§ 25. По происхождению своему инфинитив является косвенным падежом отглагольного существительного; следовательно, его исконная функция в предложении — это дополнение. Но с течением времени инфинитив окончательно оглаголился, потеряв возможность обозначать носителя признаков, т. е. быть существительным. Это объясняет те функции, какие инфинитив получил в предложении, где он может стать главным членом (в односоставных предложениях) и сказуемым; но вместе с тем инфинитив сохранил частью свою исконную природу — дополнения; это видно из того, что инфинитивом выражается зависимый глагольный признак. Подобно тому, как косвенные падежи существительного выражают зависимость существи-

тельного от другого слова, так же точно инфинитив выражает зависимость глагола от другого слова. Дополнением мы инфинитив назвать не можем, так как присвоили этому названию значение зависимого представления о носителе признаков. В виду этого назовем инфинитив в указанной функции дополнительным глагольным членом. Примеры: *хочу пройтись, прошу сесть, он мастер поспорить, он способен выкинуть такую штуку, он ходит гулять, он бросился помогать брату, я взял посмотреть эту книгу.* Признавать инфинитив в таком употреблении сказуемым невозможно; правда, *хочу есть* можно истолковать, как *хочу, чтобы я ел, прошу сесть — прошу, чтобы вы сели;* но такое толкование основывается на том, что инфинитив, как название признака, способен вызывать представление о производителе признака, о соответствующем субъекте. В предложении *он мастер поспорить* едва ли даже возможно подобное толкование.

§ 26. В релятивных отношениях к названиям признаков, т. е. к глаголу и прилагательному, находится наречие, т. е. название отношений. Название зависимых отношений в предложении соответствует тому члену предложения, который называется обстоятельством. Обстоятельство зависит от глагола или от прилагательного. В отделе о словосочетаниях мы рассмотрим разные виды обстоятельств: сообразно с выражаемыми в них отношениями обстоятельства могут быть обстоятельствами времени, места, образа действия и др. Морфологически наречия сближаются с именем, представляя те или иные падежные формы, также с глаголом, включая в свой состав отдельные глагольные формы, напр. некоторые деепричастия, инфинитивы и также спрягаемые формы; вследствие этого возможно колебание при определении обстоятельства, в сопоставлении его с дополнением и дополнительным глагольным членом. Обстоятельством признаем только те словесные выражения, которые соответствуют наречию, дополнением те словесные выражения, которые представляются падежами существительного, не утратившими значения существительного: *он вбежал впопыхах, он ищет чего-то впотьмах* представляют обстоятельства; но *он в волнении встретил нас, он сидит в темной комнате* представляют дополнения; *он кричит сверху* — обстоятельство, *он упал с верху сеновала* — дополнение.

§ 27. После предложенного определения второстепенных членов предложения, нам приходится вернуться еще раз к вопросу об отношении их к главным членам предложения, а в частности к вопросу об отношении их к сказуемому. Второстепенные члены предложения обнаруживаются в результате расчленения предложения, — предложения односоставного, или каждого из составов двусоставного предложения. В односоставном предложении все второстепенные члены тяготеют, если не друг к другу, то к одному главному члену предложения; отсюда следует, что в односоставном предложении бесподлежащном не может быть определения, разве только в сочетании с дополнением; напротив, в односоставном предложении без сказуемого не может быть обстоятельства; на основании этого, признавая *мороз* предложением односоставным, мы предложение *теперь мороз* должны признать двусоставным и допустить в нем пропуск сказуемого. В двусоставном предложении к подлежащему могут относиться непосред-

ственно определение, приложение, дополнение и в редких случаях дополнительный глагольный член *(к нам подошел какой-то охотник балагурить)*; к сказуемому — дополнение, дополнительный глагольный член и обстоятельство; а в тех случаях, когда сказуемое выражено существительным, также — определение, приложение и приименное дополнение. Анализ зависимого состава двусоставных предложений показывает, что главным членом этого состава могут быть весьма различные части речи и формы слов; мы находим здесь не только спрягаемый глагол, имя существительное в именит. падеже, прилагательное, но также деепричастие, инфинитив, косвенные падежи существительного, наречие. Принимая во внимание грамматическое согласование подлежащего (т. е. главного члена господствующего состава) со сказуемым (т. е. главным членом зависимого состава), я считаю возможным признать подлежащими и сказуемыми только те главные члены двусоставных предложений, которые согласованы между собою, следовательно, сказуемыми могут быть только спрягаемые формы глагола, имена существительные в именит. падеже и прилагательные; неизменяемые части речи, равно и косвенные падежи существительного признаем главными членами зависимого состава несогласованных двусоставных предложений; ср. предложения, как *он выпивши, он бежать, он высокого росту, он теперь профессором, вол сильнее лошади.* Возникает однако вопрос, к какому из обоих типов двусоставных предложений, согласованному или несогласованному, отнесем те же предложения с выраженным в них глаголом вспомогательным: *она была выпивши, она была высокого росту, он был профессором, наш вол будет сильнее той лошади;* вспомогательный глагол согласуется с подлежащим; вопрос осложняется тем, что глагол *быть* потерял в подобных соединениях свое реальное значение и употребляется, как связка между подлежащим и сказуемым; вследствие этого казалось бы неправильным признать формы *был, будет* в приведенных предложениях сказуемыми. Думаю однако, что глагол *быть* стал простой связкой только там, где он не вызывает представления о времени; следовательно, только в формах *есть, суть*, которые как связки и исчезли в русском языке; формы же прошедшего и будущего времени сохранили свое глагольное значение, а потому должны быть признаны сказуемыми. Отсюда следует, что предложение *он высокого росту* относится к типу несогласованных двусоставных предложений, а предложение *она была высокого росту* к типу согласованных двусоставных предложений. Но что же в предложении *она была высокого росту* мы назовем сказуемым? Одно слово *была* или все сочетание *была высокого росту?* При том или другом решении этих вопросов возникает вопрос, какому же члену предложения соответствует *высокого росту* или *выпивши* в предложении *она была выпивши?* Обычно в грамматиках такие сложные сказуемые называются сказуемыми составными, а входящее в состав их имя, прилагательное, причастие, — предикативным именем. С такой терминологией можно было бы согласиться в том случае, если не признавать *высокого росту, профессором, выпивши* сказуемыми в предложениях *она высокого росту, он теперь профессором, она выпивши,* признавая их и здесь предикативными именами при опущенном сказуемом.

Но имеем ли мы основание признать предложения *он высокого росту* или *она выпивши* предложениями неполными, с опущенным сказуемым? Не подлежит сомнению, что предложения, как *он молодец, он добрый, он высок*, предложения полные; доказательства этому мы приведем ниже, когда будем говорить специально о способах выражения сказуемого. Но формально такие предложения отличаются от рассматриваемых именно тем, что подлежащие и сказуемые в них согласованы. Признав сказуемое зависимым членом предложения, мы в праве думать, что свою грамматическую форму оно должно согласовать с подлежащим, должно ему уподобиться; там, где такого уподобления нет, не было и настоящего сказуемого; насколько сильно начало уподобления сказуемого подлежащему, видно из того между прочим обстоятельства, что прилагательное в сказуемом стремится принять (или сохранить) именную форму, сближающую его с именем существительным. Ввиду указанных соображений, число полных предложений с несогласованными подлежащим и сказуемым представляется целесообразным, по крайней мере, сократить. Во-первых, одни из таких предложений могли возникать по аналогии предложений согласованных: сюда отнесем предложения, как *он высокого росту*, явившиеся, несомненно, по аналогии предложений, как *он высок, он высокий*, ср. возможность в качестве определения, с одной стороны, *высокий*, а с другой — *высокого росту (ко мне подошел мужчина высокого роста*, или *высокий мужчина)*; далее сюда же относятся предложения со сравнительной степенью наречия в сказуемом: наречия сравнительной степени заменили склоняемую форму прилагательных в сравнительной степени: *брат старше сестры* заменило предложение *братъ старъи сестры*. Во-вторых, некоторые из подобных предложений могли утрачивать сказуемое по аналогии; предложения *он выпивши, он профессором* могли возникнуть на месте *он есть выпивши* (где налицо сложное сказуемое, состоящее из двух глагольных форм), *он состоит профессором;* эти последние предложения признаем поэтому неполными, а предложения вышеуказанного типа предложениями позднейшего происхождения. Поэтому при разрешении вопроса о составном сказуемом, о наличности в нем предикативного имени, можно оставить в стороне те предложения, где это предикативное имя является в качестве сказуемого. Предложения, как *он был высокого росту, она была выпивши*, надо сопоставить, прежде всего, с предложениями, как *он был болен, он стал слаб, она сделалась нездорова, он оказался неповоротлив* и т. п.; в этих предложениях видим согласование входящего в состав сказуемого прилагательного с подлежащим; но согласование идет еще дальше в том смысле, что прилагательное принимает ту форму, которая присваивается ему в сказуемом, и притом в современном русском языке только в сказуемом. Заключаю отсюда, что во всех подобных предложениях с так называемым составным сказуемым мы имеем дело с сочетанием двух сказуемых, с двойным сказуемым: одно из них глагольное, другое адъективное или именное. При этом оба сказуемых согласуются с подлежащим. Там, где адъективное или именное сказуемое не согласовано с подлежащим, приходится допустить позднейшее явление и нарушение старых отношений. О причине и развитии такого нарушения скажем позже

в отделе, посвященном сказуемому. Двойное сказуемое представляет несколько существенных разновидностей: в одной разновидности перевес принадлежит бесспорно именной или адъективной части двойного сказуемого; это имеет место там, где в первой части глагол *быть* с его бледным реальным содержанием; ко второй разновидности относятся те предложения, где в первой части двойного сказуемого стоят другие вспомогательные глаголы с менее бледным содержанием; вследствие этого адъективная или именная части уже не выступают с таким первенствующим значением; наконец, к третьей разновидности относятся те предложения, где в первой части находятся глаголы полного содержания, а во второй адъективная или именная части отступают уже на задний план: *он сидит мрачен и задумчив. он пал мертвый, он пришел пьяный* и т. д. Думаю, что именно в этом третьем типе второе сказуемое стало второстепенным, а его второстепенность вела к зависимости от главного сказуемого: в результате этой зависимости на месте именного сказуемого явилось именное дополнение в творит. падеже. Это именное дополнение мы назовем сказуемым именем (§ 194).

§ 28. В связи с только что указанным членом предложения стоит еще и другое употребление так называемых предикативных имен; мы находим их в односоставных предложениях в сочетании с глагольным сказуемым того же типа, которое требует при себе предикативного члена; ср. в определенно-личных предложениях: *хожу печальный, сижу задумчивый, будь здоров, будьте покойны, будь мой покровитель.* Такие прилагательные и существительные имеют именит. падеж и соответствующие родовые формы в силу согласования с субъектом коммуникации; следовательно, они относятся непосредственно к этому субъекту и связаны с ним предикативно; ввиду этого определяю их, как дополнительные сказуемые в бесподлежащных предложениях. Подобное дополнительное сказуемое известно также в неопределенно-личных предложениях: ср. *бывало, вернешься усталый и голодный.* И это сказуемое может перейти в силу указанных причин в зависимую форму дополнения; ср. творит. падеж в случаях, как *будь моим покровителем.*

§ 29. Двойное сказуемое развилось и там, где глагольное сказуемое имело при себе причастие, становившееся в предикативные отношения к подлежащему. В отличие от имен и прилагательных, могущих стать в такие отношения с подлежащим только при глаголах состояния и движения, причастия, в силу своей глагольности и означения ими активного признака, могли связываться предикативно с подлежащим при всяком вообще глаголе. Причастие получало значение второй части сказуемого. Ср. *идохомъ къ вамъ радующеся; и оувидѣ и жена сѣдящи въ истѣбѣ; и придуть къ вамъ глаголюще* и т. д. С течением времени причастие в таком положении потеряло возможность согласоваться с подлежащим и в результате перешло в деепричастие, т. е. в несклоняемое причастие. Этот переход, как кажется, возник на почве усиления предикативности причастия насчет его аттрибутивности; он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое. Как таковое, деепричастие означает время, соотносительное с временем, выраженным главным сказуемым.

Его сказуемость ясно обнаруживается в современном русском языке, в частности, именно в литературном, в том, что деепричастие употребляется только в предложениях двусоставных, где оно имеет прямое отношение к подлежащему. В языке областном, а также частью и в литературном, возможно употребление деепричастия и в односоставных предложениях. Само собой понятно, что оно является в безподлежащных личных предложениях и притом как определенно-личных, так и неопределенно-личных: *хожу все, соображая, что предпринять; отвечая мне, грубишь; увидев их, пожалеете; что имеем, не храним, потерявши плачем; на это, делая злостные намеки, нам говорят; живут там припеваючи.* Удобнее всего назвать деепричастие в таких предложениях дополнительным второстепенным сказуемым. Но такое же употребление деепричастие находит себе и в безличных предложениях, причем подобные обороты избегаются в литературном языке: *думая так, мне казалось; не видав работы, не видать вам и покоя; не видав, девушке верится* (в счастье замужем), Даль, Посл., III, 143. И в этих предложениях назовем деепричастие дополнительным второстепенным сказуемым, имея в виду то, что оно относится к субъекту главного предложения, выраженному, правда, в форме дополнения. Потеря деепричастием предикативной связи с подлежащим (или субъектом) имеет последствием переход его в обстоятельство, деепричастие получает значение наречия: *не хочется сидеть спустя рукава, приходится стоять повеся голову* и т. п. Ввиду этого при наличности предикативной связи деепричастия с подлежащим мы не имеем основания сближать деепричастие с наречием и называть его глагольным наречием. Сочетаясь с формами глагола *быть*, причастия настоящего времени составляли в древнем языке одно сложное время: *бяху ловяще, суть хытро сказующе;* в современном языке такое словоупотребление исчезло совсем. Но соединения деепричастий прошедшего времени с глаголом *быть* видим до сих пор, правда, преимущественно в областном употреблении; при этом деепричастие вместе с формами будущего и прошедшего времени составляет двойное сказуемое, а за пропуском форм настоящего времени переходит в главный член зависимого состава; ср. сказанное выше относительно оборотов: *он выпивши*, с одной стороны, *он был выпивши* — с другой.

§ 30. Нам остается сказать еще об одном члене предложения, о связке. Под связкой разумеется служебное слово, служащее для соединения в составе одного предложения членов его между собою, для разделения их и для противоположения друг другу; кроме того, связка служит для сочетания слова с тем или другим сопутствующим представлением. При сцеплении нескольких предложений связка служит для их соединения, разделения и противоположения. Значение связок будет рассмотрено в синтаксисе частей речи, в отделе о союзе, ибо союз является преимущественно выразителем связки. Здесь укажу на то, что к связкам относятся и вспомогательные глаголы; но большая часть их не утратила своей глагольности, своего конкретного, реального значения; перешли в связку только формы настоящ. времени глагола *быть;* это повело к окончательной утрате их, причем утрата их в значении связки повела и к утрате настоящ. времени глагола

быть в реальном его значении: существовать, находиться. Что до прошедшего времени *был*, будущего *буду*, то категория времени предохранила от перехода их в простые связки, о чем сказано выше. Укажу здесь еще на предикативную связку: это сравнительный союз *как;* он служит как для соединения подлежащего со сказуемым, напр. *он как отец, он совсем как отец*, так и для соединения со вторым сказуемым: *он был как сумасшедший*. К связкам отношу и такие слова как *гыт* (говорит), *мол, де* при передаче слов чужой речи, ибо они связывают те слова, к которым присоединяются с представлением о том, что сказаны другим лицом и только повторены говорящим; также *с* в *да-с, так-с*, ибо ими вводится сопутствующее представление о желании говорящего быть вежливым и любезным в отношении к слушателю.

§ 31. Вне предложения, но часто в самом его составе, находится так называемое обращение. В современном русском языке обращение выражается формой именит. падежа, между тем как в древнем языке оно выражалось звательным падежом. Едва ли основательно мнение Потебни о том, что звательный падеж выражает подлежащее и что, следовательно, таким же подлежащим является в современном языке именит. падеж обращения. Согласно с этим (противоположением прямых падежей, именительного и звательного, косвенным падежам объекта), — говорит Потебня («Из зап.», I—II, 94), — звательный, как и именительный, имея определенную деятельность в предложении, стоит не вне его, а в нем. Не отрицая того, что рядом со «звательным обращения» можно допустить употребление звательного падежа вместо именительного с «окраскою чувством» (ср. Овс.-Кулик., 182—183), я думаю, что употребление обращения вне предложения не может вообще подлежать сомнению. Если сопоставить предложение *братец, мне хочется поесть* с предложением *братец, дай мне поесть*, едва ли получим основание утверждать, что *братец* во втором из этих предложений является подлежащим при сказуемом *дай*. Думаю, что в частности формы 2-го лица повелительного наклонения не нуждаются в подлежащем, самой формой своею вызывая соответствующее представление о сочетании сказуемого с подлежащим. Обращение может стоять вне предложения, как в данных примерах, но оно может входить и в его состав, как, напр., в предложениях: *дай, братец, покурить; мне, братец, есть хочется*.

§ 32. Вне предложения, но введенными в его состав оказываются так называемые вводные слова или вводные предложения. Они в большинстве случаев имеют значение связок, так как вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление. Поэтому, введенные в предложение, они нередко переходят здесь в простые связки. Таково происхождение связок, как *гыт* (говорит), *мол* (молвь) и др. Ср. не ставшие связками вводные предложения, как *кажется, думается, разумеется, видно, знать, может быть, то есть, так сказать* и т. п.

§ 33. Таким образом, предложенный анализ предложения дает нам основание различать в нем следующие члены: во-первых, основные или господствующие: главный член односоставного предложения; подлежащее двусоставного предложения; сказуемое двусоставного пред-

ложения; двойное сказуемое в некоторых двусоставных предложениях, второстепенное сказуемое в некоторых двусоставных предложениях, главный член господствующего состава несогласованных двусоставных предложений; главный член зависимого состава таких предложений; дополнительное сказуемое в некоторых односоставных предложениях; дополнительное второстепенное сказуемое в некоторых односоставных предложениях; во-вторых, зависимые члены: определение, предикативное определение, приложение, предикативное приложение, дополнение, релятивное дополнение, дополнительный глагольный член, обстоятельство; в-третьих, служебные члены: связки. Вне предложения стоят обращение и вводные слова.

В дальнейшем увидим, что как главный член односоставных предложений, так и главные члены двусоставных могут состоять из двух или нескольких однозначных слов, т. е. представлять соединение двух или нескольких главных членов. Мы будем называть их слитными главными членами, слитными подлежащими, слитными сказуемыми; вопрос о том, не свидетельствует ли наличность нескольких сказуемых о том, что налицо имеется несколько предложений, мы рассмотрим ниже, там, где встретимся со слитным сказуемым.

Как увидим ниже, возможен пропуск того или иного главного члена предложения. С уверенностью можно говорить о пропуске только там, где зависимая форма составляющих предложение слов свидетельствует о пропуске господствующего над ними слова: ср. такое предложение, как *входит*, которое зависимой формой составляющего его слова доказывает, что в предложении опущено очевидно известное, упомянутое раньше подлежащее; также предложения, как *бочку! чашку чаю! сахару!*, в которых косвенные падежи доказывают, что в предложении опущена господствующая над ними форма спрягаемого глагола *(подайте, дайте, отпустите)*. Впрочем, вторым условием для признания пропуска главного члена предложения является наличность рядом с таким предложением другого, со словесно выраженным главным членом; на основании этого *входит, сахару* признаем неполными предложениями, но предложения, как *виноват, рады стараться*, считаем полными, ибо *я виноват, мы рады стараться* в своем употреблении не совпадают с предложениями без *я, мы*. Предложения с опущенными главными членами называем неполными, причем предложения с опущенным подлежащим назовем недостаточными, а с опущенными главным членом или сказуемым — нарушенными.

Сложными, в противоположность простым предложениям, называем те предложения, в которых имеется или двойное сказуемое, или второстепенное сказуемое, или дополнительное сказуемое, или дополнительное второстепенное сказуемое. Сочетание, или сцепление, предложений составляет предмет особого отдела синтаксиса.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ К СИНТАКСИСУ ЧАСТЕЙ РЕЧИ[1].

(Из „Синтаксиса русского языка", вып. II, стр. 1—15, Л., 1927.)

§ 489[2]. Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике, как часть речи. Определение частей речи таким образом должно исходить из указанных отношений. Во многих языках, в частности и в русском, части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением, или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи. Но морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи; так, в литературном языке имеется немало несклоняемых слов, которые по своему значению относятся к существительным, напр. *депо, амплуа, колибри;* таким образом существительное, как часть речи, не может быть определено, как слово склоняемое, изменяющееся по падежам. Морфологические изменения соответствуют, как сказано, грамматическим категориям; существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, является связь каждой из них с этими грамматическими категориями, а так как категория грамматическая познается в синтаксисе, то синтактическое определение частей речи должно принять во внимание и ту связь, которая имеется между отдельными частями речи и грамматическими категориями. Самое содержание учения о частях речи составляет между прочим определение грамматических категорий в их отношении к частям речи. Определив часть речи, как слово в его отношении к предложению, грамматическую категорию мы определим, как представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом; так обнаруживаем в слове *домá* сочетание основного значения (дом) с представлением о множественности, т. е. с представлением отношения между представлениями, мыслимыми в их совокупности; в слове *дом* обнаруживаем сочетание основного значения с представлением о мужеском роде, т. е. представлением относительным, предполагающим наличность у говорящего на данном языке представлений о других родах (женском, среднем). Представления об отношениях могут быть различаемы, как представления об отношениях самостоятельных или независимых и как представления об отношениях несамостоятельных или зависимых; к первым относятся те отношения, которые сопутствуют тому

[1] В «Синтаксисе» этот раздел особого заглавия не имеет. (Ред.)
[2] Нумерация параграфов сохранена по «Синтаксису». (Ред.)

или иному основному представлению независимо от его сочетания с другими представлениями; ко вторым относятся те отношения, которые возникают между двумя сочетавшимися представлениями. Самостоятельными, независимыми являются, например, представления об единичности и множественности, или представления о лице, о времени, о наклонении, или представления о роде, о качестве: *дома́, хожу, говорят, пройду, попросить, старостиха, каблучек*. Несамостоятельными, зависимыми являются представления о падежах: *мальчику* получает определенное значение только в сочетаниях, как *я отдам мальчику, завидую мальчику, удивляюсь мальчику*. Грамматическими категориями определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению; слова определяются, как части речи, именно постольку, поскольку они вызывают представление о грамматических категориях или, напротив, не вызывают такого представления. Но рядом с такими словами существуют и другие слова, которые не только не представляют в своем значении сочетания основного значения с сопутствующим, относящимся к той или иной грамматической категории, но сами означают определенную грамматическую категорию, самостоятельную или несамостоятельную. Сообразно с этим слова, как части речи, могут быть четырех различных видов: во-первых, слова, выражающие сочетания основных представлений с сопутствующими, отношение слова к грамматической категории; во-вторых, однородные с ними по значению слова, выражающие однако только основное представление вне сочетания его с сопутствующими; в-третьих, слова, служащие для выражения той или иной самостоятельной грамматической категории; в-четвертых, слова, служащие для выражения той или иной несамостоятельной грамматической категории; первый и второй виды слов, как частей речи, определим, как части речи знаменательные (сюда относятся, напр., существительные, прилагательные, глаголы); третий вид определим как части речи незнаменательные (сюда относятся местоимения); четвертый вид определим, как части речи служебные (предлоги, союзы, частицы).

Знаменательные части речи отличаются от незнаменательных и в их отношении к лежащим в основании их представлениям: представления наши распадаются на представления о субстанциях (предметах, лицах), качествах-свойствах, действиях-состояниях и отношениях. Знаменательные части речи означают субстанции, качества-свойства или действия-состояния (ср. существительные, прилагательные, глаголы, наречия); незнаменательные части речи означают отношения (местоимения, числительные, местоименные наречия). В составе как знаменательных, так и незнаменательных частей речи одни слова могут выражать своей формой (при данных условиях) полную мысль, т. е. стать словопредложениями (напр., именит. падежи существительных и местоимений-существительных, личные глагольные формы, за исключением, впрочем, формы 3-го лица единств.); другие — только один из членов предложения (прилагательные, местоимения-прилагательные, 3-е лицо единств. числа глаголов). Выяснение словопредложений, с одной стороны, членов предложений, с другой, необходимо предложить при обзоре частей речи.

§ 490. В русском языке синтактически различаются следующие части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие (знаменательные части речи); местоимение-существительное, местоимение-прилагательное, числительное, местоименное наречие (незнаменательные части речи), предлог, связка, союз, префикс, частица (служебные части речи); междометие (как эквивалент слова). Подробное определение каждой из этих частей речи дадим ниже, а здесь ограничимся краткими определениями, исходящими из установленной выше связи слова с грамматической категорией.

Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки.

Глагол означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями лица, времени, залога, наклонения, вида.

Прилагательное определяется, как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с существительным (заимствуя от него или от соответствующего ему представления грамматические категории числа, рода, падежа, субъективной оценки), причем прилагательные качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Наречие определяется, как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии-состоянии или качестве-свойстве, вызывает представление о бытии-состоянии, не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями; впрочем, наречия качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Местоимение — это та незнаменательная часть речи, которая, означая отношение, соответствует или названию субстанции, или названию аттрибута; местоимение-существительное вызывает сопутствующие представления о падеже, заимствуя в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представления о субстанции или о существительном; местоимение-прилагательное заимствует от сочетавшегося с ним существительного грамматические категории числа, рода и падежа.

Числительное — это та незнаменательная часть речи, которая, означая числовые отношения (с точки зрения говорящего лица или субъекта предложения), соответствует или названию субстанции, или названию аттрибута, причем обнаруживающиеся при известных условиях грамматические категории рода и падежа заимствуются от сочетавшихся с числительными имен существительных.

Местоименное наречие означает ту незнаменательную часть речи, которая включает в себе слова, определяющие качественные, видовые, временные, пространственные, количественные отношения, сочетающиеся с представлениями об активных признаках (выражаемых глаголами) или пассивных (выражаемых как прилагательными, так и наречиями).

Предлог означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, способствующие в сочетании с косвенными падежами

более точному и подробному определению отношений, выражаемых этими падежами.

Связка означает ту служебную часть речи, которая, соединяя главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), может сочетаться с грамматическими категориями лица, времени, наклонения.

Союз означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, соединяющие или разъединяющие сочетавшиеся слова, словосочетания и предложения и определяющие эти сочетания со стороны тех или иных отношений.

Префикс означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, дополняющие в сочетании с глаголами, прилагательными, наречиями значение этих частей речи в пространственном, видовом или количественном отношении.

Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении сочетающиеся с ними предикативы.

Междометие означает слова, являющиеся выразителями внешних и внутренних ощущений, а также звукоподражаний и вызывающие представления о грамматических категориях только постольку, поскольку они употребляются как эквиваленты глаголов.

§ 491. Несомненно, что части речи представляются точно определенными и разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно; усомниться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится за указываемым, впрочем, ниже исключением. Между тем разграничение это не соответствует морфологическим признакам, характерным для слов, входящих в состав той или другой части речи. Правда, в русском языке существительные, прилагательные, глаголы и др. имеют во всех своих формах характерные окончания, отличающие их как друг от друга, так и от других частей речи; при этом характеристичным для существительного является его склонение, т. е. изменение по числам и падежам, характеристичным для прилагательного его изменение по родам, характеристичным для личных форм глагола его спряжение, т. е. изменение по лицам, временам и наклонениям. Но рядом с существительными склоняемыми в русском литературном языке известны и несклоняемые существительные (*какао, бюро, визави, амплуа*); по этому самому определить существительное, как склоняемую часть речи, было бы несогласно с создавшимися в языке отношениями; рядом со спрягаемыми глагольными формами имеются и неспрягаемые (инфинитив, деепричастие), а некоторые из неспрягаемых форм склоняются, т. е. изменяются по падежам (причастия наст. врем. действит. залога, прошедш. врем. действит. залога, прошедш. врем. страдат. залога и др.); неправильно было бы определить прилагательное, как часть речи, изменяющуюся по родам, ибо по родам изменяются и глагольные формы прошедш. времени на *-л*. Ввиду этого морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики, и нам остается обосновать это деление указанными выше синтактическими условиями, характерными для каждой из определенных выше частей речи. Существительное отличается от других частей речи тем, что вызывает представление о сочетании основного предста-

вления с грамматическими категориями числа, рода, падежа; это не означает того, что существительное отличается от других частей речи тем, что изменяется по числам, родам, падежам; существительное *пальто* в русском литературном языке не склоняется, но оно вызывает представление о единств. или множ. числе, а также о падежах, как видно из того, что мы говорим: *мое пальто, зимние пальто, он вырос из этого пальто.* Прилагательное мыслится непременно в соединении с господствующим над ним существительным, причем заимствует от существительного все то, что может сообщить существительное сочетавшемуся с ним прилагательному, т. е. родовые, числовые и падежные окончания. К глаголу относятся слова трех различных категорий: во-первых, слова спрягаемые: это личные формы глагола в условиях времени настоящего и будущего и в условиях наклонения изъявительного и повелительного; во-вторых, личные формы в условиях прошедшего времени изъявит. и сослагат. наклонения, которые изменяются не по лицам, а по числам и родовым признакам соответствующих им, как сказуемым, подлежащих; в-третьих, неспрягаемые и неличные формы глагола, вызывающие представление о виде, залоге и этим самым составляющие одно целое с личными формами глагола, которые также вызывают представление о виде и залоге (к таким формам относятся: инфинитив, причастия и деепричастия, причем инфинитив может вызывать и представление о 2-м лице повелит. наклон.). К местоимению относятся как местоимения-существительные, так и местоимения-прилагательные; те и другие объединяются в одной части речи, как слова, соответствующие не названиям самих субстанций или свойств субстанций, а отношениям говорящего или субъекта предложения к субстанциям. Тесно связано с местоимением и числительное, отличаясь от него однако тем, что означает исключительно числовые отношения. Существительное, прилагательное, местоимение-существительное и местоимение-прилагательное, числительное и глагол, ввиду всего выше сказанного, получают положительное синтактическое определение. Отрицательное определение вызывает наречие, как часть речи, сама по себе не соответствующая какой-нибудь грамматической категории; но по существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него только тем, что прилагательное сочетается с существительным и заимствует от него свои грамматические окончания, между тем как наречие сочетается с прилагательным, наречием и глаголом, не изменяя под влиянием этих господствующих над ним слов своих грамматических окончаний; прилагательное — это сочетавшееся с существительным и ему уподобившееся в своей форме наречие; общая природа наречия и прилагательного сказывается в том, что качественные прилагательные и наречия образуют степени сравнения. Сближение природы наречия и прилагательного естественно ведет к определению рядом с местоимениями-прилагательными местоимений-наречий; эти наречные местоимения отличаются от других наречий так же, как отличаются местоимения-прилагательные от прилагательных, что и вызывает необходимость выделить наречное местоимение в особую часть речи; быть может, последовательнее было бы признать в качестве особенных частей речи три местоименных класса: местоименное существительное,

местоименное прилагательное и местоименное наречие. Что до числительного, то оно включает в себе все эти три местоименных класса: числительным-существительным назовем слова как *двое, пятеро, пол*, равно также *десяток, сотня, дюжина, пара* и т. п.; числительным-наречием — слова как *два, три, пять* и в счете и в сочетаниях с родит. единств. или род. множ. существительных, также слова, как *пятью, дважды, вдвое, впятером*; числительным-прилагательным слова, как *двум, трех, пяти, сорока* и т. д. в сочетании с косвенными падежами существительных, а также числительные порядковые. Наречие является частью речи, переходящею при благоприятных условиях в служебные части речи, т. е. предлог и союз; оно занимает таким образом середину между прилагательным, с одной стороны, служебными частями речи, с другой: определяя существительное, являясь при нем выразителем аттрибута, наречие становится прилагательным (*это особь статья*); занимая господствующее положение в отношении к следующему косвенному падежу существительного, наречие по своему значению становится близким к предлогу и переходит в предлог; наречие отличается в таком положении от предлога только в том случае, если имеет возможность употребляться и независимо от следующего существительного: *после* признаем наречием потому, что рядом с *после него, после обеда* возможно сказать *он придет после; до* признаем предлогом, так как вне соединения с родит. падежом существительного *до* не употребляется. Впрочем, наречия, сочетаясь с косвенными падежами существительных, настолько близки к предлогам, что образуют особую группу, которую можно определить или как предложные наречия, или как наречные предлоги. Сходны отношения наречия к союзу: функцию союзов, определенную выше в данном там определении, разделяют с союзами многие наречия, соединяющие или разъединяющие предложения и определяющие их со стороны тех или иных отношений; так, значение союзов присваивается наречиям *когда, где, откуда, куда, как* и др., поставленным во главу тех или иных предложений, определяющих их отношение к другим предложениям: *мы радуемся, когда его нет дома; куда бы он ни пошел, собака следует за ним; как видно из его письма, ему живется недурно;* впрочем, эти и подобные слова можно признать не собственно союзами, а союзными наречиями или наречными союзами, ввиду того, что они имеют и самостоятельную функцию в качестве вопросительных наречий; собственно союзами назовем те союзы, которые такой самостоятельной функции не имеют (например, *бы, же, но, а*); поэтому *ли* признаем не союзом, а союзным наречием; ср. *ли* в вопросе. Определение в составе наречия группы союзных наречий делает необходимым внести такое же разграничение в составе местоимения: рядом с собственными местоимениями (вопросительными) известны союзные местоимения; к таковым отнесем местоимения относительные (*который, какой, чей*, также *кто, что*); союзное местоимение *что* является также в функции настоящего союза, ибо при известных условиях теряет связь с существительным, переставая быть таким образом местоимением; ср. такое *что*, напр., во главе дополнительных придаточных предложений: *он думает, что вы ошиб-*

лись; также со значением относительным: *где книга, что лежала здесь?* Из предыдущего видно, что разграничение наречия от предлога и союза не так просто, ввиду возможности употребить наречие в качестве предлога и в качестве союза. Вместе с тем эта близость наречия к предлогу и союзу наводит на мысль, что последние по крайней мере отчасти могут быть возведены к наречиям; часть союзов представляется в своем происхождении исчезнувшими наречиями, и также первоначальными наречиями можно признать большую часть предлогов. Таким образом наречие в системе частей речи занимало центральное место: сочетаясь с существительным и уподобляясь ему, наречие переходит в прилагательное; сочетаясь с косвенным падежом существительного для выражения тех или иных отношений, наречие становится предлогом; употребляясь для выражения отношений между двумя словами или предложениями, наречие становится союзом. Центральное место наречие занимает в известном смысле и теперь: как увидим, наречием становится существительное в именительном и косвенных падежах, когда получает в предложении значение обстоятельства (*пора вставать, грех сказать, шутка сказать*); наречием становятся как личные, так и неличные формы глагола, когда не ассоциируются с категориями лица и времени (*он де болен; она ведь ушла; ее, чай, уже след простыл*; также на месте деепричастий: *разиня рот, спустя рукава, сломя голову, положа руку на сердце*; также на месте инфинитива: *он знать нездоров*, областное *он чать придет*); наречием становятся утратившие склонение прилагательные (*он сильнее меня; кто помоложе — выживет*).

§ 492. Только что указанные примеры убеждают нас в том, что между словом и принадлежностью его к той или другой части речи не только нет обязательной необходимости в данной форме слова, но также и в том, что одни части речи могут переходить в другие, не изменяя своей формы. Приведем еще некоторые примеры: прилагательное в форме как мужеск., так женск. и средн. рода переходит в существительное, как только мыслится вне сочетания с существительным; частью это может объясняться пропуском соответствующего существительного, но в значительном числе случаев, особенно при субстантивации прилагательного средн. рода, о пропуске не может быть речи (ср. *портной, городовой, горничная, духовная, жаркое, красное*). Существительное может перейти в числительное: ср. наши *пять, шесть, десять* и т. д., которые по происхождению являются существительными женск. рода. Перейдя в наречие, существительное может перейти дальше и в союз: напр., существительное *раз* является наречием при счете: *раз, два, три,* союзом в условных предложениях: *раз вы его не предупредили, он и не пришел.* Перейти в существительное может всякая часть речи, в функции подлежащего или дополнения: *это твое «перестань» меня раздражает; русское авось; далече грянуло ура.* Субстантивированное слово легко приобретает возможность склоняться: *эти охи и ахи надоели нам всем;* простонародное *на уру;* старинное *в естях, в нетях;* повидимому, слово *суть* является субстантивированной формой 3-го лица множ. Процессы перехода одной части речи в другую мы будем называть латинскими терминами, как субстантивация, адъективация,

вербализация, пропоминализация, адвербиализация, конъюкционализация и т. д.

Указанные процессы дают как будто указание на необходимость некоторых дополнительных определений синтактической характеристики частей речи. Существительное — это часть речи, не употребляющаяся в качестве обстоятельства и определения. Прилагательное — это часть речи, которая употребляется в качестве определения или сказуемого, а в нечленной форме также в качестве главного члена односоставного предложения. Наречие — это часть речи, употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства.

§ 493. В предыдущем выяснены синтактические основания различения частей речи. Но имеются и более глубокие основания для такого различения — основания семасиологические. Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений. Все наши представления, как было указано в § 4, распадаются на представления о субстанциях (лицах или предметах), представления о качествах-свойствах, представления о действиях-состояниях и представления об отношениях. Прямого соответствия между нашими психологическими представлениями и частями речи установить нельзя: представлению о субстанции соответствует, правда, существительное, но существительное может соответствовать и представлению о качестве-свойстве (напр., с одной стороны, существительное в приложении, как *дурак, подлец*, с другой стороны, существительные отвлеченные, как *глупость, красота*); существительное может соответствовать и представлению о действии-состоянии (напр., *поездка, езда, пение, отказ* и т. п.). Представления о качестве-свойстве выражаются не только прилагательным, но и существительным (ср. выше), а также наречием *(кто помоложе — выживет)*. Представление о действии-состоянии выражается не только глаголом, но и существительным (напр., *ход, ходьба*). Наконец, представления об отношениях выражаются как местоимениями, так и существительными, а также наречиями и союзами. И несмотря на все эти несоответствия и несогласованности, нам необходимо определить отношения частей речи к нашим психологическим представлениям. Существительное — это часть речи, соответствующая, во-первых, представлению о субстанции, во-вторых — представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их; следовательно, существительное — это часть речи, соответствующая в своей независимой грамматической форме независимому представлению, представлению, не зависящему от другого господствующего над ним представления; при этом всякое независимое представление является в форме существительного или субстантивированного имени. Прилагательное — это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве (пассивном признаке), мыслимом в аттрибутивной зависимости от другого господствующего над ним представления, представления субстанции. Глагол — это часть речи, соответствующая представлению о действии-состоянии (активном признаке), мыслимом в зависимости от другого господствующего над ним представления, пред-

ставления о субстанции. Наречие — это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве, мыслимом в сочетании с представлением о другом качестве-свойстве или с представлением о действии-состоянии. Местоимение — это часть речи, соответствующая представлению об отношениях, причем местоимение-существительное вызывается независимым представлением об отношении, соответствующим представлению о субстанции, местоимение-прилагательное вызывается представлением об отношении, зависящим от представления о субстанции, местоимение-наречие вызывается представлением об отношении, сочетавшимся с представлением о качестве-свойстве или действии-состоянии. Что касается служебных частей речи — предлога, союза, префикса и частицы, то они не находят соответствия в психологических наших представлениях и являются только средствами для обнаружения наших представлений в других словах. Совершенно отдельно стоит среди прочих частей речи междометие. Существительное, прилагательное, глагол, наречие, местоимение являются названиями соответствующих представлений о субстанции, качестве-свойстве, действии-состоянии, отношениях; междометие является выражением (а не названием) наших ощущений и волеизъявлений.

§ 494. Предложенное выше определение существительного потребовало особой оговорки: существительное только в своей независимой грамматической форме может быть определено как часть речи, соответствующая независимому представлению; определение других частей речи не требует различения в них тех или иных категорий. Следовательно, более точным определением существительного будет как будто следующее: существительное — это та часть речи, которая в своей независимой грамматической форме соответствует независимому представлению, а в зависимой соответствует независимому по существу своему представлению, ставшему однако зависимым в данных речью условиях. Все остальные части речи (кроме местоимения-существительного) по самому существу своему соответствуют зависимым представлениям, причем замена их независимыми ведет за собой замену этих других частей речи существительными (зависимое — *летать*, независимое — *лет*, *полет*). Ввиду этого можно определить существительное как часть речи, по своей природе соответствующую независимому представлению. И такое определение имеет еще то преимущество, что в приложении, относящемся к подлежащему, существительное сохраняет свою независимую форму (именит. падеж), несмотря на свое зависимое положение; равным образом именит. падеж существительного сохраняется и в сказуемом, которое является в зависимом положении от подлежащего.

§ 495. Глагол мы определили, как часть речи, соответствующую представлению о действии-состоянии, мыслимом в зависимости от представления о субстанции. Под это общее определение подойдут все вообще глагольные образования, следовательно, спрягаемые формы глагола, инфинитив и причастия. Но между этими образованиями замечаются серьезные различия, которые могут дать основание к различному их определению с точки зрения природы их, как

частей речи. Причастия — это глагольные формы, т. е. названия действий-состояний, мыслимых в аттрибутивной зависимости от представления о субстанции. Деепричастия — это глагольные формы, мыслимые в предикативной зависимости от существительного, являющегося при этом по большей части в качестве подлежащего, почему деепричастие получает обычно значение второго сказуемого. Инфинитив — это глагольная форма, мыслимая в качестве сказуемого в непосредственной предикативной зависимости от субстанции (напр., *портной ну браниться, ну браниться*), в качестве же глагольного дополнения в посредственной зависимости от другого глагола, стоящего в предикативной зависимости от субстанции (*дети любят кататься; семья стала увеличиваться*); мыслимая далее в качестве главного члена односоставного неопределенно-личного предложения, в сочетании с субъектом при волеизъявлении (*молчать!*); мыслимая, наконец, в качестве главного члена односоставного безличного предложения, в сочетании с выраженным или невыраженным названием зависимой субстанции (*вам сдавать; заснуть бы на часок*). Что до спрягаемых глагольных форм, то они в предложениях личных являются выражением сочетания глагольного признака с лицом, иначе — выражением сочетания представления о действии-состоянии с представлением об отношении. Более подробное определение даем ниже, там, где говорим о глаголе.

§ 496. Анализ частей речи, как мы видели, приводит к установлению различия между независимыми представлениями, находящими себе выражение в существительных, и зависимыми, выражаемыми глаголом, прилагательным, наречием. Но ошибочно было бы заключать отсюда, что существительное в независимой своей форме выражает всегда только независимое представление: как мы видели, именит. падеж существительного выражает и приложение и сказуемое, т. е. зависимые представления; напротив, глагол, как в личных своих формах, так и в безличных, выражает только зависимое представление, причем способность соответствовать целой мысли, быть словопредложением или главным членом предложения зависит от того, что большая часть глагольных форм вызывают представление о сочетании глагольного признака с другим представлением, соответствующим или субъекту или предикату мысли; также и наречие в функции словопредложения или главного члена предложения вызывает представление о сочетании соответствующего признака с представлением о бытии или состоянии в предикате; прилагательное вообще не является в функции словопредложения или главного члена предложения, а если является, то только в нечленной форме, вызывая представление о сочетании признака с 1-м или 2-м лицом единств. или множ. числа.

§ 496[1]. Необходимо указать здесь, что в живой речи имеется ряд слов, произносимых без ударения или в двусложных своих формах со слабым, второстепенным ударением. Неударяемыми являются все вообще частицы: *иди-ка, ну-тка, гля-ко*. Неударяемы все вообще предлоги, когда сочетавшееся с ними постпозитивно имя сохранило свое ударение: *от друзе́й, по слова́м, сквозь зу́бы, над на́шими голова́ми, на хле́б, на ча́й, от си́лы, на ре́чку, по про́звищу* и т. д.; но

при известных условиях предлог принимает на себя ударение, а следующее за ним слово остается неударяемым: *на́ воду, на́ веселе, за́ голову, по́ морю, и́з дому, на́ сторону, за́ нос, по́ уху* и т. д. Предлог очевидно сливается со следующим существительным в одно слово, и это является причиной в одних случаях утраты им ударения, а в других — утраты ударения существительным. Двусложные предлоги сохраняют на первом своем слоге слабое ударение, когда в силу известных условий не перетягивают на себя целиком ударения: *ѝз-за ле́са, посредѝ обши́рного двора́, на̀до мно́й, пѐредо мно́й, мѐжду густы́ми куста́ми, чѐрез поро́г, ѝз-под наве́са, ѝз-под мо́крой зама́шной руба́шки;* также: *вслѐд за не́ю.* Предлог постпозитивный сохраняет ударение, напр., двусложное *ради: бо́га ра́ди, христа́ ра́ди.* Союзы односложные являются неударяемыми: *не да́ст, боя́лись, как огня́, ни на ша́г, и мне́ навстре́чу, как вдру́г, а по про́звищу Бирю́к, но над на́шими голова́ми, да ви́дишь, кака́я гроза́, я не ви́дел ни зги́, и лепета́ли, ни на каку́ю прима́нку, и ло́вок как бе́с;* двусложные союзы слабоударяемы: *ѝли о́н, ѝли я́.* Местоимения-существительные вообще неударяемы, ударяемы же в случае особенной связанной с ними выразительности: *во́т мы и до́ма, я по́днял го́лову, мы тро́нулись, я подвига́лся, я уда́рил, я не го́лоден, мы вы́шли вме́сте, говоря́т — ты никому́ спу́ску не даёшь, он доста́л, по их слова́м, су́нув ей в ру́ку, стесня́л мне дыха́ние, бо́г его зна́ет, а та́м я ва́с провожу́, а ты́ кто са́м? самова́р бы я ва́м поста́вил, да чаю у меня́ нету; А, ты — Бирю́к? он сле́гка упе́рся рука́ми; редко мне случалось.* Местоимения-прилагательные: *мой проводни́к* (но: *ва́ша голова́*), *к тому́ до́му, в те воро́та, в ту кали́тку.* Местоимения-наречия: *так ты́ Бирю́к, во́т как отзыва́лись, ну́, как зна́ете, как тебя́ зову́т?* Числительные односложные слабоударяемы и неударяемы: *две сестры́, два бра́та, сто рубле́й* [но возможно перенесение ударения на числительные: *два́ дня, три́ дня*]. В глаголах неударяемыми являются формы глагола *быть* в значении связки: *оте́ц был нездоро́в, мы бу́дем моли́ться, принужде́н был,* далее *было* в наречном употреблении: *он было шагнул вперед, он было запнулся;* затем ряд глаголов в вводных предложениях: *говорит (гыт), значит, вишь,* областное *каже, скажет, бает* (ср. также происшедшие из глаголов наречия: *мол, де, бишь* и др.). В существительных неударяемыми являются односложные приложения, как *князь, граф,* напр. *князь Голи́цын, к князю Петру́, граф Сперанский;* далее некоторые существительные в обращении: *ну́, брат; ну́, братец ты мо́й;* ср. дальнейший переход их в частицы как *спаси́-бо, да-с* (из старшего *да́-су*); может быть *-ста.*

Из предыдущего видно, что неударяемость и слабоударяемость зависят прежде всего от принадлежности слова к служебным или незнаменательным частям речи: по общему правилу не с полным ударением являются частицы, союзы, предлоги, а также те местоимения-существительные, употребление которых в известном смысле дополняет словесное обнаружение сказуемого.

§ 497. О сопутствующих значениях и грамматических категориях. Грамматическое значение языковой формы противополагается реальному ее значению. Реальное значение слова

зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам. Реальное значение связывает слово непосредственно с внешним явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов. Некоторые слова имеют исключительно грамматическое значение: это слова служебные; другие слова совмещают реальное значение с грамматическим: это слова знаменательные; наконец, третьи слова имеют только реальное значение: это междометия. Грамматические значения, совмещающиеся со значениями реальными, можно назвать сопутствующими значениями. Сопутствующие значения могут основываться частью на явлениях, данных в внешнем мире: напр., множ. число *птицы* зависит от того, что мы имеем в виду представление не об одной, а о нескольких птицах; женский род слова *кухарка* зависит от того, что это слово означает особу женского рода. Частью же сопутствующие значения основываются на субъективном отношении говорящего лица к определяемому им явлению: напр., *я ходил* означает то же действие, что *я хожу*, но имевшее место по сообщению говорящего в прошедшем времени; *полюби* означает то же действие, что *любишь*, но включает указание на волю говорящего, направленную к тому, чтобы это действие осуществилось, и притом не длительно, а результативно. Частью, наконец, сопутствующие значения основываются не на реальном явлении внешнего мира и не на субъективном к нему отношении говорящего, а на формальной, внешней причине, данной в самом слове; так женский род слова *книга* зависит только от того, что оно оканчивается на *-а*, причем это окончание именит. единств. влечет за собой неизменно представление о женск. роде, если этому не препятствует реальное значение слова, отношение его к явлению, данному во внешнем мире (ср. *голова*, *городской голова* — муж. рода, при *голова* — женск. рода). Необходимо заметить, что сопутствующее грамматическое значение может сопрягаться не только со словами, имеющими основное реальное знаменательное значение, но также и со словами, имеющими основное значение незнаменательное: ср. слово женск. рода *она*, слово множ. числа *они*, где сопутствующие значения женск. рода и множ. числа сочетались с основным значением этого слова, значением личного местоимения. Грамматические значения являются сопутствующими при одних частях речи, основными при других. Сопутствующими они являются при существительных, глаголах, прилагательных, наречиях, а также при местоимениях-существительных, местоимениях-прилагательных и числительных. Основными они являются для предлогов и союзов. С местоимениями-наречиями и числительными-наречиями они не сопрягаются совсем. С междометиями они сочетаются только постольку, поскольку междометие употребляется как эквивалент глагола, т. е. как название действия. Выяснение различных категорий грамматических значений принадлежит исследованию об отдельных частях речи. Здесь я намечу только некоторые основные категории и укажу на отношение к ним отдельных частей речи.

Существительное вызывает категории числа, рода, одушевленности и неодушевленности, конкретности и абстрактности, субъективной оценки, а также в форме именит. падежа — бытия или наличности,— наконец, падежа *(птицы, книга, тьма, перышко, мороз!)*. Прилагательное воспроизводит в своей форме те самые категории, которые вызывает существительное, кроме категории бытия или наличности; но кроме того в форме именит. падежа нечленное прилагательное может вызывать представление о бытии или наличности, о лице 1-м и 2-м единств. и множ.; прилагательные качественные вызывают представления о положительной и превосходной степени качества, противополагаемых сравнительной степени, нашедшей себе выражение в соответствующем наречии, а также категорию субъективной оценки *(веселенький ситец)*. Глагол воспроизводит в спрягаемых своих формах следующие категории, вызываемые существительным, с глаголом сочетавшимся: число *(птицы поют)*, а в прошедшем времени кроме того и род *(книга лежала на столе)*; в причастии глагол воспроизводит под влиянием существительного категорию числа, рода и падежа; кроме того глагол во всех своих формах вызывает представление о виде, залоге; во всех формах, кроме инфинитива, глагол вызывает представление о времени и наклонении; спрягаемые формы глагола, а также инфинитив вызывают представление о лице; безличная спрягаемая форма 3-го лица единств. и инфинитив могут вызывать представление о бытии или наличности. Наречие вызывает категорию бытия или наличности; кроме того оно вызывает представление о субъективной оценке *(скоренько, маленько, премного)*, а также о сравнительной степени, противополагаемой положительной и превосходной *(низко, ниже, нижайше)*. Местоимение-существительное вызывает категории лица, числа, рода, одушевленности и неодушевленности, вопроса, определенности и неопределенности, наконец, падежа, а в форме именит. пад. не 1-го и не 2-го лица также бытия или наличности. Местоимение-прилагательное воспроизводит в своих формах те самые категории, которые вызываются местоимением-существительным, кроме категории бытия или наличности; оно вызывает представление о вопросе и об определенности и неопределенности. Местоимение-наречие вызывает представление о вопросе и об определенности и неопределенности.

Таким образом вызываются непосредственно нижеследующие грамматические категории. Категория числа — существительным и местоимением-существительным. Категория рода — существительным и местоимением-существительным. Категория одушевленности и неодушевленности — существительным и местоимением-существительным. Категория конкретности и абстрактности — существительным. Категория падежа — существительным и местоимением-существительным. Категория субъективной оценки — существительным, прилагательным и наречием. Категория бытия или наличности — существительным, безличными формами глагола, наречием и нечленным прилагательным. Категория сравнения — прилагательным и наречием. Категория времени — глаголом. Категория залога — глаголом. Категория наклоне-

ния — глаголом. Категория вида — глаголом. Категория лица — глаголом и нечленным прилагательным. Категория вопроса — местоимениями (существительным, прилагательным и наречием). Категория определенности и неопределенности — местоимением (существительным, прилагательным и наречием).

§ 498. Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий, причем однако необходимо заметить, что некоторые категории вообще не находят для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других. Так категория бытия или наличности не имеет морфологического обнаружения ни в существительных (если не признать таковою особую интонацию), ни в наречии, ни в прилагательном, ни в глаголе. Категория повелительного наклонения обнаруживается морфологически в спрягаемых формах глагола, но остается необнаруженною ни при инфинитиве *(молчать!)*, ни при некоторых других глагольных формах *(пошел вон!)*, ни также при междометии *(цыц! стоп!)*. Как видно из предыдущего, ту или иную интонацию можно признать способом обнаружения грамматической категории. Так категория вопроса в местоимениях обнаруживается особым словообразованием, особыми корнями *(кто? какой? который? где? куда?)*; та же категория при других частях речи обнаруживается соответствующей интонацией *(брат? вернулись? холодно?)*. Ввиду того, что некоторые грамматические категории общи нескольким частям речи, а некоторые могут сопутствовать всякому вообще слову (категория вопроса), нам придется рассмотреть каждую из них отдельно вслед за обозрением частей речи.

§ 499. Здесь остановлюсь еще раз на некоторых определениях. Частью речи называем те группы слов, которые образуются отношениями основных значений слов к сопутствующим этим значениям грамматическим понятиям. Грамматическим понятием называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтактическое выражение. Грамматическою формой называем морфологическое обнаружение грамматического понятия. Сопутствующими основным значениям являются представления об отношении того или иного реального значения к другому реальному значению, мыслимому в отвлечении; напр., отношение к лицу, к полу, к одушевленности или неодушевленности, ко времени, к качеству, к бытию или наличности, к числу, к волеизъявлению и т. д.

Н 6231.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

С. И. Бернштейн, А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка 3

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Происхождение современного русского литературного языка 60

Глава I. Церковнославянские элементы 70

1. Сочетания *ор, ер, ол, ел* 71
2. Сочетания *ра, ла* в начале слова 74
3. Группа *жд* вместо *ж* 75
4. Африката *щ* вместо *ч* 76
5. Гласная *е*, не перешедшая в *о* 77
6. Начальное *ю* вместо *у* 80
7. Твердое *з* (из *г*) вместо мягкого . . . . . —
8. Гласные *о, е* на месте слабых *ъ, ь* . . . . . —
9. Гласные *ы, и* на месте напряженных *ъ, ь* 84
10. Формы прилагательных в род. ед., в им.-вин. мн. и др. 85
11. Элементы церковнославянского словообразования . . . 87
12. Церковнославянская лексика 89

Глава II. Южнорусское влияние 90

Глава III. О заимствованиях, проникших в литературный язык . . . 92

Глава IV. Диалектические элементы в литературном языке 95

Глава V. Об архаическом и искусственном произношении 96

Глава VI. Звуковой состав русского литературного языка 97

1. Гласные . . . . . —
2. Согласные 102

Глава VII. Действующие в настоящее время в современном литературном языке звуковые законы 107

Глава VIII. О некоторых звуковых законах, действовавших в более древние эпохи и сказавшихся на московском наречии . . 113

Глава IX. О некоторых звуковых явлениях, проведенных в литературном современном языке не последовательно 119

Глава X. О некоторых явлениях аналогии, нарушивших звуковые отношения 120

Глава XI. Склонение 121

Глава XII. Имя существительное 123

1. Категория рода . . . . . —
2. Категория числа 125
3. Категория падежей 126
4. Категория одушевленности и неодушевленности 127
5. Категория лица и не лица 128
6. Категория отвлеченности и конкретности 129
7. Категория единичности и множественности 130
8. Категория собирательности 131
9. Категория вещественности . . . . . —
10. Категория умалительности, уничижительности и увеличительности . . . . . —
11. Общие замечания об основах имен существительных 132
12. Склонение ед. числа слов мужеского рода на твердую и мягкую согласную 134
13. Склонение ед. числа слова *путь* 140
14. Склонение мн. числа слов мужеского рода на твердую согласную, кроме *ш, ж* и на *-й* (окончание им. мн. *-ы, -ы, -а*) . . . . . —

15. Склонение мн. числа слов мужеского рода на мягкую согласную и на отвердевшие *ш, ж* 146
16. Склонение мн. числа слов, оканчивающихся в им. мн. на *-ья* 148
17. Склонение мн. числа слов, представляющих в ед. числе основу на *-ин* 150
18. Склонение слов женского рода на *ш, ж* и на мягкую согласную 151
19. Склонение слов женского и мужеского рода на *-а* . . 154
20. Склонение слов на *-о* 158
21. Склонение слов среднего рода на *-а* 163
Глава XIII. Именное склонение прилагательных 164
Глава XIV. Местоимения 166
Глава XV. Прилагательные 169
Глава XVI. Числительные 172
Глава XVII. Спряжение 174
1. Категория времени 178
2. Категория наклонения 179
3. Категория вида 180
4. Категория залога 188
5. Прочие значения глагольных основ 190
6. Неспрягаемые глагольные формы 197
7. Обзор глагольных основ 201
8. Первое спряжение: 3-е лицо ед. и мн. *ет — ут* 203
9. Второе спряжение: 3-е лицо ед. и мн. *ит — ат* 213
10. Третье спряжение: 1-е лицо ед. числа на *м* 216
11. Неправильные глаголы 217 427

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка 223
II. Вводная часть к учению о предложении 245
III. Вводная часть к синтаксису частей речи 273

Редактор *Ф. С. Кузьмин.*

Тираж 10 000. Подписано к печати 13/I 1941 г. А 27767. Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 21,46. Тип. зн. в 1 печ. л. 70 700. Цена без переплета 4 р. 25 к., переплет 1 р. 25 к. Заказ № 183.

Набрано и сматрицировано во 2-й тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Напечатано с матриц в 1-й тип. Машгиза НКТМ. Ленинград, ул. Моисеенко, 10.